

№ 7 2016 (июль)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

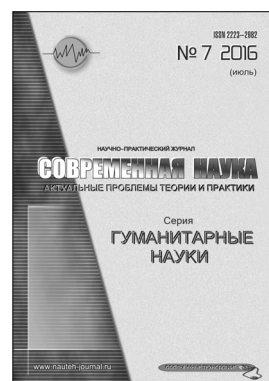
Редакционный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МАМИ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, МИЭП
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН
А.П. Миньяр–Белоручева – д.ф.н., профессор, МГУ им. Ломоносова
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, РАНХ и государственной службы при Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет
А.С. Сенявский – д.и.н., г.н.с. ИРИ РАН,
В.И. Тюпа – д.ф.н., профессор, Институт филол. и истории РГГУ
А.Е. Чирикова – д.соц.н., г.н.с., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор РГСУ
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, ИСК РАН
Н.М. Щедрина – д.ф.н., профессор, МГОУ
С.Н. Ханбалаева – д.ф.н., МГИМО
С.А. Экшлут – д.филос.н., профессор, ИВИ РАН
Н.В. Юдина – д.ф.н., профессор, ректор Владимирского филиала ФУ при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»
 Адрес редакции и издателя:
 109443, Москва,
 Волгоградский пр-т, 116–1–10
 Тел/факс: 8(495) 755–1913
 e-mail: redaktor@nauteh.ru
 http://www.nauteh-journal.ru
 http://www.vipstd.ru/nauteh

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
 Свидетельство о регистрации
 ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:
ИСТОРИЯ
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. СтепановВыпускающий редактор
Ю.Б. МиндлинВерстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296Подписано в печать 30.07.2016 г.
Формат 84х108 1/16
Печать цифроваяЗаказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЯ

И.А. Агакишиев – Бакинская нефтяная промышленность в годы первых советских пятилеток

I. Agakishiyev – Baku oil industry in the years of initial five-year plans 4

И.А. Агакишиев – Бакинская нефть в годы Великой Отечественной войны: формирование нефтяного фонда

I. Agakishiyev – Baku oil industry in the years of the Great Patriotic war. Formation of the oil fund 7

Н.С. Воротникова – Источниковедческий анализ начального образования в деревне Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века

N. Vorotnikova – Historiographic analysis of primary education in the Vologda province in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries 11

Г.М. Гусейнов, Д.Т. Джафарова – Антисоветское восстание в Западном Дагестане в 1920–1921 гг.: краткий историографический обзор

G. Guseynov, J. Jafarova – Anti-Soviet uprising in western Dagestan in 1920–1921: a brief historiographical review 19

А.С. Кулагин – Контрудар группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина под Гродно 24 – 26 июня 1941 г.

A. Kulagin – The Counterattack of the group Lieutenant-General I.V. Boldin near Grodno on 24 – 26 June 1941 24

Ф.М. Кулиев – Роль традиционных религий в укреплении межконфессионального диалога на Северном Кавказе

F. Kuliev – The role of traditional religions in strengthening interfaith dialogue in the North Caucasus 30

А.И. Макина – Сакральные формы помощи в традиционном Хакасском обществе

A. Makina – The sacred forms of assistance in the traditional Khakas society 35

А.Н. Миронов – Оценка "Плана размежевания" Государства Израиль внешнеполитическими экспертными учреждениями: сравнительный анализ

A. Mironov – The rating "Disengagement Plan," the State of Israel foreign policy expert institutions: a comparative analysis 40

А.В. Николаенко – Создание Московского верхнего земского суда

A. Nikolaenko – Creation of Moscow High Provincial Court 44

Е.А. Раздорский – Экономический кризис 1900 – 1903 гг.: историческая практика и экономические уроки

E. Razdorskiy – The economic crisis of 1900 – 1903 : the historical experience and economic lessons 48

С.А. Рогатко – Крестьянское хозяйство в России конца XIX – нач. XX вв.: от классического типа кустарной домашней пищевой переработки к мелкотоварной, промышленной

S. Rogatko – Farm in Russia in the late XIX – nach. XX : centuries of classical type cottage home in small-scale food processing, industrial 52

Юань Цюань – Проблема взаимоотношений КНР и Ватикана (Святым Престолом) на примере события "120 китайских мучеников"

Yuan Quan – The problem of relations between China and the Vatican (Holy See) on the example of events "120 Chinese martyrs" 58

Янь Жун – Политические, экономические, культурные и ценностные императивы Шанхайской Организации Сотрудничества

Yan Rong – Political, economic, cultural and value imperatives of the Shanghai Cooperation Organization 63

ПЕДАГОГИКА

Н.П. Бакулин – Совершенствование приемов управления переднеприводным оперативно-служебным транспортным средством в условиях ограниченного пространства посредством использования динамической полосы препятствий у сотрудников дорожно-патрульной службы

N. Bakulin – Improved methods of management front-operative-service vehicles in tight spaces through the use of dynamic obstacle employees of traffic police 68

М.А. Болгова, А.А. Федулин, О.Н. Краснова – Информационная политика образовательных организаций высшего образования как инструмент конкурентоспособности в рамках трансформации образования

M. Bolgova, A. Fedulin, O. Krasnova – Information policy educational institutions of higher education as a tool for competitiveness in the transformation of education 75

И.Н. Болдырева – Творчество и социальная рефлексия как основа раскрытия креативного потенциала личности

I. Boldyreva – Creativity and social reflection as basis of disclosure of creative potential of the personality 80

О.В. Гневэк, И.В. Горшкова, Е.В. Исаева – Логико-исторический анализ развития методики обучения эссе

J. Gnevek, I. Gorshkova, E. Isaeva – Logical-historical analysis of the development of methods of teaching essay 84

С.Э. Кегеян, Л.А. Каменская, К.М. Нубарян – Дистанционное обучение: особенности, возможности и методы

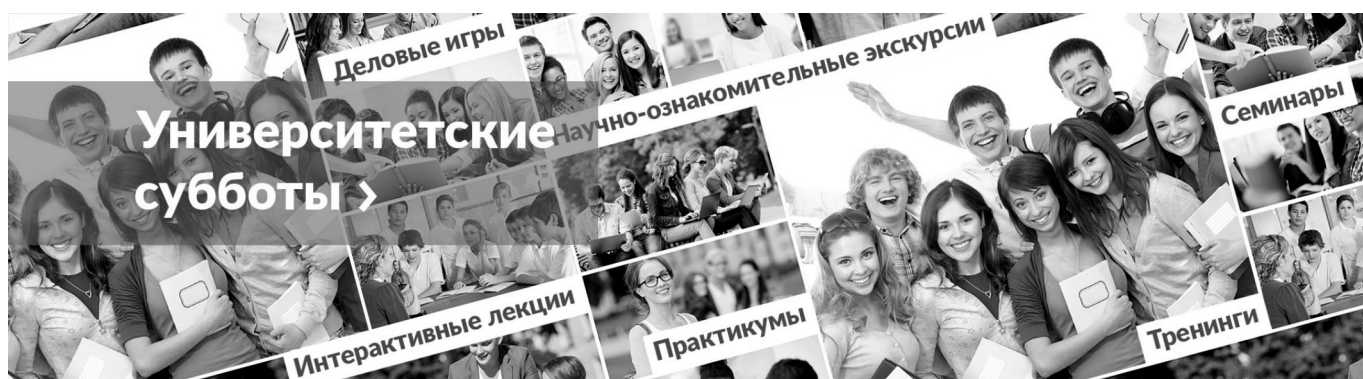
S. Kegeyan, L. Kamenskaya, K. Nubarian – Distance Learning: features, opportunities and methods 89

Л.А. Козубовская, Е.Л. Сентебова – Причины переводческих ошибок у студентов технических вузов и некоторые способы их устранения

L. Kozubovskaja, E. Sentebova – The causes of translation mistakes made by technical higher school students and some ways of removing them 93

В.Н. Копица – Основные принципы при формировании грамматических навыков

V. Kopitsa – The basic principles when forming grammatical skills 97

И.А. Муратова – О методике экспертизы материалов лингводидактического тестирования
I. Muratova – Concerning expertise methods of language testing102

Г.К. Ташкеева, А.К. Сариева, С.Н. Идрисов, Б.Т. Абыканова – Организация практикоориентированного обучения в ВУЗ-е
G. Tashkeeva, A. Sarieva, S. Idrisov, B. Abykanova – Organization of practice-oriented education at the university106

И.Р. Юсупов – Физкультурно-оздоровительная деятельность как средство формирования субъектной позиции будущего врача
I. Yusupov – Athletic-health activity as means of forming of subject position112

ФИЛОЛОГИЯ

А.С. Аврутина – Квантитативный подход в анализе морфологической подсистемы агглютинативного языка (на примере османского языка)
A. Avrutina – A Quantitative Approach to the Analysis for the Morphological Subsystem of an Agglutinative Language (upon the material of the Ottoman language)115

Л.М. Алексеева, Ю.С. Черникова – Трансляция символики одорем в художественном переводе
L. Alekseeva, Ju. Chernikova – Transfer of odouremes symbolism in literary translation119

А.Х. Барашев – К вопросу о символике чисел в Русской лингвокультуре
A. Barashev – Towards symbolism of numbers in the Russian linguoculture126

Д.В. Воротников – Психолингвистическая мотивация оценочного лексического значения в дискурсе
D. Vorotnikov – Psycholinguistic motivation of estimated lexical meaning in discourse130

С.В. Григорян – Общие тенденции и результаты развития отечественного телевидения в постсоветский период
S. Grigoryan – General trends and results development of domestic broadcasting in the post-Soviet period134

М.Б. Зуев – Аспекты лингвориторического анализа Протестантской проповеди
M. Zuev – Aspects of lingvoritorical analysis of Protestant sermon138

Е.Ю. Калесник – Ранняя публицистика Н.С. Лескова. Очерки "Страстная суббота в тюрьме", "За воротами тюрьмы"
E. Kalesnik – Early journalism NS Leskov. Essays "Holy Saturday in a prison", "Behind the gates of the prison"143

А.А. Карнаухова – Метафоризация цветообозначений в процессе символизации цвета (на материале поэзии Ф.Г. Лорки, А. Мачадо и Х.Р. Хименеса)
A. Karnaukhova – Color terms metaphORIZATION in the process of color symbolization (based on the poetry of Lorca F.G., Machado A., and Jimenez H.R.)150

Ю.А. Марчукевич – Диалектные слова в составе лексико-словообразовательных гнезд
Yu. Marchukevich – Dialect words in lexical word-formation nests154

Д.В. Минец – Телесная идентичность в современной сетевой поэзии (на материале текстов Анастасии Афанасьевой)
Minets D. – Somatic lexicon in modern network poetry: the language and scientific picture of the world (on the material of texts by Anastasya Afanaseva)160

Г.И. Панарина – Стратегии англоязычной вербальной коммуникации
G. Panarina – Strategies of English verbal communication166

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors170

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале172

№ 7 2016 (июль)

CONTENTS

БАКИНСКАЯ НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ГОДЫ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ПЯТИЛЕТОК

BAKU OIL INDUSTRY IN THE YEARS OF INITIAL FIVE-YEAR PLANS

I. Agakishiyev

Annotation

The article is devoted to the early years of establishment of the Soviet oil industry and its development during the years of initial five-year industrial plans. The work covers advantages and disadvantages of the state-run economy when a state was the only owner and there were no market mechanisms of economic development.

Keywords: initial five-year plans, top layers, a growth of oil production, repressions in the oil industry.

Агакишиев Исмаил Аловсат оглы
К.ист.н., доцент, Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена первым годам становления советской нефтяной промышленности и ее росту в годы первых пятилеток. В работе рассматриваются преимущества и недостатки плановой экономики, когда единственным собственником вступает государство и полностью отсутствуют рыночные механизмы развития экономики.

Ключевые слова:

Первые пятилетки, верхние пласты, рост добычи нефти, репрессии в нефтяной промышленности.

Первые советские пятилетки должны были обеспечить резкий рывок вперед в развитии индустриального потенциала страны. В рамках поставленных грандиозных задач развитию энергетического комплекса отводилось одно из приоритетных мест. Особое место в этих планах отводилось нефтяной промышленности. Долгое время итоговые результаты развития нефтяного сектора точно не были определены. И лишь в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1930 г. было указано, что добыча нефти к 1933 г. должна составить 45–46 млн тонн. Это была явно завышенная и нереальная цифра. Современный исследователь А.А. Иголкин, тщательно изучив материалы того периода, выявил особенности развития нефтяной промышленности СССР тех лет, которые, по его мнению, и стали причинами срыва этих планов. Таких причин было несколько. Одна из них – недостаточное развитие металлургической промышленности, в силу чего нефтедобыча не была обеспечена должным количеством необходимого оборудования. Касаясь периода первой пятилетки, Иголкин отмечал, что "при тех поставках оборудования и материалов, которые получала нефтяная промышленность, выполнить амбициозные планы было абсолютно невозможно" [1, с. 127].

Тот же автор привел любопытные факты относительно второй пятилетки: для нефтедобычи по плану было выделено 25340 тонн обсадных труб, а реально отгружено 12022 тонны. Бурильных же труб планом было предусмотрено 7550 тонн, а отгружено лишь 2787 тонн. Другой важной причиной была нехватка нефтеемкостей и транс-

порта. Сданный в 1930 г. нефтепровод Баку–Батуми имел пропускную способность лишь 1,6 млн тонн в год [1, с. 130, 162]. Самой характерной особенностью в развитии нефтяной промышленности были объем и структура капитальных вложений в эту отрасль, которые существенно отличались от соответствующих показателей США. Так, в СССР 1925–1926 гг. на добычу нефти было затрачено 65,8% всех капиталовложений в нефтяную промышленность, а в США – 48,2%. В США 24,1% капиталовложений отрасли было выделено на переработку нефти и 9,6% – на создание новых нефтепроводов. В СССР на эти цели было выделено соответственно 7,5 и 3,5% [2, с. 134]. Эти различия объясняются разницей в подходах к перспективам развития нефтяной отрасли.

В отличие от США в Советском Союзе изначально главное внимание уделялось проблеме увеличения нефтедобычи. А в Соединенных Штатах основным приоритетом было соответствие развития производства будущим рыночным потребностям. Тенденция погони за количественными показателями сохранялась в СССР и в последующий период. При этом плановые показатели развития нередко определялись не реальными возможностями, а стремлением превзойти соответствующие показатели западных стран. Эта погоня за количеством приводила к серьезным проблемам в развитии нефтяной промышленности. Главным недостатком развития нефтяной промышленности СССР в 1930–е гг. была хищническая, ничем не оправданная эксплуатация нефтяных недр в Баку, и других месторождениях страны. В погоне за высокими

показателями был взят курс на выкачивание нефти из верхних пластов. Но при этом упускалось из виду, что этот метод ведет к быстрому истощению нефтяных запасов и в конечном итоге – к возникновению кризисных явлений в производстве "черного золота". В 1928/29, 1929/30 и в первой половине 1930/31 хозяйственного года прирост добычи нефти обгонял задания пятилетнего плана. В 1928/1929 г. при плане 12,7 млн тонн было добыто 13,7 млн тонн нефти, а в 1929/30 г. при плане 14,4 млн тонн – 17,3 млн.

В наши дни очевидно, что план первой пятилетки был выполнен не в абсолютных, а в стоимостных показателях, поскольку в течение этих лет стоимость всех видов выполняемых работ и выпуска продукции все время росла. Помимо этого, как пишет Иголкин, "ценой досрочного выполнения плана стали не только частичные авралы, чрезмерное трудовое напряжение, жизнь впроголодь ради того, чтобы купить за рубежом необходимое оборудование, – но и хищническое истощение недр". Исследователи дореволюционного периода развития нефтяной промышленности в качестве примера "хищнической" эксплуатации нефтяных недр чаще всего приводят фонтанный метод добычи нефти. Но при этом признают, что со временем этот метод использовался все меньше. Так, И.А. Дьяконова пишет, что фонтанная добыча в общероссийской добыче в 1887 г. составила 42%, в 1900 г. – 11,3%, в 1913 г. – только 1,8% [2, с. 73].

Но в советское время погоня за высокими показателями привела к реанимации этого метода и использованию его в колоссальных масштабах. В 1926/1927 хозяйственном году фонтанным способом добывалось 32,4% нефти, а в 1931 г. – 42,4% [1, с. 110]. Нельзя сказать, что специалисты-нефтяники и руководители отрасли не замечали проблем развития нефтяной промышленности. Недовольные темпами и характером развития основного нефтяного центра страны, советское руководство видело выход из сложившейся ситуации в проведении организационных мероприятий.

Так, в июле 1935 г. в Баку состоялся пленум Бакинского комитета Компартии Азербайджана, посвященный развитию нефтяной промышленности республики. Вел заседание первый секретарь Закавказского краевого комитета партии Л.П. Берия. Его присутствие и руководство работой пленума подчеркивали значимость и важность события. В своем докладе Берия подчеркнул быстрый рост добычи нефти в Азербайджане. По его словам, она выросла с 10,5 млн тонн в 1930 г. до 19,1 млн тонн в 1934 г. Положительно охарактеризовав другие показатели отрасли, Берия заявил, что дальнейшее развитие нефтяной промышленности требует серьезной реорганизации системы управления. Нефтяные предприятия Азербайджана, объединенные в рамках единого треста "Азнефть", разделили на четыре самостоятельных нефтедобывающих треста, подчиняющихся Народному ко-

мисариату тяжелой промышленности СССР. Как заявил Берия, "разукрупнение Азнефти создает лучшие условия для руководства нефтяным хозяйством и требует еще более напряженной работы у буровой скважины каждого руководителя, специалиста и рабочего-нефтяника для увеличения добычи нефти" [3]. С целью улучшения технического и технологического обслуживания нефтяных предприятий был создан самостоятельный трест "Азнефтехснаб". Для расширения и совершенствования работы в области нефтяного машиностроения создали другой трест – "Азнефтемаш", а для лучшей организации строительных работ на предприятиях нефтяной промышленности – "Азнефтепромжилстрой". В качестве самостоятельного управления, обслуживающего отрасль, была создана организация "Азэлектроток", которая была призвана улучшить энергоснабжение нефтяной промышленности. Для обслуживания нефтедобычи возникли и другие организации [3].

В дальнейшем правительственным органам приходилось вновь и вновь обращаться к теме повышения эффективности нефтяного производства. В феврале 1938 г. в Баку было проведено специальное Всесоюзное совещание нефтяников, которым руководил недавно назначенный на должность народного комиссара тяжелой промышленности член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. Его приезд и характер обсуждения на совещании проблем развития нефтяной промышленности свидетельствовали о глубокой обеспокоенности руководства страны недостаточными темпами роста нефтяного производства. В выступлении Кагановича, как и в многочисленных беседах с присутствовавшими на совещании специалистами и рабочими, проявилось стремление понять причины, сдерживавшие рост добычи нефти.

При этом главным инструментом достижения цели нарком считал использование чисто административных методов. Так, в своей речи на совещании буровой мастер А. Ванесов сказал, что для достижения высоких показателей достаточно "работать с людьми". На это Каганович бросил реплику: "Правильно". Но дальше Ванесов признался, что часто имеют место простои в связи с неподготовленностью производства к работе. На вопрос Кагановича о причинах простоев Ванесов ответил, что виноваты строители и монтажники. На вопрос Кагановича: "Кто обязан подготовить рабочее место для буровой бригады?" – Ванесов ответил: "Здесь виноватых не найдешь. Если спросить строителей, говорят – геолог нам вовремя точки не наметил, поэтому вышки не строим. Если спросим монтажников – почему не собрали станок, – говорят: есть свои причины. В результате бригада гуляет без дела". На этот раз Каганович промолчал. В выступлении мастера нефтедобычи Н. Ряхиной прозвучала мысль о плохой организации работ на нефтяных промыслах, о том, что в основе проблем лежат главным образом технические причины. Хотя Каганович подталкивал выступавшую к мысли о том, что главным является трудовая самоот-

верженность самих работников, Ряхина сказала: "Когда проводим технические мероприятия, видим, что скважина увеличивает дебет нефти".

Попытки объяснить неудачи экономической политики только "человеческим фактором" были тесно связаны с массовыми репрессиями 1937–1938 гг. Они затронули и кадры нефтяной промышленности, проблемы которой власти стремились связать с вредительскими действиями инженеров и рабочих. В своем выступлении на совещании управляющий "Эмбанефти", ветеран революционного движения в Баку С. Гутин заявил: "Беседуя со мной в Москве, тов. Каганович сказал, что мы должны не объяснять, почему скважина дает мало нефти, а добиваться большого количества". Каганович перебил его репликой: "Это неточно. Я за всякое объяснение, увеличивающее добычу" [4]. Однако в то время все недостатки в работе нефтяной промышленности можно было списать на "злонамеренность". В годы репрессий были арестованы и в большинстве своем расстреляны почти все руководители нефтяной промышленности Азербайджана, в том числе управляющие трестами А. Петерсон, С. Борц, С. Слуцкий, Е. Гинзбург, М. Нариманов, Д. Ахундзаде, А. Крылов, видные администраторы-нефтяники В. Махнов, А. Акопов, Г. Маштаков и др. Массовые репрессии руководителей и специалистов стали способом списать на конкретных людей провал попыток решить изначально нереально поставленные задачи.

Несмотря на многие проблемы, Советскому Союзу удавалось из года в год наращивать производство нефти. К 1938 г. фактическая добыча нефти в стране достигла отметки 30,2 млн тонн, причем около 22 млн тонн было добыто в Бакинском нефтяном районе (около 70% общей нефтедобычи). К началу Второй мировой войны Баку оставался главным центром производства нефти и нефтепродуктов в СССР. Это определяло его особое место в стратегических планах вступивших в войну держав.

Развитие нефтяной промышленности было основным в развитии индустриального комплекса Азербайджана в 1930–е гг. И хотя этой отраслью промышленное развитие республики не ограничивалось, нефтяной комплекс в общем индустриальном потенциале республики занимал основное место. Наряду с нефтедобычей заметные сдвиги

произошли в развитии нефтяного машиностроения и нефтехимической промышленности. Развитие нефтяного сектора вызывало существенные изменения в социальной структуре населения. За счет роста численности рабочих, занятых на предприятиях нефтяного комплекса, заметно увеличилось городское население. Численность населения Баку приблизилась к 600 тыс. человек. Столица республики стала четвертым по численности населения городом СССР. Высокие темпы роста промышленного развития обусловил приток рабочих и инженеров в Азербайджан из-за пределов республики. Это сказывалось на национальном составе населения. В 1939 г. 44% населения Азербайджана были представителями других народов. Особенно велика была их доля в Баку. К концу 1930–х гг. среди рабочих города азербайджанцы составляли только 19%. В составе рабочего класса республики было много русских, армян, татар, лезгин. В то же время и доля рабочих-азербайджанцев явно обнаруживала тенденцию к увеличению. Если до революции основную массу рабочих-азербайджанцев составляли временные переселенцы-отходники из Персии (Южного Азербайджана), то в советское время основную массу составляли мигранты из сельских районов Азербайджана.

Большие сдвиги происходили и в среде специалистов-нефтяников. Азербайджанский индустриальный институт в эти годы стал одним из главных центров страны по подготовке этих кадров. Его питомцами стали в многие из тех, кому в будущем предстояло возглавить ответственные участки нефтяной промышленности. Среди них прежде всего следует назвать будущих министров нефтяной и газовой промышленности СССР Н. Байбакова, М. Евсеенко, Н. Шашина. Именно в эти годы сформировалась азербайджанская национальная техническая интеллигенция. В Бакинском нефтяном районе работали такие крупные организаторы производства, как А. Серебровский, М. Баринев, Г. Агавердиев, А. Петерсон, Ф. Рустамбеков. Среди руководителей было мало азербайджанцев. Но к концу 1930–х гг. благодаря широким масштабам подготовки кадров в вузах и техникумах и особому вниманию к подготовке национальных кадров появилась плеяда специалистов-азербайджанцев, которым в будущем предстояло стать ведущими специалистами нефтяной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иголкин А.А. Особенности развития нефтяной промышленности СССР в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) // Нефть страны Советов: Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). М.: Дривлехранилище, 2005.
2. Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. 293 с.
3. Бакинский рабочий. 15 июля 1935.
4. Бакинский рабочий. 21 февраля 1938.

БАКИНСКАЯ НЕФТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ НЕФТЯНОГО ФОНДА

BAKU OIL INDUSTRY IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR. FORMATION OF THE OIL FUND

I. Agakishiyev

Annotation

The article deals with the role of Baku oil fields in the victory of the USSR in the Great Patriotic War. The author proves that one of the main causes of the defeat of the German troops was the acute shortage of oil products, because in Germany itself there was no oil at all and Romanian fields were far from meeting the demands of the Hitler coalition. Meanwhile the oil riches of the Absheron Peninsula became for the Soviet Union a powerful energy base in its task to repel the aggression.

Keywords: Great Patriotic War, oil products, Baku oil, the Soviet Union, the Third Reich.

Агакишиев Исмаил Аловсат оглы
К.ист.н., доцент, Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена анализу значения бакинских нефтепромыслов в победе СССР в Великой Отечественной войне. Автор доказывает, что одной из главных причин поражения немецких войск была острая нехватка нефтепродуктов, поскольку в самой Германии вообще не было нефти, а румынские месторождения далеко не полностью удовлетворяли потребности гитлеровской коалиции. Между тем нефтяные богатства Апшеронского полуострова стали для Советского Союза мощной энергетической основой для отражения агрессии.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, нефтепродукты, бакинская нефть, Советский Союз, гитлеровская Германия.

Особое место в изучении истории нефтяной промышленности СССР занимает анализ роли бакинских нефтепромыслов в обеспечении победы советского народа в Великой Отечественной войне. И это вполне объяснимо. Несомненно, что одной из основных причин разжигания мирового пожара были стремление фашистской Германии и ее союзников к овладению энергетическими ресурсами, прежде всего нефтеносными районами в Европе. В 1945 г. немецкий министр вооружений и военной промышленности В. Шпеер признался на допросе, что "потребность в нефти, несомненно, была основным мотивом при принятии решения о вторжении в Россию" [1, с. 47]. Германия, как никакая другая страна, была заинтересована в овладении нефтяными ресурсами.

Авантюристические планы гитлеровского руководства с его претензиями на мировое господство не могли не вызвать желания пополнить свой скудный нефтяной ресурс за счет других стран. В 1939 г. добыча нефти на территории рейха составила всего 805 тыс. тонн. Для ведения современной войны на больших пространствах этого количества нефти было совершенно недостаточно.

Даже оккупация целого ряда стран Европы в 1939–1940 гг. и овладение там запасами нефтепродуктов, взятие под контроль нефтепромыслов Румынии с годовой

добычей нефти в 5,5 млн тонн никак не могли удовлетворить растущие аппетиты Германии [2, с. 46].

Следует признать, что в период относительного улучшения советско-германских отношений после заключения в 1939 г. Пакта о ненападении Германия проявляла огромный интерес к поставкам нефти и нефтепродуктов из СССР. В этот период она стала основным импортером советской нефти и нефтепродуктов. В 1940 г., например, 75% советского экспорта нефти и нефтепродуктов направлялось в Германию [3, с. 25]. С началом войны против СССР для Германии скорейшее овладение Бакинским нефтяным районом становилось стратегической целью. Для Советского Союза такое же стратегическое значение имело использование бакинской нефти для отражения агрессии.

В современной научной литературе замалчивается не только причина наступления немцев на Кавказ летом-осенью 1942 г., но и внесение германским командованием корректив в планы всей военной кампании 1942 г. Между тем, не секрет, что главной задачей для армии вторжения в этот период было овладение нефтяными районами Кавказа, и прежде всего – Бакинским нефтяным районом. Столкнувшись с трудностями в преодолении Большого Кавказского хребта, немецкие дивизии устремились к Волге.

Командование вермахта поставило перед собой цель резко ограничить снабжение центральных районов СССР и советских войск нефтью и нефтепродуктами, доставлявшимися по Каспийскому морю и далее по Волге. Для этого немцы решили захватить Сталинград. Именно поэтому оборона Кавказа и Сталинградская битва имели для СССР такое судьбоносное значение. Сколь ни значимы были военная помощь со стороны союзников и поставки продовольствия и обмундирования, они не в состоянии были обеспечить Советскую Армию необходимым количеством горючего. В отношении нефти и нефтепродуктов Советский Союз мог рассчитывать главным образом на собственные силы. И в эти годы в тяжелейших условиях нефтяники Азербайджана сумели выполнить стоящие перед ними задачи.

Уже в 1941 г. в Баку было добыто рекордное количество нефти – 23,5 млн тонн [4, с. 74]. Ни до этого, ни позднее нефтяная промышленность Азербайджана не достигала такого показателя. План по переработке нефти был выполнен на 122,8%, по производству бензина – на 118% [5, с. 56]. В 1942 г. в связи с оккупацией Северного Кавказа прекратилась добыча нефти в Майкопе и Грозном. Кроме того, была перерезана железнодорожная магистраль, соединяющая Баку с Центром. Несмотря на это, доставка нефти из Баку не прекращалась. Нефтепродукты перевозились по Каспийскому морю и далее через Среднюю Азию и Казахстан.

Особое внимание обращалось на производство нефтепродуктов непосредственно для нужд действующей армии. За исключением краткого периода в 1942 г. непрерывно увеличивалось производство авиабензина и других материалов для фронта. Бакинские заводы регулярно перевыполняли планы производства переработанной нефти. В 1943 г. нефтеперерабатывающая промышленность Азербайджана выполнила план по выпуску авиационных бензинов на 134%, лигроину – на 127,9%, керосину – на 101,7%, дизельному топливу – на 139,6%, авиамаслам – на 105,7%, флотскому топливу – на 162% [5, с. 214]. И в последующие годы производство всех видов продукции нефтяной промышленности, связанных со снабжением армии, непрерывно росло. "Именно горючее Баку, – как справедливо отмечает Э.Б. Мурадалиева, – приводило в движение советские танки, самолеты, машины, принося все новые и новые победы над фашизмом" [6, с. 171].

Заслуги бакинских нефтяников в общей победе советского народа над фашизмом очевидны. В связи с этим справедливым выглядят суждения многих авторов в Азербайджане, что Баку не был удостоен звания города-героя. Но всем знакомым с историей Великой Отечественной войны ясно: не будь бакинской нефти, достижение победы было бы проблематичным.

Справедливости ради следует констатировать, что в годы войны происходило регулярное снижение добычи бакинской нефти. В 1942 г. было добыто только 15,7 млн тонн [7, л. 82], в 1943 г. – 12,7 млн [8, л. 15], в 1944 г. – 11,8 млн [9, л. 346–347], в 1945 г. – 11,5 млн [10, л. 18]. Таким образом, на протяжении всех военных лет в Азербайджане наблюдалось неуклонное снижение добычи нефти. И хотя около 70% добытой в 1941–1945 гг. в СССР нефти приходилось на долю Баку, в годы войны наблюдалось снижение удельного веса производимой в Азербайджане нефти в общем балансе нефтедобычи страны. Все это сказалось на развитии нефтяной промышленности Азербайджана в послевоенные годы.

Рассуждая о снижении нефтедобычи в Азербайджане в годы войны, исследователи объясняют это рядом причин. Азербайджанские авторы по этому поводу в числе одной из главных причин называют переброску в годы войны на восток страны, в район так называемого "второго Баку" нефтяного оборудования и инженерно-технических кадров. В связи с этим были резко уменьшены масштабы бурения, что сказалось на общих показателях нефтедобычи. Ч. Султанов пишет: "Создание второго Баку в годы Второй мировой войны за счет разрушения бакинских нефтепромыслов и лишение их инженерно-технического персонала было грубейшей ошибкой ГКО СССР. Этой непродуманной акцией в духе коммунистического "Даешь!" был нанесен огромный ущерб бакинским нефтепромыслам, что наряду с другими факторами привело к резкому падению добычи в Баку, что, в свою очередь, привело к уменьшению маневренности войск, и это, безусловно, привело к дополнительным человеческим жертвам на всех фронтах" [1, с. 253]. С этой точкой зрения согласна и Э.Б. Мурадалиева. По ее мнению, переброска оборудования и кадров нефтяников из Баку в Сибирь способствовала разрушению нефтяной инфраструктуры Азербайджана.

В результате потери нефтедобычи в Баку в годы войны составили около 20 млн тонн [6, с. 167].

Нет сомнения, что освоение новых нефтеносных месторождений на востоке страны, сопровождаемое передислокацией части оборудования и кадров на восток, сказалось на развитии нефтяной промышленности Азербайджана. Действительно, масштабы бурения в районе Баку существенно снизились. Негативное влияние оказали и мероприятия по свертыванию работ на части скважин в период непосредственной угрозы захвата Баку немцами летом–осенью 1942 г. Быть может, освоение "второго Баку" было начато несколько преждевременно – в годы войны на новых месторождениях было добыто слишком мало нефти. Но это не дает основания ставить под сомнение необходимость освоения новых нефтеносных месторождений.

Послевоенная история нефтяной промышленности СССР это убедительно доказала. Главную причину снижения объемов добычи нефти в Азербайджане в годы войны следует искать в другом. Еще в 1920–1930-е гг. погоня за высокими плановыми показателями сопровождалась нарушениями технологических правил добычи. Это вело к использованию расточительных методов добывания нефти. В тяжелых условиях войны эта тенденция получила еще большее развитие.

Истощение верхних пластов нефти, сужение разведывательных и бурительных работ и стало главной причиной снижения добычи нефти. В годы войны об этом мало кто задумывался. В связи с этим весьма интересны воспоминания бывшего министра нефтяной промышленности СССР и председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова. Он отмечал, что порой, в связи с проблемами доставки нефти в другие районы страны и загруженностью всех резервуаров, оставшуюся после переработки нефть некуда было девать. Поэтому "лишнюю" нефть закачивали в пласт [11, с. 67]. Такая примитивная форма сохранения нефтяного запаса, конечно же, не могла сохранить прежний уровень нефтедобычи. Более того, она вела в конечном итоге к возникновению новых проблем. В связи с этим очень символически выглядят слова из выступления в 1944 г. тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.А. Багирова: "Помимо того, что мы не можем подводить страну, не можем подводить народное хозяйство, а сегодня и фронт, обязаны выполнять все это, помимо всего есть исключительно наши местные интересы, если так можно выразиться, есть один момент чисто республиканского патриотизма. Речь идет о том, будет ли занимать Баку ведущее место в системе нефтяного хозяйства Советского Союза или мы его сдадим. А без того Баку и Азербайджан не мыслю" [9, л. 346–347].

Очевидно, руководитель Азербайджана прекрасно осознавал, какие проблемы ждут нефтяную промышленность Азербайджана в послевоенный период.

По воспоминаниям бывшего секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.А. Сеидова, в декабре 1943 г., возвращаясь из Тегерана, И.В. Сталин остановился в Баку, "вызвал к себе Багирова и председателя Совнаркома республики Теймура Кулиева, основательно их отчитал по поводу безобразия на территории нефтепромыслов и сказал: "Этот искусственный металлический лес на земле Апшерона – нефтяные вышки, источник нашего неограниченного богатства. Благодаря им, мы ведем войну. Как можно содержать их в таком состоянии? Поезжайте в Румынию, посмотрите, как там вокруг каждой скважины растут розы. Что это за безобразие у вас?" В ответ Багиров объяснил это отсутствием средств на проведение благоустроительных работ. Тогда Сталин приказал своему помощнику А.Н. Поскребышеву: "По приезду в Москву

подготовьте решение Политбюро о выделении из союзного бюджета в распоряжение правительства Азербайджана по два рубля за каждую тонну сверхплановой нефти в качестве нефтяного фонда. При этом половину этого фонда израсходовать на осушение и благоустройство территории нефтепромыслов, а вторую половину – на политико-воспитательные, культурно-просветительские мероприятия".

Вскоре решением Политбюро был создан "Нефтяной фонд", которым имело право распоряжаться правительство Азербайджана [12 с. 61–62]. "Нефтяной фонд" существовал до 1959 г., когда Н.С. Хрущев счел излишним дополнительное стимулирование нефтяной промышленности Азербайджана и ликвидировал его решением Совета министров. Между тем во второй половине 1940-х – в 1950-е гг. фонд сыграл большую роль в подготовке кадров специалистов для Азербайджана в центральных вузах страны.

Велика была роль фонда и для улучшения жилищных условий нефтяников. Благодаря этим ресурсам в Баку были возведены десятки жилых зданий, а также дворцы культуры, кинотеатры, библиотеки, другие культурно-просветительские учреждения.

Особое значение имело использование средств фонда для повышения материального стимулирования труда нефтяников.

Создание "Нефтяного фонда" с предоставлением широких прав использования его в республике было связано с планами резкого увеличения производства нефти и нефтепродуктов в СССР. В этих планах большие надежды возлагались на Баку. Сразу после войны Сталин выдвинул задачу достигнуть 60-миллионной отметки добычи нефти. Предполагалось, что роль Баку в решении этой задачи будет велика. Действительно, уже в скором времени намеченное было реализовано. Более того, в начале 1950-х гг. в стране добывалось уже более 100 млн тонн нефти. Однако большой рывок в этой области был достигнут благодаря новым месторождениям нефти во "втором Баку" – районе между Уралом и Волгой.

Что касается Азербайджана, то его удельный вес в общесоюзной добыче неуклонно падал. И хотя в послевоенные годы добыча бакинской нефти в абсолютных показателях все время росла, темпы ее увеличения не соответствовали намечаемым рубежам.

В послевоенные годы большая работа проводилась по освоению морских месторождений на Каспии. Благодаря самоотверженному труду нефтяников, целенаправленной работе партийных и хозяйственных руководителей, огромной государственной помощи к концу 1940-х гг. был

создан целый комплекс нефтедобычи в море – легендарный город на сваях Нефтяные Камни.

Это стало значительным вкладом в увеличение объемов добычи нефти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Султанов Ч.А. Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти? Баку, 2005.
2. Комаров Д.Е. Этот дефицит может быть покрыт только за счет России // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 46–49.
3. Капустин В.М., Кукес С.Г., Бертолусини Р.Г. Нефтяная промышленность США и бывшего СССР. М., 1995.
4. Абасов М.Г. Баку в годы Великой Отечественной войны. Баку: Азернешр, 1967. 264 с.
5. Мадатов Г. Азербайджан в Великой Отечественной войне. Баку: Элм, 1975. 406 с.
6. Мурадалиева Э.Б. Кровь земная – нефть Азербайджана и история. Баку: Мутарджим, 2005. 256 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 280. Д. 5.
8. Государственный архив Азербайджанской Республики. Ф. 1610. Оп. 10. Д. 732.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 129. Д. 65.
10. Государственный архив Азербайджанской Республики. Ф. 1610. Оп. 10. Д. 760.
11. Байбаков Н. Дело жизни: Записки нефтяника. М.: Советская Россия, 1984. 352 с.
12. Сеидов М.А. Общественно-политическая обстановка в Азербайджане в 1940–х – начале 1950–х годов: Рукопись неизданной книги. Баку, 1998. С. 61–62.

© И.А. Агакишиев, (almamater412@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

КАЗАНСКАЯ
ЯРМАРКА

23-я международная специализированная выставка

НЕФТЬ ⚡ ГАЗ ⚡ НЕФТЕХИМИЯ

16+

7-9

СЕНТЯБРЯ

Казань, 2016

Проектирование и строительство объектов для нефтяной, нефтехимической и газовой промышленности

При поддержке:
Правительства Республики Татарстан и Президента Республики Татарстан

**ТАТАРСТАНСКИЙ
НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ**

деловая программа выставки – активная площадка, содействующая развитию науки и бизнеса

www.oilexpo.ru

РЕКЛАМА

420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 8
ОАО «Казанская ярмарка»
тел./факс: +7 (843) 570-51-14, 570-51-11
e-mail: d2@expokazan.ru, d3@expokazan.ru
www.expokazan.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕРЕВНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS OF PRIMARY EDUCATION IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX- THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

N. Vorotnikova

Annotation

The study of elementary education in the Vologda province became possible due to the existence of a large amount of source material which is represented by different groups of both published and archive sources. The article analyses such sources as regulations, office documentation including the complex of organizational, executive, protocol, report and registration documents, as well as business correspondence, the materials of state statistics, periodical press, questionnaire surveys and the sources of personal origin.

Keywords: The Vologda province, zemstvo school, national education, rural education.

Воротникова Наталья Сергеевна
К.ист.н., доцент Вологодского
государственного университета

Аннотация

Изучение начального образования на территории Вологодской губернии стало возможным благодаря наличию большого количества источниковедческого материала, который представлен различными группами опубликованных и архивных источников. В статье анализируются такие источники, как: нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, включающая комплекс организационно-распорядительной, протокольной, отчетной, учетная документация и деловой переписки, материалы государственной статистики, периодической печати, анкетных обследований, источников личного происхождения.

Ключевые слова:

Вологодская губерния, земские школы, народное образование, сельское образование.

Современная педагогическая наука проявляет заметный интерес к изучению истории образования. В контексте разработки этой темы на региональном уровне закономерно внимание исследователей к истории сельского образования на территории отдельной взятой губернии, которое дополняет картину общественной жизни дореволюционной провинции. При подготовке статьи в основном использовались источники, впервые вводимые в научный оборот, которые дали возможность раскрыть как общие закономерности, так и региональную специфику данной темы.

Такие законодательных акты, как "Положения о народных училищах" 1864 и 1874 гг., "Положение о губернских и уездных земских учреждениях", законы "О земских учреждениях", "О дополнительном ассигновании на нужды начального народного образования...", "О всеобщем обучении в Вологодской губернии", которые опубликованы в Полном собрании законов Российской империи, Сборниках постановлений по Министерству народного просвещения (далее – МНП) и Сборниках распоряжений по МНП [69; 77; 78; 81], регламентируют разви-

тие учреждений начального образования на общероссийском уровне. Записки и проекты решений по вопросам народного образования и материалы их обсуждения, исходящие от центральных и местных органов, извлечены из фондов Российского государственного исторического архива (далее РГИА): Департамента народного просвещения (ф. 733) и Канцелярии министра земледелия (ф. 381). Эти материалы раскрывают процесс выработки тех или иных законов или административных распоряжений.

К подзаконным актам относятся ведомственные постановления, инструкции для директоров и инспекторов народных училищ, правила, исходящие от министерства или от управления Санкт-Петербургским учебным округом, а также циркуляры, разъясняющие законодательные акты или административные распоряжения министерств и учебной администрации. Документы, регламентирующие деятельность народных школ на локальном уровне содержатся в фондах Вологодской губернской земской управы Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО, ф. 34), Вологодского губернского отдела

народного образования (ГАВО, ф. 111), дирекции народных училищ (ГАВО, ф. 438), Вологодской духовной консистории (ГАВО, ф. 496). Эти документы отражают выполнение правительственных решений на территории губернии, формирование системы народного образования на местах, характер взаимодействия администраторов разных уровней и направления их деятельности.

Делопроизводственная документация освещает деятельность местных органов власти в сфере начального образования. В исследовании использовался комплекс организационно-распорядительных документов – циркуляры, доклады и постановления уездных земств Вологодской губернии по вопросам народного образования. С целью источниковедческого анализа изучены документы, содержащиеся в фонде Вологодской губернской земской управы (ГАВО, Ф. 34), сборниках постановлений по народному образованию уездных земских собраний Вологодской губернии и сборниках постановлений по МНП, в которых имеются циркуляры, разъясняющие законодательные акты или административные распоряжения МНП, губернской и уездной учебных администраций.

Протокольная документация представлена протоколами уездных и губернских земских собраний, журналами очередных и чрезвычайных собраний земских учреждений, журналами уездных заседаний училищных советов. Этот вид документации находится в фондах Губернского статистического комитета (ГАВО, ф. 17), Вологодского епархиального училищного совета (ГАВО, ф. 465), описей по делам Канцелярии Дирекции училищ Вологодской губернии (ГАВО, ф. 871). Эти документы позволяют выявить роль органов самоуправления в развитии народного образования. В них нашли отражение вопросы, связанные с учебным процессом, религиозно-нравственным воспитанием учащихся, организацией внешкольного образования, материальной поддержкой учебных заведений.

К отчетной документации относится более 200 отчетов и докладных записок, представленных в фондах ГАВО – Дирекции народных училищ Вологодской губернии (ф. 438), Губернского статистического комитета (ф. 17), в публикациях газеты "Вологодские губернские ведомости" о школах различного типа. В сборниках постановлений по МНП содержится информация о школах ведомства МНП. В фондах ГАВО Вологодского губернского земского собрания (ф. 33), Вологодской губернской земской управы (ф. 34), Грязовецкой (ф. 49) и Кадниковской (ф. 50) уездных земских управ о земских школах. Сведения о церковно-приходских школах отражены в опубликованных кратких отчетах Вологодской епархии о деятельности церковно-приходских школ, фондах ГАВО Вологодского епархиального училищного Совета (ф. 465), Вологодской духовной консистории (ф. 496).

Отчеты разных лиц (инспекторов, заведующих отделами, школьных наблюдателей) по школам различных ведомств включают описание состояния народных школ, докладные записки о нехватке средств на содержание учебных заведений, рапорты чиновников разных уровней. Эти документы позволяют оценить роль органов местного самоуправления и церкви в деле народного образования, определить взгляды земских деятелей и церковнослужителей на учебный процесс, религиозно-нравственное, трудовое воспитание учащихся, организацию внешкольного образования в губернии, показывают отношение крестьянского населения к делу просвещения.

Учетная документация представлена личными делами учителей, содержащихся в фондах Дирекции народных училищ Вологодской губернии (ГАВО, ф. 438), Вологодской духовной консистории (ГАВО, ф. 496). Данная группа источников позволяет изучить социальный облик учителей, кадровую динамику. Официальная переписка чиновников разных уровней (попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, директора народных училищ Вологодской губернии) с учителями народных школ (их рапорты, донесения, прошения, жалобы) отложилась в фонде дирекции народных училищ (ГАВО, ф. 438). В документах фондов Вологодского епархиального училищного совета (ГАВО, ф. 465) и Вологодской духовной консистории (ГАВО, ф. 496) представлена деловая переписка между Министерством народного просвещения и Канцелярией Синода, стенографические отчеты заседаний епархиальных училищных советов.

Документы демонстрируют, каким образом правительство контролировало деятельность народных училищ и учительские кадры, дают возможность представить реальное состояние народного образования на местах, в конкретном уезде и школе. Надо отметить, что формы официальной переписки не были строго утвержденными и менялись со временем, поэтому информативность такого рода документов различна.

Ходатайства об ассигновании дополнительных пособий на нужды образования в Вологодской губернии (на приобретение учебников, писчих принадлежностей, наем помещений, помощь нуждающимся учащимся, организацию ночлежных приютов для детей из отдаленных деревень) содержит фонд Департамента народного просвещения (РГИА, ф. 733) и опубликованные журналы уездных земских собраний. В журналах Тотемского уездного собрания за 1887 г. находятся ходатайства сельских обществ о выделении пособия со стороны земства на открытие и содержание церковно-приходских школ, о ремонте и расширении земских школ, назначении денежных сумм на покупку книг для подарков заканчивающим курс обучения в сельских училищах и ряд вопросов по отдельным школам Тотемского уезда [38; 58; 66].

Материалы государственной статистики отражают информацию о количестве школ, учащихся, объеме работы земских учреждений в области начального образования. Данная группа источников представлена опубликованными статистическими сведениями в сборниках, издаваемых Вологодским губернским статистическим комитетом [83; 84], текущей школьной статистикой Вологодского губернского земства [12], в памятных книжках Вологодской губернии [63], в обозрениях по народному образованию в уездах, например в сравнительно-статистическом обозрении "Вологодский сборник" [28; 87], ежегодниках по Вологодской губернии [53; 56], ежегодных обзорах по Вологодской губернии о состоянии учебного дела [59; 60], однодневной переписью начальных школ 1911 года [61], в которых представлены сведения о количестве начальных школ в Вологде, количестве учителей, средней зарплате, общем количестве учащихся в школах, средствах, выделяемых на содержание начальных школ, и многими другими источниками.

В "Памятных книжках для Вологодской губернии" за 1860 г. содержится материал о развитии народного образования в губернии на протяжении XVIII – первой половины XIX в., рассматриваются вопросы управления училищами, изменения в курсах обучения и др. [25]. За 1865 и 1866 гг. приводятся статистические списки сельских училищ и школ в Вологодской губернии с указанием должности учителей, их заработной платы, содержания школ и количества учащихся за 1865–1866 учебный год [82]. За 1892 г. приводится статистический очерк учебно-образовательного дела в губернии [39].

Статья о народном образовании в "Ежегоднике Вологодской губернии" содержит сведения за 1908–1913 гг. о количестве различных учебных заведений в губернии, в том числе о начальных училищах [53]. А. Иванов изложил результаты деятельности Вологодского земства по народному образованию в Вологодском уезде за 1870–1879 учебные года [28]. Анализируя деятельность вологодского земства в области народного образования, большинство авторов сходились во мнении, что деятельность эта не имела определенной программы и была недостаточно активной в первый период существования земств (в 1860–х – начале 1870–х гг.). Лишь в середине 1870–х – начале 1880–х гг. земство стало открывать новые школы, проявлять заботу об учителях (их заработной плате, повышении образовательного уровня), содействовать внешкольному образованию народа (работе народных библиотек).

В сборнике "Сведения по отдельным школам Вологодской губернии" содержатся данные о количестве школ по каждому уезду, находившихся в ведении Министерства народного просвещения: министерских и земских училищ, церковно-приходских школ, школ грамоты. При-

водится табличный материал о разряде и названии училища, территории расположения, расстоянии школы от уездного города, почтового отделения, волостного правления, приходской церкви, ближайшей организованной школы, годе ее основания, характеристике помещения, которое занимала школа, и количестве классных комнат, квартир учителей, количестве руководств, учебников и книг для внеклассного чтения учащихся, сведениях о законоучителях, преподавателях и учащихся, преподаваемых предметах, материально-финансовой составляющей за 1898–1899 учебный год [79].

Интересным представляется очерк М.И. Успенского, который, находясь в течение месяца (с августа по сентябрь 1913 г.) в командировке в Тотемском, Устюгском, Никольском, Сольвычегодском, Яренском и Устьысольском уездах для ревизии местных учебных заведений, составил краткую характеристику расположения и состояния образования на территории данных уездов [86].

П. Полиевктов представил сравнительные таблицы всех учебных заведений, городских и сельских училищ ведомства Министерства народного просвещения по Вологодской губернии с указанием места их нахождения и числа учащихся в них на основе статистических сведений однодневной переписи училищ 20-го марта 1880 г., указав число учебных заведений и учащихся в них по городам и уездам Вологодской губернии за 1879–1880 г., проследил материально-финансовую составляющую по народному образованию [60].

Работа директора народных училищ С. Лосева "О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1911 год" содержит статистические сведения в форме таблиц и схем о числе школ и учащихся [45]. Подробно рассмотрены причины не посещаемости учебных заведений, санитарно-гигиеническое состояние школ. Сведения приведены по каждому уезду Вологодской губернии.

Н. Бунаков использует новые материалы для определения уровня народного образования в Вологодской губернии, пытаясь на основании полученных статистическим комитетом данных дать не только сведения о числе школ и учащихся по уездам, но и точное описание каждой существующей школы с обозначением ее местонахождения, годе открытия, числа учащихся, имен преподавателей, платы, которую они получают, и стоимости содержания школы.

В дополнение к рассмотренным материалам содержатся сведения для характеристики степени образованности жителей Вологодской губернии:

1. о публичных библиотеках;
2. о количестве выписываемых газет и журналов;
3. о количестве писем;

4. об общественных собраниях. Недостатком данной работы является узость хронологических рамок.

Неопубликованные статистические материалы представлены фондом ГАВО "Вологодская губернская земская управа" [18] и рядом фондов уездных земских управ [19; 20; 21; 22], в которых содержатся сводные таблицы о числе школ, учеников в них, доли учащихся по отношению к общему числу детей. Указанные ежегодные отчеты-анкеты помогают выявить динамику развития школ и учащихся в них детей.

В фонде ГАВО "Губернский статистический комитет" представлены решения, принимавшиеся на заседаниях Вологодского губернского статистического комитета по вопросам образования: отчеты о содержании училищ и сельских школ, ведомости о сельских школах, отчеты о расходовании денежных сумм, полагающихся на содержание учебных заведений, резолюции губернатора с поручением проверить и дать пояснения по отдельным вопросам обучения и многие другие вопросы [17, л. 1–55].

Периодическая печать представлена в центральных изданиях, как ведомственных (Журнал Министерства народного просвещения, "Учитель", "Русская школа", "Народная школа", "Наблюдатель", "Народное образование", "Вестник воспитания и образования"), так и частных ("Мир Божий", "Женское образование", "Вестник Европы"). Они носят иллюстративный характер, но позволяют восстановить картину обсуждения в печати той или иной проблемы, представить мнения современников и их реакцию на происходящие события. В периодике встречаются материалы разного жанра: официальные отчеты и сообщения, биографии учителей, описания школьных праздников, краткие исторические хроники отдельных школ, размышления специалистов о проведении реформы школы, впечатления наблюдателей от посещения учебных заведений и т. д.

Интерес представляют дискуссии, развернувшиеся на страницах газет и журналов в конце XIX – начале XX в. по вопросам школьной реформы. Проблемы введения всеобщего начального обучения, материального и правового положения народных учителей, привлечения женщин к работе в сельских начальных школах – вот ряд насущных вопросов, которые поднимались в периодической печати того времени. Участниками этих диспутов становились государственные и общественные деятели, народные учителя, родители, выпускники народных школ, т.е. все те, кто действительно был неравнодушен к судьбе народной школы. Периодические издания были не только ареной дискуссий, но и служили методическим пособием для народных учителей в деле организации учебного дела на местах.

Подобные сведения содержатся в периодической печати центральных светских изданий Санкт-Петербурга: "Журнале Министерства народного просвещения" [7], выходившего в 1803–1917 гг., статьи по педагогике и народному образованию отражены в журналах "Народное образование" [30], "Вестник воспитания" [31; 52], "Русская школа" (1880–1917 гг.) [1; 85], "Библиотекарь" [27], "Русский начальный учитель" [49; 64; 80; 88], "Русская мысль" [29], "Семья и школа" [65], "Народная школа" (1892–1917 гг.) [34], "Народный учитель" [54], "Русский учитель" [76], материалы которых дополнили сведения, послужившие основой проведения сравнительного анализа общегосударственных и региональных процессов в области народного образования.

Особую ценность в периодических изданиях Вологодской губернии представляет газетная хроника, дающая возможность воссоздать по небольшим конкретным публикациям довольно полную картину вопросов, стоявших перед разными типами начальных школ в различные периоды развития. Газетная хроника помогает узнать, как относились к школе различные слои населения, что волновало учащихся, родителей, преподавателей. В хронике представлено материальное положение школ, их нужды, отдельные происшествия. Поэтому "Вологодские губернские ведомости" [13], "Известия Вологодского губернского совета" [32], "Вологодский листок" [62], "Северный край" [35; 36; 55] и журнал "Вологодские епархиальные ведомости" [14; 72], издававшиеся в Вологде, являются весьма информативными источниками. Газета "Вологодские губернские ведомости" как официальный печатный орган содержала разнообразную информацию об открытии учебных заведений в Вологодской губернии, о жертвовании отдельных лиц на дело народного образования и иные сведения. В 1858–1866 гг. в "Вологодских губернских ведомостях" были помещены статьи по различным вопросам народного образования: замечания по проекту "Положения о народных училищах", о распространении грамотности, о воскресных школах, о женском образовании и др. В этих статьях высказывались требования об улучшении содержания образования, об отмене телесных наказаний в школах, делались робкие критические замечания в адрес местной администрации и духовенства [13; 37]. В журнале "Вологодские епархиальные ведомости" опубликованы отчеты о нуждах и положении церковных школ, отчеты о педагогических курсах. В газете "Северный край" содержатся отчеты о начальном образовании в Вологодской губернии.

С началом обсуждения проблемы введения всеобщего начального обучения в первые годы XX в. в губернской периодике появляются статьи, отражающие реальное состояние учреждений народного образования. Авторами обзоров были преимущественно инспектора народных училищ, которые не только давали конкретную информа-

цию о положении на местах, но и высказывали мнения о проблемах организации всеобщего обучения: проблеме привлечения девочек в школу, большой разбросанности селений в губернии, об организации ночлежных приютов. Газетные публикации этого периода нельзя в полной мере считать исследованиями, поскольку для них характерно фактическое изложение событий без научного анализа.

Особую ценность представляют материалы анкетных исследований, которые проводились в 1880–1890-х гг. А.С. Пругавиным, Н.А. Рубакиным, и собранные Этнографическим бюро князя В.Н. Тенишева в 1899–1900 гг. сведения о материальном и духовном быте крестьян, в том числе и о начальном образовании в деревне [75]. Авторы ответов на вопросы анкет прекрасно знали жизнь, быт, нравы, духовные запросы деревни, ими были учителя, земские служащие, местные краеведы, представители приходского духовенства и даже сами крестьяне. Поэтому их суждения и оценки представляют большую ценность для исследования уровня грамотности русского крестьянства и отношения к начальному образованию в вологодской деревне в конце XIX в.

Из источников личного происхождения мы можем почерпнуть сведения об отношении учителей к своей деятельности, к детям, к односельчанам, обнаружить внутреннюю мотивацию многолетнего служения многих из них в глухой провинции или, наоборот, бегства от неразрешимых проблем. Часть из них была опубликована в начале XX в. отдельными изданиями, а частично публиковались в периодике того времени. В исследовании использованы дневники и воспоминания государственных деятелей [16; 26], представителей либеральной профессии, отражающие формы участия научной интеллигенции в организации школ [71], мемуары и дневники народных учителей [15; 50; 51; 74]. В воспоминаниях авторы отразили свое восприятие народной школы, финансовых, бытовых, психологических, профессиональных проблем учителей [7; 10; 11; 40; 41; 42; 43; 46; 47; 48].

Для понимания специфики начального образования в вологодской деревне особенно важны записки сельских учителей, заметки окружных инспекторов в воспоминаниях и путевых записках [2; 4; 33; 45; 86; 87], труды и воспоминания учителей [8; 57; 68; 70; 73]. Н. Бунаковым описывается крестьянский труд, быт и место сельской школы в жизни населения вологодской деревни в 1891 г. [9]. В его мемуарах "Записки: Моя жизнь" приводятся личные воспоминания о годах обучения в начальной школе [8]. А.Н. Куломзина рассматривает вопросы доступности начального образования в России, давая обзор и Вологодской губернии [44]. Из воспоминаний о процессе обучения в начальной школе следует привести записки Е. Грязнова, который наглядно демонстрирует

образ жизни деревенского школьника: условия жизни, места обучения, свободное времяпрепровождение, питание, одежду, обувь и др. [23].

Деятельность Вологодского губернского земства в отношении народного образования с 1870 по 1889 г. рассматривается Х.И. Пахолковым [24]. Неизвестный автор статьи в журнале "Вестник воспитания" приводит данные о различных типах сельских школ Вологодской губернии за 1870 год, характеризует процесс становления земских школ, сравнивает их соотношение с церковно-приходскими, анализирует преподавательский состав, приходит к выводу о превосходстве земских школ над церковно-приходскими [31]. С.А. Непейн дает характеристику учительского персонала сельских школ Вологодской губернии [57]. Роль учителя в сельской школе рассматривались П.В. Андреевым [2] и Н.П. Богдановым-Бельским [5]. Священник С. Непейн вспоминает о 25-летнем учительском труде своей сельской наставницы М.Е. Смирновой, которая вела активную деятельность по устройству начального образования в Грязовецком уезде Вологодской губернии в селе Плосково [57].

Проблемы церковно-приходских школ излагаются в очерке о об их развитии в Санкт-Петербургском учебном округе, куда входила Вологодская губерния, за период с 1884 по 1909 г. [33]. И.С. Бачалдин анализирует процесс обучения в церковно-приходских школах [4], А. Подволоцкий дает краткое описание одной из первых церковно-приходских школ – Троицко-Орловской [67].

Ряд авторов приводят описание школ по уездам. В работе В.А. Пшеницына дана характеристика народного образования за 1911–1912 учебный год [73], однако только на территории Вологодского уезда рассматриваются количество училищ, занимаемые ими помещения, преподавательский и ученический состав, система управления, учебная и врачебно-санитарная часть, ремесленное, профессиональное и внешкольное образование. А. Машкин рассматривает народное образование в г. Никольске Вологодской губернии и его уезде за 1904–1909 гг. и такие его составляющие, как школьное и внешкольное образование в уезде, учительский персонал, народное образование в городе [49].

Учитель села Устье Кадниковского уезда Вологодской губернии В.Е. Шуйский дает характеристику процесса образования в школах села Устье в 1860–1870-х гг., анализирует деятельность Шиловского земского училища Кадниковского земства: его расположение, учебные пособия, применяемые воспитательные средства для обучения, проводившиеся ревизии, а также отношение населения к училищу [88]. Учитель А. Баракшин, направленный в 1887 г. в Угронгскую земскую школу Вельского уезда с трехлетним курсом обучения, описы-

вает становление школы, контингент учащихся, складывающиеся взаимоотношения и трудности, с которыми сталкивался учитель [3].

Подводя итоги обзору источников, необходимо отметить, что большинству из них присущи такие достоинства, как большая информативность, широкое использование статистических материалов, постановка проблем методики и теории народного образования. Особое значение имеют источники личного происхождения.

Высокая ценность дневников, воспоминаний и переписки в рамках настоящего исследования обусловлена их максимальной приближенностью к жизни населения, отражением специфики конкретной местности.

На основе имеющихся источников представляется возможным воссоздать историю развития начального образования в вологодской деревне во второй половине XIX – начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Я. Хроника народного образования // Русская школа. 1900. № 5–6.
2. Андреев П.В. Об устройстве в Вологде Учительского Дома. Архангельск, 1913.
3. Баракшин А. Из записок сельского учителя // Народное образование. 1902. Т. 1 (январь – июнь).
4. Бачалдин И.С. Что читают в духовной школе?: (Анкета среди учащихся). Вологда, 1912.
5. Богданов–Бельский Н.П. Воскресные гости у учителя // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 4. М., 1911.
6. Бунаков Н. Новые материалы для определения народной образованности в Вологодской губернии // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 год. Вологда, 1866.
7. Бунаков Н. Очерк народного образования Вологодской губернии // Журнал министерства народного просвещения. 1864. Ч. 124.
8. Бунаков Н.Ф. Годы учения // Записки: Моя жизнь. СПб., 1909.
9. Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь: наблюдения и заметки // Русский начальный учитель. 1892. № 10. С. 335–347; 1892. №11.
10. Вересов П.Г. Воспоминания сельской учительницы // Русская школа. 1902. № 5–6.
11. Вересов П.Г. Из 25–летней жизни сельского учителя (с 1873–1898 гг.). Новгород, 1899.
12. Вологодская губернская земская управа. Отделение по народному образованию. Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства. Вологда, 1904. Вып. 1.; Вологда, 1906. Вып. 3.; Вып. 6: 1907–1908 учебный год. Вологда, 1908. Вып. 7: 1908–1909 учебный год. Вологда, 1909. Вып. 8: 1909–1910 учебный год. Вологда, 1910. Вып. 9: 1910–1911 учебный год. Вологда, 1911. Вып. 10: 1911–1912 учебный год. Вологда, 1912. Вып. 11: 1912–1913 учебный год. Вологда, 1912. Вып. 12: 1913–1914 учебный год. Вологда, 1914.
13. Вологодские губернские ведомости (далее ВГВ). 1861. 11 марта. № 10; 1 апреля. № 13; 1861. № 38, № 43; 1863. № 13, № 15; 1865. 14 декабря. № 44; 1865. 13 августа. № 30; 1866. 23 апреля. № 16; 1866. № 33; 1867. № 45; 1868. 19 февраля. № 9; 1870. 25 июля. № 30; 1863. № 13; 1863. № 15.
14. Вологодские епархиальные ведомости (далее ВЕВ). 1891. № 7; 1892. № 19; 1897. № 5; 1898. № 20, № 24; 1899. № 7, № 10; 1900. № 2, № 3; 1905. № 5; 1907. № 2, № 7; 1912. № 16.
15. Воронова Е.А. Школа в Алуште. Из воспоминаний учительницы. СПб., 1905.
16. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого / Сост. Л. И. Толстая. М., 1997.
17. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 17. Губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 50.
18. ГАВО. Ф. 34. Вологодская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 991, 1064, 1071, 1076, 1081, 1099, 1119, 1120, 1122, 1277, 1495, 1496, 1501, 1631, 1850, 1986, 1989, 2267, 2268, 3108.
19. ГАВО. Ф. 49. Грязовецкая уездная земская управа. Оп. 1. Д. 205, 206, 207, 275, 278, 285, 287.
20. ГАВО. Ф. 50. Кадниковская земская управа. Оп. 1. Д. 382, 462, 528, 626, 741, 167.
21. ГАВО. Ф. 54. Ведомости о состоянии народного образования по Тотемскому уезду. Оп. 1. Д. 13, 19, 33, 79, 122, 128.
22. ГАВО. Ф. 58. Мировой посредник II участка Вологодского уезда. Оп. 1. Д. 8.
23. Грязнов Е. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста Вологодской семинарии // Вологда в воспоминаниях и путевых записках, конец XVIII – начало XX века. Вологда, 1997.
24. Деятельность Вологодского Губернского Земства по народному образованию // Вологжанин: литературно – научный сборник / авт. С.А. Дилакторский и др. Вологда, 1895.
25. Для истории вологодской дирекции училищ // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. Вологда, 1860.
26. Записки адмирала А.С. Шишкова. СПб., 1868.
27. Земские народные библиотеки // Библиотекарь. 1910. Вып. 1.
28. Иванов А. Материалы для истории земской деятельности по народному образованию в Вологодской губернии: Сравнительно–статистическое обозрение по народному образованию в Вологодском уезде за 9–летнее существование земства в губернии // Вологодский сборник. Т.1. Вологда, 1879.
29. Иванюков И. Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1892. Кн. 8. 1893. Кн. 9.
30. Из записок сельского учителя // Народное образование. 1902. Т. 1.

31. Из истории и современного положения сельской школы в Вологодской губернии // Вестник воспитания. 1903. № 3–5.
32. Известия Вологодского губернского совета. 1918. № 77, 130.
33. Исторический очерк развития церковных школ за истекший 20-летний период (1884–1909 гг.). СПб., 1909.
34. К вопросу об отношении крестьян к школе // Народная школа. 1875. № 4.
35. Кадниковское уездное земское собрание (Продолжение) // Северный край. 1902. № 280; № 286.
36. Кадниковское уездное земское собрание // Северный край. 1902. № 275.
37. Конисский А. Мысли о распространении грамотности // Вологодские губернские ведомости. 1863. № 13.
38. Краткий отчет хода дел церковно-приходских школ Вологодской епархии за 1886–1887 годы, представленный понятым попечителем церковно-приходских школ епархии вологодским губернатором Михаилом Николаевичем Кормилицыным. Вологда, 1888.
39. Краткий статистический очерк учебно-образовательного дела за 1892 г. // Памятная книжка Вологодской губернии на 1893–1894 годы.
40. Круглов А.В. Заметки и наблюдения // Русская школа. 1889. № 9.
41. Круглов А.В. Из быта сельских учительниц // Женское образование. 1878. № 1.
42. Куликов С.Е. С насиженного гнезда // Народное образование. 1909. № 1.
43. Куликов С.Е. Сеятели на ниве народной во второй половине прошлого столетия // Народное образование. 1911. № 9, № 10, № 12.
44. Куломзина А.Н. Доступность начальной школы в России. СПб., 1904.
45. Лосев С. О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1911 год. Вологда, 1912.
46. Максимов Е.Д. Школа жизни (из воспоминаний сельского учителя) // Наблюдатель. 1893. № 7, № 8.
47. Максимов Е.Д. Из дневника учительницы воскресной школы // Русская школа. 1894. № 5. № 6.
48. Максимов Е.Д. Темные стороны учительской жизни // Русская школа. 1896. № 4.
49. Машкин А. Народное образование в г. Никольске Вологодской губернии и его уезде: [Оттиск] из журнала "Русский начальный учитель". Б.м., 1904.
50. Мироносицкий П.П. Дневник учителя церковно-приходской школы. СПб., 1901.
51. Мироносицкий П.П. Из дневника учителя церковно-приходской школы // Народное образование. 1896. № 3–8.
52. Миропольский С. Педагогическая хроника // Воспитание и обучение. 1886. № 1–12.
53. Народное образование в Вологодской губернии // Ежегодник Вологодской губернии на 1914 год. Вологда, 1914.
54. Народные учителя и воинская повинность // Народный учитель. 1912. № 5; Народный учитель. 1911. № 1–6; 1912. № 1–5.
55. Начальное образование в Вологодской губернии по данным 1897–1898 гг. // Северный край. 1899. № 119.
56. Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898–1899 гг. Ярославль; Вологда, 1906.
57. Непеин С.А. Минуты счастья в жизни сельской учительницы. Вологда, 1910.
58. Об открытии в 1911 году 10-ти земских училищ на совместные средства Тотемского земства и Министерства народного просвещения // Журналы Чрезвычайных и очередных Тотемских Уездных земских собраний созыва 1910 г. и доклады Управы с приложениями. Вологда, 1911.
59. Обзор Вологодской губернии за 1896–1914 годы. Вологда, 1897–1916.
60. Обзор учебного дела по Вологодской губернии за 1879 г. // Вологодский календарь на 1881 год. Вологда, 1880.
61. Однодневная перепись начальных школ в Империи 18 января 1911 года. Вып. 1. СПб., 1913.
62. Памяти редкого благотворителя Н.И. Никуличева (Некролог) // Вологодский листок. 1912. № 355.
63. Памятная книжка Вологодской губернии на [1860–1867/1868, 1870, 1873, 1875/1876, 1879–1881, 1883, 1887, 1889, 1893/1894, 1896/1897, 1899/1900–1901, 1904/1905, 1912–1915] год. Вологда, 1860–1916.
64. Пахолков Хр. Русский народный учитель в беллетристике 1904 г. // Русский начальный учитель. 1907. № 4.
65. Педагогическая хроника // Семья и школа. 1885. № 6.
66. По вопросу об открытии в г. Тотеме трехклассного городского училища // Журналы Тотемского уездного собрания созыва 1887 года и доклады Управы. Вологда, 1888.
67. Подволоцкий А. Троицко–Орловское училище // Советская мысль (В. Устюг). 1989. 17 марта.
68. Подольный И.А. Из записок счастливого человека: (Педагогические раздумья). Вологда, 1994.
69. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т.34. СПб, 1865.
70. Попов А. (протоиерей). Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда, 1913.
71. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2004.
72. Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1895. № 22; 1901. № 11; 1910. № 15.
73. Пшеницын В.А. Народное образование в Вологодском уезде в 1911–1912 учебном году. Вологда, 1912.
74. Реморов Н. На ниве народной. Воспоминания, наблюдения и заметки школьного учителя. СПб., 1906.
75. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (далее – РКЖБН). Материалы "Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева". Т. 5. Вологодская губерния. Часть 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб, 2007; Т. 5. Вологодская губерния. Часть 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб, 2007; Т. 5. Вологодская губерния. Часть 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб, 2007; Т. 5. Вологодская губерния. Часть 4. Тотемский, Усть–Сысольский, Устюгский и Яренский уезды. СПб, 2008.
76. Русский учитель. 1912. № 1.
77. Сборник постановлений и инструкций по Министерству народного просвещения. Т. 2. Ч. 2. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1865; Т. 4. Царствование императора Александра II. 1865–1870. СПб., 1871; Т. 5. Царствование императора Александра II. 1871–1873. СПб., 1877; Т. 6. Царствование императора Александра II. 1874–1876. СПб., 1878.

78. Сборник постановлений по народному образованию уездных земских собраний Вологодской губернии за 1901–1906 гг. Вологда, 1901–1906.
79. Сведения по отдельным школам Вологодской губернии. Вологда, 1901.
80. Сельская школа и народная жизнь: наблюдения и заметки // Русский начальный учитель. 1892. № 10–11.
81. Систематический сборник постановлений Вологодского губернского земского собрания. Т. 1–3. Вологда, 1904–1906.
82. Список сельских училищ и школ в Вологодской губернии // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 г. Вологда, 1866.
83. Статистический сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. Вологда, 1879–1887. Вып. 1–5.
84. Счет капиталов Вологодского губернского земства. Вологда, 1891–1894.
85. Тарутин А.А. Что читают крестьяне Удимской волости и как они относятся к школе и книге // Русская школа. 1892. № 1.
86. Успенский М.И. По учебным заведениям Вологодской губернии: (из заметок окружного инспектора). Пг., 1915.
87. Успенский М. И. Начальное народное образование в Санкт–Петербургском учебном округе: статистический очерк // Вопросы народного образования. 1913. № 14 / 15 (ноябрь – декабрь).
88. Шуйский В.Е. Двухклассное училище в с. Устье Кадниковского уезда Вологодской губернии: Исторический очерк // Русский начальный учитель. Б.м., 1904.

© Н.С. Воротникова, (NS_history@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

АНТИСОВЕТСКОЕ ВОССТАНИЕ В ЗАПАДНОМ ДАГЕСТАНЕ В 1920-1921 ГГ: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович

К.ист.н., доцент,

Дагестанский государственный

университет

Джафарова Джамиля Темирхановна

Ст. преподаватель,

Дагестанский государственный

университет

ANTI-SOVIET UPRISING IN WESTERN DAGESTAN IN 1920-1921: A BRIEF HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

G. Guseynov

J. Jafarova

Annotation

The article is devoted to one of the most urgent and complex problems in the science of history of Dagestan – the characterization and analysis of the sources and literature relating to controversial period in the history of the civil war: anti-Soviet uprising in Western Dagestan in 1920–1921.

This uprising, like the last stage of the civil war in Dagestan, and to this day attracts the attention of researchers and the General public, in connection with which an objective approach to the available sources are adequate and their evaluation are very important to explore the causes, course and consequences of the performances of the highlanders against the Soviets in the period under review.

The author points out the importance of studying this topic, which, in the modern period, when large-scale political, socio-economic, ideological, and cultural changes in our country and in light of the identification of new instruments and reinterpreting available materials on this issue, needs some adjustment.

When writing this article, the authors draw on a wide range of sources and literature, which reflected different assessments of participants and contemporaries of the anti-Soviet uprising. Also particularly interested in scientific papers on this subject as domestic researchers and foreign, which can be traced partly opposite trends in the characterization and analysis of the events of the civil war in Dagestan.

Keywords: historiography, documents, printed editions, civil war, anti-Soviet uprising, Western Dagestan.

Аннотация

Представленная статья посвящена одной из актуальных и сложных проблем в исторической науке Дагестана – характеристике и анализу источников и литературы, относящиеся к противоречивому периоду в истории гражданской войны: антисоветскому восстанию в Западном Дагестане в 1920–1921 гг.

Данное восстание, как последний этап гражданской войны в Дагестане, и в настоящее время привлекает к себе особое внимание исследователей и общественности в целом, в связи, с чем объективный подход к имеющимся источникам и адекватная их оценка имеют очень важное значение для изучения причин, хода и последствий выступлений горцев против Советской власти в рассматриваемый период.

В статье указывается значимость изучения данной темы, которая, в современный период, в связи масштабными политическими, социально-экономическими, идеологическими, культурными и изменениями в нашей стране, а также в свете выявления новых документов и переосмысления имеющихся материалов по данной проблеме, нуждается в определенной корректировке.

При написании статьи авторы опирались на широкий круг источников и литературы и, в которых нашли свое отражение различные оценки участников и современников антисоветского восстания. Также представляет особый интерес научные труды по данной проблематике как отечественных исследователей, так зарубежных, в которых отчасти прослеживаются противоположные тенденции в характеристике и анализе событий гражданской войны в Дагестане.

Ключевые слова:

Историография, документы, печатные издания, гражданская война, антисоветское восстание, Западный Дагестан.

На рубеже XX–XXI вв. вследствие социально-политических и культурно-идеологических преобразований в нашей стране, и в республике в частности, существенно меняется оценка событий прошлого, как исторической наукой, так и обществом в целом, что на наш взгляд, порой носит противоречивый характер.

Особенно острые разночтения находят свое отражение в процессе изучения трагических страниц гражданской войны в Дагестане, в том числе и антисоветского восстания 1920–1921 гг., что вполне оправданно значимостью данных событий в истории нашей республики.

Необходимо отметить, что интерес к проблемам гражд-

данской войны вызван тем, что в последнее время в Дагестане заметен прогресс в досто-верном освещении различных аспектов дагестанской истории, вследствие чего в настоящий период стало возможным выявлять, изучать и публиковать ранее недоступные архивные материалы, излагать открыто свои взгляды, что позволяет по-новому охарактеризовать исторические события советского периода.

В связи с этим, напрашивается вывод о том, что для адекватной оценки событий гражданской войны необходимо объективно подходить к изучению историографического материала по данной проблеме и критически анализировать имеющиеся источники.

На наш взгляд, исследователи как советского, так и современного периодов, не избежали односторонней интерпретации событий гражданской войны, что привело к неоднозначному отношению общества к различным аспектам по данной теме. Особо это проблема коснулась оценки восстания в Западном Дагестане в 1920–1921 гг., историография которой в определенной степени пострадала от идеологического подхода.

Несмотря на наличие ряда исследовательских работ, в которых подробно освещены различные этапы гражданской войны в Дагестане (кандидатская диссертация М. В. Вагабова "Партизанское движение в Дагестане в 1918 – 1921 гг." (1959 г.), докторская диссертация Г. А. Аликберова "Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане" (1962 г.) и др.), некоторые этапы гражданской войны, как например, антисоветское восстание 1920–1921 гг. (если не считать кандидатскую диссертацию М. И. Кичева "Разгром антисоветского мятежа Гоцинского в Дагестане 1920 – 1921 гг." (1955 г.) и докторскую диссертацию Доного М.М. "Нажмудин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века"(2008 г.) остались без должного внимания со стороны исследователей.

В частности, события антисоветского выступления в Западном Дагестане были отражены лишь в обобщающих работах, а существующие немногочисленные специальные исследования и воспоминания участников и современников восстания не дают полного и достоверного представления об описываемых событиях в силу различных причин, среди которых можно выделить следующие: цензура, идеологическая направленность советской исторической науки, недоступность многих архивных документов для исследователей и др.

На наш взгляд, более объективно события антисоветского восстания 1920–1921 гг., были отражены в работах, изданных еще в 20-х гг. XX в.

Так, в 1921 г. в Москве была опубликована работа М.

Павловича [23], где излагаются события осени 1920 г. В частности, он обратил особое внимание на обстановку в Дагестане, описал съезд бедноты в Левашах и мобилизацию красноармейских частей и партизанских отрядов для борьбы против повстанцев. М. Павлович, который сопровождал Г. Орджоникидзе как руководителя Кавбюро РКП (б) в поездке на Кавказ, оставил ценные сведения о политической ситуации в Дагестане в конце 1920 г.

Огромный исследовательский интерес представляет труд командующего Дагестанской группой войск А. Тодорского [29], участвовавший в подавлении восстания в Западном Дагестане. В данной работе А. Тодорский подробно и в хронологическом порядке осветил ход военных действий частей Красной Армии, хотя при этом роль партизанских отрядов в разгроме повстанцев в работе слабо освещена.

В 1928 г. была опубликована работа участника гражданской войны в Дагестане Н. Столярова [26], в которой он со знанием ситуации в регионе достоверно описал зимнюю кампанию 1920 – 1921 гг. в горах Дагестана и Чечни и попытался дать объективную оценку происшедшим в тот период событиям.

Определенный интерес представляют воспоминания командира партизанского отряда Кара Караева, раскывшего в своих книгах "В горах Дагестана" [15] и "Восстание в горах" [16] ход и трагический характер событий, происшедших во время подавления восстания.

Немалую роль в исследовании гражданской войны сыграла работа Али-бека Тахо-Годи [28], представляющая собой оригинальный труд с ценными воспоминаниями о революции и гражданской войне в Дагестане, в которой он сумел подробно исследовать классовую борьбу в Дагестане и идейные основания противоборствовавших сил революции и контрреволюции.

Интересные взгляды на причины и ход восстания мы можем найти в работе Нажмудина Самурского [25], пытавшегося разобраться в предпосылках восстания и проанализировать события гражданской войны в Дагестане, хотя, по нашему мнению, автор нередко переоценивает свои действия, принижая при этом роль других партийных и военных руководителей Дагестана.

Неоценимую помощь при исследовании данного вопроса могут оказать воспоминания видных участников и современников гражданской войны. Так, определенный интерес представляют мемуары командующего повстанческими отрядами полковника М. Джафарова, представителей Горского правительства Г. Баммата, В. Джабаги, П. Коцева, Б. Байтугана и хроника Г. Кадиева, а также мемуары борцов за Советскую власть командира Хунзахского отряда М. Ата-ева, участника защиты Гуниба М.

Мамаева, воспоминания красноармейцев и дагестанских партизан, хранящиеся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

Середина XX столетия характерна появлением работ И. Разгона и А. Мельчина [24], А. С. Гаджиева [6], Б. О. Кашкаева [17], М. А. Даниялова [7], Н. П. Эмирова [30] и др., в которых, на наш взгляд, больше довлела политико-идеологическая функция, нежели аналитическая, но, не смотря на это, они представляют немалый интерес для исследователей истории революции и гражданской войны в Дагестане, в том числе и событий антисоветского восстания 1920 – 1921 гг.

Огромный фактический материал и подробное изложение событий антисоветского восстания содержатся в работе М. И. Кичева [18], который использовал различные источники для детального изучения данной проблемы. Правда, на наш взгляд, ему не удалось избежать тенденциозности в освещении некоторых вопросов, что, по нашему мнению, было связано с господствовавшей в СССР на тот период идеологией. В целом, исследование М. И. Кичева до сих пор не потеряло своей ценности, что позволяет исследователям использовать содержащийся в нем фактический материал.

Интересными и ценными исследованиями, посвященными изучению революционных событий и гражданской войны в Дагестане, являются работы М. В. Вагабова: "Борьба партийной организации Дагестана за интернациональное единство трудящихся в годы гражданской войны (1918 – 1921 гг.)" [4], в которой выделяется роль партийного руководства Дагестана в объединении революционных сил и "Партизанское движение в Дагестане" [5], в которой автор указывает на значительный вклад партизанских отрядов в установлении Советской власти в Дагестане и др.

В целом, авторы указанных выше трудов касаются различных аспектов рассматриваемой проблемы, а в их работах содержится значительный фактический материал и данные архивных источников, однако, зачастую в них односторонне освещаются те или иные события. В частности, в приведенных исследованиях действия контрреволюционных сил за отстаивание своих идей слабо освещены, что не способствует объективной оценке событий тех лет.

Значительный шаг вперед в исследовании истории данного периода произошел в 90-е годы XX в. Намного расширился круг исследуемых проблем, должное место в работах занял вопрос о религиозном факторе. Так, работа И.Х. Сулаева [27] является первой попыткой показать преимущественное влияние религиозного фактора на события 1917–1921 гг. в Дагестане. Автор также исследовал взаимоотношение светской власти (в том числе и

Советской власти) и мусульманского духовенства в период гражданской войны.

Исследование Г.М. Абдуллаева [1] посвящено характеристике общественно-политической и религиозной деятельности одного из признанных лидеров мусульманского духовенства периода гражданской войны шейх-уль-ислама Дагестана Али-Хаджи Акушинского.

При исследовании событий гражданской войны нельзя обойтись и без современных работ, которые рассматривают актуальные проблемы изучаемого периода и дают иную оценку происходившим событиям тех лет.

В частности, среди современных изданий можно выделить следующие работы, в которых исследуются различные аспекты революций 1917 г. и гражданской войны 1918 – 1921 гг. в Дагестане: Г. И. Какагасанова [14], где собраны очень интересные материалы и документы деятельности Союза горцев Северного Кавказа и Горского правительства и даны комментарии к приведенным документам; А-М. Б. Бабаева [3], который указывает на геополитическое и стратегическое значение Кавказа в целом и Дагестана, в частности, что явилось одной из основных причин иностранной интервенции и гражданской войны на Северном Кавказе; Х.М. Махмудова [22] изучивший особенности сложной обстановки в годы революций 1917 г. и гражданской войны в Южном Дагестане; А. Р. Исмаилова и Г. М. Исмаилова [12], в которой критикуется позиция Х-М. Доного в вопросе оценки деятельности Нажмуддина Гоцинского и антисоветского восстания 1920 – 1921 гг.

Большой интерес представляет также коллективный труд – "История Дагестана с древнейших времен до наших дней" в 2-х т. [13], в котором с современных позиций дана оценка событиям гражданской войны в Дагестане и восстания 1920 – 1921 гг.

Дополнением к приведенным изданиям послужат также работы А. Г. Агаева [2], А. М. Магомедова [19], М.Г. Магомедова [20], Р.М. Магомедова [21] и др.

В современных изданиях большое внимание уделяется и лидерам антисоветских сил. В частности, среди них можно выделить Н. Гоцинского, личность которого и по настоящее время оценивается противоречиво.

На это обращает внимание Доного М.М., в своих работах "Контрреволюция" [9], "Нажмуддин Гоцинский: грани личности" [10], "Нажмуддин Гоцинский" [11], и др., в которых он попытался дать свою оценку антисоветскому восстанию 1920 – 1921 гг. и его лидеру Н. Гоцинскому, хотя при этом, на наш взгляд, автору не удалось избежать некоторой идеализации образа и деятельности последнего.

Должного внимания заслуживает зарубежная историография, без которой нельзя обойтись в деле изучения подобных серьезных вопросов в исследовании. Аналитические материалы военного историка В. Аллена "Военные действия в Дагестане 1917–1921 гг." [31] представляют собой военно-исторический анализ хода гражданской войны в Дагестане. Автор сопоставляет военные действия в Дагестане с военными действиями в горных местностях Северной Африки и Азии. Этот же автор совместно с П. Муратовым в книге "Кавказские поля сражения" [32] в разделах "Турецкое вторжение в Закавказье, 1918 г." и "Революция в Дагестане (1917–1921)" дает освещение событий, связанных с гражданской войной в Дагестане.

В очерке гражданской войны в Дагестане, помещенном во 2-ом томе "Русской революции", У. Чемберлен [34] отмечает большую роль дагестанцев в отвлечении сил Деникина во время его наступления на Москву. Автор подробно останавливается на описании восстания горцев под руководством Гоцинского в 1920–1921 гг. Первоначальный успех восставших У. Чемберлен объясняет хорошим знанием ими географических условий местности, в которой происходили военные операции, но не говорит о хорошем вооружении повстанцев, о готовивших их инструкторов на территории меньшевистской Грузии, привлечении к восстанию бывших царских офицеров и других специалистов.

Воспоминания английского генерала Л. Денстервилля [8], возглавлявшего английских интервентов в Баку, цен-

ны не только как современника, но и как активного, опытного руководителя операции на Кавказе.

Характеристика лидера антисоветского восстания 1920–1921 гг. Нажмуддина Гоцинского и анализ его деятельности представлены в труде Р. Пайпса [35], который подчеркивает стремление Н. Гоцинского использовать религиозность горцев в своих политических интересах.

Интересные материалы, имеющие отношение к истории Гражданской войны в Дагестане, опубликовал в своей книге специальный корреспондент английской газеты "Манчестер Гардиан" М. Прайс [36].

Исследованием событий антисоветского восстания в 1920–1921 гг. в Западном Дагестане занимался М. Беннигсен-Броксап, который в основном опирался на советские источники [33].

Существенным недостатком в работах зарубежных исследователей является некоторая тенденциозность в освещении различных событий гражданской войны в Дагестане, но вместе с тем выше перечисленные издания, на наш взгляд, вносят определенную ясность в изучении многих аспектов рассматриваемой проблематики.

В целом, подводя итоги данной статьи, необходимо отметить, что и в настоящий период ряд источников, относящихся к рассматриваемой теме, неполно и однобоко освещены в исторической науке, в связи с чем, разностороннее изучение данной проблематики имеет свою перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Г. М. Али-Хаджи Акушинский общественно-политический и религиозный деятель Дагестана: Дис... канд. ист. наук. – Махачкала, 2003.
2. Агаев А. Г. Нажмутдин Самурский. Дагестан: время, судьбы. – Махачкала, 1990.
3. Бабаев А.–М. Б. Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX в. – Махачкала, 2005.
4. Вагабов М. В. Борьба партийной организации Дагестана за интернациональное единство трудящихся в годы гражданской войны (1918 – 1921 гг.). – Махачкала, 1967.
5. Вагабов М. В. Партизанское движение в Дагестане. – Махачкала, 1959.
6. Гаджиев А. С. Дагестанский областной комитет РКП (б) – организатор и руководитель борьбы трудящихся Дагестана за установление Советской власти (1919 – 1920 гг.). – Махачкала, 1959.
7. Даниялов М. А. Правда и ложь о Советском Дагестане. – Махачкала, 1984.
8. Денстервилль Л. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918 (Воспоминания). – Тифлис, 1925.
9. Доного Х. М. Контрреволюция. – Махачкала, 2004.
10. Доного Х. М. Нажмуддин Гоцинский: грани личности. – Махачкала, 2002.
11. Доного Х. М. Нажмуддин Гоцинский. – Махачкала, 2011.
12. Исмаилов А. Р., Исмаилов Г. М. Изучение нового периода истории Дагестана. Конец XX – начало XXI вв. Учебно-методическое пособие. – Махачкала, 2005.
13. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2–х т. – Москва–Махачкала, 2004 – 2005. Т. 2. 2005.
14. Какагасанов Г. И. и др. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.). Горское правительство (1918 – 1920 гг.). Док-ты и мат-лы. – Махачкала, 1994.
15. Караев К. В горах Дагестана. – Махачкала, 1957.
16. Караев К. Восстание в горах. – Махачкала, 1963.

17. Кашкаев Б. О. Вечен в сердце народа. – Махачкала, 1987.
18. Кичев М. Из истории борьбы за укрепление Советской власти в Дагестане (1920 – 1921гг.). – Махачкала, 1963.
19. Магомедов А. М. Алибек Тахо-Годи. – Махачкала, 1993.
20. Магомедов М. Г. История аварцев. – Махачкала, 2005.
21. Магомедов Р. М. Дагестан: исторические этюды. – Махачкала, 2001.
22. Махмудов Х.М. Южный Дагестан в годы революций 1917 года и гражданской войны: специфика и региональные особенности проявления: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.
23. Павлович М. На высотах Красного Дагестана. – М., 1921.
24. Разгон И., Мельчин А. Борьба за власть Советов в Дагестане (1917 – 1921 гг.). – Махачкала, 1945.
25. Самурский Н. Гражданская война в Дагестане. – Махачкала, 1925.
26. Столяров Н. П. Борьба Красной Армии в Дагестане в 1920 – 1921 гг. – М., 1928.
27. Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство и светская власть: борьба и сотрудничество (1917 – 1921 гг.). – Махачкала, 2004.
28. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала, 1927.
29. Тодорский А. И. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. – М., 1925.
30. Эмиров Н. П. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. – М., 1949.
31. Allen W.E.D. Military Operation in Daghestan 1917–1921 // The Army Quarterly. – L. 1934–1935. V. 29.
32. Allen W.E.D. and Muratoff P. Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco–Caucasian border 1828–1921. Cambridge, 1953.
33. Bennigsen–Broxup M. The last ghazawat: The 1920–1921 uprising. The North Caucasus Barrier The Russian Advance towards the Muslim World. – L., 1992.
34. Chamberlin W.H. The Russian revolution 1917–1921. New–York, 1935. V. 2.
35. Pipes R. The formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. – Cambridge, 1954.
36. Price M P. War and Revolution in Asiatic Russia. – L., 1918.

© Г.М. Гусейнов, Д.Т. Джафарова, (socfacdgu@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

7-9

декабря

КАЗАНЬ-2016

ОРГАНИЗАТОРЫ
 Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан,
 Ассоциация предприятий и предпринимателей Республики Татарстан,
 Мэрия города Казани,
 ОАО «Казанская ярмарка»

При поддержке Президента и Правительства Республики Татарстан

Реклама

16-я международная специализированная выставка

Машиностроение. Металлообработка. Казань

11-я специализированная выставка

ТехноСварка Казань

ОАО «Казанская ярмарка»
 Тел/факс: (843) 570-51-26,
 570-51-11-круглосуточно
 Россия, 420059, г. Казань,
 Оренбургский тракт, 8
 E-mail: d9@expokazan.ru
www.expomach.ru,
www.svarkaexpo.ru,
www.expokazan.ru

КОНТРУДАР ГРУППЫ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА И.В. БОЛДИНА ПОД ГРОДНО 24 - 26 ИЮНЯ 1941 г.

THE COUNTERATTACK OF THE GROUP LIEUTENANT-GENERAL I.V. BOLDIN NEAR GRODNO ON 24 - 26 JUNE 1941

A. Kulagin

Annotation

"In the present article will focus on the role and military actions of the group Lieutenant-General I. V. Boldin in the composition of the 6th and 11th mechanized corps during 24 – 26 June 1941.

Also in the article is lighted the preparations, progress and outcome of the counterattack of the compounds of the mechanized cavalry group of General I.V. Boldin near the city of Grodno against the 20th and 8th army corps of the enemy, thanks to which escaped immediate destruction and the environment 3th portion of the compounds 10th armies of the Western front".

Keywords: group Lieutenant-General I.V. Boldin, 6th mechanized corps, the 11th mechanized corps, Grenoble, 20th army corps, 8th army corps, 3rd army, 10th army.

Кулагин Андрей Сергеевич

Аспирант

*Московского Государственного
Педагогического Университета*

Аннотация

"В настоящей статье основное внимание будет уделено роли и военным действиям группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина в составе 6-го и 11-го механизированных корпусов во время 24 – 26 июня 1941г. Также в статье освещается подготовка, ход и результаты контрудара соединений конно-механизированной группы генерала И.В. Болдина под г.Гродно против 20-го и 8-го армейских корпусов противника, благодаря которому избежали немедленного уничтожения и окружения 3-я и часть соединений 10-й армии Западного фронта".

Ключевые слова:

Группа генерал-лейтенанта И.В. Болдина, 6-й механизированный корпус, 11-й механизированный корпус, г.Гродно, 20-й армейский корпус, 8-й армейский корпус, 3-я армия, 10-я армия.

22.06.1941г. в полосе ответственности 3-й армии генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова перешел в наступление 22 июня 1941г. VIII армейский корпус 9-й немецкой армии.

Под ударами VIII и XX армейских корпусов противника целостность обороны 3-й советской армии на гродненском направлении была нарушена. 8-я и 28-я пехотные дивизии VIII армейского корпуса и 256-я пехотная дивизия XX армейского корпуса прорвались к шоссе Августов – Гродно и быстро продвигались в направлении на г. Гродно. Еще одна дивизия VIII армейского корпуса – 161-я пехотная дивизия – наступала к р. Неман. Занимавшая оборону на широком фронте 56-я стрелковая дивизия 3-й армии не смогла сдержать наступления массы немецкой пехоты, поддержанной мощным артиллерийским кулаком.

Развал обороны 56-й стрелковой дивизии под натиском противника вынудил командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова принять срочные меры для стабилизации фронта обороны армии. Единственным подвижным резервом в распоряжении командующего 3-й армией был 11-й механизированный корпус генерал-

майора Д.К. Мостовенко. 22 июня 1941г., с момента авианалета немецкой авиации на Волковыск в 4.00, связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части 11-го механизированного корпуса выступили самостоятельно в район Гродно согласно плану прикрытия. Этот маневр вполне соответствовал идее командования по использованию 11-го механизированного корпуса для стабилизации фронта стрелковых частей. Впрочем, состояние боеготовности 11-го механизированного корпуса было не на высоте. Как писал позднее Д.К. Мостовенко, ввиду нехватки матчасти и вооружения, в поход было взято примерно 50% личного состава соединений. Остальные были отправлены в тыл. Накануне войны 11-й механизированный корпус находился во втором эшелоне 3-й армии. В докладе заместителю Наркома обороны СССР генерал-лейтенанту Я.Н. Федоренко о боевых действиях командир 11-го механизированного корпуса дает следующую оценку боевым возможностям своего механизированного соединения: "В своем состоянии мехкорпус представлял собой танковую бригаду с разделенной между трех дивизий матчастью, а отнюдь не механизированный. Танки Т-26 и БТ были получены на укомплектование из других частей с небольшим запасом моточасов, с большим износом ходовой части, особенно у БТ. Обес-

печенность экипажами составляла 13 – 17% штатного количества мехводителей и командиров танков"[1.С.35]. Часть боевых машин (10 – 15%) были неисправны и их пришлось оставить в военных городках.

Так как 11-й механизированный корпус был рассредоточен на большом пространстве, он не мог одновременно всеми силами нанести контрудар по наступающим частям VIII и XX армейских корпусов 9-й армии противника.

В связи с тем, что пограничные части, совместно с частями 4-го стрелкового корпуса, не смогли сдержать наступающего противника, всю тяжесть боев на себя приняли 29-я и 33-я танковые дивизии.

В боевом донесении штаба 3-й армии №3/оп к 10.15 22 июня 1941г. о боевых действиях войск армии говорилось следующее:

"1. Противник прорвал наши войска и овладел Солоцкин, Гольнка и Липск. Налет авиации на Гродно продолжается.

2. Части 3-й армии сдерживают наступление, отходят и к 10.00 22.6.41г. занимают 9 и 10 узлы обороны 68-го укрепленного района, удерживают занимаемый к 4.00 22.6.41г. рубеж.

213-й стрелковый полк ведет бой на высоте северо-восточнее Солоцкин. Из Солоцкин и Липск наши части отходят на Гродно.

3. 29-й танковой дивизии отдано приказание совместно с 56-й стрелковой дивизией атаковать прорвавшиеся части противника в направлении Солоцкин и Гольнка..." [2.Л.397].

После получения боевого приказа, соединения 11-го механизированного корпуса из-за отсутствия времени без всякой подготовки, приступили к его выполнению. Они сходу вступали в бой по мере прибытия к району боевых действий.

В 15 км западнее Гродно между частями 11-го механизированного корпуса и соединениями XX армейского корпуса противника в первой половине дня 22.6.41г. развернулся ожесточенный встречный бой. 29-я танковая дивизия, развернувшись на 6-километровом фронте западнее Гродно, атаковала противника в направлении Солоцкин и, продвинувшись на 6 – 7 км, приостановила его наступление.

Соединения VIII армейского корпуса противника, атакованные 29-й и 33-й танковыми дивизиями, приостановили наступление и перешли к обороне, используя рельеф местности и выгодные рубежи.

Всего, по немецким данным, за 22 июня 1941г. в бо-

ях на подступах к Гродно было уничтожено 180 советских танков, из них только 8-я пехотная дивизия отчиталась о 80 единицах. Позднее заявка была откорректирована до 115 подбитых советских танков. Атакам танков 29-й и 33-й танковых дивизий также подверглись передовые части 256-й пехотной дивизии, продвинувшейся до Нового Двора. Противник отчитался о 8 танках, подбитых им на позициях в Новом Дворе.

Генерал-майор Д.К. Мостовенко в своем отчете написал: "Противник, атакованный танковыми дивизиями, приостановил наступление и перешел к обороне, используя населенные пункты и реки" [3.Л.64]. В отчете VIII армейского корпуса о танковых атаках 11-го механизированного корпуса было сказано следующее: "Они пытались смять наступающий клин VIII корпуса, вводя все новые и новые атакующие эшелоны (всего более 500 танков в 13 – 14 эшелонах). После потери более 120 танков атаки были прекращены" [4.Л.3].

Контрударом 11-го механизированного корпуса 3-й армии удалось избежать немедленного прорыва противника к Гродно вдоль шоссе. О характере сопротивления войск 3-й армии генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова в вечернем донесении отдела разведки 9-й армии противника от 23 июня 1941г *говорится следующее:*

"... На участке Гродно попытки 3-й армии силами 56-й и 85-й стрелковых дивизий организовать оборону за Неманом севернее Гродно на линии Домброва, Новы-Двур, Гродно. При этом наши части контратакованы сильными танковыми группами.

... Из состава 56-й стрелковой дивизии в районе Солоцкина держится лишь 132-й стрелковый полк.

Русские сражаются до последнего, предпочитают плену смерть. Большие потери личного состава, мало пленных" [5.Л.34].

Севернее Гродно, по северному берегу Августовского канала, к Неману вышла 161-я пехотная дивизия VIII армейского корпуса. К 12.00 через Неман был переправлен один полк, а к вечеру – построен мост. Угроза обхода Гродно с севера была воспринята командующим 3-й армией генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым очень серьезно. Между командующим Западным фронтом генералом Д.Г. Павловым и командующим 3-й армией генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым состоялся разговор, о котором Д.Г. Павлов вспоминал: "На мой вопрос, каково положение на его правом фланге, Кузнецов ответил, что там положение, по его мнению, катастрофическое, так как разрозненные части в районе Коце (севернее Гродно) с трудом сдерживают натиск противника, а стрелковый полк, находящийся между Коце и Друскеники, был смят ударом с тыла очень крупных механизированных частей, но что он сейчас собирает все, что у него

есть под рукой, и бросает в район Коце" [6.С.459].

Опасения командующего 3-й армии вполне понятны, ведь это был обход фланга его армии левифланговыми подразделениями LVII моторизованного корпуса противника. Поэтому генерал-лейтенант В.И. Кузнецов прямо сказал командующему Западным фронтом генералу армии Д.Г. Павлову, что Гродно придется оставить.

Решение командующего 3-й армией оставить Гродно было, по крайней мере, спорным, хотя и объяснимым. Оно существенно ухудшило условия, в которых войскам 3-й армии пришлось сражаться в дальнейшем. Кроме того, в Гродно были сосредоточены запасы боеприпасов, которые частично были розданы войскам, а частью уничтожены. В итоге 24 июня 1941г. генерал-лейтенант В.И. Кузнецов докладывал в штаб фронта: "В частях создавалось чрезвычайно тяжелое положение с боеприпасами". В донесении разведотдела 9-й армии противника говорилось следующее: "... В Гродно захвачены большие трофеи оружия, боеприпасов и продовольствия" [7.Л.34].

В 23.40 22 июня 1941г. командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов приказал своему заместителю генерал-лейтенанту И.В. Болдину: "Организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кавалерийская дивизия, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р.Неман и не допустить выхода его частей в район Волковыск" [8.С.24].

КМГ выходила на исходные позиции для контрудара. В.И. Болдин вспоминал: "На КП прибыл командир 6-го механизированного корпуса генерал-майор М.Г. Хацкилевич. Он-то мне и нужен! Ставлю перед ним задачу – с наступлением темноты сдать частям 10-й армии занимаемый рубеж обороны по восточному берегу Нарева и к утру сосредоточиться в лесу в десяти километрах северо-восточнее Белостока. 29-ю механизированную дивизию ночью перебросить из Слонима в Сокулку и посадить в оборону на рубеже Кузница, Сокулка, чтобы прикрыть развертывание главных сил 6-го механизированного корпуса и 36-й кавалерийской дивизии. Затем с рассветом нанести контрудар в направлении Белосток, Гродно и, взаимодействуя с 11-м механизированным корпусом, уже вступившим в бой южнее Гродно, разгромить группировку противника, наступающего на Крынки" [9.С.95].

Однако сдать рубеж обороны по Нареву войскам 10-й армии полностью не удалось. На нем были оставлены значительные силы 6-го мехкорпуса. Командир 7-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск Борзилов в своем отчете по итогам боев писал следующее: "Посту-

пили новые сведения: танковая дивизия противника прорвалась между Гродно и Сокулка. В 14.00 23.6 дивизия получила новую задачу – двигаться в направлении Сокулка – Кузница, уничтожить прорвавшуюся ТД с выходом в район сбора южнее Гродно (примерно 140км). Выполняя задачу, дивизия в первой половине дня 24.6 сосредоточилась на рубеже для атаки южнее Сокулки и старое Дубровое" [10.ЛЛ.52 – 53]. К моменту получения новой задачи 7-я танковая дивизия подверглась ударам авиации противника.

Кто же входил в сувалковскую группу противника? На направление намеченного командованием Западного фронта контрудара 23.6.1941г. выдвигались части XX армейского корпуса 9-й армии противника.

Задачей XX армейского корпуса было движение уступом вправо с далеко идущими целями. Во-первых, левифланговая 256-я пехотная дивизия должна была захватить переправу через Неман у Лунны. Во-вторых, части корпуса должны были создать заградительную линию фронтом на юго-запад, перекрывая советским войскам пути отхода из Белостокского выступа на северо-восток. Одновременно этим маневром XX армейский корпус прикрывал фланг VIII армейского корпуса, давая ему свободу маневра для прорыва в тыл Западного фронта.

Задачей на 24.6.1941г. для соединений XX армейского корпуса был выход 162-й пехотной дивизии в район Сидры, а 256-й пехотной дивизии – в район Индуры. Тем самым части неприятеля выходили южнее Гродно, сужая коридор для отступления соединений 3-й и 10-й армий.

До выхода в назначенный для контрудара район группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина район к югу и юго-западу от Гродно оставался в ведении 3-й армии генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова. Здесь действовал 11-й механизированный корпус генерал-майора Д.К. Мостовенко, подпиравший рассыпающуюся оборону стрелковых дивизий 3-й армии. По приказу генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова 11-й механизированный корпус должен был 23.6.1941г. отойти на рубеж р.Свислочи. Решение это было прямым следствием сдачи Гродно. К тому же приказ на отход обороняющейся под Гродно 29-й танковой дивизии был отдан командующим 3-й армией без уведомления командира 11-го механизированного корпуса генерал-майора Д.К. Мостовенко. В результате 29-я танковая дивизия начала отход, открывая фланги соседней. Генерал-майор Д.К. Мостовенко остановил отход дивизии и приказал возвращаться на исходные позиции. 29-я танковая дивизия отбила прежнюю позицию, потеряв 25 танков.

Фактически, в это время 11-й механизированный

корпус удерживал позиции, с которых можно было нанести контрудар группой генерал-лейтенанта И.В. Болдина. Однако оставление Гродно существенно осложнило положение. Части противника медленно отсесняли 11-й механизированный корпус. В 2.00 ночи 24.6.1941г. части 256-й пехотной дивизии заняли Кузницу. В течение ночи в деревне скапливаются 5,5 батальона пехоты, артиллерия всех типов, два дивизиона "Штурмгешютцев". В 7.00 утра противник начал наступление дальше на юг, к Индуре. Однако немецкая пехота была атакована к югу от Кузницы советскими танками, поэтому была вынуждена перейти к обороне.

По сравнению с запланированным командующим Западным фронтом вечером 22.6.1941г. составом группа генерал-лейтенанта И.В. Болдина была существенно ослаблена. Из нее были изъяты мотострелковый полк 7-й танковой дивизии и значительная часть 4-й танковой дивизии. Они были использованы для обороны линии Нарва западнее и юго-западнее Белостока. Фактический состав группы Болдина, ввиду отсутствия документов советской стороны, установить затруднительно.

Однако, по данным немецкой разведки, он был следующим:

- ◆ 29-я моторизованная дивизия;
- ◆ 7-я танковая дивизия без мотострелкового полка;
- ◆ 6-я кавалерийская дивизия;
- ◆ 36-я кавалерийская дивизия;
- ◆ возможно, 8-й танковый полк 4-й танковой дивизии.

Таким образом, в распоряжении И.В. Болдина было сосредоточено для контрудара 3 – 4 танковых полка 6-го механизированного корпуса и танковые части 6 – го кавкорпуса. Количество пехоты, наоборот, было незначительным – два мотострелковых полка 29-й моторизованной дивизии и кавалерийские полки 6-го кавкорпуса. Артиллерии также было мало. По немецким оценкам в бою участвовало 3 тяжелых и 2 легких артполка двухдивизионного состава каждый.

Командование VIII корпуса 24.6.1941г. собиралось продолжить движение на восток с открытыми флангами, когда разведка донесла о подходе сильных танковых сил из Индуры в направлении Гродно и о накоплении танков в районе Индуры. Это заставило оставить один полк 8-й пехотной дивизии под Гродно, усилив ее дивизионом 150-мм гаубиц и дивизионом 88-мм зениток.

Тем временем генерал И.В. Болдин выдвинул вперед 29-ю моторизованную дивизию для удержания исходных позиций для контрудара. 11-й мехкорпус отходил под на-

жимом противника и этот маневр оказался своевременным.

В назначенный район части 29-й дивизии вышли на широком фронте и столкнулись с обоими соединениями XX корпуса. Один отряд 29-й мд утром 24.6 вышел к деревне Сидры в 17 км к северу от Сокулки. Там он был встречен полком 162-й пехотной дивизии. После короткого боя уже в 11.00 (по немецкому времени) отряд 29-й моторизованной дивизии был отброшен назад, потеряв 7 танков, он, однако, смог закрепиться в 3км южнее Сидры. Более напряженно развивались события в полосе действий второго отряда 29-й моторизованной дивизии. Он ранним утром 24.6. столкнулся в районе Кузницы с наступающей боевой группой 256-й пехотной дивизии. Несмотря на неоднократные атаки, полностью остановить продвижение противника передовому отряду не удалось. К вечеру 24.6 фронт здесь откатился примерно на 5 км назад. По данным немецкой разведки, в этих боях участвовал 47-й танковый полк 29-й мотодивизии, вооруженный танками БТ, вследствие чего серьезный удар он нанести не мог. Тем не менее, высланным передовым отрядам удалось снизить темп наступления противника.

Прибытие соединений группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина позволило днем 24.6 стабилизировать положение 11-го мехкорпуса генерал-майора Д.К. Мостовенко. Его части участвовали в атаках на Кузницу, в районе которой сосредоточились главные силы 256-й пехотной дивизии противника. До вечера 24.6 11-й мехкорпус провел более десяти атак танковых атак, нацеленных в основном на Кузницу, но частью сил 11-й мехкорпус атаковал плацдарм 8-й пехотной дивизии южнее Гродно. Как пишет исследователь белостокского окружения Хейдорн: "Германские "Штуки" и управляемый самолетом-корректировщиками управляемый артиллерийский огонь, равно как и обстрел прямой наводкой, сорвали все эти атаки" [11.S.235]. Ввиду угрозы обхода со стороны Гродно и подвергаясь натиску с фронта, генерал-майор Д.К. Мостовенко был вынужден отдать приказ отойти с занимаемых позиций.

К этому моменту в 29-й танковой дивизии осталось, по отчету Д.К. Мостовенко, около 60 танков, включая 10 Т-34. Ударные возможности корпуса были исчерпаны.

Тем не менее противник высоко оценил действия 11-го мехкорпуса и передовых отрядов 6-го мехкорпуса. В промежуточном донесении группы армий "Центр" за 24.6 от 19.45 *говорилось следующее:*

"Сильный вражеский контрудар с применением танков против Кузница и Гродно с юга и юго-востока. Здесь идут тяжелые бои (по атакующим вражеским танкам действовали пикирующие бомбардировщики; отдан приказ о

переброске сюда 129-го противотанкового дивизиона, одной зенитной батареи VIII АК, а также 129-й пехотной дивизии в полосу XX АК)" [12Л.65].

В итоговом донесении группы армий за день говорилось о том, что "XX АК и 8 пд VIII АК временно перешли к обороне" [13С.140].

Наступление группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина началось вечером 24.6.1941г. По немецким данным, первая атака последовала только в 19.00 (по берлинскому времени) и была нацелена на деревню Сидры, занимавшуюся главными силами 162-й пехотной дивизии. В итоге командир XX армейского корпуса генерал Матерна был вынужден принять решение оставить позиции и отступить на несколько километров на север.

В 1.00 ночи последовало наступление силами 36-й кавалерийской дивизии на узел дорог Даброву, пришедшейся на слабый участок фронта противника. Даброва была расположена на стыке 129-й и 162-й пехотных дивизий и занята только одной ротой. В итоге положение приобрело для противника настолько невыгодный оборот, что командование было вынуждено усилить оборону отправкой в Даброву пехоты и артиллерии. Только рано утром 25.6.1941г. противнику удалось вновь прочно занять позиции в этом узле дорог.

Рано утром 25.6.1941г. наступление группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина продолжилось. Атаки последовали при артподдержке с направлением главного удара между Сидрой и Маковланами (3 км на юго-юго-запад от Сидры), в тыл частям в Кузнице. Жестокие бои в этом районе длились всю первую половину дня, но не удалось добиться даже тактического успеха. Единственным достижением стал глубокий танковый прорыв у с.Поганицы в 5 км южнее Сидры около 10.00 25.6.1941г.

Одновременно атаке подверглись позиции 256-й пехотной дивизии под Кузницей. В истории полка этого соединения записано: "Как и предполагалось, все загнанные в котел Белостока русские силы попытались прорваться в северо-восточном и восточном направлениях. Для этого особо удобной представлялась дорога через Соколку, Кузницу, Гродно. На этой дороге в течение 24 и 25 июня пришлось отбить тяжелые атаки вражеских танков" [14.С.58].

Утром и днем 25.6.1941г. наступающие советские части подверглись ударам VIII авиакорпуса Люфтваффе и в конечном итоге атаки были прекращены около 12.00. Части группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина отступили в юго-западном направлении. Наблюдавший за контрударом со стороны командир 11-го мехкорпуса позднее писал в своем отчете: "Наступление 6 МК успе-

ха не имело. 4 тд продвинулась до Кужница и стала отходить" [15.Л.65].

В ходе контрудара 3-й армии и группы И.В. Болдина под Гродно в построении войск неприятеля образовался разрыв. В отчете VIII армейского корпуса по итогам боев сказано: "Особенную заботу создавал для корпусного командования разрыв, зияющий у Лососны между 256-й дивизией и правым крылом 84-го пехотного полка, тем более потому, что там, на аэродроме Каролин, еще утром располагалась корпусная эскадрилья ближней разведки. Если бы русские предприняли в северо-западном направлении атаку, то здесь они не натолкнулись бы ни на какое бы сопротивление" [16.Л.9].

Использование этой бреши выводило бы любое из атакующих советских танковых подразделений прямо в тыл XX корпусу неприятеля, к штабу корпуса в Новом Дворе. Такой удар, скомбинированный с фронтальными атаками, мог бы заставить противника отступить.

11-й механизированный корпус в контрударе 25.6.1941г. не участвовал. 33-ю танковую дивизию генерал-лейтенант И.В. Болдин подчинил себе, 29-я танковая и 204-я моторизованная дивизии решали сугубо оборонительные задачи. Так, им пришлось отражать попытку неприятеля форсировать Неман с востока на запад, угрожая флангу группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина. Командир 11-го мехкорпуса подтверждает данные об интенсивных авиаударах неприятеля днем 25.6.1941г. в своем отчете: "Особенно усиленная бомбардировка производилась в этот день авиацией, и уцелевшие от предыдущих дней тылы были уничтожены. Ни одна машина не могла показаться на открытом месте, не будучи уничтожена. Расположение частей также подвергалось беспрепятственным бомбардировкам и обстрелу авиации" [17.Л.65].

Кроме авиаударов причиной вывода частей группы И.В. Болдина из боя было то, что с вечера 24.6.1941г. они вели наступательные действия, идя в бой с марша. Нужно было время на заправку машин и их техобслуживание. Командир 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса писал в своем отчете: "В частях дивизии ГСМ было на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-за отсутствия тары и головных складов, правда удалось заполнить одну заправку сгоревших складов Кузница и м.Кринки (вообще ГСМ добывали кто как сумел)" [18.Л.53].

Тем не менее 6-й мехкорпус мог бы продолжить атаку спустя несколько часов. Но в 15.40 25.6.1941г. из штаба Западного фронта последовал приказ о выводе 6-го мехкорпуса из боя и сосредоточение в районе Слони-

ма. Связано это было с прорывом танковой группы генерала Г.Гудериана.

Контрудар группы И.В. Болдина можно считать завершившимся в полдень 25.6.1941г. *Каковы были его итоги?*

Немецкий исследователь Хейдорн писал:

"Без сомнения, советские атаки 24 и 25 июня южнее и юго-восточнее Гродно завершились тяжелым тактическим поражением. Несмотря на использование большого числа танков, русским не удалось разгромить расположенные на не слишком удачных позициях части XX АК.

Напротив, были понесены тяжелые потери в танках. По данным XX АК, число уничтоженных советских танков было следующим:

- ◆ 256-я пд – 87;
- ◆ 162-я пд – 56;

- ◆ 2-я рота 4-го полка зенитной артиллерии – 21;
- ◆ VIII авиакорпус – 43;
- ◆ Итого – 207" [19.S.235 – 236].

Вместе с тем оценивать контрудар группы генерала И.В. Болдина только отрицательно было бы ошибкой. Хейдорн пишет: "На оперативном уровне, однако, советские атаки принесли успех. Германский XX АК оказался настолько серьезно скованным, что лишь к 27 июня оказался в состоянии вновь перейти к наступлению. Таким образом он потерял 3,5 дня" [20.S.236].

Поставленные XX армейскому корпусу задачи к моменту отхода группы генерала И.В. Болдина от Гродно выполнены не были. Фактически контрудар 6-го механизированного корпуса предотвратил быстрое формирование кольца окружения в районе Волковыска силами XX и VIII армейских корпусов и уничтожения противостоящей им 3-й армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А., Сурков А. 1941: Бои в Белоруссии//Фронтальная иллюстрация №2,2003.С35.
2. Боевое донесение штаба 3-й армии №3/оп к 10.15 22 июня о боевых действиях войск армии //ЦАМО РФ.Ф.208.Оп.2454.сс.Д.22.Л.397.
3. Отчет командира 11-го механизированного корпуса от 22 июня 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.208.Оп.2511.Д.83.Л.64.
4. Отчет 8-го армейского корпуса от 22 июня 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.500.Оп.12462.Д.320.Л.3.
5. Донесение отдела разведки 9-й армии противника от 23 июня 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.500.Оп.12462.Д.547.Л.34.
6. 1941год. Документы. Т.2. М.: Международный фонд "Демократия",1992.С.459.
7. Донесение отдела разведки 9-й армии противника от 23 июня 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.500.Оп.12462.Д.547.Л.34.
8. Переговоры командующего войсками Западного фронта с заместителем командующего войсками фронта генерал-лейтенантом Болдиным о создании ударной группы под руководством генерал-лейтенанта Болдина в 23.40 от 22 июня 1941г.//Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.Вып.№35. – М.: Воениздат,1958.С.24.
9. Болдин И.В. Страницы жизни. – М., 1965.С.95.
10. Доклад командира 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса генерал-майора танковых войск Борзилова С.М. о состоянии и действиях 7-й танковой дивизии от 4.8.1941г. //ЦАМО РФ.Ф.38.Оп.11353.Д.5.ЛЛ.52 – 53.
11. Heydorn Volker Detlef. Der sowjetische Aufmarsch im Bialostoker Balkon bis zum 22. Juni 1941 und der Kessel von Volkowysk. Munchen, Verlag, fur Wehrwissenschaften,1989.
12. Донесение группы армий "Центр" в 19.45. от 24 июня 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.500.Оп.12462.Д.547.Л.65.
13. Исаев А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. – М.: Яуза,Эксмо.2010.С.140.
14. Selz B. Das gruene Regiment. Der Weg der 256. Infanterie-Division aus der Sicht des Regiments 481. Keherer,1970.S.58.
15. Отчет командира 11-го механизированного корпуса о итогах боев от 13.08.1941г.//ЦАМО РФ.Ф.208.Оп.2511.Д.83.Л.65.
16. Отчет 8-го армейского корпуса противника по итогам боев//ЦАМО РФ.Ф.500.Оп.12462.Д.320.Л.9.
17. Отчет командира 11-го механизированного корпуса о итогах боев от 13.08.1941г.//ЦАМО РФ.Ф.208.Оп.2511.Д.83.Л.65.
18. Доклад командира 7-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса генерал-майора танковых войск Борзилова С.М. о состоянии и действиях 7-й танковой дивизии от 4.08.1941г.//ЦАМО РФ.Ф.38.Оп.11353.Д.5.Л.53.
19. Heydorn V.-D. Op.cit.S.235 – 236.
20. Heydorn V. D. Op.cit.236.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИЙ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

THE ROLE OF TRADITIONAL RELIGIONS IN STRENGTHENING INTERFAITH DIALOGUE IN THE NORTH CAUCASUS

F. Kuliev

Annotation

In this article, the author notes that in an environment of a growing number of new religious movements and strengthening the role of religion in society, the problem of interfaith relations in Russia as a whole and within its regions is an important factor in ensuring and forming of tolerance in social, inter-ethnic, interfaith relations. According to the author, traditional religions which have a rich and centuries-old experience of cooperation in the territory of Russia should play a key role. In conclusion, the author formulated a number of mechanisms for formation and implementation of interfaith dialogue in the North Caucasus.

Keywords: Orthodoxy, Islam, new religious movements, tolerance, Caucasus viceroyalty, the North Caucasus, interfaith dialogue, civilization-state, national security.

*Кулиев Фарман Мурувват оглы
Д.и.н., профессор, Российская Академия
народного хозяйства и Государственной
службы при Президенте Российской
Федерации "Северо-кавказский институт",
г. Пятигорск*

Аннотация

В данной статье автор отмечает, что в условиях роста количества новых религиозных движений, а также усиления роли религий в обществе, проблема межконфессиональных отношений в России в целом и ее регионах является важным фактором обеспечения и формирования толерантности в социальных, межэтнических, межконфессиональных отношениях. По мнению автора, важную роль должны играть традиционные религии, имеющие богатый и многовековой опыт взаимодействия на территории нашего государства. В заключении автором статьи сформулирован ряд механизмов формирования и реализации межконфессионального диалога на Северном Кавказе.

Ключевые слова:

Православие, ислам, новые религиозные движения, толерантность, Кавказское наместничество, Северный Кавказ, межконфессиональный диалог, государство-цивилизация, национальная безопасность.

От возрождения духовного потенциала, налаживания межконфессионального диалога внутри страны зависит становление развитого гражданского общества и модернизация страны.

Являясь великой Евразийской державой, Россия, во все периоды своего исторического развития не только демонстрировала всему миру свою природную толерантность и веротерпимость, но и продуцировала образцы государственно-политических конгломератов народов различных вероисповеданий, среди которых с XVI в. преобладали имеющие принадлежность к исламу.

Наряду с терроризмом, современное мировое общество на рубеже XX–XXI вв. сталкивается с попытками раскола по религиозному или этническому признаку. Западные "демократы" стараются вбить клин прежде всего между христианским и исламским сообществом.

Российская Федерация является государством многонациональным и многоконфессиональным, поэтому развитие межнационального и межконфессионального

диалога находится в центре внимания как государства, так и институтов гражданского общества. Православие и Ислам веками жили друг с другом, и сейчас нам, как никогда необходимо мир, чтобы вместе противостоять духу чужеземного влияния, новым религиозным организациям, течениям. По данным Росстата "Россия в цифрах – 2015" на 01.01.2015 г. количество зарегистрированных религиозных организаций в РФ составило 27 496 [1].

Для сравнения: на 1 января 2012 г. в РФ, по данным Министерства Юстиции, было зарегистрировано 24 624 религиозных организаций [2]; на 1 января 2011 г. – 23 848 религиозных организаций [3, с. 3], а в 2004 г. таких организаций насчитывалось 21 187 [4, с. 3]. Это говорит о том, что конфессиональные институты получили возможность развития и превратились в значимый фактор общественной жизни и политики. Сущность и направленность государственно-конфессиональных отношений в XXI веке изменились. В связи с этим, необходим поиск гибких, взвешенных подходов в выстраивании как государственно-конфессиональных, так и межконфессиональных отношений.

В условиях роста количества новых религиозных движений, несмотря ни на что, межцивилизационный и межрелигиозный диалог предельно необходим – причем не только в регионах "по линии разлома" (термин С.Хантингтона согласно его теории "столкновения цивилизаций"), но и повсеместно, особенно в таком уникальном, во всех смыслах, регионе, как Северный Кавказ. С. Хантингтон в заключении своей книги писал, что главные столкновения межцивилизационного плана произойдут между Западной цивилизацией и Исламским миром. "Линии разлома между цивилизациями, – писал Хантингтон, – это и есть линии будущих фронтов [5]. Все это происходит у нас на глазах.

Уникальный этнический состав юга России – его отличительная черта и, к сожалению, причина возникновения открытых противостояний и тлеющих латентных конфликтов на протяжении не одного столетия. В пределах не только Северного Кавказа, но и всего Кавказа проходит цивилизационная граница между Европой и Азией, одновременно разъединяющая и объединяющая государства, культуры, народы, религии, ментальности и образы жизни. Народы, проживающие на территории Северного Кавказа говорят на разных языках, имеют свою культуру, свою религию. Российская Федерация, будучи полиэтничным государством, объединила различные этнокультурные типы, социально-политическая жизнь в каждом из которых, несмотря на специфику, определяется общей идентичностью государства.

В жизни народов населяющих территорию рассматриваемого региона начиная с XVI столетия происходили события, начиная от мирных контактов между этносами и этническими группами, нашедшие отражение как в быте, материальной, культурной жизни, так и конфликты, примером является Кавказская война в XIX в.

В России, как и в мире в целом, регион становится важнейшим фактором политического процесса. Региональная особенность, сложившаяся в недрах государства, когда разные народы в силу своих исторических, религиозных, культурных традиций имеют отличные друг от друга правовые и политические уклады, не может подорвать национальные интересы страны, его идентичность. У России есть уникальный опыт длительного толерантного сосуществования разных культур и конфессий. Но пока он недостаточно осмыслен и конвертирован в социальные технологии. Поэтому так важно наладить конструктивную работу по сближению межрелигиозных позиций по важнейшим ключевым вопросам жизни.

Еще одной отличительной чертой Северного Кавказа было и остается тот факт, что православие не было и не является господствующей религией в регионе. Однако, несмотря на это, с учетом многовекового совместного

проживания мусульман и христиан в России в нашей стране накоплен немалый опыт толерантности взаимодействия между представителями различных религиозных общин. Колонизуя и осваивая огромные пространства Евразии, русский народ не обращал другие народы в рабов или в источник собственного обогащения, как это делал "цивилизированный" Запад, а помогал им выжить, сохраниться и поднимал их в развитии до уровня русской культуры, формировал из них равноправных союзников. Об этом свидетельствует событие имевшее место во второй половине XVIII в., когда указом императрицы Екатерины II российский ислам был официально приглашен в качестве второй государственной религии (при господствующем православии) для строительства единого духовного пространства Империи. После образования в 1785 г. Кавказского наместничества, императрица Екатерина II повелела генерал-губернатору И.В. Гудовичу: "Твердо наблюдать, чтоб ни от войск наших, ни от казаков, на Линии обитающих не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам, приезжающим в крепости наши" [6, с. 92].

Даже победа Российской империи в Кавказской войне не привела к ослаблению мусульманской религии у народов Северного Кавказа. Это при том, что законы Российской империи, составной частью вошедшие в Свод основных государственных законов, защищали РПЦ, признавая православную веру государственной религией, а РПЦ – господствующей церковью.

Вместе с тем, все подданные Российской империи должны были придерживаться какой-нибудь веры: внеисповедное, а тем более атеистическое, состояние не допускалось. Неправославные христиане и инословяне пользовались правом повсеместного отправления веры и богослужения. Можно констатировать тот факт, что политика российских императоров в отношении мусульман отличалась осмотрительностью и терпением. Более того, царская власть демонстрировала свою заботу о поддержке "магометанской веры". В частности, император Николай I накануне поста в 1833 г. издал специальное постановление, в котором говорилось: "По указу его императорского величества, самодержца всероссийского, все мусульмане России должны выполнять все требования своей религии, строго выполняя ее догматы. Вероотступников наказывать следующими тремя способами: первый раз – розгами, второй раз – палками и третий раз – нагайками" [7, с. 266].

Толерантная политика по отношению к представителям иных конфессий имело место и в начале XX в. Император Николай II в "Высочайшем Манифесте" от 26 февраля 1903 г. предоставил "всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной" [8]. Веро-

терпимая политика, например, в отношении российских мусульман обнаружила следующую тенденцию: с наступлением экстремальных для России обстоятельств, например первая русская революция, в отличие от других империй, на ее окраинах не отмечалось стремления к обособлению. В 1910 г. Л. Штернберг, автор общего обзора "Инородцы", отмечая данную особенность писал, что "среди российских мусульман "мы не видим никаких сепаратистских тенденций..., все они проникнуты твердым убеждением, что только в единении с народами России... каждая народность обретет свое поправное право...". Подметил он и то, что "происходившее сближение мусульман всех областей России преследовало интересы чисто духовные..., в центре сближения опять-таки стояла Россия..." [9, с. 27]. После революции 1905–1907 гг. в Российской империи стали создаваться различного рода всероссийские исламские организации, принимавшие активное участие в социально-политической и общественной жизни российского общества. Широкою известностью еще в годы первой русской революции получило Всероссийское мусульманское общество, которое на своих съездах обсуждало и проблемы политического характера. Например, в 1906 г. в Нижнем Новгороде, в работе III Всероссийского мусульманского съезда, рассматривался вопрос об урегулировании мирными средствами конфликта, имевшего место в Карабахе между мусульманами-азербайджанцами и армянами-христианами. В итоговой резолюции данного съезда по этому вопросу было отмечено: "С глубоким огорчением Всероссийский мусульманский съезд выслушал сообщение о продолжающихся столкновениях армян с мусульманами Закавказья..." [10]. Следует отметить и обращение съезда к наместнику царя на Кавказе графу Воронцову-Дашкову с просьбой "принять меры к прекращению розни между двумя народами, веками жившими в мире" [11].

Мусульманское духовенство в начале XX в. в преобладающей степени старалось всячески формировать настрой на единство с Россией. Это четко проявилось, например, во время поездки Николая II на Кавказский фронт осенью 1914 г. По прибытии императора в Дербент, в присутствии делегации от Дагестанской области, с приветствием к нему, обратился один из видных религиозных авторитетов З.Б. Тарковский. В своей речи он особо выделил следующую фразу: "Любовь к Царю и любовь к Отечеству есть неразрывные части мусульманской веры" [12, с. 149].

Хотя, в начале века в российском обществе, да и в руководстве страны отношение к исламу было двояко. В. Величко в 1904 г. отмечал: "С понятием ислама принято у нас связывать исключительно и огульно понятие фанатизма. Как только заговорят о мусульманах, так сейчас же произносится слово "газават", то есть священная война, стращают панисламизмом, турецкими зверствами

и т.д... при этом обыкновенно забывают о зверствах американцев над неграми и филиппинцами, немцев над китайцами, англичан над бурами, наемников-евреев над конгрегациями. Ислама у нас не знают: знают две-три воинствующие суры, написанные на случай, когда мусульманское население той или иной страны либо ожесточено ненормальными жизненными условиями, либо вдохновлено каким-нибудь энергичным вождем, рисующим ему радужные перспективы" [13, с. 156].

В силу целого ряда причин следует отметить, что для России противопоставлено противостояние мусульманскому миру, с которым она исторически связана. Являясь поликонфессиональной страной, о чем выше было сказано, Российская Федерация непосредственно граничит с исламскими республиками бывшего Советского Союза и мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, концептуальная близость духовных ценностей ислама и православия, в отличие от западного христианства, дает основание говорить о межцивилизационном контакте и диалоге, культурном взаимопроникновении. Православие и Ислам веками жили друг с другом, и сейчас как никогда нужен мир, необходимо найти точки соприкосновения для борьбы с западной бездуховностью.

Учитывая сложившуюся ситуацию в настоящее время, эти контакты и культурное взаимопроникновение возможны лишь со здоровыми силами исламского общества, которые, прежде всего, представлены традиционным и модернизирующимся исламом. Государство, его институты должны противодействовать экстремизму на религиозной основе, но это противодействие в рамках действующего законодательства должно быть направлено против ультра-радикалов, тех, кто организует террористические акты, провоцирует вооруженные столкновения, но не против ислама как такового. В сложившихся условиях, в вузах, где готовят бакалавров по направлению подготовки "Теология", необходимо акцентировать внимание студентов на культурообразующей роли ислама, проблеме единства и многообразия традиционной мусульманской культуры.

В Коране есть такой аят: "Самыми близкими к вам являются те, кто называют себя христианами". Надо отметить, что Ислам и Ветхий, и Новый Завет признает как книги богооткровенные, и считает христиан и иудеев людьми Писания. Коран признает Иисуса Христа Пророком. Ислам считает иудеев, христиан и мусульман последователями одной традиции, идущей от Авраама (Ибрахима) к Мухаммаду, последнему Пророку. Поэтому Ислам не может не испытывать уважения к религии, находящейся вместе с ним в рамках единой традиции. Православие и Ислам веками жили друг с другом, и сейчас как никогда необходим мир, чтобы противостоять тем, кто пытается

ся сеять вражду между мусульманским и христианским населением Российской Федерации.

Проблема межконфессиональных отношений в России в целом и ее регионах – важный фактор обеспечения и формирования толерантности в социальных, межэтнических, межконфессиональных отношениях. И, на наш взгляд, важную роль должны играть традиционные религии, имеющие богатый и многовековой опыт взаимодействия на территории нашего государства.

С обилием различных религиозных и культурных традиций в нашем государстве, только диалог и сотрудничество разных конфессий и разных культур, всех людей доброй воли можно считать той "национальной идеей", какую мы ищем; точнее было бы назвать ее сверх-национальной или общенациональной идеей. Следование по такому пути поможет нам сегодня решить многие трудные наболевшие проблемы не только в России и в постсоветских республиках, но и в рамках Европы.

Необходимо отметить тот факт, что многие годы совместного проживания народов населяющих нашу страну, привели к сглаживанию противоречий, а также воспитанию национальной и конфессиональной толерантности.

На рубеже XX–XXI в. Российская Федерация столкнулась и вынуждена была решать новые сложные проблемы. Но напрашивается вопрос насколько новые? Многих негативных последствий, с которыми страна столкнулась, на наш взгляд, можно было бы избежать, если бы государственные деятели лучше знали историю своей страны, Кавказа и его народов, чаще обращались бы к ее урокам и историческому опыту. На наш взгляд, абсолютно прав академик Ю.А. Поляков, который пишет: "...роль Северного Кавказа в истории России явно недооценивалась... Северный Кавказ – один из столпов Российской Федерации. Невозможно представить Россию без Северного Кавказа и Северный Кавказ вне России" [14, с. 157].

Необходимо отметить, что кардинальные изменения в мировой геополитике с распадом СССР и включением в ряды бывших республик и регионов СССР в сферу "жизненных интересов США" и НАТО и т.д., привели к включению Северного Кавказа, да и всего Кавказа в целом, в процесс глобализации. Данный регион притягивает внимание не только соперничающих с Россией Ирана и Турцию, но и западных держав, в первую очередь США, объявивших этот регион устами своего "архитектора внешней политики" Зб. Бжезинского "зоной жизненных интересов США" [15, с. 62]. Как справедливо заметил Г.Б. Вок: зарубежные геополитические сценарии будущего Кавказа ... недостаточно учитывают исторический

контекст и связанное с ним тяготение региона к России. С другой стороны, российская политика как на Южном, так и на Северном Кавказе "является пассивной, тогда как США, НАТО и Европейский Союз целенаправленно реализуют здесь свои политические интересы" [16, с. 3].

Российское государство, учитывая сложившуюся ситуацию, уделяет большое внимание вопросам межнационального и межконфессионального развития.

В Послании Федеральному Собранию РФ 2012 г. Президент РФ В.В. Путин отметил: "Мы должны беречь уникальный опыт, который передали нам наши предки. Россия веками развивалась как многонациональное государство (изначально так было), государство–цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире" [17]. В Указе Президента Российской Федерации №683 "О стратегии национальной безопасности Российской Федерации" отмечается: "Национальными интересами на долгосрочную перспективу являются: сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно–нравственных ценностей.....Для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования необходимы: повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий..." [18].

3 марта 2016 г. в Пятигорске, столице СКФО, состоялось совещание под председательством заместителя начальника Управления администрацией Президента России по внутренней политике Михаила Белоусова, в котором принял участие Муфтий Ставропольского края Мухаммад Хаджи Рахимов. В совещании приняли участие все муфтии Северного Кавказа, а также республик Калмыкии и Адыгеи. Поводом для собрания послужили вопросы взаимодействия и сотрудничества органов государственной власти с мусульманскими религиозными организациями.

Вопросы безопасности, проблемы межэтнических, межконфессиональных отношений, на Ставрополье и в целом на Кавказе, регулярно обсуждаются на заседаниях Совета по вопросам Межэтнических отношений как при губернаторе Ставропольского края, так и на заседаниях Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при глав субъектах СКФО.

Например, разработана "Комплексная программа по противодействию религиозно–политическому экстремизму в Республике Дагестан на 2012–2016 годы" и Республиканская целевая программа "О взаимодействии с религиозными организациями в Республике Дагестан и их государственной поддержке на 2012–2016 годы", в

которых значительное место занимают проблемы налаживания диалога для преодоления конфликта и поиска путей национального примирения.

Очевидно, что верующие сегодня являются наиболее активной и организованной силой, выступающей в поддержку многих инициатив руководства страны. Это вполне закономерно, поскольку угрозы нашему государству, исходящие как с Запада, так и с Востока, имеют сегодня ярко выраженную религиозную составляющую.

Исходя из вышеизложенного следует сформулировать ряд механизмов формирования и реализации межконфессионального диалога на Северном Кавказе:

Первый

Формирование и развитие государственно-конфессиональных отношений, межконфессионального диалога, возможно только на законодательной основе, когда государство берет на себя ответственность за формиро-

вание указанных отношений и исключает случаи не правового решения вопросов вероисповедной политики.

Второй

Необходима такая государственно – конфессиональная политика, которая направлена на интеграцию различных конфессий, культур и традиций в сочетании с уважительным отношением к самобытности народов, с учетом исторического опыта взаимодействия государства и конфессий. Китайская мудрость гласит: хочешь знать будущее, изучай прошлое. А у нас есть уникальный опыт Советского Союза, где сосуществовали две матрицы: православно-славянская и русско-тюрская евразийская.

Третий

Необходимо упрочение диалога власти и конфессий, создание условий для мирного сосуществования и расширения сфер социального служения церкви с учетом насущных потребностей населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/lssWWW.exe/Stg/d01/11-03.htm (дата обращения: 09.03.2016).
2. http://www.minjust.ru/nko/kontrol/obschie_polojeniya. (дата обращения: 21.05.12).
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://www.gks.ru>; Яблоков И.Н. Философия религии. Актуальные проблемы. М., 2007. С. 3.
4. Шахов М.О. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. М., 2007. С. 3.
5. Ивашов Л. Битва за Россию. Хроники геополитических сражений. М., 2015. С.89.
6. Кулиев Ф.М. Христианские не православные конфессии и ислам на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.: Монография. Под ред. Магометова А.А. Ессентуки – Владикавказ, 2013. С. 92
7. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2003. С. 266.
8. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIII, отделение I. СПб., 1905. Ст. 246.
9. Матвеев В.А. Исторические познания как фактор геополитических свершений // Научная мысль Кавказа. 1998. № 4. С. 27
10. Бакинский рабочий. 1991. 22 ноября.
11. Бакинский рабочий. 1991. 22 ноября.
12. Кулиев Ф.М. Взаимоотношения органов государственной власти и религиозных конфессий на юге России до революции 1917 г. Монография. Пятигорск, 2013. С. 149.
13. Величко В. Кавказ. СПб., 1904. С. 156.
14. Кулиев Ф.М. Христианские не православные конфессии и Ислам на Северном Кавказе в конце XVIII – в начале XX вв.: Монография. Под ред. А.А. Магометова. Ессентуки-Владикавказ, 2013. С. 157.
15. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 62.
16. Вок Г.Б. Современная геополитика Северного Кавказа: теоретические и прикладные аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. С.3.
17. Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 12.12.2012 г. // Российская газета. 2012. 13 декабря.
18. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. №683 "О стратегии национальной безопасности Российской Федерации".

САКРАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПОМОЩИ В ТРАДИЦИОННОМ ХАКАССКОМ ОБЩЕСТВЕ

THE SACRED FORMS OF ASSISTANCE IN THE TRADITIONAL KHAKAS SOCIETY

A. Makina

Annotation

The Development of social work as a kind of public activity of rendering assistance and support aimed at rendering help by strong members of the community to the weaker ones in critical situations goes as far back as the tribal community system. The Khakas cults are described in this article for the first time from the point of view of socionomia (social practice). The help expectations included various cults, their functions covered all the aspects of the activity of traditional man: from the wellbeing of the ethnic group to the good luck at hunting. The Khakas deities were universal helpers, but each of them had a special area of utmost potency. The assisting power of the deities included all the spheres of traditional community's activity: favorable weather conditions, people's and community's wellbeing, home protection, patronage in trade etc. Cult worship also promoted the assistance philosophy in real life in relation to the tribe and community members.

Keywords: Khakas ethnic group, social work, assistance, support, shamanism, cult, deity, sacrifice, spirits, the master spirits of the territory.

Макина Анастасия Ивановна
К.ист.н., доцент, ФГБОУ ВПО
"Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова"

Аннотация

Становление социальной работы как вида общественной деятельности по оказанию помощи в трудных жизненных ситуациях сильными членами общества более слабым зародилась в период общинно-родового устройства. Древнейший период социальной работы характеризуется бытованием культовых форм помощи и поддержки, в том числе на основе поклонения культам. В статье представлен анализ сакральных форм помощи хакасов как основа формирования реальной социономической практики. Определено, что помогающая сила хакасских божеств охватывала все сферы жизнедеятельности традиционного общества: благоприятные погодные условия, благополучие народа, общины, сеока, семьи, охрана жилища, покровительство в промысле, испрашивание счастливой судьбы и. т. п.

Ключевые слова:

Хакасский этнос, социальная работа, помощь, поддержка, шаманизм, культ, божество, жертвоприношение, духи, хозяйева местностей.

В современной России широкое распространение и признательность получил вид относительно новой профессиональной деятельности – социальной работы. В рамках регионального становления социальной работы не хватает знаний исторической традиции, на которой бы происходило развитие современной системы социальной поддержки населения. Как социальный феномен социальная работа имеет глубокие исторические корни и связана с формированием родоплеменных отношений.

Традиционное общество хакасов выработало свои механизмы помощи и поддержки сильными членами более слабых в различных социальных ситуациях. Традиционные формы помощи и взаимопомощи носили реальный характер, оказывались родом и общиной своим представителям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации в силу половозрастных характеристик – старикам, детям и женщинам, в силу социально-экономических обстоятельств – молодым семьям, беднякам. Традиции помощи и взаимопомощи также сформировались в сфере хозяйственно-бытовой деятельности – в животновод-

стве, промысле, возведении жилья, перекочевки и во многих других. Часть традиций помощи и поддержки не носила реального характера, основывалась на традиционных верованиях хакасов и проявлялась в бытовании сакральных форм помощи и поддержки. Поклонение хакасским божествам часто становилось объектом этнографического анализа, описывались внешний вид тэсей, которые олицетворяли божества, систему запретов и поведения по отношению к ним, ритуалы.

Описание наличия социономической практики в традиционном хакасском обществе, в том числе сакральных форм помощи, обосновывает существование на территории современной Хакасии истоков современной социальной работы. В нашем исследовании древнейший период социальной работы в Хакасии охватывает середину XIX – начало XX в. Цель данной статьи – проанализировать сакральные формы помощи и поддержки в традиционном хакасском обществе, задачи – посредством применения структурно-функционального анализа проанализировать "помогающие" функции хакасских божеств, изучить социономическое содержание текстов молений,

обращенных к божествам хакасов.

В исследуемый период хакасы наделяли помогающей энергией и сакральными свойствами предметы ("тёси"), божества, природные явления, то есть "помогающая" функция распространялась на хакасские культы. Князь Н. А. Костров при описании быта минусинских татар писал, что издревле хакасы почитали и поклонялись огню, воде, солнцу, горам, могильным курганам и истуканам [Костров, 1884. С. 208]. Хакасы верили в "помогающие" способности почитаемых духов, божеств. Моления происходили как индивидуально, так и группой людей. Моления имеют два основных значения: благодарение духов за их милостивое отношение и прошение помощи, защиты от напастей. Этнограф-тюрколог А. И. Новиков, анализируя шаманистский фольклор тюркоязычных племен Алтая, указывает, что различные жертвоприношения, в сущности, сводятся к трем видам: 1) задабривающие, когда человек чем-либо прогневил какого-либо духа; 2) умиловительные при заболевании какого-либо члена семьи; 3) просительные, перед отправлением на промысел, в ожидании хорошего урожая или благоприятных погодных условий*.

* А в АН СССР. Р. 3 (2). Оп. 3. № 30. Л. 194.

Одним из первых попытку систематизации вышеупомянутых молений по количеству объектов помощи предпринял исследователь Е. К. Яковлев, который выделил: "тигир тайыг" ("поклонение небу") – общественное моление, где люди собираются не только по родовому, но и по территориальному признаку; "таг тайыг" ("горное моление") – отчасти родовое, отчасти улусное моление; "от тайыг" – чисто семейное моление богу очага, огню [Яковлев, 1900. С. 107]. Первый хакасский ученый, тюрколог Н. Ф. Катанов, в зависимости от места проведения моления выделял домашнее и нагорное жертвоприношение [Катанов, 1897. С. 28]. К числу общественных молений профессор Л. П. Потапов относит: моление небу "тигир тайыг"; моление горам "таг тайыг"; моление воде "суг тайыг"; моление березе "хазын тайыг" [Потапов, 1952. С. 189]. Культы духов и божеств носят более универсальный характер в разрешении проблемных ситуаций, чем фетиши, они имеют более общий круг вверенных вопросов и проблем. Наряду с классификацией относительно количества и направленности молений следует отметить, что периодичность жертвоприношений различным духам отличается по количеству молящихся и масштабу ожидаемых результатов, от характера вверяемых способностей духов зависит и частота обращений к божествам: раз в три года, раз в год, дважды в год: весной и осенью, в определенных случаях и событиях. Все эти моления, как пишет этнограф Е. К. Яковлев, приурочиваются к определенному времени и цели: мольба или о ниспослании чего-либо, или о предотвращении наступившей беды, или благодарность за благоволение к семье или роду [Яковлев, 1900. С. 108].

Наиболее значимыми считались жертвоприношения Великому Небу, горным духам и водной стихии, так как природная сила традиционным человеком воспринималась с особым почтением и имела всеобъемлющий характер. Небесное жертвоприношение проводилось ежегодно летом, в июле на белое полнолуние. Исследователь Андрианов А. В. выявляет следующие сроки обращения к небу: почти каждый год, весной или летом устраивается общественное моление – "тайыг" в честь неба [Андрианов, 1909. С. 52]. Небесное жертвоприношение являлось общественным молением, поэтому родовая принадлежность не имела значения, народ собирался по территориальному признаку, из близлежащих населенных пунктов. Позднее, в начале двадцатого века, данное мероприятие стали увязывать с воскресным днем, когда собиралось, как отмечает Н. Ф. Катанов до тысячи человек [Катанов, 1897. С. 31]. По традиционным правилам на гору моления могли взбираться лишь представители мужского пола и девочки, не достигшие половой зрелости, женщины на гору небесного жертвоприношения не допускались. Как пишет этнограф Е. К. Яковлев, "даже животные женского пола не должны были быть на священной горе в этот день" [Яковлев, 1900. С. 101]. Анализ обращений, произносимых при небесном жертвоприношении, позволил условно выделить три их группы: моления – просьбы превентивного значения для предупреждения какой-либо нежелательной ситуации; прошения, направленные на разрешение сложившейся трудной жизненной ситуации; моление – благодарность за помощь в различных сферах жизни. Небесное жертвоприношение проводилось с целью испрашивания помощи в различных сферах жизнедеятельности, содействия в обеспечении безопасности своих хозяйственных и личных ценностей, покровительства дому, семье, хозяйству.

Не менее важный и почитаемый культ среди хакасов – культ огня – очага, который чтится коренными жителями Республики Хакасия и по сей день. Огонь, как и вода, относился к самым сильным стихиям. Хакасы обожествляли огненную стихию и величали ее духа-хозяина "От Ине" или "От-Иче" – Мать огня. Тюрколог Н. Ф. Катанов отмечает, что "Огонь называется матерью, огонь имеет тридцать зубов" [Письма, 1893. С. 91]. С огнём у хакасов ассоциировалось представление о рождении, росте, развитии и вообще жизни. Н. Ф. Катанов пишет: "По понятиям татар, дух огня растит, греет живое существо; как только дух огня отходит от этого существа, оно умирает, то есть тело приобщается к земле, а душа присоединяется к полчищам духов, витающих на земле" [Катанов, 1897. С. 28]. Дух огня – самый сильный дух в хакасской религии, и поэтому какое бы камлание ни проводилось: небу или другим духам – оно всегда начиналось с обращения к огню. Если прочим духам жертвоприношения делались периодически, то огню они устраивались каждый день. Дух – огня считался женским божеством, и именно женщины должны были, прежде всего, чествовать и вся-

чески оберегать огонь [Гладышевский, 1996 а. С. 123]. В исследовательской литературе также встречается запрет на раздачу огня, то есть нельзя было выносить горящие полешки за пределы юрты, зажечь факел от домашнего огня могли только сородичи, так, например, огонь передавался жене сына, т.е. невестке*.

* А МАЭ РАН, Ф. 5. Оп. 2. Д. 140. Л. 2.

Если гость закуривал в помещении, то должен был докурить в юрте или оставить пепел [Зеленин, 1934. С. 9]. При несоблюдении данных правил считалось, что хозяйка огня сердилась и могла наслать различные неприятности и даже беду*.

* Там же. Л. 71.

Богиня "От-Ине" относилась к разряду верховных божеств и являла помощь хакасам в различных сферах: выполняла очистительную функцию, охраняла домашний очаг и всех членов семьи круглосуточно, приносила удачу и богатство хозяину дома, сохраняла семейное благополучие, излечивала различные болезни.

Культом, наделяемым хакасами помогающими способностями является культ Богини Умай. В традиционном хакасском обществе верили, что она не видима людям и постоянно находится на небе среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от несчастий. Умай оберегала ребенка до четырех-пяти лет, в то время душа ребенка еще только зарождалась. Когда же процесс ее формирования завершался, связь ребенка с Умай прекращалась [Гладышевский, 1996 б. С. 68]. По представлениям хакасов "Имай иче" являлась полной седовласой старушкой, жалостливой и ласковой к людям, вероятно, поэтому сагайцы называли ее "Пай иче" – "Богатая, добрая мать" [Бутанаев, 1984. С. 94]. Каждый месяц на седьмой день новолуния до трехлетнего возраста ребенка совершались кормление и почитание божества. К Умай обращались и при излечивании болезней и бесплодия. Необходимо было вовремя "кормить" Умай, соблюдать все ритуалы по отношению к ней, если же этого не будет, то, по представлениям хакасов, богиня Умай отвернется от ребенка, что может привести к его болезни или смерти, и от этой семьи, что повлечет ухудшение ее благополучия. По отношению к атрибутам Умай также имела система запретов, их нельзя было "...ни отдать ни продать" [Усманова, 1976. С. 130]. Относительно "функциональной" нагрузки, вверенной данному божеству, следует отметить, что культ богини Умай, по преданию, охраняет материнство и младенчество, защищает от болезней и оберегает новорожденных детей. Кроме того, Умай помогает женщинам, страдающим бесплодием, осуществляет охранительную функцию по отношению к беременным женщинам [Бутанаев, 1984. С. 95].

В районах, близлежащих к тайге, не менее важным

являлся промысловый культ. Промысловый культ пишет этнограф З. П. Соколова, как и тотемизм, является формой почитания животных, сущность которого составляют представления и магические обряды, направленные на достижение удачи на промысле. Основу промыслового культа составляет, по ее мнению, вера в то, что животное не только обладает сверхчутким обонянием, но и понимает человеческую речь [Соколова, 1972. С. 43]. По данным Г. Н. Потанина, среди охотников и рыболовов имела место специальная система обращения или названия различных зверей, у которых были секретные имена [Потанин, 1881. С. 12]. Н. А. Алексеев указывает, что, по хакасским представлениям, звери слышат и понимают человеческую речь, поэтому во время промыслов охотники пользовались условным языком [Алексеев, 1992. С. 38]. В период охоты и рыбалки хакасы придерживались табу слов, совершали "очищение" огнем и другие магические приемы. Как отмечает Н. А. Алексеев, хакасы верили в существование отдельных духов-хозяев гор и рек, которым принадлежали звери [Алексеев, 1984. С. 44].

Успех в промысле, по словам исследователя А. Ф. Анисимова, зависит от расположения духов-хозяев: "они могут быть милостивы, и тогда успех на промысле обеспечен, или наоборот, настроены враждебно и тогда сколько бы ни старался охотник, удачи ему не будет" [Анисимов, 1969. С. 106]. Поэтому, отправляясь на охоту, охотник должен был заботиться не только о состоянии своего снаряжения, но и об умилостивлении вышеупомянутых духов, исходя из этого процесс охоты сопровождался особыми ритуалами и запретами. Самыми же почитаемыми среди охотников, как отмечает краевед Н. С. Тенешев, являлись хозяева гор и огня. При употреблении горячей пищи и распитии "абырхта" сначала необходимо было угостить огонь и горы, а затем уже приступать к еде самим. Нельзя было произносить вслух местонахождение личного теса, никто не должен был знать о нем*.

* А МАЭ РАН Ф. 5. Оп. 6. Д. 17. Л. 17

Запреты касались кануна выхода на промыслы. Профессор Л. П. Потапов, например, указывает, что почти повсеместным был обычай полового воздержания охотников накануне выхода в тайгу [Потапов, 2001. С. 87]. Хакасы полагали, что за сказки, предания и музыку духи дают удачу на охоте и брали сказителей (хайджи) с собой на промысел. Считалось, что хайджи являлся человеком с несчастной долей "улізі чох кізі", хотя и был уважаемым человеком, почти всегда пребывал в нужде, поэтому он часто посещал различные промыслы [Тачеева, 1965. С. 195]. В статье фольклориста П. А. Троякова указывается, что сказителям полагалась равная доля из общей добычи охотников и рыбаков, так как удачный результат объясняется следующим образом: данным вознаграждением духи-хозяева благодарят за доставленное удовольствие от сказания хайджи [Трояков, 1969. С. 25].

Хакасами почитались каменные изваяния. Согласно мифологии, памятники представляют застывших в камне богатырей Хакасии, души которых стали или звездами на небе, или горными духами на земле. В частности, Н. Н. Попов по этому поводу пишет: "Все, однако ж, заставляет думать, что наши каменные изваяния – памятники, воздвигнутые в честь покойников, а не идолы, не изображения богов" [Попов, 1871. С. 57]. О подобном же значении указывает Г. И. Спасский при описании сибирских курганов, отмечая, что камни имеют особое значение у хакасов*.

* ГАКК, Ф. 805. Оп. 1. Д. 22. Л. 3

Поэтому их именовали богатырскими обелисками. Проезжая мимо них, хакасы должны были остановиться, окропить изваяние вином, намазать маслом его рот и глаза, а затем троекратно обойти по солнцу с поклонами. Миновать древние обелиски без подобного почтения считалось крайне предосудительным, так как "духи-хозяева" истуканов рассердятся и отомстят. Каменные глыбы имели изображения старух, женщин, богатырей, животных. Каменным изображениям хакасами вверялось выполнение следующих функций: покровительство детям и семейному счастью, оберег различных родов, исцеление различных заболеваний, благополучие в скотоводстве, благоприятная дорога.

Анализ социономического содержания тестов молений, обращенных к божествам хакасов позволил сделать вывод, что ожидаемый "помогающий" эффект различных божеств относительно временного характера прошений имеет некоторую вариативность.

Моления хакасов относительно содержания просьб можно разделить на:

1. *моления – просьбы* превентивного значения для предупреждения какой либо нежелательной ситуации (падеж скота, неблагоприятные погодные условия, поддержание стабильности хозяйства и т.п.), то есть обеспечение помощи "наперёд";

2. *прошения*, направленные на разрешение сложившейся трудной жизненной ситуации (излечение болезней, вспомоществование в каком либо виде деятельности, содействие в сохранении семейного благополучия в кризисных случаях), то есть помощь "здесь и сейчас";

3. *моления-благодарность* за помощь в различных сферах жизни, то есть за прошедший период, данный вид молений направлен на то, чтобы божество, находясь в хорошем расположении к хозяевам, и впредь оставалось на страже их благополучия.

Таким образом, традиционное хакасское общество характеризуется бытованием сакральных форм помощи и поддержки, что определяет содержание архаического периода социальной работы в регионе. Хакасские божества имели большую "помогающую" энергию в их ведении находились целые области социальной и индивидуальной жизни. Богиня Умай охраняла все, что касалось материнства и детства, божества стихий имели влияние в своей области и оказывали поддержку в случае необходимости, промысловый культ реализовывал свою помогающую силу на охоте и во всякой промысловой деятельности. Поклонение Великому Небу способствовало благополучию всего хакасского народа, почитание богини Огня позволяло ожидать помощи и поддержки при обеспечении и сохранении семейного благополучия, излечении различных заболеваний, при почитании каменных изваяний ожидалась помощь в скотоводстве, покровительство семейному счастью, охрана рода от напастей. Помогающая сила божеств охватывала практически все стороны жизни традиционного человека, вера в нее позволяла ожидать поддержку при возникновении разных трудных жизненных ситуаций. Ожидание помощи от культов, наделяемых особыми функциями, не носило реального характера. Однако почитание духов и божеств имело положительный результат – это прививало традиционному человеку семейные ценности, уважение к силам природы, стихиям, к памяти предков, способствовало формированию "философии" помощи в реальной жизни, направляло деятельность людей в позитивное русло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука. 1992. 241 с.
2. Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1984. 233 с.
3. Андрианов А. В. Айран в жизни Минусинского инородца. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Санкт-Петербург: типография В. О. Кирбишбаума, 1909. 512 с.
4. Анисимов А. Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1969. 146 с.
5. Бутанаев В. Я. Культ Богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск. 1984. С. 93–105.
6. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: Лаборатория этнографии НИС ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан: УПП Хакасия, 1995. 266 с.
7. Гладышевский А. Н. Культ огня // Живая старина (книга для чтения по историческому краеведению): учебное пособие для учащихся. Составитель В. Ф. Буров. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1996а. 336 с.

8. Гладышевский А. Н. Умай – божество, охраняющее материнство и младенчество // Живая старина (книга для чтения по историческому краеведению): учебное пособие для учащихся. Составитель В. Ф. Буров. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1996б. 336 с.
9. Зеленин Д. К. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. Ленинград: Изд-во АН СССР. 1934. 78 с.
10. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1886 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: типолитография императорского Казанского университета. 1897. 104 с.
11. Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань. 1884. Т.1. С. 208–247.
12. Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и восточного Туркестана. Приложение к LXXIII-му тому записок императорской Академии наук, № 8. Санкт-Петербург: типография императорской Академии наук. 1893. 114 с.
13. Попов Н. И. О каменных бабах Минусинского края // Известия Сибирского отдела РГО, Иркутск. 1871. Т. 2, № 4. С. 57–59.
14. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Изд-во "Советская Хакасия". 1952. 217с.
15. Потапов Л. П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). Санкт-Петербург: МАЭ им. Петра Великого РАН. 2001. 168 с.
16. Соколова З. П. Культ животных в религиях. Серия: Научно-атеистическая литература. М.: Наука. 1972. 216 с.
17. Тачеева Т. Г. Хакасский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения) // Ученые записки ХАКНИИЯЛИ, 1965. вып. 11. С. 186–218.
18. Трояков П. А. Промысловая и магическая функция сказывания сказок у хакасов // Советская этнография. 1969. № 2. С. 24–32.
19. Усманова М. С. Обычаи, связанные с рождением ребенка у хакасов // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томского Государственного университета. 1976. С. 115–147.
20. Фирсов М. В. История социальной работы: учебное пособие для высшей школы. М.: Академический Проект; Трикста, 2009. 608 с.
21. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея. Минусинск: типография В. И. Корнакова. 1900. 357 с.
22. А МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 17. Л. 36
23. А МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 140. Л. 25
24. А В АН СССР. Р 3 (2), оп. 3, № 30 а и б. "Материалы по шаманскому и светскому фольклору тюркоязычных племен Алтая", запись, перевод и интерпретация этнографа – тюрколога Новикова А. И. Гонный Алтай–Ленинград, 1927 – 1958 гг. Л. 194.
25. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.

© А.И. Макина, (makinaai@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

6-я специализированная выставка

ГЕО-КАЗАНЬ:

Геологоразведка. Геодезия. Картография.

В РАМКАХ ТАТАРСТАНСКОГО
НЕФТЕГАЗОХИМИЧЕСКОГО
ФОРУМА

Форум проводится при поддержке:
Президента Республики Татарстан
Правительства Республики Татарстан

12+
РЕКЛАМА

Организатор: ОАО «Казанская ярмарка»
Россия, 420059, Казань, Оренбургский тракт, 8
т./ф.: (843) 570-51-14, 570-51-17,
570-51-11 (круглосуточный)
e-mail: d2@expokazan.ru, expokazan02@mail.ru
www.geoexpokazan.ru, www.expokazan.ru

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
 ISO 9001:2008

 КАЗАНСКАЯ
 ЯРМАРКА

ОЦЕНКА "ПЛАНА РАЗМЕЖЕВАНИЯ" ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМИ ЭКСПЕРТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE RATING "DISENGAGEMENT PLAN," THE STATE OF ISRAEL FOREIGN POLICY EXPERT INSTITUTIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

A. Mironov

Annotation

The article analyzes the scientific and analytical research of the Institute of International Policy Counterterrorism (Herzliya), the Begin–Sadat center (Bar–Ilan University) for implementation of the "Disengagement Plan" of Israel. Deployed considers an expert opinions of these centers in order to the forecast assessment of the situation around the Arab–Israeli conflict.

Keywords: The "Disengagement Plan." The State of Israel. The Palestinian Authority. An Israeli expert centers. The Arab–Israeli conflict. The "Road map".

Миронов Алексей Николаевич

*К.ист.н., независимый
исследователь, г. Нижний Новгород*

Аннотация

В статье проведен анализ научно–аналитических разработок Института международной политики контртерроризма (г. Герцлия), Центра им. Бегина–Садата (Бар–Иланский университет) на предмет реализации "Плана размежевания" Государства Израиль. Развернуто рассматриваются мнения экспертов указанных центров, дается прогнозная оценка развития ситуации вокруг арабо–израильского конфликта.

Ключевые слова:

"План размежевания". Государство Израиль. Палестинская Автономия. Израильские экспертные центры. Арабо–израильский конфликт. "Дорожная карта".

Проведя анализ мнений ведущих экспертных учреждений Израиля по вопросу размежевания с Палестинской Автономией (ПА), можно сделать вывод о том, что данный процесс является определяющим для Государства Израиль в момент выработки новых путей разрешения арабо–израильского конфликта.

Экспертами предложены несколько вариантов и моделей развития конфликта после реализации "Плана размежевания". Практически их можно считать новыми методами и схемами действия руководства государства.[4] Среди израильских учреждений отмечены два очень влиятельных центра – в г. Герцлии и им. Бегина–Садата. Их деятельность реально оказывает влияние на процесс принятия решений в Государстве Израиль.

План одностороннего ухода в оценках экспертов центра в г. Герцлия

За прошедшие годы концепция размежевания, ее еще называют "двухгосударственное решение", стала международно принятым ключом к разрешению палестинско–израильского спора.[2] Сегодня большинство израильтян и международное сообщество поддерживают "План размежевания". Необходимость и неизбежность размежевания вырисовываются из ясности того факта, что оба народа – и палестинский, и израильский – стре-

мятся к углублению их национального самоопределения. В основе "Плана размежевания" лежит культурное и этническое разделение между двумя народами. На сегодняшний момент эта идея принимается большинством палестинцев; часть из них воспринимает это как долгосрочное решение конфликта, в то время как другая относится как к переходному этапу перед уничтожением Государства Израиль как еврейского государства.[2]

В 2005 году планы по осуществлению размежевания перешли к механизму территориальных обменов, то есть к обмену суверенитетами над определенными территориями: над территориями с проживающим на них населением; ненаселенными территориями; обмену территориями с населением на ненаселенные. Эта концепция хороша тем, что она позволяла решить демографические проблемы и проблемы суверенитета без физического перемещения людей из своих домов. Демографическая ситуация создала районы поселений, которые являлись практически моноэтническими.

Географически эти районы располагались таким образом, что могли быть присоединены и к Израилю, и к Палестине. В этом контексте мог быть произведен обмен суверенитетами над смежными районами поселений – это еврейские поселения на Западном берегу, ближай-

шие к "зеленой линии" (линии перемирия), и арабские поселения к западу и северу от этой линии. Например, поселения в районе Гуш Эциона, Ариэля, города в зоне "большого Иерусалима" могли бы быть обменены на города и окрестности Ум Альфама, Барта, Куалансуа, Тайбе, Тира и Кафр Кассема.[2]

Основной план территориального обмена

По мнению экспертов Института, обмена территориями, основанные на их демографических характеристиках, обеспечивают осуществление двухгосударственного решения. Очевидно, что текущие геодемографические границы изменят план "два государства для двух народов" в "два государства для одного народа".[2] Самым активным защитником плана территориального обмена, основанного на демографической составляющей, является профессор университета Хайфы Амон Софер. Его предложение, привлечение большое внимание в Израиле, заключается в том, что 450000 арабов, живущих под израильским суверенитетом, могли бы быть перемещены под палестинский суверенитет, не покидая свои домов. Софер объяснил это как противовес положению арабов в Галилее. В контексте этой идеи территориального обмена должен быть учтен обмен суверенитетом над смежными районами поселений: еврейские поселения на Западном берегу, ближайшие к линии перемирия, и арабские поселения к западу и северу от нее. Определенно поселения в районе Гуш Эциона, Ариэля, города в зоне "большого Иерусалима" могли бы быть эквивалентно обменены на города и окрестности Ум Альфама, Барта, Куалансуа, Тайбе, Тира и Кафр Кассема.[2] Таким образом, можно сказать, что размежевание должно было осуществляться на основе принципов территориальной смежности, культурно-этнической гомогенности и минимального перемещения народов.

Проект большого обмена землями

Однако, по мнению экспертов центра, когда речь идет об итоговом и всестороннем урегулировании арабо-израильского конфликта, если брать во внимание другие измерения демографии, такие как социально-экономическое, политическое, культурное, то представляется иная формула территориального обмена – не двухсторонняя, а многосторонняя. Она включает в себя и основную формулу, которую мы рассмотрели выше, но добавляет еще региональное, многостороннее измерение.

Географ, профессор Еврейского университета Иешуа Бен-Ари разработал особый план регионального обмена землями. По этому плану Израиль передает Египту около 200–500 кв. км в Негеве, смежной территорией с Синайским полуостровом, наряду с коридором через Негев. "Египет же, в свою очередь, передает палестинцам в два раза большую область на северном Синае, смежную с

сектором Газа. Палестинцы же должны признать суверенитет Государства Израиль над областями такого же размера на Западном берегу. В дальнейшем палестинцы должны признать суверенитет Государства Израиль не только над смежными с Иерусалимом поселениями, но и над дополнительными территориями вдоль р. Иордан, на которых нет палестинских поселенцев, и заповедниками в Еврейской пустыне и на побережье Мертвого моря", – говорится в его исследовании.[1]

План одностороннего ухода в оценках экспертов Центра им. Бегина-Садата

Экспертами института были предложены свои варианты развития ситуации после реализации "Плана размежевания".

Государство для двух народов – двунациональное государство

Существует направление научной мысли, которое отрицает смысл разделения. Уже давно рассматривается большое количество схем, стабилизирующих обстановку в полиэтнических государствах: федерализм, автономия. Все данные механизмы разделения власти, неэффективные применительно к длительному этническому противостоянию.

Несмотря на стремление палестинского национального движения создать свое государство, на периодические угрозы вернуться к своим требованиям, на сегодняшний день в Палестине два национальных движения, целью которых является создание собственных государств. Отсутствие доверия и стремления разделить общую судьбу, центробежные силы – все это может привести к политическому кризису и окончательному развалу. Международное сообщество также склонно отказать от подобного механизма и не навязывать его.[3]

По мнению экспертов центра, двунациональное государство, обсуждающееся сторонниками мирного разрешения конфликта как в Израиле, так и повсеместно, должно неизбежно возникнуть в результате демографической обстановки. Принимая во внимание больший уровень рождаемости арабов, евреи станут меньшинством в западной области реки Иордан. Более того, наличие большого количества поселений, объединенных политической силой жителей, создает ситуацию, при которой разделение невозможно. Есть основание предполагать, что эти тенденции могли бы означать конец Израиля как еврейского государства и де-факто трансформацию в бинациональное государство.

Подобное видение преувеличивает роль демографической обстановки. На самом деле, на Западном берегу палестинцев меньше, чем обычно говорится, и их уровень

рождаемости падает. Более важна перспектива, оценивающая способность и решимость израильской политической системы сохранить еврейский характер государства и его демократию путем ухода из областей, плотно населенных арабами, и ликвидации там своих поселений. Односторонние уходы Израиля, как показало время, не очень оригинальный вариант действий. Более того, Израиль построил "Забор безопасности", который по большому счету очерчивает границы 1967 года, указывая на контур будущей разделительной линии с палестинцами.[3]

Региональный подход

Рассматривая данный подход, эксперты центра сходятся во мнении, что Египет и Иордания являются акторами, играющими наибольшую роль в отношениях с палестинцами. Эти государства имеют мирные договоры с Израилем и ведут себя более ответственно, нежели палестинское руководство. Более того, они добились относительного успеха после 1967 года в сдерживании палестинского национального движения и управлении палестинцами. Большинство израильтян видят в Египте и Иордании будущих партнеров по разделению Палестины. Однако на сегодняшний день оба государства предпочитают держать дистанцию, хотя и существуют условия, способные изменить это.

Несмотря на свои опасения, египтяне постепенно приходят к пониманию, что им не удастся уйти из сектора Газа и что сдерживание радикального исламистского режима в их же интересах. Летом 2008 года Каир предлагал отправить свои войска в Газу в составе Арабских сил безопасности в рамках крупномасштабного плана по стабилизации ПА.

Множество палестинцев также готовы проявить уважение к роли Иордании. Идея размещения палестинских сил под иорданским руководством на Западном берегу (бригада Бадра) периодически актуализируется. Придание нового импульса идеи федерации Иордании – Западный берег под управлением Хашимитов происходит не без призывов палестинцев, жаждущих покоя и стабильности. Иордания может заполнить вакуум, образовавшийся после израильского ухода с Западного берега.

Новая формула такова: "региональный подход" не обязательно предполагает идеальное решение, которое положит конец насилию. Неопределенность суверенитета и границ должна быть устранена, однако вовлечение в процесс Египта и Иордании является как минимум реалистичной попыткой справиться с последствиями нереализованных политических мечтаний.

Такое радикальное отклонение от международной традиционной мудрости потребовало бы умеренной роли

США. США остаются мировой силой с интересами в данном регионе. Более того, США – наиболее подходящая мировая сила, для того чтобы поощрять ответственное поведение. Например, характер отношений Египта и Иордании с США требует от них играть более позитивную роль в отношениях с палестинцами.

Только США имеют большое дипломатическое влияние, с помощью которого они не допустят международных инициатив, которые смогут дестабилизировать конфликт.[3]

Урегулирование конфликта – управление ходом развития конфликта

По мнению сотрудников центра, четвертый вариант – это управление конфликтом. Суть подобной стратегии в минимизации жертв вооруженного конфликта и сохранении свободы политического маневрирования. Также его целью является тянуть время, предполагая, что будущее принесет лучшие альтернативы.

В тактических терминах цели должны содержать в себе следующие проблемы: сдерживание терроризма; ограничение страданий израильтян и палестинцев; предотвращение эскалации. Израилю необходимо показать свою сдержанность, прежде всего в области применения силы. Маловероятно ожидать того же от ПА, несмотря на изменения в СМИ и системе образования, которые так необходимы для создания более благоприятной атмосферы. Пока Египет, Иордания и другие арабские государства лишь на словах уверяют, что ищут ключ к урегулированию, они могли бы сотрудничать с Израилем в области локализации конфликта, так как все эти государства заинтересованы в изоляции ХАМАС и минимизации его влияния.

Стратегия управления конфликтом требует терпения, сдержанности и гибкости. Она полна неожиданностей. Пока стороны в затяжных конфликтах причиняют друг другу ущерб, споры между ними не прекратятся. Позволить противникам истекать кровью, возможно, лучший вариант действий, чем преждевременная запутанность в конечном итоге. Международное сообщество должно осознать, что минимальное действие зачастую эффективно. Действия правительств являются грубым инструментом и должны быть ограничены на международной арене во избежание гуманитарной катастрофы.[3]

В настоящий момент эксперты обсуждают несколько возможных сценариев развития ситуации в случае успешного осуществления "Плана размежевания".

1. Продолжение одностороннего израильского размежевания, то есть постепенный уход с той части Западного берега, от которой сам Израиль считает приемлемым отказаться.

2. Возвращение к формату существовавших до интифады всеобъемлющих переговоров, на которых будут рассматриваться все ключевые проблемы урегулирования.

3. Создание палестинского государства с временными границами, как это предусмотрено второй фазой "Дорожной карты".

4. Попытка пойти еще дальше и определить окончательные границы палестинского государства, отложив пока в сторону вопрос об Иерусалиме и палестинских беженцах.[5]

Многие из этих экспертов считают, что содержащаяся в "Дорожной карте" концепция создания на ее второй фазе ПА с временными границами после проведения международной конференции является наиболее вероятным результатом успешной реализации "плана размежевания". Как известно, на первой фазе "Дорожной карты" обеими сторонами должно быть обеспечено следующее:

конец насилия; политические реформы; демонтаж не-санкционированных постов; замораживание поселений; сведение к минимуму блокпостов. Не исключено, что вслед за успешной реализацией "плана размежевания" эти меры будут, пускай и не сразу, успешно реализованы.[6]

Можно прогнозировать и новые попытки со стороны США и других западных держав по подключению к обеспечению безопасности Израиля, который вплоть до настоящего времени твердо стоял на том, что это исключительно его собственная прерогатива. На дискуссиях в наиболее авторитетных экспертных группах по Ближнему Востоку обсуждается, к примеру, возможность принятия Израиля в НАТО и Европейский союз.

Некоторые американские эксперты говорят о необходимости – еще до вступления в НАТО – заключения Договора о совместной обороне между Израилем и США.[5]

ЛИТЕРАТУРА

1. Arad Uzi. Territorial Exchanges and the Two-State Solution for the Palestinian–Israeli Conflict. – The Institute for Policy and Strategy, 2006. – URL: http://www.herzliyaconference.org/_Uploads/2135stahim2.pdf.
2. Bar Shmuel, Machtiger Rachel and Bachar Shmuel. Deterrence of Palestinian Terrorism – The Israeli Experience: A Critical Analysis. – Institute for Policy and Strategy, IDC Herzliya, 2008. – URL: http://www.herzliyaconference.org/_Uploads/2819BAR_Deterring.pdf.
3. Inbar Efraim. The rise and demise of the two-state Paradigm. – The Begin–Sadat Center for strategic studies. – URL: <http://www.biu.ac.il/BESA>.
4. Миронов А.Н. "План размежевания" премьер-министра Израиля Ариэля Шарона. История возникновения и особенности реализации: монография. – Н. Новгород; Арзамас: ООО "Ассоциация ученых" г. Арзамаса, 2016.
5. Наумкин, В.В. Размежевание по Шарону: путь к миру или дорога в никуда / В.В. Наумкин // Независимая газета. 2005. 6 июня.
6. Ротенберг, В. Психологический прогноз: катастрофические последствия "плана размежевания" / В. Ротенберг. – URL: <http://www.rjews.net/gazeta/v9.shtml>.

© А.Н. Миронов, (endless-nn@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ВЕРХНЕГО ЗЕМСКОГО СУДА

CREATION OF THE MOSCOW HIGH PROVINCIAL COURT

A. Nikolaenko

Annotation

The article deals with the organizational changes in the system of justice took place in 1775, in accordance with the "Institution for the management of provinces of the Russian Empire" Catherine II, the analysis of the establishment and activity of the upper structure of the Moscow Zemsky Court, and the procedure during the trial, legal proceedings, civil and criminal courts.

Keywords: judicial reform, judiciary, the judicial system, provincial and district levels, High and county courts clerk, Moscow High Provincial Court.

Николаенко Александр Васильевич
Аспирант, РАНХиГС
при Президенте РФ

Аннотация

В статье рассмотрены организационные изменения в системе судопроизводства произошедшие в 1775 г., в соответствии с "Учреждением для управления губерний Всероссийской империи" Екатерина II, проведен анализ создания и деятельности, структуры Московского верхнего земского суда, а также порядок при проведении судебного процесса, судопроизводство, гражданского и уголовного судов.

Ключевые слова:

Судебная реформа, судопроизводство, система судебных органов, губернские и уездные уровни, Верхний и Уездный земский суды, Московский верхний земской суд.

Екатерина II, продолжая политику европеизации страны, поставила задачу реформировать государственный аппарат Российской империи по западноевропейским образцам – образцам передовым, "просвещенческим" и на основе идей теоретиков естественного права. Составной частью ее программы преобразований являлась реформа суда.

Кардинальные организационные изменения в системе судопроизводства произошли в 1775 г. после того, как Екатерина II утвердила 28 глав "Учреждение для управления губерний Всероссийской империи" [3], наиболее крупного законодательного акта во второй половине XVIII столетия.

В соответствии с "Учреждением для управления губерний Всероссийской империи" создавалась новая система судебных органов на местах, которые делились на два уровня: губернские и уездные. К губернскому уровню относились следующие: Палата уголовного суда, Палата гражданского суда, Верхний земский суд, Верхняя расправа, Совестный суд, Губернский магистрат, Сиротский суд, городовые старосты и судьи словесного суда губернского народа. К уездному уровню – Уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд, городовые старосты, судьи словесного суда уездного города, Городовой магистрат, или Ратуша, Городовой сиротский суд.

Кроме того, в Санкт-Петербурге и Москве создава-

лись Верхний и Нижний надворные суды. По сути, в результате реформы, проведенной во второй половине XVIII в., впервые были созданы сословные судебные органы на местах: уездный суд для дворян, городской магистрат для горожан и нижняя расправа для государственных крестьян. Суд над крепостными крестьянами вершил сам помещик. Помимо этого, в связи с тем что был сохранен сословный принцип формирования суда, в губерниях и уездах специально для дворян были созданы Верхний и Уездный земский суды [2]. Уездный суд ведал всеми уголовными и гражданскими делами в уезде, а также земельными спорами. Он состоял из судьи и двух заседателей. Членами суда были дворяне, они избирались дворянством на три года и утверждались губернатором. Суд самостоятельно не мог возбуждать дела, но обязан был начать разбирательство, если поступала жалоба, иск или сообщения из других судебных мест. Окончательное решение могли выноситься по гражданским делам, цена иска которых была ниже 25 рублей. Если же иск стоил дороже, то тяжбу могли перенести, по желанию сторон, в Верхний земский суд, который являлся апелляционной инстанцией для уездных судов. Все уголовные дела уездный суд имел право рассматривать с правом окончательного решения. Исключение составляли дела, по которым подсудимые получали наказание в виде смертной казни, лишения чести или торговой казни.

Верхний земский суд являлся апелляционной и реви- зионной инстанцией для уездных судов. Верхний земский

суд был учрежден в каждой губернии и состоял из двух председателей, десяти заседателей, прокурора и двух стряпчих: казенных и уголовных дел. В его подчинении находились Уездные суды, Дворянские опеки и Нижние земские суды.

В компетенции Верхнего земского суда было рассмотрение апелляции на решение по делам, поступавшим из нижестоящих судов. Он рассматривал уголовные дела, тяжбы и жалобы дворян на дворян, дела, касавшиеся вотчин, завещаний, прав наследования и привилегий. Кроме того, в Верхний земский суд направлялись дела разночинцев. Окончательные решения этим судом могли выноситься по делам, цена которых была ниже ста рублей ассигнациями. Председатели назначались монархом по предложению Сената из представленных на рассмотрение кандидатов, а заседатели выбирались раз в три года из числа губернских дворян. Для горожан и жителей посада были созданы отдельные судебные инстанции в виде губернского и городского магистратов.

В каждом городе находился Магистрат, состоявший из двух бургомистров и четырех ратманов. Чины данных судебных учреждений избирались из городского купечества и мещан. Магистраты, являясь первой инстанцией, занимались рассмотрением уголовных и гражданских дел купцов и мещан. Апелляция по гражданским делам стоимостью выше 25 рублей могла подаваться в Губернский магистрат. По уголовным делам магистрат выносил окончательные решения, исключение составляли лишь дела, подсудимые по которым получали наказания в виде смертной казни, лишения чести или торговой казни. При каждом Городовом магистрате учреждался Сиротский суд. В его состав входили городской голова, два члена городского магистрата и городской староста [1]. Городской голова и староста избирались жителями города на три и один год соответственно. Сиротский суд рассматривал дела, связанные с малолетними сиротами и вдовами, именными, оставшимися после смерти владельцев. Он имел право назначать опекунов для сирот и именных. В случае возникновения спорных ситуаций дела направлялись в Губернский магистрат. Губернский магистрат был главной ревизионной и апелляционной инстанцией для городских магистратов, сиротских судов и ратуш, являвшихся органами административной власти с судебными функциями. Магистрат был учрежден в каждой губернии, если территория губернии была большой, то допускалось открытие нескольких магистратов. Штат магистрата состоял из двух председателей и шести заседателей от купцов и мещан города, прокурора и двух стряпчих: по уголовным и гражданским делам. Председатель утверждался Сенатом по представлению Губернского правления, заседатели после выборов утверждались генерал-губернатором. В компетенцию данного учреждения входило рассмотрение уголовных и гражданских дел в одноимен-

ных департаментах. Уголовные дела отправлялись на ревью в Палату уголовного суда, в Палату гражданского суда отправлялись дела, цена иска по которым была более ста рублей.

Государственные крестьяне были подсудны Уездной Нижней и Верхней расправам, последняя из которых являлась апелляционной инстанцией. Судьи этих учреждений не выбирались, а назначались наместничьим правлением. Вне рамок общей судебной системы существовали так называемые Совестные суды. Совестный суд по полномочию находился на одном уровне с Палатами Уголовного, Гражданского суда и Губернским магистратом. В его компетенцию входили гражданские дела, однако их круг не был четко определен, поэтому этот суд занимался рассмотрением дел, которые не определялись законом как правонарушение или преступление. Например, дела о колдовстве. Судебная коллегия Совестного суда состояла из председателя и двух заседателей, которые специально избирались каждым сословием для себя.

Решение Верхнего земского суда, Губернского магистрата и Верхней расправы можно было опротестовать в Судебной палате. Высшей судебной инстанцией для всех судов был Сенат.

Таким образом, в процессе реформы была сформулирована и упрочена сословная судебная система.

Московский верхний земский суд был создан 12 октября 1782 г. [5] Это был сословный суд второй инстанции, где рассматривались судебные притязания дворян. Суд служил губернской апелляционной инстанцией для уездного суда, дворянских опеки и нижнего земского суда. Председателей департаментов выбирал сенат и подавал на утверждение "императорскому величеству". Председатели суда назначались Императорским повелением из двух представленных кандидатур, Сенатом.

Заседателей было по пять на каждый департамент, они выбирались благородным дворянством губернии сроком на три года, "дворяне тех уездов, кои составляют подсудное ведомство того верхнего земского суда, из дворян на месте живущих, или из тех, кои в дворянском списке той губернии написаны..." [4]. Какой-либо системы выбора или обучения судебных чиновников не было. Это были ничем не запятнавшие себя, абсолютно лояльные власти и естественно, авторитетные в губернии люди.

Если кто-то из заседателей, по какой-либо причине, не мог продолжить работу, то верхний земский суд обязан был на вакантное место предложить другого достойного человека на утверждение губернскому правлению, и назначенный чиновник обязан проработать до окончания трехлетнего срока.

Власть верхнего земского суда, далее подсудного ему ведомства той губернии, где он был учрежден, не распространялась.

Верхний земский суд подавались апелляции на уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды, все жалобы исключительно дворянские, как уголовные, так и гражданские. Если же какой-либо дворянин недоволен решением земского суда, то он через неделю может свое "неудовольствие" объявить этому суду. После чего жалобу свою внести для ревизии в палату (палата губернского правления – высшая судебная инстанция в губернии) соответствующую делу, гражданскую либо уголовную. Перед тем как подавать жалобу, "челобитчик" обязан был внести сто рублей залога в верхний земский суд, где они и хранились до принятия решения по делу. В случае положительного решения палаты, деньги ему возвращались, при обратном решении дела, деньги оставались в суде. К тому же перенос дела из земского суда в палату запрещался, если тяжба заведомо стоит меньше ста рублей.

Так же как и другие государственные учреждения, за-седал верхний земский суд три раза в год, исключая воскресенья и табельные дни:

1. Первый (срок)– с 8 января до страстной недели;
2. Второй (срок)– после Троицына дня до 27 июня;
3. Третий (срок) – от 2 октября до 18 декабря; [4]
4. Вне этих сроков работали по два заседателя в каждом департаменте, меняя друг друга каждый месяц. По особой необходимости, губернатор имел право организовать созыв суда в любое время года. При суде так же работал прокурор, стряпчий казенных дел и стряпчий уголовных дел.

Московскому верхнему земскому суду было предписано заканчивать рассмотрение дел в один срок, по которому, кто-либо находился под стражей, если была жалоба, что дело не решено за три срока, то члены суда лишались годового жалованья (жалованье составляло 600 рублей в год, что было достаточно внушительным) в пользу потерпевшего, или его наследников. Для осуществления контроля над председателями и заседателями Московского верхнего земского суда, и всех присутственных мест губернии, так же для того, что бы иметь полные о них сведения, состоялась в 1783г. указ Екатерины II: "надлежит Сенату иметь о службах обстоятельное сведение и чему присылаемая из присутственных мест по формам о службах обстоятельные ведомости не достаточны, Правительствующему Сенату предписать, всем присутственным местам, чтоб они с повеленья о службах ведомости присылали в Сенат, особо ученой форме, описывая в оной, отличные заслуги". К тому же, на основании присланных сведений принималось решение о присвоении той или иной награды судебному чиновнику. Отправлять в

Сенат ведомость, предписывалось к первому августа каждого года.

На председателя, заседателей, а так же канцелярских служителей Московского верхнего земского суда, ложился достаточно большой объем работы. Первый департамент разбирал дела о кражах, убийствах, беглых крепостных, мошенничестве все, что касается дел уголовных. Второй департамент работал над делами гражданскими в основном с дележом имений, много дел связанных с купчими.

Все уголовные дела по окончании рассмотрения в первом департаменте в обязательном порядке отправлялись в губернскую палату уголовного суда. Уголовные дела рассматриваемые в Московском верхнем земском суде, можно разделить на преступления тяжкие, средней тяжести и малой тяжести. По уголовным делам, Московский верхний земский суд окончательного решения не принимал, что было ясно прописано в "Учреждении для управления губерний". Решения по тяжким преступлениям ("тяжким" могло называться не только убийство, но и повлекшее за собой лишения чести дворянина), Московский верхний земский суд выносить не имел права, такого рода дела, после рассмотрения, отправлялись в губернскую палату уголовного суда, и далее в Сенат.

Первый департамент рассматривал апелляции на различные преступления, в том числе дела о "смертоубийстве". Преступление, связанное с воровством "кража", являлось в количественном отношении самым распространенным. Процесс рассмотрения уголовных дел в первом департаменте, условно делился на три составляющие, ознакомление с материалами дела (заслушивание), обмен мнениями судей и третья составляющая, вынесение приговора.

Второму департаменту поручались гражданские дела о купчих, имениях, закладных, о продаже имений, наследстве, о людях. Московский верхний земский суд разбирал жалобы и тяжбы не только дворянские, но и разночинцев. Основным документом, на который опирались судьи второго департамента, Московского верхнего земского являлся "Учреждение для управления губерний" [5]. Порядок судопроизводства во втором департаменте никаким образом не отличался от порядка рассмотрения дел в первом департаменте. Общая схема заслушивание материала, высказывание мнений судьями и принятие решения, такой порядок определен законом: "Учреждении для управления губерний". Надо отметить, что при рассмотрении гражданских апелляций, был определен строгий порядок решения дел. Первым номером разбирали дела касающиеся "должников для безопасности заимодавцов", вторым, дела о контрактах и о купчих, далее дела о недвижимости, села, деревни, земельные наделы, в чет-

вертых "дела тяжёлых людей, живущих от верхнего земского суда в дальнем расстоянии, после все остальные дела по желанию судей, и все же было предписано, "до разъезда своего из судебного места очистит решением реэстр так, чтоб ни единое дело не осталось".

Само судопроизводство подчинялось правовому акту "Учреждение для управления губерний", что значительно упорядочивало работу судей. В отличие от уголовных, гражданские нормативные акты, имели более стройную и последовательную структуру, что конечно упрощало работу судей верхнего земского суда. Можно сказать, что при рассмотрении судебной практики первого департамента, сохранившейся в архивах, четкий отработанный механизм судопроизводства, Московского верхнего земского суда второго его департамента не давал сбоев. Несмотря на обилие законов, указов и различных правовых актов, по сохранившимся архивным материалам, можно было понять, что судебная практика при рассмотрении апелляций находилась на достаточно высоком уровне.

Таким образом, оценивая судебную реформу Екатерины II, и в частности деятельность Московского верхнего земского суда, отметим, что более последовательно и строго проводилось отделение суда от администрации. Формально новая судебная система была создана как самостоятельная, существующая параллельно системе управления в губернии. Безусловно, это было, шагом вперед в плане совершенствования суда. Четко определялись границы надзорных полномочий губернаторов в отношении судов.

Закон оговаривал их невмешательство в процесс судопроизводства но при этом предоставлял право приос-

танавливать судебные решения и обязывал бороться с волокитой. Губернское правление контролировало деятельность всех других учреждений губернии и следило за исполнением судебных решений. В основу организации судебной системы было положено выборное начало. Привлечение представителей местного общества к участию в судебной деятельности представляет собой одну из гарантий правосудия. Неслучайно правительство озабочилось созданием крепкой сословной организации дворян в лице дворянских обществ. Вводилось разделение гражданского и уголовного судов. Однако, суды первой инстанции еще решали и те и другие дела, но на уровне второй и третьей инстанций разделение гражданского и уголовного процессов состоялось.

Судоустройство стало основываться на коллегиальном начале, что должно было минимизировать злоупотребления при осуществлении правосудия. Высшие судебные места состояли только из назначаемых чиновников; в средние председатели назначались верховной властью, а заседатели – выбирались от сословий; в уездных судах и городских магистратах заседали одни выборные от сословий; в нижних расправах для крестьян судья назначался от правительства.

Все вышеперечисленные нововведения отражают две разнонаправленные тенденции екатерининской реформы. С одной стороны, перед нами первые серьезные попытки по созданию реальной независимой судебной системы, основанной на новейших достижениях правовой мысли Запада и одновременно приспособленной к социально-политическим реалиям России. Анализ законодательства дает нам основание говорить о создании новой судебной системы, в основе которой лежали современные рациональные принципы организации суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – С. 790.
2. История судебных учреждений России. М., 2004. С. 120
3. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ). СПб., 1830.
4. Учреждение для управления губерний Всероссийской империи, в коих столицы. СПб. 1780. С. 48
5. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ) ф. 76, 2976 ед. хр., 1782 – 1797

© А.В. Николаенко, (nikolaenko_av@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1900 - 1903 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УРОКИ

THE ECONOMIC CRISIS OF 1900-1903 GG.: THE HISTORICAL EXPERIENCE AND ECONOMIC LESSONS

E. Razdorskiy

Annotation

Some characteristics of the economic crisis 1900 – 1903 in Russia have been considered and analyzed in this article. It has been focused on crisis impact on Russian economy at the beginning of XX century. In addition to the basic ideas of economic crisis 1900 – 1903 the economic consequences of this economic crisis have been considered in this article. It allows to evaluate and compare the economic crisis 1900 – 1903 and world economic crisis beginning in 2008 and during at present.

Keywords: economic crisis, stagnation, recession, mortgage crisis, stock exchange rate, serfdom, bank rate, monetary liquidity, economy diversification, inflation, devaluation, refinancing, inflation targeting.

Раздорский Евгений Александрович

Аспирант каф. истории,

*Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, Москва*

Аннотация

В статье рассматриваются и анализируются особенности экономического кризиса 1900 – 1903 годов в России. Основное внимание уделено его влиянию на российскую экономику начала XX века. Помимо существенных характеристик экономического кризиса 1900 – 1903 гг. в статье представлены экономические последствия, к которым привел как кризис, так и меры царского правительства по его преодолению. На основе данных статьи проведена оценка и сравнительная характеристика экономического кризиса 1900 – 1903 гг. и мирового финансового кризиса, начавшегося в 2008 г. и длящегося до сих пор.

Ключевые слова:

Экономический кризис, стагнация, рецессия, ипотечный кризис, биржевая котировка, крепостное право, учетная (ключевая) ставка, дежная ликвидность, диверсификация экономики, инфляция, девальвация, рефинансирование, инфляционное таргетирование.

Введение

Современная мировая финансовая система стоит на пороге глубокого кризиса, который затрагивает все новые и новые секторы экономики. Долговой кризис в Европе, стагнация или вовсе рецессия развивающихся экономик, снижение уровня потребления в развитых странах, финансовые пузыри: всё это способствует усугублению ситуации. Но так ли новы проблемы, с которыми столкнулась мировая финансовая система? В чем структурное отличие текущего кризиса от экономических кризисов прошлого.

Экономическое развитие современной России, определяемое во многом финансовой политикой российских властей, структурно схоже с развитием Российской империи начала XX в., хотя во многом и отличается от него.

Исторический опыт и практика позволяют наиболее адекватно оценить перспективы дальнейшего развития и помогают сосредоточиться на конструктивном решении данных проблем.

Финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, во многом вызван схожими причинами, что и

кризис вековой давности 1900 – 1903 гг. Зародившиеся в западных экономиках, оба кризиса прямо повлияли и сильно ударили по российской экономике. В сложившейся ситуации наиболее интересен опыт царского правительства по выходу из кризиса 1900 – 1903 гг. и возможность его переноса на текущий финансово-экономический кризис.

Экономический кризис 1900-1903 гг.

Экономический кризис 1900 – 1903 гг. причинно-следственно отличался от кризиса XXI века. Если кризис XXI века стал развиваться на фоне ипотечного кризиса в США, падения биржевых котировок, банкротства финансовых и нефинансовых организаций, что привело к замедлению темпов роста ведущих мировых экономик, то кризис начала XX века был спровоцирован переизобильством, повлекшим избыток товарного предложения, вызвавшим, в свою очередь, падение рынков и банкротство мелких производителей. Тем не менее, несмотря на разные причины кризисов, последствия у обоих идентичны: они спровоцировали стагнацию, а в некоторых странах рецессию. Кризис начала XX века в России оказался продолжительнее, чем в странах западной Европы и США, поскольку, несмотря на проводимые начиная с от-

мены крепостного права царским правительством реформы, Россия значительно отставала по экономическому развитию от ведущих стран Европы и США. Благодаря реформам в последние годы XIX века экономика России переживала промышленный бум, который во многом и спровоцировал кризис перепроизводства. "Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли, – писал В. И. Ленин, – все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху" [1, с. 74–75].

Стоит отметить, что институционально к кризису начала XX века Россия оказалась более подготовленной, чем к кризису XXI века. Этому способствовали проводимые царским правительством в предкризисный период реформы: реформа винной монополии 1895 года, денежная реформа 1897 года, благоприятная для экономики тарифная политика и достаточно либеральная монетарная политика Государственного банка. Институциональные экономические реформы в современной России были практически полностью свернуты в 2003 году, в связи с чем к началу кризиса Россия хоть и пришла с накопленными золотовалютными резервами за счет высоких в начале XXI века мировых цен на нефть, тем не менее, с подверженной высокому риску экономикой.

В России проявления кризиса 1900 – 1903, вызванные банкротством двух крупных банковско-промышленных фирм – фон Дервиза и Мамонтова, стали заметны уже летом 1899 года. [2, с. 302]. Крушение этих конгломератов, связанных с многочисленными промышленными и транспортными предприятиями и банками, вызвало цепную реакцию на денежном рынке, вкладчики стали усиленно истребовать свои деньги в банках, что вызвало дефицит денежной ликвидности. Недостаток свободных денежных средств сделал кредитование для предприятий очень дорогим. Безусловно, современные финансовые власти России в условиях такого кризиса пошли бы на меры, которые в условиях золотого обеспечения рубля казались невозможными для царского правительства: стали проводить программу количественного смягчения (скупка государственных ценных бумаг, снижение учетной ставки) с целью повышения рублевой ликвидности в экономике. Однако царское правительство было ограничено привязкой рубля к золоту, поэтому дополнительную ликвидность оно было вынуждено искать у населения. С этой целью учетная ставка и была поднята. К сожалению, монетарные меры всегда имеют более длительный временной лаг, чем фискальные, поэтому денежный кризис

спровоцировал общий кризис. Вследствие нехватки денежных средств, предприятия разных отраслей поочередно стали испытывать финансовые трудности, их курсы акций на бирже стали падать. Для противодействия зарождавшейся рецессии министерство финансов по инициативе С. Ю. Витте создало специальный банковский синдикат во главе с Государственным банком с капиталом в 5,5 миллионов рублей. Тем не менее, вышеуказанные меры царского правительства не помогали, банкротство одних предприятий вызывало банкротство других. Так, за период 1900–1903 годы закрылось до 3 тысяч предприятий, что увеличило безработицу и повысило уровень социальной напряженности.

Стоит отметить, что кризисные явления на денежном рынке вызвали общее падение цен на энергоносители (на уголь и нефть за два года после начала кризиса более чем в два раза), предложение которых для стагнирующей экономики стало велико. Стремительное развитие кризиса спровоцировало падение курса акций крупнейших предприятий Российской империи. За несколько кризисных лет на Петербургской бирже курс акций Путиловского завода упал на 67,1% (если сравнивать самый высокий курс 1899 года и самый низкий 1901?го и 1902 годов), Сорновского – на 74%, Русско-Балтийского вагоностроительного – на 63,4%, Брянского рельсопрокатного – на 86,5%, Бакинского нефтяного общества – на 67,4%, Юго-Восточной железной дороги – на 52,6%, Санкт-Петербургского учетного и ссудного банка – на 59,3%, Русского для внешней торговли банка – на 45,9%. Примерно то же самое происходило с курсами бумаг российских предприятий на зарубежных биржах. На Парижской и Брюссельской биржах с октября 1899?го по октябрь 1901 года падение курсовой стоимости акций 50 металлургических и механических заводов составило в среднем 50%, 18 каменноугольных – 46%, 6 стекольных – 80%, 7 газовых и электрических – 64%, 8 строительных – 65%. В абсолютных цифрах это выразилось в снижении курсовой стоимости бумаг с 1,3 млрд. до 536 млн. франков. [3, с. 40–42]

В конце 1903 года меры царского правительства дали свои первые плоды, и промышленность постепенно стала выходить из кризиса. Хотя последующие годы и были депрессивны, тем не менее, экономика вышла из рецессии. Государственный банк поэтапно начал снижать учетную ставку, доведя ее до 4,56–4,50%, а цены на товары стали вновь расти, поддерживая производителей.

Кризис 1899–1903 гг. сильно ударил по российской экономике. В особенно трудном положении оказались иностранные общества и российские общества с иностранным участием. Четверть их была вынуждена уйти с российского рынка, а остальные приносили убытки. Финансовый сектор, который преимущественно в России

был с иностранным участием, сильно пострадал от кризиса. В число таких финансовых институтов входили не малоизвестные гиганты как Парижский Международный банк, Парижско-Нидерландский и "Сосьете Женераль". Иностранный капитал, преимущественно французский, пришедший в Россию во второй половине XIX века и сделавший Францию главным заемщиком Российской империи, отодвинул на задний план немецкие капиталы, на долю которого приходилось около трети всех иностранных капиталовложений в акционерные общества России, не считая облигационных займов, понёс существенные убытки в России. [4, с. 153 – 171]. Стоит отметить, что кризис 1900 – 1903 гг. не перекрыл приток иностранных капиталов в Россию, несмотря на понесенные им убытки. Более того, именно иностранный капитал, прирост которого в посткризисные годы в три раза превысил прирост отечественных инвестиций в акционерные общества, во многом способствовал выходу из кризиса и возобновлению экономического роста в России.

Безусловно, кризис 1900 – 1903 гг. не закончился в 1903 году. Депрессивное состояние экономики, подпитываемое внутренне- и внешнеполитической нестабильностью (Революцией 1905 года, Русско-японской войной 1904 – 1905 гг.) продолжалось вплоть до 1909 года. Тем не менее, российской экономике не просто удалось выйти из кризиса, но и сделать стремительный рывок во всех сферах промышленности и аграрного хозяйства. Во многом это было заслугой ряда политических и экономических реформ, проводимых царским правительством во главе с П. А. Столыпиным. Наиболее существенное влияние на российскую экономику оказала аграрная реформа. Начиная с 1909 года Россия увеличивает хлебный экспорт благодаря как хорошему урожаю, так и аграрной реформе, стимулировавшей домохозяйства к сельскохозяйственному производству.

Мировой финансовый кризис в России

Тема экономического кризиса 1900 – 1903 гг. актуальна в условиях разразившегося начиная с 2008 года мирового финансового кризиса, принимая во внимание события, связанные с падением цен на энергоносители (а Россия является экспортноориентированной страной, в частности по экспорту энергоносителей), санкциями экономически ведущих стран на целые отрасли российской экономики, геополитическую неопределенность на Украине.

Если сравнивать политику российских монетарных властей по борьбе с экономическим кризисом 1900 – 1903 гг. и кризисом XXI века, то стоит отметить, что именно разные причины этих кризисов повлияли на выбор политики Центрального (в Российской империи Государственного) Банка. Безусловно, в 1899 году царское

правительство было вынуждено бороться с экономическим спадом, предоставив денежную ликвидность рынку не через операции на открытом рынке или снижение учетной ставки, которые разгоняют инфляцию, девальвируя национальную валюту (прим. автора: как это делается в современных условиях), а, наоборот, через повышение учетной ставки с целью привлечения денежных средств от населения, перераспределив в дальнейшем полученные финансовые ресурсы.

В XXI веке национальная валюта функционирует не в условиях золотого стандарта. Стагнацию российской экономики вызвало не перепроизводство, а общее падение мировых рынков и санкции ряда ведущих стран мировой экономики по отказу в рефинансировании и прекращению контактов с российскими государственными корпорациями. Казалось бы, нехватка денежных средств спровоцировала Банк России на повышение ключевой ставки (как когда-то сделал Государственной банк Российской империи), однако цели, которые преследовали власти Российской империи и Российской Федерации оказались различными. Если Государственный банк Российской империи стремился привлечь в экономику денежные средства населения, то Центральный банк РФ следует политике инфляционного таргетирования для того, чтобы впоследствии перейти к экономическому росту, привлекая больше инвестиций в экономику. Тем не менее, при кризисе начала XX века учетная ставка была повышена, что не допустило девальвации национальной валюты по отношению к золоту, обесценения государственного долга и не привело к полному оттоку иностранного капитала, который впоследствии способствовал экономическому росту.

В контексте текущей обстановки следует обратить внимание, прежде всего, на фискальную политику российских властей, а именно налоговое регулирование, бюджетирование, планирование и противоречие проводимых экономических реформ и т.д.

Меры правительства являются недостаточными, поскольку экономический спад показал необходимость структурных реформ в экономике России, которые помогли ей в своё время выйти из кризиса 1900 – 1903 гг.

Заключение

Для финансовых властей России XXI века экономической политика царского правительства должна стать уроком, благодаря которому Россия может избежать тот или иной неблагоприятный сценарий экономического развития. Безусловно, просчеты правительства или, напротив, положительная практика, должны учитываться при принятии тех или иных решений.

Перспективы подобных исследований, в частности исторического анализа экономики, крайне широки. Во-первых, они позволяют предупредить возникновение

сложных ситуаций, которые имели место быть в истории, а во-вторых позволяют быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Уроки кризиса, Том 5. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 550 с.
2. Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 404 с.
3. Голицын Ю. Черные дни Петербургской биржи // Эксперт. – 2008. – №1 (640). – С. 40–42
4. Бовыкин В. И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с
5. Доклад №4 Банка России о денежно-кредитной политике за декабрь 2015 года // Банк России: [сайт]. URL: <http://www.cbr.ru/publ/?Prftid=ddcp> (дата обращения: 11.01.2016).
6. Бовыкин В. И.. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861–1900 гг. // Экономическая история: Ежегодник. – 2002. – №3. – С. 9–32;
7. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2003. – 253 с.;
8. Girault R. Emprunts russes et investissements francais en Russie. 1887–1914. – 655 p.

© Е.А. Раздорский, (erazdorskiy@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ КОНЦА XIX - нач. XX вв.: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ТИПА КУСТАРНОЙ ДОМАШНЕЙ ПИЩЕВОЙ ПЕРЕРАБОТКИ К МЕЛКОТОВАРНОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ

**FARM IN RUSSIA IN THE LATE XIX -
nach. XX .: CENTURIES OF CLASSICAL
TYPE COTTAGE HOME IN SMALL-
SCALE FOOD PROCESSING,
INDUSTRIAL**

S. Rogatko

Annotation

The reference article describes transformation of a farm household as a family type food processor from natural home-made type to industrial. It shows mechanism of peasant holding food production, that created a food processor of agricultural type. It reflects connection of home-made food processing with peasant system of land tenure. It gives samples from flour-grinding, oil-milling and other brunches, where farm household as a market player achieved substantial results.

Keywords: Farm household, family type food processing skills, family-communal form of food processing, flour-grinding, oil-milling farm production.

Рогатко Сергей Александрович

К.ист.н., Член Российского
комитета по истории и философии
науки и техники РАН

Аннотация

В данной статье идет речь о трансформации крестьянского хозяйства, как пищепеработчика семейного типа из натурального кустарного в промышленное. Показаны механизмы крестьянского производства продуктов питания которые создали товара производителя сельского типа. Вскрывается связь кустарных пищепеработывающих ремесел с крестьянским землепользованием. Приводятся примеры из мукомольной, маслособойной и других отраслей, где крестьянское хозяйство, как участник рынка добились наиболее существенных результатов.

Ключевые слова:

Крестьянское хозяйство, кустарные пищепеработывающие ремесла, семейно общинная форма переработки, мукомольное и маслособойное крестьянское производство.

З а последнее время появилось достаточно работ, которые так или иначе исследовали проблемы промысловой кустарной деятельности российских крестьянских хозяйств. Главным образом эти работы были связаны со всем спектром кустарной промышленности в России во второй пол. XIX – нач. XX вв. К ним относятся исследования Я.У. Водарской и Э.Г.Истомина[1], Анисимова Е.Ю. и Шабалина Л.П.[2], Кораблева Н.А.[3], Егорова В.Г., Зазуля О.А. Моркунцова С.А., Петряева С.В.[4], а также другая работа Егорова В.Г., Антонова О. Ю. и Зозуля О.А.[5] Однако в этих работах, кроме работы Егорова В.Г. о кустарных промыслах Воронежской губ., (маслособойных промыслах) авторы не приводят данных о пищепеработывающих промыслах в крестьянских хозяйствах. Мало того, Водарский и Истомин разработали прекрасную классификацию кустарных промыслов в Российской империи, куда вошли промыслы: по обработке дерева, волокна, кожи, металлов, минералов, по обработке рогов и костей животных, прочие промыслы, типа мыловаренного, игрушечного, гитарного, портняжного и т.д. и т. п. Всего 100 наименований промыслов[1, С.13–

23]. Но почему то в этом ряду не нашлось места для промыслов по обработке "питательных веществ", т.е. пищепеработывающих промыслов в крестьянских хозяйствах.

В дореволюционных исследованиях кустарной промышленности сельскохозяйственным и пищепеработывающим промыслам в крестьянских хозяйствах было больше уделено внимание. Однако эти сведения как бы растворились в большом количестве описаний промышленных кустарных промыслов. Даже не нашлось места на страницах изданий для четкой специализации и соответственно определенной классификации пищевой переработки [6,7,8,9,10], а также в других губернских и уездных земских исследований 80–90-х гг. выполненных по заказу Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России.

Впрочем, в некоторых изданиях, таких как "Обзор Пермского края"[11] дается экономическая и статистическая характеристика мукомольным и маслособойным

промыслам, а также в исследовании посвященном Юрьевскому уезду Владимирской губ.[12] представлена характеристика маслобойного дела, крахмального или ремесленного производства сельских орудий для земледелия. Это позволяет говорить, что в исследованиях 80–90-х гг. XIX в. в виду возникающего интереса к промышленной специализации крестьянских кустарных и ремесленных промыслов и наполнения сельской местности промышленными товарами различного рода, пищевая переработка уходила как бы на задний план. Ей будто бы авторы отводили вспомогательную, "натуральную" функцию описанию крестьянских хозяйств. Обобщая все выше перечисленное можно сказать, что наше исследование должно восполнить ту историческую лауну, в которой оказались исследования по крестьянским пищеоперерабатывающим промыслам в пореформенное время.

Как известно первичная переработка пищевого сырья в крестьянских хозяйствах берет свое начало с глубокой древности. Натуральная форма хозяйствования способствовало развитию всевозможных ремесел на дому: от мукомолья, хлебопечения и обработки животных продуктов: мяса, птицы, рыбы до более сложных пищевых продуктов: окороков, колбас, рыбной икры, балыков, всевозможных молочных "скопов": творожных продуктов, сыров, топленого, сливочного масла и других продуктов глубокой переработки (пряники, варенья, фруктово-овощные консервации и пр.). Уже в XVIII в. сельские мастеровые и вольные крестьянские артели специализировались по приготовлению всевозможных пищевых продуктов. Правда все это было применительно к сельской общине. С этими товарами крестьяне выходили на местные рынки и проводили различного рода операции если на то было разрешение от помещиков и местных властей. Однако медленный рост городского промышленного населения не способствовали росту товарного мукомолья. Мельничное дело в XVIII в. по-прежнему было связано с натуральным ведением зернового хозяйства. Ко второй половине XIX в. за крестьянами во многих губерниях Европейской России, на Юге России, а также на Урале, в Сибири, в развитых районах Кавказа закрепились такие промыслы, как мукомольный, рыболовный, маслобойный, маслodelьный, сыродельный, крахмально-паточный. Именно продукты этих промыслов, а также некоторые продукты мяса переработки, стали промышленными товарами крестьянского зажиточного сословия, которые в конце XIX – нач. XX вв. составляли конкуренцию помещикам-предпринимателям, а местами и городским фабрично-заводским товарам. Выделение местных и отхожих промыслов в крестьянской среде в отдельную специализацию хозяйствования основывалось с одной стороны на рентабельности от занятия земледелием в той или иной местности, а с другой – от возможности и прибыльности получения перерабатываемого сырья.

Допустим если в старом Елецком мукомольном районе в виду благоприятных природно-географических ус-

ловий (обилие местных рек, возможностью устройство плотин и запруд) у крестьян появилась возможность перехода от ручных жерновов к строительству водяных мельниц, также как и в степных районах Юго-Запада ветряных мельниц в первой половине XIX в., то сам это факт при наличии в пореформенное время надельной и арендной земли, а также благоприятных урожаих способствовал появлению в этих и подобных им районах типа Царинского у. Самарской губ. артельного крестьянского мукомолья.[7, С.57] Надо сказать, что по внешним формам мукомольное производство в крестьянстве, беря в учет и способы сбыта продуктов, имели преимущественно ремесленный характер. С точки зрения тесной связи производства с формирующимся структурируемым рынком второй половины XIX в. крестьянское мукомолье имело кустарный характер. То есть с одной стороны на лицо продолжали оставаться элементы ручного труда, а с другой – мелко и среднесерийное производство товаров. Например, во-первых некоторые владельцы мельниц изготовляли на свободную продажу солод, толокно и крупу, приобретая за свой счет сырье. Во-вторых, в некоторых местностях Пермской губ., а также в Поволжье расплата за размол муки практиковалась натурой, т.е. той самой мукой, которая владельцами мельниц сбывалась на рынке. А следовательно через рынок мельник реализовывал свой заработок в деньгах. И в третьих, имея ввиду неразрывную связь земледелия с процессом переработки зерна в муку, получаемого в хозяйствах самим владельцем мельниц, в особенности в артельных мукомольных предприятиях, крестьянское мукомольное производство являлось для хозяев мельниц средством рыночного сбыта продуктов их собственного земледельческого хозяйства в форме наиболее выгодной, т.е. в виде энергоемких мукомольных продуктов. И наконец, в четвертых, с точки зрения прав крестьян на кредит в кустарном банке, мукомольное производство нуждалось в значительных оборотных средствах при постоянном производственном процессе: на ремонт мельничных механизмов и приспособлений, в особенности быстро выходящих из строя жерновов, а также на закупку смазочных материалов.

Исследование кустарной промышленности в Пермской губ. констатировало много крестьянских мельниц, находящихся в общем пользовании: 1) в отдельных товариществах; 2) в целых отдельных селений. Повседневная практика и местные обычаи выработали несколько форм пользования такими артельными мельницами. Об этом также упоминает В.И. Ленин в своей работе "Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы "кустарной" промышленности". Самый распространенный способ, когда совладельцы пользовались мельницей по очереди, в определенные, установленные соглашениями периоды времени. По окончании работ по некоторым мельницам чистый доход делился на паи, которые соответствовали затратам каждого крестьянина-хозяина при постройке или аренде мельницы. В подобных случаях хозяева-товарищи редко принимали личное тру-

довое участие в производстве. Обычно для производства использовался наемный труд. Заметим также, что при регистрации артельных крестьянских мельниц подворный бланк составлялся на одного из артельщиков, а число семейств, владеющих мельницей, и условия их взаимного пользования записывались в графе 17 подворного бланка – "разные сведения". [11, С.181] Хотя показанное число участвующих в промысле значительно меньше действительного, и принимая во внимание, что артельщики пользовались мельницей по очереди и техника производства требовала примерно всегда определенное число рабочих, то авторы исследования делали вывод, что на мельнице работала весь год как бы одна крестьянская семья. Всего в Пермской губ. за 1895/96 гг. было зарегистрировано артельных мельниц 33, которые находились в селениях Красноуфимского, Верхотурского уездов, а также в прежних исследованиях (кустарных переписях за 1894/95гг.) артельные крестьянские мельницы встречались в Ирбитском и Оханском уездах. Всеми этими мельницами владели 329 семейств в среднем по 9–ти семейств на мельницу, в пределах от 2 до 30 семейств. [11,181] Что касается технического оборудования крестьянских мельниц в Пермской губ., то сведения были собраны по 8 уездам относительно 177 мельниц (в Ирбитском, Соликамском, Камышловском, Чердынском, Кунгурском, Пермском, Екатеринбургском и Шадринском уездах), в которых имелось [11, С.185]:

<i>водяных поставов (жерновов).</i>	– 294
<i>толчей</i>	– 44
<i>обдирок</i>	– 9
<i>молотилок</i>	– 2
<i>сортировок</i>	– 1
<i>станков, приводимых в движение ветром</i>	– 44

В среднем на мельницу приходилось по 2, 2 станка, а на все 421 исследованные мельницы 926. Относительно зарегистрированных, но не исследованных подворно 104–х мельниц размеры годового производства в среднем на одну мельницу приходилось по 272, 52 руб., т.е. всего 28 342, 08 руб. А всех зарегистрированных 525 мельниц годовой доход составлял в 143 073, 12 руб., без стоимости размолотого зерна. [11, С.185]

Заметим, что все эти исследования крестьянского кустарного мукомолья в Пермской губ. главном мукомольном районе Урала приходились на середину 90–х гг., когда крестьянство, особенно государственные крестьяне, выходили на новый уровень хозяйствования. Для сравнения есть смысл привести иные данные по мукомолью старейшего мукомольного района – Елецкого уезда, мука которого была в середине XIX в. основой многих внутренних городских рынков и российского экспорта. По сведениям собранным А.Петровым к концу 50–х гг. XIX в., то есть перед началом реформ, в Елецком уезде было 152 водяных мельницы, из которых 58 принадлежали поме-

щикам, 76 государственным крестьянам и 18 – купцам. [14, С. 6] И хотя далее Петров в своем исследовании не стал развивать тему крестьянского мукомолья, а уделил больше внимания крупному городскому фабрично-заводскому производству, но приводя эти данные он, далее пишет, что " с этого времени прошло 40 лет, а елецкое мукомолье мало увеличилось. Оно претерпело следующие изменения: начиная с 1874 года мельницы стали перестраиваться по новой усовершенствованной системе и к началу 80–х гг. были почти все переделаны". [14, С.6–7] То есть на некоторые мельницы в виду недостатка водяной силы, были поставлены вспомогательные паровые двигатели. Следовательно увеличилась и производительность. В связи с этим в 1888 г. елецкие мукомолы в своем докладе I-ому Московскому съезду мукомолов писали: "до сих пор единственными рынками сбыта для нас являются внутренние рынки... Между тем количество мельниц с каждым годом на столько увеличивается, что конкуренция мукомолов может вызвать для них печальные последствия. Мы можем произвести муки лишь столько, сколько позволяют условия сбыта, в противном случае мы встретимся с явлением перепроизводства". [14, С.19] Даже не имея сравнительных данных по сословной принадлежности внутри елецкого мукомолья и данных по производству, опираясь на первые данные можно сделать вывод, что крестьянское мукомолье в период развития капиталистического производства находилось на весьма высоком уровне. Об это также говорят и данные по Тамбовской и Воронежской губ. Перепелицин А.В. опираясь на Сборники статистических сведений по Тамбовской и Воронежской губ. за 1884 г. приводит данные: в Тамбовской губернии наибольшее распространение среди неземледельческих промыслов имели ветряные крестьянские мельницы – 43,8 % всех заведений, а на долю аналогичных мельниц в Воронежском уезде приходилось 68 % от всех крестьянских кустарных заведений. [15] Ратушняк в своем исследовании посвященном пиццеперерабатывающей промышленности Кубани во второй половине XIX–нач. XX вв. приводит данные со ссылкой на отчет начальника Кубанской области за 1913 г., по которым в области действовало 2619 мельниц, из которых 537 значились как паровые (годовая производительность 9 млн. руб., 2396 рабочих. [16, С.135] Даже если представить, что 537 паровых мельниц могли относиться к фабрично-заводскому статусу и принадлежать крупным купцам и помещикам, то остальные наверняка более 2000 могли относиться как автор поясняет ниже к "сельским мелким заведениям", основанным на ручном труде, хозяева которых были большей частью казачество и крестьяне. В этой связи также ценны пояснения автора: " в отличии от крупных мелкие мельницы располагались в основном в небольших станицах. Ни них работали сами владельцы с семьями, иногда наемные рабочие (чаще всего сезонные). Эти мельницы обычно обслуживали население своей станицы и окрестных поселений и хуторов. Не на постройку крупных паровых мельницы, подобные сельские "мукомолки" не

утратили своего значения и имели постоянных клиентов, так как крестьянам удобнее было смолотить зерно поблизости, избежав таким образом дополнительных транспортных расходов. Кроме того, местный мельник мог принять оплату натурой (зерном или мукой) и продлить срок расчетов. Да и за работу он брал меньше, чем владельцы крупной мукомолки. Благодаря таким отношениям мельники обеспечивали себе постоянных заказчиков и подчас лишали крупные мельницы поставщиков сырья. Многие трудоемкие работы (погрузка, насыпка муки и т.п.) выполняли сами крестьяне-заказчики. Постоянных рабочих такие мельники обычно не нанимали". [16, С.140–141] Как видим в этом анализе прослеживаются те же формы и виды крестьянского мукомолья, которые были описаны исследователями Пермской губ., в 1895/96 гг. То есть можно сделать вывод, что крестьянское мукомолье, как Урала, так и Юга Росси, а также иных районов вполне было вписано в товарное мукомольное районирование, что в свою очередь являлось своеобразным балансом рыночных отношений каждого отдельно взятого региона.

Одним из характерных крестьянских пищеperерабатывающих промыслов, которые также как и мукомолье вышли из кустарной домашней переработки XVIII в. и превратились в конце XIX–нач. XX вв. в мелкотоварное производство можно считать маслoбойное дело. Благодаря немецким колонистам, а затем и русским купцам в первой половине XIX в. выработка масел из горчицы, позднее из подсолнуха быстро распространилась по Воронежской губ., а оттуда по степным районам Поволжья. К 1864–67 г.г. слобода Алексеевка Саратовской губ., где купцами в 30–е гг. были основаны первые конные маслoбойные заведения, была основным центром маслoбойного подсолнечного производства и за этот период ежегодно на продажу отпускала до 40 тыс. бочек масла общим весом около 900 тыс. пуд.[17, С.13] Из Воронежской и Саратовской губ. возделывание подсолнечника и переработка его на масло распространились в Тамбовской губ., на земли Донской области, в некоторых уездах Симбирской губ. и в Уральской обл., а также в черноземной полосе Екатеринославской, Полтавской (Миргородский и Кременчугский уезды), Киевской и других южных губерний. Особое значение возделывание подсолнечника заняло в сельском хозяйстве Северного Кавказа. В одной только Кубанской обл. (Екатеринодаре и Ейске) в 1857 г. насчитывалось 67 маслoбойных заводов. [18, С.82] В основном это были кустарные заведения казаков и мещан. До 90–х г.г. XIX в. маслoбойное производство носило исключительно кустарный характер, являясь непременным атрибутом в хозяйственной жизни многих крестьянских и помещичьих хозяйств. Фабрикация масла в 50–80–х г.г. не требовавшая больших материальных затрат и была доступна почти каждому более или менее состоятельному сельскому хозяину. Лучшее оборудование конного завода не превышало 1500 руб.[19, С.16] Не требовалось также и значительных оборотных средств, так как, напри-

мер, пуд подсолнуха стоил всего 25–40 коп.[19, С.16] Для крестьян маслoбойное дело представляло интерес именно в том, что основные средства производства – семена, лошади и рабочий труд были своей собственностью, а осеннее и зимнее время – свободное от полевых работ. Кроме этого благодаря отходам от маслoбойни – жмыхам многие держали по несколько сот свиней или большее количество коров, чем просто при пастбищном животноводстве. Однако производимое масло на кустарных заводах было плохо отфильтровано и не отличалось, поэтому особой доброкачественностью. Оно имело большой отстой и часто прогорало. Поэтому цена на него была низкой, и шло оно преимущественно на технические цели: мыловаренные заводы, где употреблялось вместо сала, лакокрасочное производство и т.д. Также на этих заводах употреблялась зола от стеблей подсолнуха с большим процентом содержания поташа. Ратушняк в своих исследованиях пищеperерабатывающей промышленности Кубани во второй половине XIX–нач. XX вв. отмечал, что казачьи и крестьянские маслoбойни носили в основном сезонный характер, иногда с привлечением наемной рабочей силы. Производительность труда на них была очень низкой. Разделение труда или отсутствовало или только зарождалось. Сами хозяева таких заведений жили не на много богаче наемных работников и беднее многих городских рабочих в той же маслoбойной отрасли. Например в Майкопском отделе Кубанской обл. было много заведений, похожих на маслoбойню казака Л.Салова. На ней, кроме хозяина, работали наемный мастер и подсобный рабочий. В год производилось до 30 пуд. масла на сумму 150 руб.[16, С.135]. К.К. Вебер в своем труде привел подсчеты фон Буша, который определил общую сумму производства всех маслoбоен России в 1869 г. в 12 млн. руб., включив в эту сумму и производительность всех мелких кустарных маслoбоен крестьянского типа.[17, С.25] В то время мелкое кустарные заводы производили 3/4 всего добывавшегося в стране масла. В 1880 г. в России, по некоторым официальным данным, мелких заводов производивших от 300 до 3000 пудов масла на сумму в 1 183 685 руб. насчитывалось 220, а 56 заводов купеческого характера ежегодно производили продукции на сумму в 4 318 550 руб., т.е. почти в четыре раза больше, чем все кустарные крестьянские маслoбойни [17, С.25–26]. То есть кустарные заводы большим числом предприятий производили едва пятую часть всего количества вырабатываемого в России масла. Впрочем, сам К.К. Вебер считал, что эти данные не весьма точны, так как они не могли отразить все многообразие кустарного производства, неподдающееся официальной статистике того времени. Поэтому Вебер приводил свою цифру общего производства в 15 млн. руб.[17, С.27] Кстати, об этом писал и В.И. Ленин, описывая маслoбойное производство в работе "Развитие капитализма в России": "Наша фабрично-заводская статистика перепутывает мелкие сельскохозяйственные и крупные промышленные маслoбойни, то считая первые, то не считая по разным губерниям в разное время. В 1860–х годах,

например, относилась к "заводам" масса мелких маслобойных". [20, С.295сноска] Здесь можно согласиться с автором, ибо в это время статистика, как наука, делала только первые шаги в своем развитии. Опираясь на исследование кустарной промышленности Пермского края 1894/95 гг. Ленин в своем исследовании "Кустарная перепись в Пермской губернии" критикует сам подход к определению сельской кооперации в маслобойном крестьянском промысле, называя семейное маслобойное дело уральских братьев-крестьян с присущей ему иронией "бытовая артель в строгом значении этого слова". [13, С.407] И далее В.И. Ленин поясняет свое недоумение: "в с. Покровском и в дер. Говрятах двумя маслобойнями владеют пятеро братьев, которые разделились между собой, но маслобойнями пользуются по очереди. Эти факты представляют "глубокий интерес", потому что "ими освещаются контрактные условия общинно-трудовой ответственности кустарных промыслов". Очевидно, что подобные бытовые "артели представляют значительный прецедент в вопросе о распространении в среде кустарничества на кооперативных началах производств заводского типа." [13, С.175-176] Ленин не беря в расчет русские бытовые и семейно-родовые традиции в своем саркастическом духе подытожил: "Итак, артель в строгом значении слова, как прецедент кооперации, как выражение общинности, состоит в общей собственности неразделенных наследников!!" [13, С.175-176] И далее Ленин приводит в пояснении подлинной "общинности" и "кооперации" даже само римское право и отношение к этой проблеме российских правовых институтов совместного владения. [13, С.175-176 сноска] Однако нас в этой критике интересует сам факт семейно-общинной формы производства в маслобойном деле Урала, который если уж быть точным до конца происходил на самом деле из традиций большой славянской семьи, с "большаком" во главе и общим семейным трудом, который был на Руси в большой семье "одного двора" со средних веков до середины XIX в., а в некоторых местах и до конца XIX в.

Таким образом мы видим, что маслобойный кустарный крестьянский промысел выйдя из недр древних домашних натуральных форм хозяйствования к концу XIX в. превратился в самостоятельный кустарный промысел мелкотоварный, промышленный и по словам Ратушняка на Кубани "эти маслобойни (мелкие – прим. Р.С.А.) стали капиталистическими предприятиями". [16, С.135]

С развитием в конце 40-х гг. XIX в. в Центрально-Европейской части России крестьянского картофелеводства, уже можно сказать на законных основаниях и с поощрительной мотивацией [21], постепенно картофель, как овощная культура стала входить в сферу переработки крестьянских хозяйств и получения крахмала и патоки. Географию крахмальных и паточных кустарных крестьянских заводов во второй половине XIX в. в основном составляла Центрально-Европейская часть России. Основная часть крахмальных производств находилась в

Центральном районе: Ярославской, Тверской, Московской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Курской губ.; меньшая часть в Западных губерниях – Смоленской, Могилевской, Царстве Польском. Особое место в этом списке занимала Ярославская губ., где крестьянское крахмально-паточное производство могло вполне составить конкуренцию помещичьим заводам. Вообще, надо заметить, что крахмальное производство кустарного характера по типу крестьянских заводов в Ильинской волости Ростовского уезда Ярославской губ., а также в других центральных районах России можно было, разделись на два типа производства: 1/ картофельно-терочное, при котором крестьянин-заводчик перетирал свой и покупной картофель на крахмал и продавал его в сыром виде и 2/ крахмально-сушильное производство, находящееся уже в руках более зажиточных крестьян, которые покупая от своих односельчан сырой крахмал, пересушивали его и продавали в сухом виде в Москву, Петербург, Калязин и другие соседние рынки. Как исключение оба эти типа производства встречались в руках одного крестьянина весьма редко.

Например, в Борисоглебской волости Ярославской губ. всего 5 крестьян вели одновременно обе операции [22, С.10]. Среди них наиболее крупными заводчиками считались Иван и Василий Семеновичи Чаловы из дер. Околева. На рынках иногда крестьянский крахмал был такого высокого качества, что не уступал помещичьему крахмалу. В конце 70-х – нач. 80-х годов XIX в. спрос на ярославский крахмал, особенно ростовский был подорван разного рода фальсификациями. Особенно это проявилось, когда крахмал успешно экспортировался на зарубежные рынки. И многие ростовские производители видя повышенный спрос на свой продукт и зная, что товар идет за границу, примешивали к крахмалу белую, как мел, глину, которую они приобретали по 25 коп. за пуд [22, С.18]. Все это, в конечном счете, обнаружилось и в результате у потребителей подорвало доверие к ростовским крахмалозаводчикам, как помещикам, так и крестьянам.

Исследуя кустарные крестьянские пищеперерабатывающие промыслы мы не отметили: пекарный, сетевязальный для рыболовных артелей, бондарный и некоторые другие, которые с точки зрения географии, экономики и производства имели второстепенное, вспомогательное значение. Например, пекарный промысел в основном был семейный, иногда сезонный (зимний) и был сосредоточен возле крупных сельских ярмарок и базаров. Сетевязальный главным образом сосредотачивался возле населенных речных пунктов, где формировались рыболовные артели. То же можно сказать и бондарном промысле распространенном главным образом в крупных рыбопромышленных районах, типа Каспийско – Волжского. Особое место занимали маслодельные и сыродельные крестьянские артели, о которых речь пойдет ниже в подглаве о кооперации в мясной и молочной от-

раслях. Главная же особенность так называемых второстепенных кустарных промыслов состояла в том, что как правило крестьянские семьи, которые начинали ими заниматься порывали окончательно связи с земледелием. А некоторые со временем переходили даже в иные условия – купеческое или мещанское.

Из данного обзора крестьянских кустарных пищевых перерабатывающих промыслов можно сделать вывод, что в процессе развития крестьянского хозяйства, как самостоятельного товаропроизводителя во второй половине XIX–нач. XX вв. из недр натуральных семейных форм переработки пищевых продуктов выделялись профессиональные переработчики: мельники, маслобойщики, крахмальщики, пекари и другие, которые, как правило кооперируясь в семейные и артельные формы производства, работали на местные, иногда на крупные городские рынки, в виде исключения на зарубежные рынки сбыта.

В виду трудностей мелкого производственного кредита, технологических усовершенствований и зачастую узкого спектра торговых стандартов, крестьянские кустар-

ные промыслы по сути своей оставались сельского типа, как в большинстве своем и помещичьи перерабатывающие предприятия.

Главным отличием крестьянских кустарных пищевых перерабатывающих промыслов от иных состояло в их непосредственной связи с надельным или арендным землепользованием и земледелием, стремлением к всевозможным формам кооперации и экономически мотивированным занятием конкретным семейным промыслом в конкретной местности.

К этому надо добавить, что себестоимость крестьянских пищевых товаров состояла из их собственного труда, как правило собственного сырья и реальной возможности реализовать свой товар на местных рынках. Если эти три составляющие присутствовали, то крестьянское перерабатывающее предприятие входило в разряд местного промышленного производства, имело хотя и символическую земскую поддержку и рассматривалось властями как положительное явление в пищевых перерабатывающих отраслях губернского значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004.
2. Анисимова Е.Ю., Шабалина Л.П. Кустарные промыслы Симбирско–Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 2004.
3. Кораблев Н.А. Традиционные кустарные промыслы и ремесла Карелии: вторая половина XIX– начала XX вв. Петрозаводск, 2009.
4. Егоров В.Г., Зозуля О.А., Моркунцов С.А., Петряев С.В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX–начала XX века. СПб., 2013.
5. Егоров В.Г., Антонов О.А., Зозуля О.А. Кустарные промыслы Воронежской губернии второй половины XIX– начала XX века. СПб., 2014.
6. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. I. СПб., 1879.
7. Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.
8. Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. Статьи 1882–1886 гг. СПб., 1911.
9. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III, Ч. II. М., 1883.
10. Василенко В.И. Кустарные промыслы сельских сословий Полтавской губ. Вып. 1–2. Полтава, 1885–87 гг.
11. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь., 1896.
12. Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губ. М., 1884.
13. Ленин В.И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы "кустарной" промышленности. // ПСС. Изд. 5. Т. II. М., 1967. С. 407.
14. Петров А. Очерк Елецкого мукомолья. М., 1896 г.
15. Перепелицин А.В. Традиции промышленного предпринимательства центрально–черноземного крестьянства в пореформенный период. // Научная программа: русский язык, культура, история. Ч. II. М., 1995 г. С. 178.
16. Ратушняк В.Н. По страницам истории Кубани. // Краеведческие очерки. Краснодар., 1993.
17. Вебер К.К. Маслобойное производство. Руководство к добытию конопляного, подсолнечного, срепного и прочих масел из масличных растений возделываемых в России. СПб., 1909.
18. Н.Г. Шевченко. Социально–экономическое развитие Кубани в конце XVIII–пер. пол. XIX в. // По страницам истории Кубани (Краеведческие очерки). Краснодар. 1993. С. 82.
19. Рындин Ф.К. Маслобойная промышленность и эфирные масла Воронежской губернии. Воронеж., 1921.
20. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. // ПСС. Т. III. Изд. 5–е. М., 1971.
21. 2ПСЗ. Т. XXIV. Отд. 2. № 23717 – декабря 9. (1849 г.) Сенатский, по Высочайшему повелению. – О поощрении садоводства и огородничества.
22. Вебер К. К. Отчет по исследованию крахмального и паточного производств в России и за границей. СПб., 1887.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КНР И ВАТИКАНА (СВЯТЫМ ПРЕСТОЛОМ) НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЯ "120 КИТАЙСКИХ МУЧЕНИКОВ"

Юань Цюань

Аспирант, РУДН, г. Москва

THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN CHINA AND THE VATICAN (HOLY SEE) ON THE EXAMPLE OF EVENTS "120 CHINESE MARTYRS"

Yuan Quan

Annotation

The article deals with the problem of relations between China and Vatican (Holy See) by analyzing the "120 Chinese martyrs" events that occurred in 2000. Between the Holy See and China still do not have diplomatic relations because of various disagreements, primarily religious. China is ready to develop relations with the Holy See, but subject to compliance with their interests, above all, political. For the Holy See is important to keep The historical role of Catholic missionaries and missionary work in the modern history of China. However, modern China understand the events of the 19th century as the aggression of Western countries on its sovereignty, including religious. Therefore, the current development of relations between the Holy See and China can be described as difficult. The methodological basis of the publication are the principles of cultural and historical methods of scientific knowledge.

Keywords: problem of history, "120 Chinese martyrs", China, Vatican (Holy See), relations.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы взаимоотношений между КНР и Ватиканом (Святым Престолом) с помощью анализа событий "120 китайских мучеников", которое произошло в 2000г. Между Святым Престолом и КНР до сих пор не существует дипломатических отношений из-за различных разногласий, прежде всего, религиозных. КНР готов развивать отношения со Святым Престолом, но с учетом соблюдения своих интересов, прежде всего, политических. Для Святого Престола важно сохранить историческую роль католических миссионерств и миссионеров в Новой Истории Китая. Однако современная Поднебесная считает события 19 века агрессией стран Запада на свой суверенитет, в том числе, религиозный. Поэтому текущее развитие отношений между Святым Престолом и КНР можно охарактеризовать как трудное. Методологической основой данной публикации являются принципы культурологических и исторических методов научного познания.

Ключевые слова:

Проблема истории, "120 китайских мучеников", взаимоотношения КНР и Ватикана (Святого Престола).

В настоящее время в процессе нормализации отношений между КНР и Ватиканом возникает много проблем относительно их исторического прошлого. Важным является то, какими критериями оценивается деятельность миссионерства и миссионеров католицизма в Новой Истории Китая в особенности, какую роль играли миссионеры и миссионерства в агрессии западных держав против Китая начиная со второй половины 19 века.

В Новой Истории Китая процесс проповеди католицизма сопровождался агрессией западных держав против Китая. В 1840 г. Великобритания спровоцировала Первую опиумную войну и открыла процесс агрессии западных стран против Китая. В 1844 г был подписан неравный договор Вампу между Китаем и Францией, где было обозначено, что западные проповедники в Китае имели право консульской юрисдикции [1]. Западные про-

поведники стали иметь политэкономические привилегии в Китае. В 1846 г. под давлением проповедников и Французского посланника император Китая Даогуан приказал, чтобы возвратили имущество церкви [2]. В итоге католическая церковь в Китае имела повод грабить китайский народ посредством этого приказа [3]. С этого времени проповеди католицизма быстро развивались в Китае вследствие защиты политэкономических привилегий, которые получали западные державы от агрессии против Китая. Проповедники также активно выступали с агрессией против Китая, чтобы увеличить влияние католицизма и защитить интересы церкви. Для Китая и китайского народа, проповеди в это время являлись частью агрессии западных держав против Китая, и множество проповедников являлись сообщниками западных агрессоров [4]. Поэтому у обеих сторон расхождение в фактах, которое свидетельствует о проблеме исторических сведений. Событие "120 китайских мучеников" в 2000 г. да-

ло новый толчок в отношении развития спора о проблеме истории взаимоотношений между Ватиканом и КНР.

Событие "120 китайских мучеников" и резкое недовольство Китая

1 октября 2000 г., во время Китайского государственного праздника, Папа Иоанн Павел II вел церемонию канонизации на площади Святого Петра Ватикана. В этот день было канонизировано "120 мучеников", умерших за христианскую веру, во время миссионерской деятельности в Китае в Новой Истории. Среди этих мучеников было 87 китайцев и 33 представителей других наций. Святой Престол считает, что эти святые являются "большой славой" современного Китая [5].

Но на взгляд китайского правительства и китайских народов, многие из этих "святых" были преступниками и сообщниками агрессоров против китайского народа. Например, первый "святой" в списке "120 китайских мучеников" доминиканец Франциск Фернандес де Капильяс (1607–1648) был приговорен к смертной казни за адюльтер и похищение женщин. Миссионер Папского института заграничных миссий Альберико Крешителли (1863–1900) в Шэньши узурпировал имущество местных народов. И Огюст Шапделенэта (1814–1856), миссионер Парижского общества заграничных миссий, известен у китайского народа тем, что он был в сговоре с бандитами, угнетал местный народ, содействовал преступным действиям верующих, а поводом Франции ко Второй опиумной войне послужила его смерть [6]. Многие из "мучеников" умерли насильственной смертью в борьбе против империалистических агрессий, особенно во время Боксёрского восстания [7]. Это движение китайских народов (в северном Китае) с 1899 по 1901, возникшее из-за угнетения миссионерами китайского народа и выступавшее под лозунгом "антизападных религий".

В Китае Боксерское восстание определяли, как антиимпериалистическое патриотическое движение. Канонизацию "120 китайских мучеников" осуществил Святой Престол 1-ого октября 2000 г., во время Китайского государственного праздника. Она послужила серьезной политической провокацией для Китая [7].

На этом фоне фракция Китая выразила недовольство, связанное с решением о канонизации "120 китайских мучеников". 26-ого сентября 2000 г. Католическая Патриотическая Ассоциация Китая и Конференция епископов католической церкви в Китае (КНР) совместно объявили о протесте против решения Ватикана (Святого Престола). По их утверждению, Ватикан "злоумышленно переделал" историю, пренебрегая при этом китайской

церковью, и эта канонизация осуществлена без должного расследования [8].

28-ого сентября 2000 г. агентство Синьхуа опубликовало пресс-релиз "Типичные преследования религий и злодеяния святых". В нем были перечислены преступления "святых". Святой Престол провел церемонию канонизации, несмотря на возражение Китая. 1-ого октября 2000 г. пресс-секретарь Государственного управления по делам религий КНР заявил, что канонизация содействовала колонизаторам и агрессорам, китайские народы, включающие китайских католиков, никогда не приняли бы решение о канонизации "120 китайских мучеников" [9]. МИД Китая выразил протест и заявил, что канонизация серьезно нарушила основу нормализации китайско-ватиканских отношений, Ватикан должен понести все последствия вытекающие из него [10].

Католическая Патриотическая Ассоциация Китая, Конференция епископов католической церкви в Китае (КНР) и другие официальные религиозные организации в Китае по очереди заявили о том, что поддерживают заявление официального представителя МИД Китая. Китайские ученые поддержали критику действий Ватикана. В итоге это событие стало самым серьезным политическим конфликтом между Китаем и Ватиканом после введения "политики реформы и открытости Китая". Однако процесс дальнейшей нормализации китайско-ватиканских отношений приостановился.

Позиция Святого Престола в отношении КНР

На самом деле, Ватикан (Святой Престол) раньше уже предвидел реакцию Китая. 10-ого марта 2000 г. в Ватикане созвали верховное тайное собрание, чтобы подготовить "канонизацию 120 Китайских Мучеников", по сообщению Радио Ватикана, они уже предвидели недовольство Китая, Папа Иоанн Павел II верил, что китайские мученики никогда не являлись сообщниками западных агрессий [11]. Перед осуждением со стороны Китая, Святой Престол еще отставивал провести церемонию канонизации 1-ого октября. И в 2-ого октября, когда папа Иоанн Павел II принимал участников церемонии, заявил о том, что он не хотел оценивать историю проповеди католицизма в Китае в 19 веке, обвинил в неправильном толковании истории КНР, обратил внимание на недостатки и ошибки проповедников [12]. Не только Святой Престол, Тайваньская епархия и Гонконгская епархия, которые не были под властью Китайского правительства, тоже активно поддерживали решение Святого Престола, в Тайване опубликовали "Биографию 120 китайских мучеников", создали "святое место 120 китайских мучеников" в городе Синьбэй в 2007 г. "Конференция китайских региональных епископов" (Тайвань) объявила о решении,

что 8 июля является "Праздником 120 китайских мучеников" [13].

6-ого октября 2007 г. коадьютор Гонконгской епархии Иосиф Чэнь Жицзюнь публиковал в местной газете Гонконга Мин Бао статью с защитой канонизации и назвал Боксерское восстание безрассудным [14]. Но спустя год, 24 октября 2001 г., Папа Иоанн Павел II извинился перед Китаем и просил Китай простить ошибки церкви в истории [15]. Таким образом, в проблеме исторических взаимоотношений между Китаем и Ватиканом есть серьезные противоречия.

Проповеди католицизма в Китае долго сопровождалась с агрессией западных держав против Китая. Во время "холодной войны" Ватикан был противовесом антикоммунистической политики, выступал против национального освободительного движения китайского народа под руководством КПК и народовластия Китая, после вспышки корейской войны Ватикан даже напрямую участвовал в движениях подрыва китайской власти против движения за сопротивление американской агрессии и оказания помощи корейскому народу. Из-за этих событий в 1951 г., китайское правительство выслало из Китая нунция Антонио Рибери из-за его шпионажа [16], официальные отношения между Китаем и Ватиканом с тех пор были разорваны. В 1957 г., китайские патриотические католики создали Католическую Патриотическую Ассоциацию Китая в Пекине под поддержкой китайского правительства и вне контроля Ватикана (Святого Престола). Ватикан потерял законный путь вмешательства во внутренние дела Китая через католическую церковь. Католическая церковь является основным средством для Ватикана, который имел влияние на политику других стран, поэтому для Ватикана, главная цель нормализации отношений с КНР является возвращением церковных степеней и должностей, именно возвращением права контроля Ватикана за китайской католической церковью. Главная причина изгнания Ватикана из католической церкви в Китае является бесславной ролью проповедей католицизма в истории агрессий западных стран против Китая.

Чтобы создавать легальность для Святого Престола для возвращения контроля католической церкви в Китае, Ватикан принимал тактику украшения истории во избежание ответственности. Когда Иоанн Павел II решил совершить канонизацию китайских мучеников, он с одной стороны заявил, что китайские мученики никогда не являлись сообщниками западных агрессий [17], с другой стороны, он заявил, что он не хотел оценивать это время [18]. Эти слова показали, что Папа не хотел активно решать исторические проблемы взаимоотношений между Китаем и Ватиканом.

В процессе канонизации "120 китайских мучеников", Ватикан не обсудил с Католической Патриотической Ассоциацией Китая и Конференцией Епископов Католической Церкви в Китае (КНР), которые поддерживались китайским правительством, а решили сделать канонизацию по предложению "Конференции китайских региональных епископов (Тайвань)" [19]. Святой Престол показал отношение непризнания легитимности Католической Патриотической Ассоциации Китая и Конференции епископов католической церкви Китая в католическом мире, хотя много епископов в этих организациях уже признано Ватиканом. Это событие показывает замысел Ватикана-Святого Престола о подавлении Католической Патриотической Ассоциации Китая и Конференцию епископов католической церкви в Китае (КНР), чтобы вернуть права контроля Ватикана на католические дела в Китае.

Кроме того, фактор Гонконга и Тайваня тоже сыграло важную роль в решении Ватикана в этом событии. Известно, что после создания КНР в 1949 г., остатки власти бывшей "Китайской Республики" отступили в Тайвань. В 1952 г. в Святом Престоле назначили нунцием Антонио Рибери, которого выслали из Китая в 1951 г из-за шпионажа в Китайской Республике (власть в Тайване) [20], власть в Тайване наследовала дипломатические отношения Китая со Святым Престолом, и на взгляд фракции Тайваня, по теории "Конференция китайских региональных епископов" (Тайвань) имеет право ведения церкви во всем Китае [21].

Гонконг долго являлся колонией Великобритании, но с 1997 г., Гонконг вернули под юрисдикцию Китая, в рамках курса "Одна страна, две системы", в соответствии с которой существовал бы только один Китай, но при этом Гонконг имел бы собственные капиталистические и политические системы. Гонконгская епархия независимая от китайской церкви и верная только Святому Престолу, и прямо субсидирует "нелегальную католическую церковь на китайском континенте" [22], которая не принимает администрацию китайского правительства. До нормализации отношений между КНР и Святым Престолом, для Ватикана, церкви в Гонконге и Тайване играло важную роль для дел евангелизаций католицизма в Китае. Поэтому положение Гонконгской епархии и "Конференция китайских региональных епископов" (Тайвань) очень высокое в фракции Святого Престола. В истории "Конференции китайских региональных епископов" (Тайвань) были 3 кардинала: Фома Тьен Ган Шин (1890-1968), Павел Ю Бин (1901-1978), Павел Шань Госи (1923-2012), а в Гонконгской епархии были 3 кардинала: Иоанн Батист У Чэнь Чжун (1925-2002), Иосиф Чэнь Жицзюнь (р. 1932), Иоанн Тонг Он (р. 1939) и Савио Хон Тай-Фай из Гонконгской епархии, который был секретарем Конгрегации Евангелизации Народов Святого Престола с 2010 г., имеющим самую высокую должность в Святом Престоле.

Для власти Тайваня Святой Престол был только европейской страной и политической державой [23], у которой дипломатические отношения с ней. С 11 февраля 1999 г., Государственный секретарь Ватикана, Кардинал Анджело Содано заявил, что если фракция Пекина согласна, то Апостольскую нунциатуру в Китае могут в этот же день перенаправить в Пекин [24]. Это значит, что отношения между Святым Престолом и властями Тайваня уже имели большой кризис из-за желаний нормализации отношений между Святым Престолом и континентальным Китаем. Чтобы сохранять и расширять свое высокое положение во вселенском соборе католицизма и защищать дипломатические отношения между Святым Престолом и властями Тайваня, церквями в Гонконге и Тайване надо снизить влияние Католической Патриотической Ассоциацией Китая и Конференции епископов католической церкви в Китае (КНР), которые сотрудничают с китайским правительством, и сохранять текущие плохие отношения между КНР и Святым Престолом, а через канонизацию "120 китайских мучеников" можно достигнуть этой цели. Поэтому, в этом событии, Гонконгская и Тайваньская епархия активно поддержали решение канонизации Ватикана и делали изо всех сил составить эту канонизацию, и после этой событий канонизации, положение Гонконгской и Тайваньской епархии точно получили укрепление и повышение. Иосиф Чэнь Жицунь получил место кардинала в 2006 г., и дипломатические отношения между Святым Престолом и властями Тайваня сохранилось, хотя отношения между двумя сторонами не прерывались [25].

Влияние события "120 китайских мучеников" на нормализацию отношений между КНР и Святым Престолом

Под влиянием описанных факторов фракция Святого Престола, несмотря на недовольство фракции Китая, все-равно провела церемонию канонизации "120 китайских мучеников", чтобы показать свое "право единогласного решения" в католических делах Китая. Но Святой Престол недооценил решимость Китая, чтобы защищать его позицию в этом событии.

Проблема истории играет важную роль в китайской политике. С 1840 г. началась Первая Опиумная Война, которой был охвачен Китай более 100 лет. Только с 1949 г., когда была создана КНР, китайские народы начали избавляться от рабского положения. С тех пор прошло меньше 70 лет, поэтому эта рабская история еще осталась в памяти китайского народа. Китайское правительство выступило лидером движения в освобождении китайского народа. Сегодняшнее китайское правительство видит историю освобождения как легализацию стоящего у власти КПК КНР. Поэтому все действия и поступки Свя-

того Престола в отношении событий "120 китайских мучеников" серьезно огорчали китайские народы и вредили легитимности текущего китайского правительства.

Святой Престол является центром мировой католической церкви и его деятельность по канонизации всех католических церквей означает, что фракция Ватикана составляет католиков всего мире, в том числе китайских верующих, вместе "покрывать" агрессию западных держав против Китая в Новой Истории. Святой Престол разжигал конфликт между китайскими верующими и китайским правительством. В Конституции КНР ясно сказано, что религиозные организации и религиозные дела не должны регулироваться внешними силами [26]. Правительство КНР стоит на позиции, что, будучи единственным правительством во всем Китае, оно имеет все права решать внутренние дела, а дела религий – внутренние дела. Влияние на внутренние дела Китая посредством религий запрещены китайским правительством. И Святой Престол провел канонизацию этих "святых" по предложению "Конференции китайских региональных епископов" (Тайвань) и не согласовал свои действия с официальными католическими организациями Китая–Католической Патриотической Ассоциацией Китая и Конференцией епископов католической церкви в Китае (КНР). Эти действия показывают, что, на взгляд Святого Престола, китайское правительство и китайская католическая церковь под руководством правительства Китая не имеют права решать дела католицизма в Китае, а Тайваньская церковь имеет право решать дела католицизма во всем Китае. Это является серьезным вмешательством в китайские внутренние дела и нарушением суверенитета КНР над Тайванем [27]. В событии "120 китайских мучеников", деятельность Святого Престола нарушила много "красных линий" во внешней политике Китая, поэтому китайское правительство показало недовольство в отношении действий Ватикана.

Очевидно, что канонизация серьезно нарушила нормализацию отношений между КНР и Святым Престолом. Из-за этого события китайское правительство осознало, что Ватикан в это время еще не окончательно отказался от позиции вражды к китайскому народу. Чтобы предотвратить возможные угрозы государственной безопасности (от Святого Престола посредством вмешательства в дела католицизма в Китае), китайское правительство приостановило процесс нормализации отношений между КНР и Святым Престолом. Хотя Папа Иоанн Павел II 24 октября 2001 г. извинился перед Китаем, корреспондент МИД КНР Сунь Юйси 30 октября заявил, что Папа должен еще раз и искренне извиниться за событие "120 китайских мучеников" [28]. У Папы Иоанна Павла II было желание нанести визит в Китай, а из-за этого события его желание не было осуществлено [29]. До сих пор между КНР и Святым Престолом еще нет дипломатических

отношений, поскольку данное событие стало большим барьером для их установления.

Сущность проблемы конфликта в отношении истории взаимоотношений КНР и Святым Престолом

На примере события "120 китайских мучеников", можно видеть, что исторические проблемы играют важную роль в процессе нормализации отношений между

КНР и Святым Престолом. Проблемы истории также влияют на другие проблемы между двумя сторонами (например, легальность католической церкви в Китае при поддержке китайского правительства, проблемы Тайваня и Гонконга и т.д.) За проблемами истории на самом деле есть реальные игры между двумя сторонами. С этим событием возник новый барьер в отношениях двух стран. Процесс нормализации отношений между КНР и Святым Престолом стал еще труднее, чем раньше. И если Святой Престол, как он утверждает, желает улучшить отношения с КНР, он должен уважать позицию Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Цзяньхуа Переговоры Договора Вампу между Китаем и Францией, Исследование Истории Цина, Пекин №2 в 1992г.
2. Янь Кэцзя Китайский Католицизм, Издательство Распространения Пяти Континентов Февраля 2004г стр. 39
3. Вэй Цзиньюй Грабеж земель и домовладений во второй половине 19 века из церквей христианства в Китае, Исследование Экономики, Пекин № 8 в 1965г
4. Канонизация является серьезной провокацией для китайских народов, Да Гунбао (Гон-конг) 03.10.2000 г.
5. 120 Китайских мучеников, Радио Ватикана на китайском языке. 01.10. 2000г.
6. Святые или преступники? Чжунвэнь Жэньминь Жибао. 09.29.2000 г.
7. Список "120 Китайских мучеников". Биография "120 Китайских мучеников", Тайвань-ская епархия католицизма, 2000 г.
8. Заявление о событии "канонизации" Католической Патриотической Ассоциации Китая и Конференции епископов католической церкви в Китае (КНР), Китай Служба новостей 26.09.2000 г.
9. Разговор пресс-секретаря Государственного управления по делам религий КНР, агент-ство Синьхуа, 01.10.2000 г.
10. Заявление МИД КНР о резком протесте "канонизации Ватикана, агентство Синьхуа, 01.10.2000 г.
11. Вторично обсуждать 120 китайских мучеников, Радио Ватикана на китайском языке, 19.03.2000 г.
12. Речь Папы Иоанна Павла II на церемонии "канонизации 120 китайских мучеников", Радио Ватикана на китайском языке, 02. 10. 2000 г.
13. Инструкция "святое место 120 китайских мучеников", МВД Тайваня. URL: <http://web.topwin.com.tw/WalkToTaiwan/ViewContent.aspx>
14. Мы еще думаем, что такое движение уже стало историей, Иосиф Чэнь Жицзюнь, Мин Пао, 06.10. 2000 г.
15. Папа извинится пред Китаем, Ши Кэдун Global Times, 30.10.2001 г.
16. Депортация империалиста Рибери из Китая Жэньминь Жибао, 05. 09. 1951 г.
17. "Сбивчивая Канонизация", Чжунвэнь Жэньминь Жибао, 09.29.2000 г.
18. Ватикан хочет прервать отношения с Тайванем, Ши Кэдун Global Times 25.03.2002 г.
19. Прогноз китайско-ватиканских отношений, Хун Цзяньчжао, Форум Государственной Политики (Тайвань), 12.2003 г.
20. Чэнь Жицзюнь получил 26 миллионов дарения в 8 годах для поддержки нелегальной католической церкви без оправдательных документов, Восточный Ежедневник (Малай-зия), 23.07.2014 г.
21. Тайвань уже почти разорвал дипломатические отношения со Святым Престолом. URL: <http://magazine.chinatimes.com/ctweekly/20130415005574-300106>
22. Прогноз китайско-ватиканских отношений, Хун Цзяньчжао, Форум Государственной политики (Тайвань), 12.2003 г.
23. Статья № 36 Конституция КНР.
24. Канонизация является серьезной провокацией для китайских народов, Да Гунбао (Гон-конг), 03.10.2000 г.
25. МИД Китая: Папа не ясно извинился, общение между Китаем и Ватиканом еще имеет барьер, Ляньхэ Заобао(Сингапур) 31.10. 2001 г.
26. Мощи Иоанна Павла II сохранят в Гонконге навсегда USA News 11.10.2011.

© Юань Цюань, (yuan_q@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

МИБО

ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

POLITICAL, ECONOMIC, CULTURAL AND VALUE IMPERATIVES OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Yan Rong

Annotation

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is an effective union of Eurasian countries, based on the common for the participant countries political, economic, cultural and value imperatives. Among these imperatives is understanding of the SCO as a multicultural and multiregional unit, not a unified conglomerate. Besides this, the Shanghai Cooperation Organization is based on the integration principle, not on the principle of convergence (according to the terminology of A. Zinoviev). The last factor is a key for its further effective development.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, imperative, conglomerate, multiregional unit, integration, convergence.

Янь Жун

*Аспирант, Московский
государственный университет*

Аннотация

Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) представляет собой эффективное объединение евразийских государств, основанное на общих для стран-участниц политических, экономических, культурных и ценностных императивах. К числу таких императивов относится понимание ШОС как многокультурного и многорегионального блока, а не унифицированного конгломерата. Кроме того, Шанхайская организация сотрудничества основана на принципе интеграции, а не конвергентности (согласно терминологии А. Зиновьева). В последнем факторе заключен залог ее дальнейшего эффективного развития.

Ключевые слова:

Шанхайская Организация Сотрудничества, императив, конгломерат, многорегиональный блок, интеграция, конвергентность.

Шанхайская Организация Сотрудничества официально существует всего лишь десять лет, что крайне мало по сравнению со многими другими международными организациями. Перед тем, как перейти к анализу деятельности этой организации, дадим краткую справку о сути и формах существования ШОС.

Итак, ШОС – Шанхайская организация сотрудничества. Государств – членов ШОС – всего шесть: Казахстан, Киргизия, КНР, Россия, Таджикистан, Узбекистан. За исключением Узбекистана, остальные страны являлись участницами "Шанхайской пятёрки", основанной в результате подписания в 1996–1997 гг. между Казахстаном, Киргизией, Китаем, Россией и Таджикистаном соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы.

Кроме того, определены шесть государств-наблюдателей: Афганистан, Беларусь, Индия, Иран, Монголия, Пакистан. При этом 10 июля 2015 г. было объявлено о начале процедуры вступления в ШОС Индии и Пакистана. На сегодня есть также два кандидата в государства-на-

блюдатели: Израиль и Шри-Ланка. После последних международных контактов в июне 2016 г. Сирия, Египет и Израиль подали заявки на вступление в ШОС.

Следует указать также на шесть государств со статусом партнера по диалогу. Это Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Камбоджа, Федеративная Демократическая Республика Непал, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка. Такие страны, как Бангладеш, Сирия и Египет, подали заявку на участие в ШОС в качестве государств-наблюдателей.

На саммиты глав ШОС получили приглашение Туркмениция, СНГ, Ассан, ООН, ЕврАзЭС, США (См. Приложение 1. Таблица № 1). Помимо того, ШОС имеет соглашения о партнёрстве с СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и ООН [1].

О создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) было объявлено 15 июня 2001 г. в Шанхае (КНР) Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан. До этого все вышеперечисленные страны (за исключением

Узбекистана) были участницами "Шанхайской пятёрки" – политического объединения, основанного на Соглашении об укреплении доверия в военной области в районе границы (Шанхай, 1996) и Соглашении о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы (Москва, 1997). Именно эти два документа заложили механизм взаимного доверия в военной области в приграничных районах, способствовали установлению поистине партнёрских отношений. После включения в организацию Узбекистана (2001) "пятёрка" стала "шестёркой" и была переименована в ШОС.

Задачи Шанхайской организации сотрудничества первоначально находились в сфере взаимных внутрирегиональных действий по пресечению террористических актов, сепаратизма и экстремизма в Средней Азии. В июне 2002 г. на Санкт–Петербургском саммите глав государств ШОС была подписана Хартия Шанхайской организации сотрудничества, которая вступила в силу 19 сентября 2003 г. Это базовый уставный документ, фиксирующий цели и принципы организации, её структуру и основные направления деятельности. Кроме того, в 2006 г. были анонсированы планы ШОС по борьбе с международной наркомафией как финансовой опорой терроризма в мире, а в 2008 г. – активное участие в нормализации обстановки в Афганистане.

Параллельно деятельность ШОС получила и широкую экономическую направленность. В сентябре 2003 г. главы правительств государств – членов ШОС подписали Программу многостороннего торгово–экономического сотрудничества, рассчитанную на 20 лет. В качестве долгосрочной цели предусматривается создание зоны свободной торговли на пространстве ШОС, а в краткосрочной перспективе – активизация процесса создания благоприятных условий в области торговли и инвестиций. С момента создания организации по настоящее время была проведена 21 встреча, календарь встреч мы видим в табл. № 1.

Итак, основана ШОС как международная организация в 2001 г., хотя предпосылки создания ШОС существовали еще в 60–е годы XX века.

В данном контексте следует учитывать, что, если центрально–азиатские государства возникли в качестве самостоятельных субъектов международных отношений всего лишь два десятилетия назад, то различные аспекты отношений между Россией и Китаем, в том числе и в центрально–азиатском регионе насчитывают не одно столетие. Исследование отношений в треугольнике Россия – Китай –США ведутся уже шесть десятилетий (условно – с момента провозглашения КНР в 1949 г.). Однако отношения этих трех держав в центрально–азиатском регионе, который можно условно назвать одним из

Таблица 1.
Встречи глав государств – членов ШОС.

Дата	Место встречи
26- 27 апреля 1996 г.	Шанхай
24 - 25 апреля 1997 г.	Москва
3 -4 июля 1998 г.	Алма -Ата
14 -15 июня 2001 г.	Шанхай
6 июня 2002 г.	Санкт - Петербург
28 -29 мая 2003 г.	Москва
17 июня 2004 г.	Ташкент
5 июля 2005 г.	Астана
14 -15 июня 2006 г.	Шанхай
16 августа 2007 г.	Бишкек
28 августа 2008 г.	Душанбе
15-16 июня 2009 г.	Екатеринбург
10-11 июня 2010 г.	Ташкент
14-15 июня 2011 г.	Астана
6-7 июня 2012 г.	Пекин
13-14 сентября 2012 г.	Бишкек
11-1 2 сентября 2014 г.	Душанбе
9 -10 июля 2015 г.	Уфа
22 октября 2016 г.	Ташкент

углов в "ШОСовском треугольнике" (Россия – Китай – страны ЦА), изучены пока крайне мало.

Мы опирались на официальные документы Шанхайской Организации Сотрудничества, на выступления руководителей, дипломатов и политических деятелей стран–участниц ШОС и других государств, на документы министерств и ведомств соответствующих стран, а также на документы таких международных организаций, как Организация Объединенных Наций, Содружество Независимых Государств, организации Договора Коллективной Безопасности, Евро–Азиатского Экономического Сотрудничества, Организации Северо–Атлантического Договора, Европейского Союза и др., на монографии российских и зарубежных авторов, публикации в печатных и электронных средствах массовой информации.

XXI век – эпоха глобальных перемен. В настоящее время формируется новая архитектура мировой экономики, которая должна определить векторы движения на десятилетия вперед. Кризис и последовавшие за ним по–

иски новых моделей стратегического развития привели к активизации действий целого ряда стран по созданию региональных интеграционных объединений. Одним из таких центров становится евразийское пространство, под которым в настоящее время принято понимать помимо географического региона, совокупность неких исторических, экономических, религиозных, геополитических императивов, формирующих социально-политическую картину мира.

Однако прежде чем обсуждать проблемы интеграции, следует определиться со смыслом этого понятия. Интеграция – это процесс международного экономического и политического развития устойчивых взаимосвязей групп стран, основанный на проведении ими согласованной межгосударственной политики. Международная экономическая интеграция основана на международной специализации национальных хозяйств ряда стран и складывается из крупных интегрированных экономических блоков (группировок).

Главные из них сформировались из экономически развитых стран в Европе и Северной Америке еще в середине 50-х годов XX в. Так, в 1957 г. было создано Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС). В настоящее время на территории Западной Европы существует Европейское сообщество (ЕС) с населением 345 млн. человек, в пределах которого свободно перемещаются товары, капиталы и услуги, технологии и рабочая сила. С 1 января 1998 г. во всех странах, которые входят в состав ЕС, введена единая валюта. В состав второй крупной интегрированной группировки входят США, Канада и Мексика. Эта группировка объединяет 370 млн. человек. Причины подобной интеграции связаны, в первую очередь, с процессом глобализации, под которым мы понимаем процесс построения культуры, объединяющей всё человечество.

Глобализация как процесс характеризуется интеграцией разных стран и народов в некую общую культуру. Причём под культурой в данном случае следует понимать "всю информацию, не передаваемую генетически в готовом виде в преемственности поколений" [6]. На протяжении истории человечества глобализация предстаёт как процесс взаимного проникновения национальных культур друг в друга. В прошлом глобализация стимулировалась преимущественно международной торговлей и политической завоеваний. В настоящее же время она стимулируется технологическим объединением народных хозяйств разных стран в единое мировое хозяйство. Примером подобного объединения может служить евразийская интеграция.

Заметим, что каждая цивилизация отличается от других теми идеалами и идеями, которые она несёт в жизнь

на протяжении всей своей истории. Все цивилизации в мире по типу алгоритма их расширения могут быть отнесены к двум типам: межрегиональный конгломерат", или просто "конгломерат"; "многорегиональный блок", или просто "блок".

В основе международного конгломерата как типа цивилизации лежит такой принцип цивилизационного развития, при котором национальные культуры замещаются типовой унифицированной культурой. Управление в конгломерате подчинено единому межрегиональному центру, который осуществляет управление цивилизацией. Одна из главных задач межрегионального центра конгломерации состоит в том, чтобы управление было идейно централизованным. Типичный пример конгломерата – это евро-американский конгломерат, в котором есть единый управляющий центр, принимающий все решения. Этот центр укреплялся по мере развития западной цивилизации.

Многорегиональный блок отличается от конгломерата тем, что выбор общецивилизационного вектора целей и выработка концепции его достижения не сосредоточены в каком-либо центре, а распределены по всему блоку. Если даже какой-то региональный центр и сосредотачивает у себя административную власть над делами всего блока, то идеи, цели, частные концепции их достижения он черпает со всего пространства многорегионального блока. Поэтому блок кровно заинтересован в культурном разнообразии.

В отличие от конгломерата, который замещает национальные культуры единой унифицированной культурой, блок помогает развиваться другим культурам. Многорегиональный блок, напротив, находится в процессе обратной интеграции на обновлённой основе.

Таким образом, в начале XXI века на смену существовавшей в 90-е годы парадигме пришли новые проблемы глобального и геополитического характера, размывшие линии, разделяющие внутреннюю и внешнюю безопасность различных государств. Мы видим сегодня, как происходит китаизация российских дальневосточных регионов, а также примыкающих к Китаю районов Киргизии, Таджикистана и Казахстана. Это часто вызывает рост протестных настроений у коренных народов. Вызывает вопросы и исламизация (в том числе – в радикальных форматах) ряда стран Центральной Азии под воздействием крупных соседей с Юга.

Словом, вопросы, связанные с культурным сотрудничеством стран и народов, куда более сложны и ответственны, чем, к примеру, вопросы только экономического взаимодействия. Последнее требует от государственной власти и региональных элит внимательного отноше-

ния к социокультурной политике. Все более важным становится вопрос о том, как обеспечить такое взаимодействие евразийских государств, которое предполагало бы сохранение и укрепление культурной целостности и самобытности всех её участников.

Важнейшее условие сохранения, например, российской или китайской, или какой-то иной культуры (например, культур российских народов) в процессе евразийской интеграции – это её осмысление, рассмотрение и развитие как уникальной цивилизационной культуры, "обладающей вполне конкретным набором сущностных признаков, определяющих её гомогенность, оригинальность и устойчивость" [6]. Следовательно, цивилизационное измерение интеграционных процессов должно стать важнейшим условием эффективного социокультурного сотрудничества евразийских стран, поскольку именно подобное измерение предполагает, во-первых, выявление и описание цивилизационных мегакультур, а также культур государств и внутренних автономий с последующим построением так называемых "матриц" социокультурных признаков и их носителей в виде реестров культурно-исторических памятников с конкретными статусами [5].

Во-вторых, в ходе подобных интеграционных процессов следует осуществлять сравнительный анализ социокультурных матриц взаимодействующих стран и цивилизаций. В-третьих, необходимо выявлять и описывать "блок взаимосочетающихся ценностей и традиций с соответствующим наполнением конкретным содержанием такого понятия, как "евразийские ценности" – по аналогии с понятием "европейские ценности" [5] с последующим продвижением евразийских ценностей в межблоковой организации и в мире.

Изначально мало кто воспринимал Шанхайскую организацию сотрудничества всерьез. Более того, проблемы, стоявшие перед этой организацией, оценивались как второстепенные и имеющие локальное и временное значение. Однако за время функционирования организации существенно расширилась ее повестка дня, а на место проблем межкультурного взаимодействия и территориально-пограничных проблем и вопросов взаимной безопасности встали вопросы глобального и геополитического характера. На сегодня на ШОС обратили серьезное внимание и политологи Евросоюза.

Известный советский и российский философ Александр Зиновьев ещё лет 30 назад, описывая в своей знаменитой книге "Запад. Феномен западнизма" [3] возможные последствия конвергенции западной и советской общественных систем, предлагал различать два основных способа межгосударственного объединения: интеграцию и конвергенцию. Интеграция, согласно концеп-

ции Зиновьева, предполагала такое взаимодействие участников объединительного процесса, которое происходило бы без утраты ими своих сущностей и подразумевало бы единство культур в их самобытном и суверенном многообразии, взаимную выгоду и разного рода паритета в сотрудничестве без смешивания культур.

Задолго до активизации интеграционных процессов вследствие глобализации, Зиновьев описал те же типы интеграции, назвав их интеграцией и конвергенцией. Исследователь выявил проблемы как интеграции, так и конвергенции.

Конвергенция, по Зиновьеву, предполагает слияние культур и их смешивание с последующей утратой участниками объединения своих изначальных сущностных признаков и свойств. Так, при смешении цветов триколора: белого, синего и красного – получится светло-фиолетовый цвет, то есть нечто принципиально новое, в то время как изначальные цвета-сущности исчезнут.

К сожалению, в пространстве Евросоюза, да и, отчасти, в пространстве не так давно созданного ШОС, мы видим не только интеграционные, но и конвергентные процессы, которые осуществляются посредством смешения культур и проявляются в виде целого ряда вспыхивающих пограничных конфликтов. Последнее вызвано процессами ассимиляции в приграничных районах, когда культура более сильной страны стремится поглотить более слабую культуру.

Таким образом, вопросы, связанные с взаимодействием культур стран и народов ШОС, куда более сложны и ответственны, чем, к примеру, вопросы чисто экономического сотрудничества. Это требует от государственной власти и региональных элит внимательного отношения к социокультурной политике.

Анализ процесса эволюции ШОС свидетельствует о том, что изначально замысел ее создания носил, помимо экономического, и геополитический характер. Рассмотрим два измерения ШОС: географическую конфигурацию и политическую композицию. В структуру ШОС входят две мировые державы (Китай и Россия) и четыре малые по сравнению с ними страны Центральной Азии. Это не просто шесть государств, а шесть, с точки зрения их политического, экономического, военного, демографического, социального потенциала, неравных государств.

Однако центрально-азиатский вектор является одним из основных в новом политическом процессе под названием ШОС со всеми вытекающими отсюда преимуществами экономического характера и возможными межкультурными конфликтами, особенно в приграничных районах, поскольку интеграционные процессы неизбеж-

но сопровождаются конвергентными. Задача ШОС – избежать именно конвергентных процессов, наращивая интеграционные.

На сегодняшний день наблюдателями рассматривается несколько сценариев развития ШОС. Первый – формирование некоего антизападного альянса, своего рода анти-НАТО. Надо заметить, что разговоры об этом усилились после 10-го заседания глав государств – членов ШОС 5 июля 2005 г. в Астане, когда главным итогом международного события, имевшим геополитический резонанс, стала декларация ШОС. В этой декларации были выдвинуты требования об определении конкретных сроков окончания военного присутствия международных антитеррористических сил, дислоцированных на американских базах в Кыргызстане и Узбекистане, в связи с завершением активной фазы антитеррористической операции в Афганистане против остатков сил движения "Талибан". Данная декларация, касающаяся новой роли ШОС, как своеобразного регионального противовеса, прежде всего на пути геополитических устремлений США в Центрально-азиатском регионе, вызвала различные мнения и оценки экспертов. Большинство комментаторов и международных экспертов расценили это заявление не иначе как "антиамериканский ультиматум, попытки некоторых политиков протащить через документы ШОС философию "холодной войны" и биполярного мира" [3].

Однако развитие ситуации в дальнейшем показало разделение позиций сторон. Спустя некоторое время Бишкек фактически дезавуировал свое участие в антиамериканском, по сути, заявлении ШОС. Ташкент не только ограничился устной декларацией, как это сделал Бишкек, но и вынудил США закрыть базу в Ханабаде.

Таким образом, ключевая комплементарная социокультурная ценность стран – членов ШОС, базирующаяся на цивилизационном подходе, – это многополярный мир.

Названный императив исключает наличие в евразийских интеграционных объединениях (ЕАЭС, ШОС и др.) политического центра в лице какого-либо "исключительного" государства, диктующего всему миру свои ценности как "лучшие" и "единственно правильные". Евразийские сообщества развиваются как объединения суверенных государств и цивилизаций, выстраивающих взаимодействие на паритетных принципах.

Ориентация на многополярный мир предопределяет такой общий для стран-членов евразийских сообществ императив, как табу на насилие во внешней политике. Страны ШОС утверждают свои евразийские ценности, исходя, в частности, из того опыта добрососедских и интернационалистских отношений, который имеется в ЕАЭС и в многонационально-поликонфессиональной России. Исключением из этого табу может быть только согласованная борьба с международным терроризмом и экстремизмом в виде нацизма, религиозной нетерпимости и т. п. Последнее может и должно стать общим для стран-членов ШОС императивом.

Очевидной комплементарной социокультурной ценностью входящих в ШОС государств является поддержание традиций и, следовательно, традиционных культур, выражающееся в более чем ответственном отношении к мировой и национальной истории и народной памяти. С названным императивом связана и такая, к примеру, комплементарная евразийская ценность, как традиционная семья. Эта ценность – безусловный приоритет для всех стран – членов ШОС.

Эти и другие общие для евразийских стран ценности представляют собой ту основу, на которой могут и должны быть выстроены Шанхайская организация сотрудничества и другие евразийские объединения. Перед нами те принципы, которые минимизируют будущие риски в развитии ШОС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болятко А.В. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. С. 12–41.
2. Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы кругл. стола. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008. С. 202.
3. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. "Запад. Феномен западнизма". Спб., 2004. 520 с.
4. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / И. Н. Комиссина, А. А. Куртов. М.: РИСИ, 2005. С. 69.
5. Лепехин В. Альтернатива будущего. Интернет-ресурс: <http://novorusmir.ru/archives/13916>.
6. Эсенбекова А. Географическая конфигурация и политическая композиция ШОС. Интернет-ресурс: <http://centrasia.ru/>

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИЕМОВ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕДНЕПРИВОДНЫМ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ПОЛОСЫ ПРЕПЯТСТВИЙ У СОТРУДНИКОВ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

IMPROVED METHODS OF MANAGEMENT
FRONT-OPERATIVE-SERVICE VEHICLES
IN TIGHT SPACES THROUGH THE USE
OF DYNAMIC OBSTACLE EMPLOYEES
OF TRAFFIC POLICE

N. Bakulin

Annotation

The article discusses the use of the automobile dynamic obstacle course in the process of training the drivers of operational-service vehicles equipped with devices for feeding special light and sound signals. Car dynamic obstacle to speed up the formation in the vehicle control skills of drivers by changing the exercise conditions. Usage dynamic change of position control starting point, the starting alignment, stopover point, the finish point, braking alignment ensures quality implementation avtodromnoy training in the educational program of additional education, training police drivers.

Keywords: automotive dynamic obstacle, front-wheel drive vehicles, the complex overall training Maturity skills of safe driving methods of improving the efficiency of road management practices.

Бакулин Николай Петрович
Преподаватель, Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

Аннотация

В статье рассматривается использование автомобильной динамической полосы препятствий в процессе повышения квалификации водителей оперативно-служебных автомашин, оборудованных устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов. Автомобильная динамическая полоса препятствий позволяет ускорить формирование навыков водителей в управлении транспортным средством посредством изменения условий выполнения упражнений. Используемое динамическое изменение позиций контрольных точек старта, стартового створа, промежуточной точки остановки, точки финиша, створа торможения, гарантирует качественную реализацию автодромной подготовки в рамках образовательной программы дополнительного образования повышения квалификации водителей-полицейских.

Ключевые слова:

Автомобильная динамическая полоса препятствий, переднеприводный транспорт, комплекс габаритной подготовки, сформированность навыков безопасного вождения, эффективность методики совершенствования приемов управления автомобильным транспортом.

Введение

Анализ служебных проверок дорожно-транспортных происшествий, связанных с наездами, столкновениями оперативно-служебного транспорта ДПС [1] показывает что "чувство" габарита транспортного средства слабо развито у инспекторов ДПС, управляющих оперативно-служебным переднеприводным транспортом.

Результаты тестирования уровня сформированности навыков маневрирования оперативно-служебным транспортным средством в ограниченном пространстве у сотрудников-водителей ДПС МВД России также выявили необходимость в разработке методики совершенствова-

ния формирования "чувства" габарита автомобиля. На службу в МВД сотрудник ДПС приходит уже, как правило, владея водительским удостоверением, отучившись в автошколе. Между тем методика подготовки "кандидата в водители" в автошколах ориентирована на массовую габаритную подготовку водителя с минимальной допустимым скоростным режимом в условиях автодрома.

Однако оперативная ситуация требует от водителя-сотрудника ДПС умений и навыков скоростного точного и безошибочного маневра оперативно-служебного транспортного средства в условиях ограниченного пространства без ущерба автомобилям и окружающим предметам.

Противоречия

Актуальность разработки эффективной методики формирования навыков маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве у сотрудников – водителей ОВД обусловлена наличием следующих противоречий:

- ◆ на социально–педагогическом уровне: между социально обусловленной потребностью общества в высококвалифицированных сотрудниках МВД России и не полностью реализованными потенциальными возможностями организации повышения квалификации [2] и практической реализации курсов повышения квалификации сотрудников – водителей оперативно–служебных автомобилей ДПС;

- ◆ на научно–теоретическом уровне: между возросшими требованиями к уровню сформированности навыков владения техникой управления транспортным средством сотрудниками – водителями ОВД, в частности, техникой маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве и действительным уровнем разработанности в педагогике адекватных методов данного учебно–педагогического процесса;

- ◆ на методико–технологическом уровне: между требованием практики к научно–методическому обеспечению исследуемого процесса и не разработанностью практических аспектов совершенствования техники маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве сотрудниками – водителями оперативно–служебных автомобилей ДПС.

Данные противоречия и определяют актуальность исследования эффективных средств и методов формирования навыков маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве у сотрудников – водителей оперативно–служебных автомобилей ДПС.

Объектом исследования являются приемы и правила управления переднеприводным оперативно–служебным транспортным средством у сотрудников дорожно–патрульной службы.

Предмет исследования – приемы и правила управления переднеприводным оперативно–служебным транспортным средством в ограниченном пространстве.

Цель исследования – разработать методику совершенствования управления сотрудниками дорожно–патрульной службы переднеприводным оперативно–служебным транспортным средством в ограниченном пространстве.

Гипотезой исследования являлось предположение о

том, что использование динамической автомобильной полосы препятствий позволит повысить эффективность методики совершенствования у сотрудников дорожно–патрульной службы приемов и правил управления переднеприводным оперативно–служебным транспортным средством в ограниченном пространстве и снизит вероятность ДТП, совершаемых сотрудниками.

Для достижения цели исследования и проверки гипотезы решались следующие задачи:

1. Исследование научно–методической литературы по вопросам обучения вождению транспортных средств, нормативно–правовой базы, регламентирующей учебный процесс профессионального обучения сотрудников ОВД, а также и практического опыта вождения в экстремальной ситуации.

2. Выявление основных условий и факторов формирования навыка маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве.

3. Анализ результатов тестирования уровня сформированности навыков маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве в ходе эксперимента.

Условиями формирования навыков управления транспортным средством, в частности – навыком маневрирования в ограниченном пространстве будет являться развитие у водителя чувства габарита оперативно–служебного транспортного средства.[3] Это достигается следующими компонентами: тренировка точного глазомера водителя в движении, построения траектории движения с расчетом безопасности, своевременное внесение коррекции в траекторию автомобиля, многократный уровень контроля за фазами въездом (проездом) в двух вариантах: в широком плане – ориентирование положения автомобиля относительно опасной близости объектов, в узком плане–посредством контроля качества маневра через зеркала заднего вида, в заключительной фазе маневра–оценка безопасной дистанции и интервала перед остановкой.

Использование автомобильной динамической полосы препятствий позволяет выполнить эти условия формирования навыков управления транспортным средством в связи с постоянным изменением условий выполнения упражнений заключающихся в перемещении: контрольных точек старта, стартового створа, промежуточной точки остановки, точки финиша, створа торможения, гарантирующие изменение дистанции и условий выполнения упражнений (изменение угла наклона начала движения), скоростных параметров, условий интенсивности торможения–разгона, скорость воздействия на рулевое колесо.

Комплекс габаритной подготовки состоит из подготовительных, основных и контрольных упражнений.

Для реализации вышеназванных компонентов в динамической полосе препятствий были разработаны следующие упражнения:

1. Габаритные туннели передним (задним) ходом.
2. Динамические (с препятствиями) габаритные туннели передним ходом левый поворот.
3. Габаритные туннели передним ходом правый поворот.
4. Динамические (с препятствиями) габаритные туннели передним ходом правый поворот.
5. Габаритная восьмерка в коридоре задним ходом.
6. Габаритные ворота задним ходом.
7. Формирование чувства габарита автомобиля в плоскости нижней точки бампера.
8. Буксировка передним ходом по симметричной змейке.
9. Буксировка задним ходом по симметричной змейке с фиксацией троса за переднюю часть буксируемого автомобиля.
10. Буксировка задним ходом по симметричной змейке с фиксацией троса за заднюю часть буксируемого автомобиля.

С целью обоснования эффективности авторской методики обучения сотрудников – водителей ОВД управлению транспортным средством, основанной на использовании динамической схемы ограничительных препятствий при выполнении упражнений маневрирования в ограниченном пространстве проводился педагогический эксперимент.

Педагогический эксперимент был организован на базе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России г. Тюмень, Тюменской области в период с сентября 2015 г по апрель 2016 г. В исследовании участвовали 40 слушателей мужского пола категорий: "Инспектора дорожно-патрульной службы ГИБДД", "полицейские (водители) ОМОН", "полицейские (водители) ГНР ППСГ" в возрасте 20–39 лет, имеющие водительский стаж от 1 – 20 лет. Сотрудники были разделены на 2 группы: 1 – контрольную и 1 – экспериментальную, по 20 сотрудников в каждой группе. Количество слушателей в каждой группе строго ограничено требованиями плана наполняемости по организации учебного процесса в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России на 2015–2016 гг.

Контрольная группа занималась по программе переподготовки водителей категории транспортных средств категории "В", оборудованных специальными устройствами для подачи световых и звуковых сигналов, предусмотренной учебным планом Тюменского института повышения квалификации МВД России.

Экспериментальная группа занималась по аналогичной учебной программе, с внесенными изменениями в

методике автодромной подготовки. Для формирования навыка маневрирования в ограниченном пространстве использовалась автомобильная динамическая полоса препятствий. Использование данной схемы позволяло изменять условия выполнения упражнения, создавать различные варианты.

Для определения уровня сформированности навыков маневрирования в ограниченном пространстве у слушателей, представителей экспериментальной и контрольной групп в начале и в конце эксперимента проводилось тестирование. Для тестирования использовались четыре упражнения.

Упражнение "Скоростная змейка симметричная передним ходом с элементом экстренного комбинированного торможения рабочим тормозом в финишном створе". выполнялось на оборудованном автополигоне с асфальтовым покрытием. Задача для испытуемых заключалась в максимально быстром преодолении дистанции 100 м. Выбор автомашины: автомашина ВАЗ 2114 (переднеприводная). Длина дистанции 100 метров. Расстояние для экстренного трогания и разгона 15 метров, шаг разметки 25 метров. Испытуемым предоставлялись две попытки выполнения упражнения. Учитывалось лучшее время прохождения дистанции.

Упражнение "Скоростной квадрат с элементами: асимметричная змейка задним ходом с экстренным ступенчатым торможением рабочим тормозом в финишном створе" выполнялось на оборудованном автополигоне с асфальтовым покрытием. Тест предназначен для оценки техники маневрирования, знания приемов управления автомобилем задним ходом. Задача для испытуемых заключалась в максимально быстром преодолении дистанции 100 м по змейке и 200 метров по прямолинейному движению задним ходом. Длина дистанции змейкой – 100 метров. Расстояние для экстренного трогания и разгона – 15 метров, шаг разметки – 25 метров. Схема движения напоминала правильный четырехугольник с сторонами 2x100 метров и 2x50 метров по одной длинной стороне которого расположена змейка, а вдоль остальных расположена прямая трасса с тремя поворотами по 90 градусов. Испытуемым предоставлялись две попытки выполнения упражнения. Учитывалось лучшее время прохождения дистанции.

Упражнение "Управление в заносе на дуге поворота в габаритном коридоре 3,75 метра "Эллипс" выполнялось на оборудованном автополигоне принадлежащим ООО "Автомобилист" с асфальтовым покрытием. Задача для испытуемых заключалась в том, чтобы выстроить автомашину у стартовой линии, произвести разгон в стартовом створе, и, набрав скорость въехать в габаритный круг, начать движение вперед по часовой стрелке в габаритном круге. При достижении полных 3-х кругов, води-

тель должен был направить автомобиль в финишный створ для торможения; выполнить плавное торможение и остановку автомобиля; поставить автомобиль на стояночный тормоз и выключает зажигание. Испытуемым предоставлялись две попытки выполнения упражнения. Учитывалось лучшее время прохождения дистанции.

Упражнение "Управление автомобилем в условиях ограниченного пространства задним ходом по сложной траектории" представляет собой скоростное движение задним ходом в габаритном коридоре 2,6 метра с преодолением поворотов, прохождения по дуге и выхода из дуги левого и правого поворота. Задача для испытуемых заключалась в том, чтобы выстроить автомашину у стартовой линии, в максимально быстром темпе преодолеть дистанцию 500 метров задним ходом в коридоре движения 2,6 метра. Дистанция включала в себя преодоление различных поворотов и отрезка движения по прямой (3 отрезка по 100 метров и 1 отрезок по 50 метров) 2 дуги различной конфигурации левого и правого поворота.

Испытуемым предоставлялись две попытки выполне-

ния упражнения. Учитывалось лучшее время прохождения дистанции.

С целью количественного анализа педагогических явлений использовались методы математической статистики. Достоверность различий определялась по t – критерию Стьюдента. Математический анализ цифровых данных был просчитан при помощи Excel 2007.

Различия между средними арифметическими значениями представителей ЭГ и КГ недостоверны. Сопоставление всех результатов исходного тестирования экспериментальной и контрольной группы наглядно показывает, что во всех тестах статистически достоверные различия отсутствуют. В этом случае можно утверждать, что у испытуемых экспериментальной группы и контрольной группы на момент начала эксперимента почти в равной мере сформированы навыки маневрирования в ограниченном пространстве транспортным средством (различия недостоверны) при этом сам уровень недостаточно высокий.

Таблица 1.

Результаты тестирования сформированности навыков маневрирования в ограниченном пространстве у слушателей, представителей ЭГ и КГ в начале педагогического эксперимента.

Тесты	Скоростная змейка симметричная передним ходом с элементом экстренного комбинированного торможения рабочим тормозом в финишном створе (с)		Скоростной квадрат с элементами: ассиметричная змейка задним ходом с экстренным ступенчатым торможением рабочим тормозом в финишном створе (с)	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
\bar{x}	29,47	29,5	39,45	39,4
σ	1,26	1,5	1,53	1,5
$M\bar{x}$	0,28	0,33	0,34	0,33
V	4,3	5,09	3,89	3,8
t	0,07		0,2	
Po	>0,05		>0,05	
Тесты	Управление автомобилем в заносе на дуге поворота в габаритном коридоре 3.75 метра "Эллипс" (с)		Управление автомобилем в условиях ограниченного пространства задним ходом по сложной траектории (с)	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
\bar{x}	14,6	14,8	3,17	2,9
σ	0,56	0,56	0,52	0,45
$M\bar{x}$	0,14	0,12	0,11	0,1
V	4,29	3,8	16,4	15,7
t	0,92		1,71	
Po	>0,05		>0,05	

В конце педагогического эксперимента так же было проведено итоговое тестирование с целью выявления уровня сформированности навыков маневрирования в ограниченном пространстве у слушателей, представителей ЭГ и КГ.

Для анализа результатов тестирования выявлены и сопоставлены показатели сформированности навыков маневрирования в ограниченном пространстве у слушателей, представителей ЭГ и КГ в начале и конце эксперимента по каждому тесту отдельно (рис. 1,2,3,4).

На рис. 1, изображающем показатели теста "Скоростная змейка симметричная передним ходом с элементом экстренного комбинированного торможения рабочим тормозом в финишном створе" заметны изменения показателей уровня сформированности навыков безопасного вождения представителей ЭГ и КГ в начале и в конце эксперимента. Наиболее значительные изменения выявлены у сотрудников экспериментальной группы в конце эксперимента.

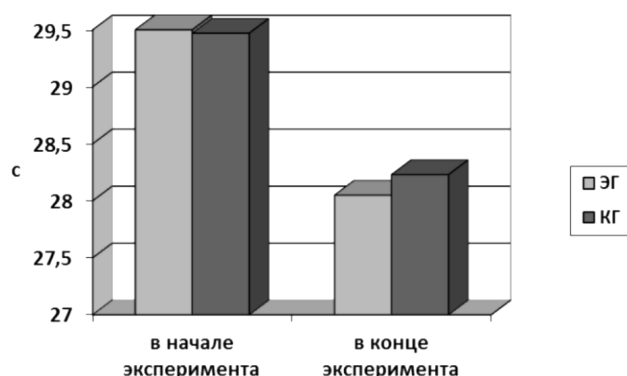

Рисунок 1. Результаты теста "Скоростная змейка симметричная передним ходом с элементом экстренного комбинированного торможения рабочим тормозом в финишном створе" (с).

Результаты тестирования сотрудников ЭГ в данном тесте превосходили результаты КГ в конце эксперимента на 6,64%.

Таблица 2.

Результаты тестирования уровня сформированности навыков маневрирования в ограниченном пространстве у слушателей, представителей ЭГ и КГ в конце педагогического эксперимента.

Тесты	Скоростная змейка симметричная передним ходом с элементом экстренного комбинированного торможения рабочим тормозом в финишном створе (с)		Скоростной квадрат с элементами: ассиметричная змейка задним ходом с экстренным ступенчатым торможением рабочим тормозом в финишном створе (с)	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
\bar{x}	28,23	28,05	38,2	36,95
σ	1,86	0,51	1,39	1,56
$M\bar{x}$	0,41	0,11	0,31	0,35
V	2,1	5,7	3,86	4,42
t	0,08		2,6	
Po	>0,05		>0,05	
Тесты	Управление автомобилем в заносе на дуге поворота в габаритном коридоре 3.75 метра "Эллипс" (с)		Управление автомобилем в условиях ограниченного пространства задним ходом по сложной траектории (с)	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
\bar{x}	14,5	14	2,86	2,51
σ	0,57	0,6	0,5	0,48
$M\bar{x}$	0,12	0,13	0,12	0,1
V	3,3	4,6	19,2	19,4
t	2,65		2,12	
Po	<0,05		<0,05	

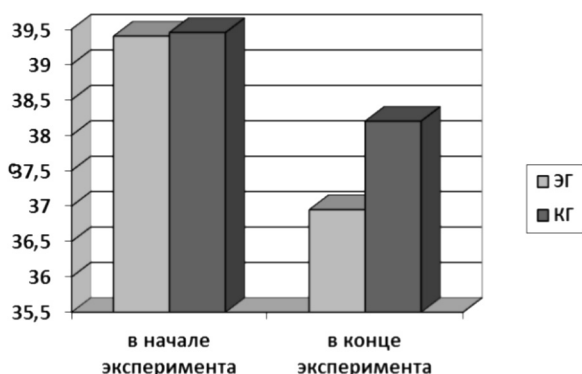

Рисунок 2. Результаты теста "Скоростной квадрат с элементами: ассиметричная змейка задним ходом с экстренным ступенчатым торможением рабочим тормозом в финишном створе" (с).

На рис. 2, изображающем показатели теста "Скоростной квадрат с элементами: ассиметричная змейка задним ходом с экстренным ступенчатым торможением рабочим тормозом в финишном створе" так же выявлены значительные изменения показателей уровня сформированности навыков безопасного вождения у представителей ЭГ и КГ в конце эксперимента. Наиболее значительные изменения так же выявлены у сотрудников экспериментальной группы. Результаты представителей ЭГ в данном тесте превзошли результаты представителей КГ в конце эксперимента на 3,4%.

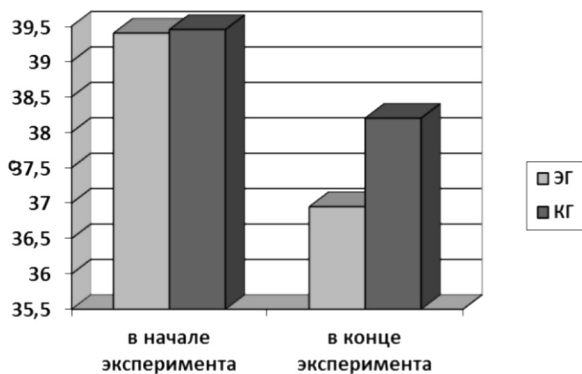

Рисунок 3. Результаты теста "Управление автомобилем в заносе на дуге поворота в габаритном коридоре 3.75 метра "Эллипс" (с).

На рис. 3, изображающем показатели теста "Управление автомобилем в заносе на дуге поворота в габаритном коридоре 3.75 метра "Эллипс" так же выявлены значительные изменения показателей уровня сформированности навыков безопасного вождения у представителей ЭГ и КГ в конце эксперимента. Наиболее значительные изменения так же выявлены у сотрудников экспериментальной группы. Результаты представителей ЭГ в данном тесте превзошли результаты представителей КГ в конце эксперимента на 3,4%.

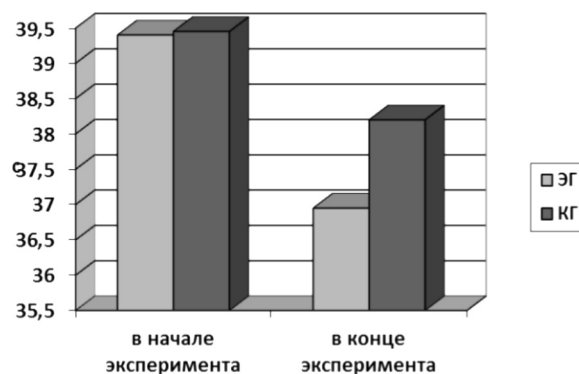

Рисунок 4. Результаты теста "Управление автомобилем в условиях ограниченного пространства задним ходом по сложной траектории" (с).

Результаты представителей ЭГ в данном тесте превзошли результаты представителей КГ в конце эксперимента на 3,5%.

На рис. 4, изображающем показатели теста "Управление автомобилем в условиях ограниченного пространства задним ходом по сложной траектории" так же выявлены значительные изменения показателей уровня сформированности навыков безопасного вождения у представителей ЭГ и КГ в конце эксперимента. Наиболее значительные изменения так же выявлены у сотрудников экспериментальной группы. Результаты представителей ЭГ в данном тесте превзошли результаты представителей КГ в конце эксперимента на 12,3%.

На рисунках 1, 2, 3, 4 изображающих показатели используемых тестов заметно, что разница в показателях сформированности навыков маневрирования в ограниченном пространстве у слушателей экспериментальной и контрольной групп в начале эксперимента незначительна, она находится примерно на одинаковом уровне. Однако, в конце эксперимента данные показатели значительно отличаются у представителей ЭГ и КГ (в среднем, увеличены на 6,46%), очевидно, это демонстрирует более высокую степень сформированности у представителей экспериментальной группы навыков безопасного вождения. На наш взгляд данный факт является следствием использования метода моделирования для создания типовых ситуаций преследования правонарушителя на автотранспорте.

В результате проведенного эксперимента удалось доказать высокую эффективность разработанной методики выполнения упражнения "Подготовка водителей к маневрированию в ограниченном пространстве", основанной на использовании динамической схемы ограничительных препятствий.

По результатам нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В ходе анализа существующих учебных программ, учебно-методических пособий по автодромной подготовке, научно-методической литературы установлено отсутствие в них эффективных средств и методов, которые бы использовались для формирования навыков маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве у сотрудников – водителей ОВД. Проведенное исследование также выявило возможность использования динамической схемы ограничительных препятствий при выполнении упражнения маневрирования в ограниченном пространстве для совершенствования навыков управления транспортным средством сотрудников – водителей ОВД.

2. Условиями формирования навыков управления транспортным средством, в частности – навыком маневрирования в ограниченном пространстве будет являться развитие у водителя чувства габарита оперативно-служебного транспортного средства. Это достигается следующими компонентами: тренировка точного глазомера водителя в движении, построения траектории движения с расчетом безопасности, своевременное внесение коррекции в траекторию автомобиля, многократный уровень контроля за фазами въездом (проезда) в двух вариантах:

в широком плане – ориентирование положения автомобиля относительно опасной близости объектов, в узком плане – посредством контроля качества маневра через зеркала заднего вида, в заключительной фазе маневра – оценка безопасной дистанции и интервала перед оставкой.

3. Анализ результатов тестирования уровня сформированности навыков маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве в ходе эксперимента показал, что если в начале исследования представители обеих групп практически не отличались друг от друга (различия не достоверны), то в конце эксперимента различия увеличились и они стали достоверны. Наиболее существенные различия были в тесте "Управление автомобилем в условиях ограниченного пространства задним ходом по сложной траектории" (12,3%). Результаты тестирования позволяют утверждать, что представители экспериментальной группы продемонстрировали более высокий уровень сформированности навыков маневрирования транспортным средством в ограниченном пространстве (6,46%), чем представители контрольной группы. Следовательно, использование динамической схемы ограничительных препятствий при выполнении упражнения маневрирования в ограниченном пространстве способствует совершенствованию навыков управления транспортным средством сотрудников – водителей ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. 2011. 07 декабря.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" // Российская газета. 2012. 31 декабря.
3. Приказ Минобрнауки России от 27 июня 2014 г. № 695 "О внесении изменения в перечень профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 513" // Российская газета. 2014. 11 августа.
4. Приказ МВД России от 03 июля 2012 г. № 663 "Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации" // Российская газета. 2012. 31 августа.
5. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 01 августа 2014 года № АК-2131/06 "Об особенностях реализации примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств". // [Электронный ресурс] <http://www.lexed.ru>. (дата обращения 19 марта 2015 г.).
6. Приказ Минобрнауки России от 27 июня 2014 г. № 695 "О внесении изменения в перечень профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 513" // Российская газета. 2014. 11 августа.
7. Безопасность дорожного движения: сборник научных трудов, выпуск 14.–М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2014. с.15.
8. Приказ Минобрнауки России от 01 июля 2013 г. № 499 "Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам" // Российская газета. 2013. 28 августа.
9. Бакулин Н.П. Профессиональная переподготовка водителей к управлению транспортными средствами, оборудованными специальной техникой / Высшее образование сегодня. 2016. с.23–25

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В РАМКАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

INFORMATION POLICY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION AS A TOOL FOR COMPETITIVENESS IN THE TRANSFORMATION OF EDUCATION

*M. Bolgova
A. Fedulin
O. Krasnova*

Annotation

Higher education is currently one of the social sectors that are particularly vulnerable to change. The changes concern both the content of higher education, as well as structural reforms. Due to increased competition in the educational area, priority development is positioning the educational organization of the labor market. An indication of the characteristics becomes a vector of development of the university, which is reflected in the program of development of one or another educational institution.

The article proposes to review the information policy of the educational organization of higher education, as one of the main tools of universities competitiveness in the transformation of education. The authors propose to consider information not only as providing new knowledge and facts, but also the manipulative aspect of post content. As the thesis proposed the formation of "correct" orientation information by adjusting the methods and forms of supply, the availability of advocacy, an increase of entertainment material.

Highlighted the problems of a social nature, which are in the process of formation of an information space around educational institution of higher education. The main reasons for the formation of information policy. The basic focus groups.

The authors examine the contents and properties of information as the regulation and management of information policy in the subject system, the role and functions of information and exchange of information in the modern educational space, its types, forms, categories, fields and structure of information flows. Particular attention is paid to the main purpose of information policy – the formation of a specific opinion, expression products of the educational organization (the customer).

Keywords: transformation of education, information policy, competitiveness, information, communication, social networking, communication, social networking, image.

Болгова Мария Алексеевна

Аспирант, преподаватель,

ФГБОУ ВО "Российский государственный университет туризма и сервиса"

Федулин Александр Алексеевич

Д.ист.н., профессор, ректор

ФГБОУ ВО "Российский государственный университет туризма и сервиса"

Краснова Ольга Николаевна

К.пол.н., доцент,

ФГБОУ ВО "Российский государственный университет туризма и сервиса"

Аннотация

Высшее образование в настоящее время одна из социальных сфер, которая особо подвержена изменениям. Изменения касаются как содержания высшего образования, так и структурных реформ. В силу роста конкуренции на образовательном пространстве, приоритетом развития становится позиционирование образовательной организации на рынке труда. Показателем данной характеристики становится вектор развития университета, который отражается в программе развития той или иной образовательной организации. В статье предлагается рассмотреть информационную политику образовательной организации высшего образования, как один из основных инструментов конкурентоспособности вузов в рамках трансформации образования. Авторы, предлагают рассматривать информацию не только как предоставление новых знаний и фактов, но и манипулятивный аспект того или иного размещаемого контента. Как тезис, предлагается формирование "нужной" направленность информации с помощью регулирования способов и форм подачи, наличия пропаганды, увеличение развлекательного материала. Выделены проблемы социального характера, которые заключаются в процессе формирования информационного пространства вокруг образовательной организации высшего образования. Рассмотрены основные причины формирования информационной политики. Предложены основные фокус-группы. Авторы рассматривают, содержание и свойства информации как предмета регулирования и управления в системе информационной политики, роль и функции информации и информационного обмена в современном образовательном пространстве, ее виды, формы, категории, структура информационных полей и потоков. Особое внимание уделяется основной цели информационной политики – формированию конкретного общественного мнения, выражение позиций образовательной организации (заказчика).

Ключевые слова:

Трансформация образования, информационная политика, конкурентоспособность, информация, коммуникации, социальные сети, коммуникации, социальные сети, имидж.

Современный университет можно рассматривать как корпорацию, которой характерны заинтересованность и ориентации в отношении целевой аудитории. Данное сопоставление предполагает упорядоченную структуру, разнонаправленность интересов образовательных организаций высшего образования, исследование их поведения в конкурентной среде высшего образования.

Для эффективного развития и существования на рынке образовательных услуг университеты должны соответствовать основным векторам развития государственной политики в сфере высшего образования:

1. внедрение инноваций в образовательный процесс, подготовка квалифицированных специалистов в соответствии с потребностями основных стейкхолдеров;
2. интеграция в мировую систему образования с помощью модернизации основных процессов и систем.

На наш взгляд, ключевой вектор трансформации образования состоит в разработке адаптивной системы управления университетом, что соответствует способности университета быстро реагировать на происходящие изменения и вносить коррективы в информационную политику. Ввиду множества рисков и неопределенностей, системного кризиса в глобальном социуме руководство университетов старается внедрять новые информационные стратегии для поддержания своей конкурентоспособности.

Конкурентоспособность любой организации неразрывно связана с информационной составляющей. Количество информации возрастает и по объему и по масштабу, что соответствует новым потребностям общества. В основу берутся знания, которые включают в себя различные сферы, такие как образование, культура, система коммуникаций, процессы изменений и т.д.

К основным характеристикам современного общества можно отнести проявление силы, материальные ресурсы и знания (информация). Знания способствуют активному развитию трансформационных процессов, которые охватывают все сферы жизни. Изменения человеческих взаимодействий приводит к модификации указанных характеристик. Самыми устойчивыми и адаптированными, на наш взгляд, являются знания, которые определяют любые коммуникации и взаимодействия.

Информация предполагает не только предоставление новых знаний и фактов, но и манипулятивный аспект того или иного размещаемого контента. Любая информация может обрести нужную направленность с помощью регулировки следующих факторов: способ и форма подачи, наличие пропаганды, увеличение развлекательного ма-

териала. Мы можем сделать вывод о намеренном искажении информации различными социальными группами для реализации собственных интересов и задач. Информационная политика выражается не подачей информации о том или ином событии, а управлением коммуникативными потоками. Основная цель – формирование конкретного общественного мнения, выражение позиций заказчика.

Сфера образования – одна из тех социальных сфер, которая находится между государством и представителями рынка. Участники данных групп способствовали формированию независимых институтов, обеспечивающих доступ к информационным ресурсам, и обладающих определенной независимостью от растущего влияния капитализма. Государство в данной ситуации выступает гарантом сохранения и функционирования данных сфер общественной жизни вне рыночных отношений.

Вышеперечисленные тенденции приводят к необходимости для любых образовательных организаций формировать определенные сообщения по основным каналам коммуникации, иначе они окажутся вне общественных отношений. Актуальным становится привлечение специалистов, обладающих определенными навыками и умениями в области работы с информацией, формирование отдельных структур, отвечающих за информационную политику университета в целом.

Можно выделить основные факторы, необходимые для создания информационной политики в образовательных организациях. Первый фактор подразумевает наличие источника информации – коммуникатора (заказчик), который обладает определенными имиджевыми ресурсами и репутационным капиталом, а также навыками и умениями в области публичных выступлений (внешний вид, вербальная и невербальная составляющие). Второй фактор – непосредственно сообщение (контент) содержащее заранее обработанную (с точки зрения воздействия) информацию. Третий фактор – каналы коммуникации. Преимущественное положение занимают наиболее востребованные конечным потребителем с точки зрения удобства и рейтинговой составляющей. Следующим элементом становится соотносительность смысла сообщения и необходимого канала (затронута важность аудиального, визуального и др. компонентов). Четвертый фактор – конечный потребитель. Социологические и маркетинговые службы выявляют ключевые характеристики аудитории (демографические, психологические, социальные и др.). Пятый фактор – обратная связь – эффект коммуникации, позволяющий отслеживать результативность использования отобранных факторов (оратор, сообщение, канал, потребительский профиль).

Для любого вуза становится очевидной необходи-

мость налаживать процесс и развивать инструменты взаимодействия с внешней средой через формирование и оптимизацию информационной политики. Необходимо удовлетворять информационные запросы и нужды аудитории, в качестве которой для университета выступает как само сообщество с его образовательными потребностями и запросами, так и корпоративные заказчики и потребители образовательных услуг в лице предприятий и организаций, и, конечно, государство на всех его структурных уровнях.

Текущее положение образовательной системы, нуждается руководство университетов принимать активное участие в постоянном мониторинге изменений, происходящих на образовательном пространстве. Их цель заключается в оптимизации управленческих процессов на различных структурных уровнях учреждения; эффективном внедрении различных методик, направленные на взаимодействие с абитуриентами и их родственниками; росте качества и доступности высшего образования. Выявление и исследование характеристик, влияющих на увеличения степени информированности основных целевых аудиторий вуза, остается наиболее важной задачей на данном этапе как один из уровней конкурентоспособности университета.

Данная цель особенно актуальна в виду наличия следующих условий. К первому можно отнести наличие большого количества альтернатив с точки зрения образовательных программ, что, безусловно, влияет на рост конкуренции среди университетов.

Вторым является изучение вопросов информированности как важное направление исследований в связи со снижением доступности высшего образования. Рост спроса на высшее образование сопровождается значительным увеличением его стоимости. Необходимо отметить значительный рост влияния информационного фактора, способствующего выбору университета в качестве образовательного учреждения, партнера и реализации других форм сотрудничества, поэтому становится очевидным необходимость выявления эффективных инструментов и каналов коммуникации.

Третье условие определено проблемами, связанными с трудоустройством студентов и выпускников университета по направлению обучения. Данный факт может указывать на незначительную информированность абитуриентов и студентов, касательно тенденций развития регионального и общероссийского рынка труда, непродуманном решении, связанным с выбором специальности.

Четвертым условием можно обозначить психологическую составляющую, влияющую на приоритетность выбора того или иного вуза. Она проявляется в страхе не-

удачи при поступлении, что в основе своей обусловлено низкой информированностью абитуриента об условиях поступления и дальнейшем сопровождении обучении.

Одним из важных конкурентных преимуществ вуза является количество студентов (как российских, так и иностранных), обучающихся по его специальностям, что непосредственно влияет на финансовое состояние и репутацию университета. Поэтому необходимо уделить значительное внимание особенностям, характеризующим процесс выбора учебного заведения абитуриентами.

Информационную политику неразрывно можно сопоставить с общей маркетинговой стратегией образовательной организации и соответственно как часть стратегии развития университета в целом.

Важность информационной деятельности университета увеличивается в связи с ограниченностью государственного финансирования, внедрение стратегии автономности и независимости университета. На сегодняшний день необходимо отметить рост потребительского отношения к высшему образованию у родителей и студентов. В силу этого на выбор образовательной организации высшего образования большое влияние оказывают следующие составляющие: узнаваемый бренд, хорошая реклама, современный сайт, престиж среди абитуриентов и работодателей, известные имена и т.п.

В то же время даже четко продуманная информационная политика не может оставаться стабильной и требует постоянной корректировки и обновлений с учетом внешних изменений и роста рынка коммуникаций. Разработка информационной политики, как и любого маркетингового продукта, несет свое начало с определения целевой аудитории, выявления их потребностей и с учетом конечной ответной реакции.

Таким образом, структуру контактной аудитории, можно зафиксировать следующим образом: потребители, покупатели, профессорско-преподавательский состав, работники образовательной организации высшего образования, выпускники, местная общественность (город, регион), широкая общественность (страна), государственные органы, работодатели и поставщики.

Ввиду роста информатизации общества потребители начинают прекращать различать образовательные услуги разных вузов с точки зрения качества или уникальности их характеристик. Наряду с товарной конкуренцией формируется понятие информационной конкуренции, битва за привлечение внимания ключевых аудиторий, наиболее важных целевых сегментов рынка.

Предлагается выделить два уровня информационных коммуникаций:

1. уровень общей коммуникации, в рамках которого разрабатывается информационная политика университета, определяются стратегическая установка и базовые инструменты осуществления коммуникаций. Организация и управление информационным процессом на этом уровне возлагаются на высшее руководство, то есть ректора, которому подчиняется отдел внешних связей (пресс-служба);

2. уровень структурных подразделений (институтов, факультетов, кафедр), где принимаются решения об использовании тех или иных коммуникативных инструментов. В их задачи входят: планирование и реализация соответствующих инструментов коммуникаций в рамках общей политики вуза. Ответственными за выполнение задач: директора институтов, руководители кафедр.

Информационные коммуникации необходимы для привлечения абитуриентов, удобства работы студентов и преподавателей, привлечения профессионального сообщества, развития межвузовского взаимодействия. Для выполнения данных функций используют, в первую очередь, официальный сайт, в соответствии с требованиями Приказа Рособрнадзора от 29.05.2014 N 785 "Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и формату представления на нем информации".

Отдельного рассмотрения требует работа в социальных сетях, основная целевая аудитория которых молодежь и для них актуально получать большую часть информации из сети интернет. Поэтому необходимо тщательно налаживать коммуникации именно в социальных сетях в силу своего удобства и быстрого доступа к нужной информации с помощью хештэгов.

Университеты заводят официальные страницы "В контакте", "Facebook". Грамотно оформленная и выстроенная группа создает благоприятное впечатление у тех, кто впервые зайдет на ее страницу, а поддерживаемая постоянная активность усилит его.

Ключевыми позициями в ведении группы или сообщества можно считать:

1. Увлечение в контент. Через группу можно привлечь уже состоящих в ней участников (студентов и не только) к общественной жизни вуза, например, предстоящим мероприятиям: фестивалям, мастер-классам, тренингам и т.д. Также в группе можно наладить коммуникацию – "студент-студент", "руководство вуза-студент", "студент-абитуриент" и "руководство вуза-абитуриент".

2. Точки контактов. Стоит отметить, что важными в ведении сообщества или группы являются точки контак-

тов – это определенные "маркеры", которые ненавязчиво привлекают внимание реципиента и доносят какую-либо идею, или побуждают к какому-либо действию.

3. Личный бренд. Немаловажным в работе с группами в социальных сетях является личный бренд человека, который ведет группу. Его профиль также должен быть привлекательным: качественные фото, полезный и интересный контент, уделено внимание всем точкам контакта и как можно больше ненавязчивых ссылок на группу в профиле.

Руководство вузов играет огромную роль в информационном пространстве университета, публикуясь в общедоступных журналах и газетах, выступая на телевидении. Ректора на сегодняшний день активно используют "Instagram", выкладывая каждый день в сеть фотографии с посещаемых мероприятия. Здесь в первую очередь повышается имидж руководителя образовательной организации, а также активно поддерживается коммуникативная цепочка "студент-руководство".

Кроме стратегически важных для вуза функций, информационная политика должна приходить на помощь при оптимизации сети образовательных организаций высшего образования, которая реализуется с помощью создания опорных университетов, а также путем объединения наиболее опытных и крепких университетов в университет, способный конкурировать на мировом рынке. Все участники образовательного процесса в данной ситуации находятся в состоянии социальной напряженности, что может стабилизировать правильная информационная политика, начиная с официального сайта, заканчивая средствами массовой информации. Здесь важен профессионализм пресс-службы и правильная подача информации со всех точек зрения и перспектив как для восприятия, так и для положительных сторон, как студентами и родителями, так и преподавателями, административно-управленческим составом.

Проблема информированности в сфере высшего образования не является новой, но в последние годы она привлекает все большее внимание исследователей и разработчиков информационной политики. Основой данной проблемы является приоритетный выбор потребителя образовательных услуг в пользу той или иной образовательной организации высшего образования. Информированность в свою очередь делает выбор потребителя осознанным и управляемым с позиции вуза.

Новости российских университетов подробно освещаются в СМИ, в основном ссылаются на официальный сайт, как основной источник информации. По этой тематике найдено значительное количество статей, в основном они касаются организации мероприятий, связанных с учебной и внеучебной деятельностью. Вузы являются

инициаторами значительного количества событий: семинары, конференции, рабочие встречи с учеными, политиками, работниками культуры, делегациями. В рамках возможного сотрудничества обсуждаются следующие вопросы: создание общих исследовательских центров, ведение совместных проектов, организация стажировок студентов. Данное направление обусловлено необходимостью интеграции в мировое образовательное сообщество. К негативным событиям, освещаемым в СМИ, можно отнести описание фактов коррупции в вузах, а также различных скандалов.

В связи со сложностью и многогранностью современной среды для поддержания конкурентоспособности образовательной организации, необходима постоянная работа по повышению имиджа. На наш взгляд, информационная политика – один из основных инструментов позиционирования образовательных организаций высшего образования, а также предоставления информации в

"правильном ракурсе". Социальные сети – это идеальное место для привлечения и удержания целевой аудитории, а сообщества и группы в них – отличный инструмент повышения имиджа и поддержания конкурентоспособности, который не требует особых усилий и затрат.

Грамотно оформленная и выстроенная группа позволит:

1. создать благоприятное впечатление у тех, кто впервые окажется на ее странице, а поддерживаемая, постоянная активность усилит этот эффект;
2. наладить двухстороннюю коммуникацию между вузом и потребителем;
3. сформировать индивидуальный формат общения и обмена информацией;
4. повысить лояльность целевой аудитории;
5. увеличить востребованность образовательной организации высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кортунов В.В. Культура России в системе экономических ценностей // В сборнике: Фундаментальные проблемы культурологии в 4-х томах. Санкт-Петербург, 2008. С. 348–358.
2. Кортунов В.В., Краснова О.Н. "Трансцендентное" и формирование христианского мировоззрения // Точки над Ё. 2015. № 3 (16). С. 45–53.
3. Новикова Н.Г., Зорина Н.М., Кортунов В.В. Использование ситуационных задач в обучении студентов созданию делового дискурса // Образование и общество. 2014. Т. 6. № 89. С. 28–32.
4. Новикова Н.Г., Кортунов В.В., Краснова О.Н., Зорина Н.М., Киреевкова З.А. Создание благоприятной туристской среды для клиента с особыми потребностями // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 9 (53). С. 135–151.
5. Павленок П.Д., Холостова Е.И., Черняк Е.М., Бухтерева О.С., Савинов Л.И., Капицын В.М., Акмалова А.А., Лазарева З.Н., Краснова О.Н., Мозговая Т.М., Анисимов А.С., Фехтел Е.В., Фодоря А.Ю., Митюрникова Л.А., Поддубная Е.Н., Гойхман О.Я., Кошлякова М.О., Анисимов А.С., Агеева М.А., Середина М.И. и др. Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях // Москва, 2015. Сер. Научная мысль (2-е издание, исправленное и дополненное).
6. Kortunov V., Fedulin A., A Critical Analysis of the Impact of Elecommunications on the Worldview of Russian Society // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Т. 15. № 10. С. 1389–1395.
7. Zorina N.M., Kortunov V.V., The Issues of Methodology of a Discourse-Analysis in Teaching of Professional Speech to the Students of Non-Philological Specialties // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Т. 19. № 4. С. 554–559.

© М.А. Болгова, А.А. Федюлин, О.Н. Краснова, (m_bolgova@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский международный книжный салон

Время читать!
Time to read!

"Ни о чем не думает лишь тот, кто ничего не читает."
Д. Дидро

Реклама

ТВОРЧЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСНОВА РАСКРЫТИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

CREATIVITY AND SOCIAL REFLECTION AS BASIS OF DISCLOSURE OF CREATIVE POTENTIAL OF THE PERSONALITY

I. Boldyreva

Annotation

Article is devoted to research of single questions of creativity. The author has made an attempt to reveal prerequisites and realization of process of creativity through abilities of the personality, her experience, knowledge. The imagination role in creative process comes to light, the importance of development of imagination for the creativity having not smaller value, than extent of development of thinking is distinguished.

In article the interrelation is shown. In article the interrelation of a pedagogical reflection and creative component in the course of pedagogical activity is shown. It is emphasized that a pedagogical reflection together with a social reflection create conditions for development of creative activity, thinking, system of own knowledge, the personality and her interaction with society. The conclusion is also drawn that the pedagogical reflection and a social reflection in total with creativity act as a basis of disclosure of the creative potential of the personality consisting in self-expression.

Keywords: Creative process, imagination, reflection, social reflection, ability to creativity, development, creative potential, abilities of the personality, pedagogical reflection.

Болдырева Ирина Николаевна

К. филос. н., научный сотрудник,

Московский художественно-промышленный институт (УВО "МХПИ")

Аннотация

Статья посвящена исследованию отдельных вопросов творчества. Автором предпринята попытка раскрыть предпосылки и реализацию процесса творчества через способности личности, ее опыт, знания. Выявляется роль воображения в творческом процессе, выделяется значимость развития воображения для творчества, имеющего не меньшее значение, чем степень развития мышления.

В статье показана взаимосвязь педагогической рефлексии и творческой составляющей в процессе педагогической деятельности. Подчеркивается, что педагогическая рефлексия совместно с социальной рефлексией создают условия для развития творческой деятельности, мышления, системы собственных знаний, личности и ее взаимодействия с социумом. Также сделан вывод о том, что педагогическая рефлексия и социальная рефлексия в совокупности с творчеством выступают как основа раскрытия креативного потенциала личности, заключающегося в самовыражении.

Ключевые слова:

Творческий процесс, воображение, рефлексия, социальная рефлексия, способность к творчеству, развитие, креативный потенциал, способности личности, педагогическая рефлексия.

Творчество – категория философии, психологии, культурологии, педагогики, представляющая собой важнейшую определяющую часть человека как создателя новых духовных и материальных ценностей.

Творчество – это присущее личности единство способностей, которые определяют наличие, уровень и качество созидательных процессов.

Творчество представляет собой некоторый аспект развития личности, относящийся к переходу на более высокий мыслительный уровень. По сравнению с остальными творческий индивид имеет преимущество, проявляющееся в том, что он способен решать постоянно возникающие вопросы, задачи на более высоком качественном уровне. Основными понятиями, относящимися к исследуемой проблеме, являются одаренность, оригинальность, гениальность, инсайт, фантазия, воображение, интуиция, а также свобода, как в мыслях, так и в действиях. Приме-

чательно, что Н.А. Бердяев видел творчество неотрывным от свободы. Он считал: "Из необходимости рождается лишь эволюция; творчество рождается из свободы. Когда мы говорим о творчестве, то мы говорим о творчестве свободы. Творчество – тайна. Тайна творчества есть тайна свободы. Тайна свободы – бездонна и неизяснима, она – бездна. Так же бездонна и неизяснима тайна творчества" [1, с. 138].

При этом способность к творчеству также развивается и осуществляется через педагогический процесс. Творчество охватывает в своей совокупности личность, процесс и результат. Следует отметить, что нет четкого представления о том, какими свойствами должны обладать личность, процесс и его результат, чтобы в итоге их деятельность расценивалась как творческая. При этом надо полагать, что под творчеством понимается создание нового, нестандартного, инновационного, что часто взаимосвязано с творческой составляющей педагога.

Творчество тесно связано со многими психическими процессами, в том числе и с воображением. Роль воображения в творческом процессе нельзя недооценивать. Степень развития воображения имеет для творчества не меньшее значение, чем степень развития мышления.

Творчество проявляется во всех его видах: научном, литературном, художественном, изобретательском и т.д. Возможность творчества в определенной степени обеспечивается имеющимися у человека знаниями, способностями и стимулируются увлеченностью.

Основным условием творчества является наличие психических процессов, которые создают эмоциональный фон для творческой активности.

Некоторыми из факторов, способствующими успеху творческого процесса, могут выступать, например, повышенная впечатлительность, удовольствие от оригинального замысла и самостоятельность мышления.

Как показывает обобщенный анализ, проблема творчества была интересна не только для философов. Вопрос о том, что позволяет одной личности творить, а другую, напротив, лишает этой возможности, волновал и волнует умы известных ученых в области психологии, культурологии, и т.д. Долгое время преобладало мнение о невозможности обучения творческому процессу. Это обоснование касалось непосредственно "методов изобретения", к примеру, о том, что их на самом деле не существует, так как в противном случае "можно было бы фабриковать изобретателей подобно тому, как фабрикует теперь механиков и часовых дел мастеров" [4, с. 226]. Однако постепенно эта точка зрения стала подвергаться сомнению. На первое место вышла гипотеза о том, что способность к творчеству можно развивать, а именно через педагогическую рефлексию. В этом аспекте рефлексия является важнейшим условием результативности деятельности, преобразуясь в профессионально значимую категорию.

Педагогическая деятельность является строго организованной деятельностью. Однако отметим, что при всей ее четкой организованности, каждый элемент предполагает оригинальные решения, действия педагога в них являются неповторимыми и творчески осмысленными. Действительно, в нестандартный момент педагогу необходимо результативно оценить сложившуюся ситуацию и поступки учащихся, регулировать собственные действия в быстро изменяющихся условиях, порой без логического осмысления, лишь опираясь на опыт, знания, интуицию, творческий поиск. Педагогическая рефлексия и творческая составляющая переосмысливает и корректирует деятельность, берет ценные составляющие опыта, тем самым меняя отношение к себе, к учащимся и своей деятельности.

Примером может служить исследование Грэма Уоллеса о четырех этапах творчества:

1. Подготовка (зарождение идеи).
2. Созревание (концентрация, "стягивание" знаний, прямо и косвенно относящихся в данной проблеме, добытие недостающих сведений).
3. Осознание (интуитивное схватывание искомого результата).
4. Проверка или реализация решения.

Все этапы творческого процесса представляют собой сложную совокупность стратегий решения задачи, регулирование данных по интересующей ученого проблеме и неосознаваемых установках, предпочтений. Вместе с тем первая и последняя стадии являются осознанными, вторая и третья – бессознательными [5, с. 20].

Наряду с Г. Уоллесом комплекс концептуальных задач развил Д. Гилфорд, который изложил концепцию "дивергентного мышления", согласно которой уровень развития креативности определяется преобладанием в мышлении четырех отличительных черт, а именно:

во-первых, это оригинальность высказанных идей, стремление к новизне, к творчеству, к нахождению своего индивидуального решения;

во-вторых, творческую личность отличает семантическая гибкость, т.е. способность видеть предмет под новым ракурсом;

в-третьих, в творческом мышлении всегда присутствует адаптивная гибкость, т.е. способность изменить конструкцию предмета таким образом, чтобы видеть его имманентные стороны;

в-четвертых, индивид с творческим мышлением отличается от других способностью вырабатывать различные идеи, замыслы в нестандартных ситуациях, а именно в таких, которые не содержат условий к формированию новых идей. К таким индивидам относятся креативные личности, которые творчески многосторонне анализируют и решают нестандартные проблемы, находят принципиально иные, отличающиеся от стандарта решения, но могут хуже решать шаблонные, привычные, тривиальные задачи, показывают низкие результаты при выполнении разнообразных тестов, где нужно показать стереотипные ответы [2].

С другой стороны, некреативные личности, как правило, анализируют и решают задачи, выполняют привычные задания, но не могут придумать ни одной новой, оригинальной идеи, не могут найти нового, инновационного решения во внезапно изменившихся условиях, испытывают замешательство, тревожность, растерянность, когда сталкиваются с неожиданными трудностями. Ретроспективный обзор научных источников позволяет найти ответ на вопрос, что снижает проявление творческих способ-

ностей. Организационно проявлению творчества препятствует не только неполное развитие способностей, но и наличие определенных личностных свойств [3]. В частности одной из личностных черт, тормозящих проявление творчества, является предрасположенность к конформизму. Данная особенность личности выражается в не критическом принятии человеком существующего порядка вещей, приспособление к нему, стремлении быть похожим на других, отказ от выработки собственной позиции, пассивное следование преобладающему образу мыслей и типу поведения, не выделяться от большинства людей в своих суждениях, мыслях, поступках. Истинно творческие, креативные личности в большинстве своем несут на себе отпечаток неконформизма. Можно сказать, что неконформисты выбирают свой собственный подход, а не следуют тому, что им предлагает социум. Они не принимают того, что предписывает им основная масса. Примеров подобных личностей множество. В частности, Джордано Бруно, отвергнутый социумом, выступал с позиций неконформизма. Его учение во многом опередило время, предвосхитило будущие научные открытия.

Как еще одну черту личности, мешающую творческому процессу, можно выделить страх. Эта черта демонстрирует зависимость личности от мнения окружающих людей. Проявлению творческих способностей также мешает завышенная оценка собственной значимости. Поэтому не удивительно, что иногда важность собственных идей превалирует над замыслами, предложенными другими людьми. Подобное явление приводит к тому, что более передовые чужие идеи не принимаются лучше и охотнее, чем собственные.

Немаловажную роль в развитии способности к творчеству играют абстрактное мышление и воображение.

Действительно, творчество напрямую зависит от процессов воображения, от создания нового в форме образа, идеи, представления. Воображение всегда присутствует в творчестве. Без развитого воображения не может быть эффективной творческой деятельности. Творческая личность создает в своем сознании образ, которого пока нет в реальности, а основой создания образа является прошлый опыт творческой личности, который она получила, тесно взаимодействуя с объективной реальностью.

Особый интерес представляет процесс произвольного воображения, которое имеет большое значение. Этот вид воображения проявляется тогда, когда перед личностью стоит задача создания определенных образов, намеченных ей самой. В этом случае процесс воображения как находится под полным контролем индивида, так и им же и направляется. Необходимо отметить также воссоздающее воображение, один из видов активного воображения, при котором конструируются новые образы, пред-

ставления у субъектов в виде словесных сообщений, схем, знаков и т.д. С другой стороны, воссоздающее воображение формирует не только зрительные представления, но и слуховые.

Творчество воспринимается как особый вид воображения, характеризующийся тем, что перестраиваются и изменяются образы, идеи, конструируются новые очертания создаваемого образа, не по имеющейся модели, а самостоятельно выбранные. Творческое воображение выступает как важнейшая основа всех видов творческой деятельности человека.

Творческими качествами личности являются высокая бессознательность, пластичность, подвижность, оригинальность. Творческие личности предлагают нетривиальные решения, не ограничиваясь одной точкой зрения. С одной стороны уверенные в себе, с другой – неудовлетворенные сложившейся ситуацией, в которой оказались, открытые миру, и наоборот, полностью замкнутые в себе. Креативные личности энергичны, порывисты, с рефлексивным мышлением, от которого получают наслаждение, восторг, они самостоятельны, неконформистны, характеризуются низкой степенью социализации. И, наоборот, неудовлетворенность, стрессы подавляют творческую активность вплоть до полной её блокировки. Все талантливые, творческие личности в сущности являются чудачками, которые нуждаются в более деликатном, бережном отношении со стороны окружающих людей. В частности, гениальные личности нередко имеют патологии. Так А. Эйнштейн страдал депрессивными психозами. Творческий путь Ван Гога состоял из двух частей, первая из которых была представлена мрачной палитрой произведений, а вторая отличалась манерой крайне болезненного напряжения, которая строится на цветовых контрастах. Как и Ван Гог, Эрнест Хемингуэй также страдал острыми приступами депрессии. Симптомами выступали мания преследования и частые нервные срывы.

Можно сказать, что особенность и тонкость психики талантливых и гениальных личностей является условием пластичности познавательного процесса, восприятия, которое и создает фундамент для разнообразных альтернатив. Не будет разнообразия, не будет и новшества! Через непостоянство, неустойчивость, в какой-то степени преодоление себя и происходит процесс осознания в социальной реальности того, что другим недоступно для понимания. Творцы, новаторы видят загадочность мира, подмечают тайну там, где основная масса людей просто игнорируют и ничего не замечают. Удивиться и поразиться – это и есть открыть новое!

Основной аспект творческого процесса – инсайт, озарение. Это очень быстрый, внезапный, сиюминутный результат бесконечной работы в поисках истины, период, на котором происходят необычайные свершения в ходе

креативной активности личности. Озарение нельзя описать с точки зрения логики, поскольку это иррациональное явление. Затруднение, долгое время, занимающее ученого и никак не поддававшееся решению, внезапно представляется под другим углом зрения, в результате несходящиеся в одно целое элементы оказываются сочетаемыми, совместимыми, или же обнаруживается недостающий элемент, тем самым, выстраивая единую мозаику из целостных образов, представлений. Парадоксальность или неполнота загадочности, неясности, проблемности снимается, сменяясь ощущением согласованности в результате найденного решения. Инсайт сопровождается положительными эмоциями и убежденностью в том, что решение найдено, загадка решена, хотя, как правило, в этот момент ученый (писатель, художник) еще не может его не только аргументировать, но даже и выразить, сформулировать. Поэтому инсайт представляет собой внезапно проявляющееся явление. Это спонтанный переход в понимании, внезапное, инновационное соединение смыслов, идей, мыслей. Иначе говоря, творить – это уметь комбинировать, неожиданно соединить может быть известные факты, радикальным образом перестроить элементы; в итоге обнаруживается новая идея, смысл, мысль. Чтобы приблизиться к озарению, творец (ученый, художник, композитор) на какое-то время не думает о загадке, занимаясь повседневными делами, или решая иные проблемные ситуации. Иначе говоря, творческая активность связана с определенными колебаниями. Прорыв творческой активности обычно следует за этапом задержки, "топтания на месте", приостановления процесса.

Опыт изучения творчества показывает, что иногда необходимо переключить усилия и на другие виды деятельности, это позволит полиаспектно подойти к решению задачи, минимизировать неэффективные конструкции.

Кроме того, большое значение в процессе творчества играет рефлексия. Она всегда критична, ибо, конструируя новые смыслы, элиминирует действующие образы и идеи. Позитивный смысл рефлексии заключается в том, что она создает основу, с помощью которой постигается иное миропонимание, может быть определена новая мо-

дель реальности.

Сущность же социальной рефлексии заключается в становлении когнитивной, социальной, духовно направленной личности, реализующейся путем развития творческого мышления, коммуникативности, нравственности. Социальная рефлексия способствует развитию и формированию личности, определяясь во взаимодействии между субъектами. Адаптация человека к социальной реальности происходит через созидательную, творческую, динамичную функцию социальной рефлексии.

Конечно, не может быть единой схемы творческого процесса, законов, которыми руководствуется природа творчества, позволяющих лучше понять, осмыслить и мобилизовать себя как творческих личностей. С нашей точки зрения, способности к творчеству, к иному видению ситуации, необходимо развивать посредством рефлексии. Социальная рефлексия выступает как механизм творческого процесса развития креативного потенциала, который создает условия для совершенствования личности и социума.

Таким образом, творчество позволяет не только приблизиться к истине, но и приносит для личности, преобразующей социальную реальность, сильные моральные переживания. Творческая деятельность имеет огромное значение в жизни человека, так как она является квинтэссенцией значимых открытий и влияет на внутренний мир самого субъекта. Социальная рефлексия создает условия для развития творческой деятельности, мышления, системы собственных знаний, личности и ее взаимодействия с социумом. Творчество связано со стремлениями, чувствами, предусматривающими внутренний опыт, который и есть рефлексия, являющаяся основой, создающей условия для креативности.

Как мы видим, творчество помогает преодолевать сложности, препятствия, приносит глубокое удовлетворение от решения проблемы. Творчество и социальная рефлексия представляют собой основу механизма раскрытия креативного потенциала человека, заключающегося в самовыражении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека)/Бердяев Н.А. – М. 1916, С.138.
2. Дж. Гилфорд. Три стороны интеллекта : Психология мышления, (пер. с нем. и англ.) /Дж. Гилфорд– М., 1965.
3. Г. Линдсей, К. Халл, Р.Томпсон. Творческое и критическое мышление. Под редакцией В.В. Петухова. / Г. Линдсей, К.Халл, Р.Томпсон – М.: Изд-во МГУ, 1981.
4. Рибо Т.А.Творческое воображение / Т.А. Рибо – М.: Книга по Требованию, 2013. С. 226, 328 с.
5. Г. Уоллес. Искусство мыслить: Грэм Уоллес о четырёх этапах творчества /Уоллес Г. / Wallas G. The Art of Thought. N. Y., 1926, С. 20.
6. Солсо Р. Л. Когнитивная психология : пер. с англ. / Р. Л. Солсо. М.: Тривола, 1996 . 600 с.

ЛОГИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЭССЕ

LOGICAL-HISTORICAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF METHODS OF TEACHING ESSAY

*O. Gnevek
I. Gorshkova
E. Isaeva*

Annotation

In the present research the experience of teaching essay in technologies (или methods) of native and foreign languages is summarized. Without this understanding it is impossible to identify the optimal model of teaching essay writing.

Keywords: logical-historical analysis, the main approaches and technologies of teaching essay.

Гневэк Ольга Владимировна

Д.пед.н., доцент, Институт педагогической, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО "Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова"

Горшкова Ирина Владимировна

Зам. директора по учебно-воспитательной работе, педагог, Центр дополнительного образования для детей "Happy English"

Исаева Елена Викторовна

К.пед.н., доцент, Институт педагогической, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО "Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова"

Аннотация

В предлагаемом исследовании обобщен опыт обучения эссе в методиках обучения родному и иностранному языку. Без подобного осмысления невозможно выявление оптимальной модели обучения написанию эссе.

Ключевые слова:

Логико-исторический анализ, основные подходы и технологии обучения эссе.

Введение в практику школьного обучения новых Федеральных государственных образовательных стандартов, ориентирующих на формирование конкретных видов учебной деятельности, заставляет по-новому осмыслить накопившийся опыт обучения эссе как на родном, так и на иностранном языке. Основным подходом к преподаванию школьных дисциплин обозначен системно-деятельностный подход, предполагающий выявление структуры и компонентного состава формируемой учебной деятельности, а также определение оптимальной и эффективной по своим результатам технологии обучения.

Данное исследование посвящено обобщению накопленного опыта обучения эссе на родном и иностранном языках в целях выявления наиболее эффективной методики присвоения эссеистической деятельности (ЭД).

Логико-исторический анализ практического опыта обучения эссе обнаруживает, что на заре развития российской методики преподавания языка обучение любому сочинению тесно связывалось с работой над изложением. Предполагалось, что накопление опыта самостоя-

тельного пересказа чужого текста поможет сформировать умения излагать собственные мысли по определенной теме. Зарубежная методика по содержанию немногим отличалась от российской.

В методике преподавания иностранных языков 50-х-70-х годов прошлого столетия в разделе развития письменной речи доминировал аудиолингвальный метод, основанный на бихевиористском понимании процесса присвоения родного и иностранного языка [28, с. 11-12]. На этой методологической основе возник подход, ориентированный на продукт, впоследствии обозначенный как текстовый подход. Традиционной последовательностью работы в рамках данного подхода является путь от анализа текста-образца к созданию самостоятельного письменного высказывания (the traditional read-analyze-write model) [16, с. 22; 31, с. 195-209; 20, с. 164; 19, с. 3-4], а типичные приемы обучения включают в себя: внесение незначительных изменений в тексты-образцы, а также подстановочные упражнения; расширение плана или краткого содержания; составление абзацев с опорой на схемы, таблицы или т.п.; продуцирование текста на основе ответов на вопросы; составление сложных предложе-

ний, следуя соответствующим правилам [25, с. 107].

В конце 80-х – в начале 90-х годов прошлого века складывается новое направление "от контролируемого письма к свободному", которое реализуется во многих современных курсах обучения эссе [31, с.37]. Как правило, подобное обучение проходит в 4 этапа (по линии уменьшения опоры на образец): ознакомление, контролируемое письмо, управляемое письмо, свободное письмо. Разработанная технология обучения позволяет учащимся оказаться в относительно безопасной ситуации свободного выбора лексики и грамматики; это позволяет минимизировать языковые ошибки вследствие оперирования речевыми образцами.

В процессе реализации описываемой технологии обнаружилось, что письменная речь есть нечто большее, чем грамматически верное построение предложений. В результате возникло функционально-риторическое направление, основанное на традиционной риторической парадигме и теории контрастивной риторики Роберта Каплана. Каплан, охарактеризовавший риторику как "способ организации синтаксических единиц в более крупные модели" [21, с. 15], предположил, что иностранные учащиеся "употребляют такую риторику и последовательность мысли, которая не оправдывает ожидания читателя-носителя языка" [22, с. 4]. Ученый установил, что межъязыковая интерференция остается за рамками синтаксического уровня и возникает потребность в "большей тренировке моделей...на риторическом уровне, нежели на синтаксическом" [21, с. 15]. С одной стороны, пристальное внимание уделяется написанию абзаца, с другой, – созданию композиционных частей эссе (введения, основной части и заключения). При этом обучение написанию эссе начинает строиться на экстраполяции принципов обучения абзацу на более крупные построения дискурса.

В рамках функционально-риторического подхода деятельность учащихся состоит в том, чтобы поместить взаимосвязанные предложения или абзацы в рамки заданных моделей, наполняя их имеющимся или сгенерированным самостоятельно контентом. Вполне очевидно, что подобный подход, за отсутствием контекста деятельности и ее адресата, не только не делает процесс написания эссе лично значимым, но и ограничивает творческую свободу пишущего.

Недовольство реализуемым текстовым подходом, препятствующим, по мнению ведущих методистов [28, с.15], развитию творческого мышления, приводит в начале 80-х годов 20 века к формированию нового направления, ориентированного на процесс. Применительно к данному подходу методисты отмечают, что в его основе лежит изучение психолингвистического процесса порождения письменных сообщений, в результате чего в

центре методики оказывается изучение творческого процесса речепорождения в письменной форме. Как правило, любая процессуальная модель обучения письменной речи у последователей нового подхода включает в себя 3 этапа и выглядит следующим образом:

1. планирование (prewriting/planning/rehearsing), программирование содержания письменного высказывания (этап замысла по А.А. Леонтьеву), в процессе которого определяется обобщенное смысловое содержание (тема), цель (идея), адресат и структурно-семантические схемы его реализации. Запись материала при планировании, как правило, имеет неструктурированный характер.

2. реализация плана письменного высказывания (writing/composing/drafting), его оформление в речевых структурах сначала во внутренней, а затем и во внешней речи. На этом этапе происходит структурирование эссе на основе известных схем риторической организации и композиции текста: написание вступления, основной части и заключения.

3. этап контроля (post-writing/ revising/editing/ proof – reading), когда происходит редактирование написанного.

Несомненным достоинством процессуального подхода является то, что учащиеся, овладевая стратегиями выработки идей, их организации, речевой реализации и переработки, впоследствии способны к самостоятельному планированию каждого этапа работы над написанием эссе. В то же время процесс речепорождения на иностранном языке при разной степени владения им является недостаточно изученным. Более того, деятельность по написанию эссе, помимо процессуального компонента, включает в себя также и содержательный, контекстуальный и жанровый, творческий и языковой. Содержательный компонент ЭД по-прежнему остаётся вне зоны исследования.

Восполнение недостатков процессуального подхода осуществляется в складывающемся с середины 80-х годов 20 века жанровом подходе к обучению сочинению в целом и эссе в частности. Основываясь на современные исследования жанра, Джон Суэйлз дает следующее определение: "Жанр охватывает класс коммуникативных событий, участники которых разделяют некоторый набор коммуникативных целей. Данные цели распознаются участниками родственного дискурсивного сообщества и составляют основу жанра. Эта основа влияет на структуру дискурса, а также обуславливает выбор содержания и стиля" [29, с. 58]. Следовательно, пишущий в рамках жанрового подхода строит свое высказывание таким образом, чтобы представители определенного дискурсивного сообщества незамедлительно распознали авторский замысел. Это означает, что учащимся в рамках данного подхода необходимо принять во внимание несколько

факторов: владеть темой, конвенциями и стиливыми особенностями жанра, а также контекстом, т.е. кем и в каких условиях письменное произведение будет прочитано [18, с. 327].

Как показала практика обучения, жанровый подход в большей мере ориентирован на результат деятельности (текст), нежели на ее процесс. В этой связи возникает опасность, что учащиеся будут воспринимать жанры как некие своды правил или как "теорию рецепта жанра" [17, с. 46]. Тем не менее, необходимость знать и успешно применять жанровые конвенции в различных обстоятельствах, открываемых учащимися, очевидна. В связи с этим представляется целесообразным обучать особенностям жанра эссе как способам реализовать авторский замысел, но этим не ограничиваться.

Современной зарубежной методике обучения эссе свойственна интеграция существующих подходов. В настоящее время в работах, посвященных обучению эссе, можно проследить различные комбинации: ориентирование на процесс, организацию и языковое оформление [10], на аудиторию, жанр и организацию текста [30], на процесс и продукт-текст [27], на языковое оформление, жанр и процесс написания [15]. Среди относительно новых подходов к обучению эссе целесообразно выделить учительское моделирование (Teacher-Modeling).

Учительское моделирование позволяет поэтапно продемонстрировать учащимся, через что проходит учитель в процессе написания текста [14, с. 26–27]. Данный подход был применен в технологии обучения эссе старшеклассников американским ученым Бруком Алексисом Бёрксом, который основывался на исследованиях моделирования при обучении письменной речи в разных образовательных условиях. В процессе моделирования исследователь демонстрирует учащимся, как использовать технологию мозгового штурма для выработки идей, как формулировать тезис, писать план, разворачивать план во вступительный абзац, основную часть и заключение эссе, а также как проверять написанное. Учащиеся вслед за учителем повторяют каждый из вышеперечисленных этапов речетворческой деятельности самостоятельно.

В отечественной науке попытки теоретически обосновать и разработать методику обучения эссе в основном принадлежат ученикам методической школы Радислава Петровича Мильруда [7; 24]. Ученик Мильруда, А.В. Конобеев, полагает, что в качестве содержания обучения эссе должны выступать особенности дискурса, а именно связность (когезия), целостность (когерентность), включающая релевантность, риторическую организацию и логический порядок информации, адресованность и построенность, а также структура аргумента, способы изложения логических ошибок и некорректных способов аргументации [3, с.57].

Другая ученица Мильруда, Е.В. Сергеева [12], разрабатывает методику обучения тематическому соответствию иноязычного дискурса эссе. Сущность методики составляет выявление учащимися под контролем учителя ключевой лексики, раскрывающей тему эссе, отбор адекватных грамматических конструкций и моделирование отобранных элементов в текст. Поэлементное формирование навыков написания эссе способствует созданию прочной привычки части ЭД, но существенно не влияет на её развитие как целостного психолингвистического образования, осознанно формируемого учащимися.

В рамках рассматриваемой методической школы создана методика обучения эссе А.Г. Мартыновой [6], включающая:

- ◆ ознакомление со свойствами дискурса: связностью, целостностью, построенностью и адресованностью через презентацию текстов-образцов;
- ◆ анализ текстов-образцов, выявление лексических, грамматических и риторических средств реализации свойств дискурса;
- ◆ отработка средств реализации свойств дискурса через систему подготовительных упражнений;
- ◆ создание учащимися дискурса определенного жанра под руководством преподавателя (посредством этапов планирования, набрасывания, редактирования, подготовки финальной версии);
- ◆ самостоятельное создание дискурса учениками: от сбора информации до подготовки чистового варианта [6, с. 73].

Обобщение достижений предложенных в рамках научной школы Мильруда методик обучения эссе содержится в исследованиях С.Н. Мусульбес [8], делающей акцент на обучение аргументации авторской позиции. Технология С.Н. Мусульбес очень близка технологии, выработанной в рамках жанрового подхода "Чтение для обучения". Целью данного подхода является поддержка учащихся в чтении текстов с тем, чтобы использовать читательский опыт в письменной речи [23, р.52]. Для обучения старшеклассников аргументативному эссе чтение для обучения был применен ученым Кэйтлин Энн Рамос [23]. Подход "Чтение для обучения" реализуется в экспериментальном обучении аргументативному эссе старшеклассников посредством четырехэтапной технологии: 1) этап подготовки к чтению; 2) этап детального прочтения; 3) этап совместного построения; 4) этап индивидуального построения.

Основным четвертым этапом обучения предшествует этап введения в предмет с целью расширения фоновых знаний учащихся о центральной теме для обсуждения [23, р. 60]. На данном этапе учащиеся читают и реагируют на тексты, представляющие различные взгляды на обсуждаемую тему.

В целом, в рамках научной школы Р.П. Мильруда разрабатываются технологии обучения эссе, предполагающие последовательное формирование навыковой части эссеистической деятельности, включающей в себя собственно лингвистическую компетенцию (т.е. практическое владение языковыми средствами), и последующее развитие коммуникативной компетенции, определяющей качество владения способами использования языковых средств на письме. При этом проблемы управления и самоуправления процессом формирования эссеистической деятельности остаются вне зоны внимания методистов. Немаловажным представляется и то, что предложенные технологии остаются в рамках преимущественно жанрового подхода, в то время как в российской методике довольно успешно реализуется интегративный подход к развитию письменной речи учащихся. Немаловажным является и то, что намечается разграничение технологий обучения тестовосприятию и тексторождению.

Так, М.С. Соловейчик предлагает различать две группы речевых действий: умения, обеспечивающие создание высказывания, и умения, необходимые для восприятия высказывания, что, по мнению исследователя, может послужить ориентировочной основой действия учителя при организации учебной работы по развитию речи школьников [13]. Содержание текствоспринимающих действий довольно плодотворно исследует В.П. Белянин, в то время как большинство российских ученых свое внимание концентрирует на изучении процесса текстообразования. М.С. Соловейчик к умениям продуцирования высказывания относит: умение ориентироваться в ситуации общения; умение планировать содержание, т.е. намечать ход развития мысли, возможные микротемы, их последовательность, примерное содержание; умение реализовывать намеченный план; умение контролировать соответствие высказывания замыслу, ситуации общения [13].

Н.А. Пленкин также разрабатывает как алгоритмы анализа текстов различной речевой природы, так и алгоритмы самостоятельного построения устных и письменных высказываний [9], признавая феноменологическую самостоятельность процесса текствосприятия и тексторождения.

Выделенные Т.А. Ладыженской способности к созданию текстов любой речевой природы (повествование, описание, рассуждение) построены на основе содержательного обобщения специально формируемого в обучении опыта построения устных и письменных высказываний. К подобным способностям отнесены: умение вдумываться в тему, осмысливать ее границы, раскрывать тему

высказывания; умение раскрывать основную мысль высказывания, умение подчинять свое высказывание определенной основной мысли; умение собирать материал к высказыванию; умение систематизировать собранный к высказыванию материал; умение строить высказывание в определенной композиционной форме [4; 5].

Н.А. Ипполитова полагает, что для развития выявленных высоко обобщенных способностей необходимо сформировать действия более частного порядка, к которым она относит: умение выделять существенные и несущественные признаки предмета или явления; умение группировать признаки, явления, факты; умение выделять основную и детализирующую информацию в содержании текста; умение делать выводы из наблюдений, из сказанного, обобщать факты, выделять ключевые слова из текста; умение предвосхищать содержание текста по заголовку, по началу, по аннотации, по характеру источника; умение предвидеть структуру предложения по его началу, лексическим и морфологическим компонентам; умение прогнозировать композицию текста по его жанровой характеристике [1].

В целом, текстообразующая деятельность стала характеризоваться как деятельность, состоящая из действий и операций разного уровня обобщения, а эссе в практике школьного обучения рассматривается в форме разновидности сочинения-рассуждения, в котором усилено личностное начало и в большей степени проявляются способности учащихся к применению изобразительно-выразительных средств языка. Так, в учебнике по русскому языку для 9 класса под редакцией М.М. Разумовской и П.Я. Леканта эссе характеризуется как прозаический этюд, отличающийся свободной, индивидуально-авторской трактовкой темы и отточенностью формы [11, с. 189].

Проведенный анализ развития методики обучения сочинению в целом и методике обучения эссе обнаруживает, что 1) вначале признается специфичность технологии обучения эссе, 2) затем начинается исследование этой специфичности, в рамках которого "открывается" деятельностная природа эссеистической деятельности; 3) исследуются этапы обучения эссе как деятельности, но при этом 4) остаются неопределенными структура и компонентный состав этой деятельности, т.е. её конкретное содержание.

Обобщение исследований позволяет определиться в ведущих подходах к созданию оптимальной технологии обучения эссе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: Учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: Флинта, 1998 – 176с.
2. Колесникова И.Л. Англо–русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. – М.: Дрофа, 2008. – 431 с.
3. Конобеев А.В. Обучение письменному иноязычному дискурсу в жанре эссе (на материале младших курсов языкового вуза): дис. ... канд. пед. наук/ А.В. Конобеев. – Тамбов, 2001. – 180 с.
4. Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся / Т. А. Ладыженская. – М. : Педагогика, 1974. – 256 с.
5. Ладыженская, Т. А. Текстовые умения. Как им учить? (Тема номера) / Т. А. Ладыженская, Н. В. Ладыженская // Начальная школа : плюс До и После. – 2005. – № 5. – С. 3–8.
6. Мартынова А. Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе (на материале старших курсов языкового вуза): дис. канд. пед. наук– Омск, 2006. – 207 с.
7. Мильруд Р.П. Методика преподавания английского языка. English Teaching Methodology: учеб. Пособие для вузов / Р.П. Мильруд. – 2–е изд. стереотип. – М.: Дрофа, 2007. – 253 с.
8. Мусульбеес С. Н. Обучение аргументирующему дискурсу в сфере письменного общения: Языковой вуз, продвинутый этап, английский язык: дис. ...канд. пед. наук – Москва, 2005. – 202 с.
9. Пленкин Н.А. Уроки развития речи 5 – 9 классы – М.: Просвещение, 1995 – 224с.
10. Райкинг Дж.Э. Композиция: шестнадцать уроков для начинающих авторов/ Дж.Э. Райкинг, Э.У. Харт, Р. Фон дер Остен– 2–е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
11. Русский язык: учеб. Для 9 кл. общеобразоват. учреждений // М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос, В.В. Львов; Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – 3–е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2001 – 272 с.
12. Сергеева Е. В. Методика обучения тематическому соответствию иноязычного дискурса эссе (языковой вуз, 1 курс): дис. ...канд. пед. наук/Екатерина Викторовна Сергеева; науч. рук. А. В. Конобеев;
13. Соловейчик М. С. Формирование умений связной речи у младших школьников/ М. С. Соловейчик /Начальная школа. – 1982. – № 7. – С. 25–30.
14. Brooke Alexis Burks Moving High School Juniors Beyond the Five–Paragraph Essay Through Teacher–Modeling: a dissertation of Doctor of Philosophy / В.А. Burks. – Auburn, 2010. – 84 p.
15. Els Van Geoyte Writing: Learn to write better academic essays / Els Van Geoyte. – London: HarperCollins Publishers, 2013. – 183 p.
16. Eschholz // Eight Approaches to the Teaching of Composition / edited by T.R. Donovan, W. McClelland. – Urbana, Ill.: National Council of Teachers of English, 1980. – p. 21–36.
17. Freedman A. Anyone for Tennis? / A. Friedman // Genre and the New Rhetoric / eds. A. Friedman, P. Medway. – London: Taylor & Francis, 1994. – p. 43–66.
18. Harmer J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. – Edinburgh: Pearson Education Limited, 2007. – 448 p.
19. Hyland K. Second Language Writing / K. Hyland. – New York: Cambridge University Press, 2003. – 299 p.
20. Jordan R.R. English for Academic Purposes: A Guide and Resource Book for Teachers / R.R. Jordan. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 297 p.
21. Kaplan R. Contrastive Rhetoric and the Teaching of Composition / R. Kaplan // TESOL Quarterly. – 1967. – № 1. – p. 10–16.
22. Kaplan R. Cultural Thought Patterns in Intercultural Education / R. Kaplan // Language Learning. – 1966. – №16. – p. 1–20.
23. Kathleen Ann Ramos Teaching Persuasive Argument Essay Writing to Adolescent English Language Learners through the Reading to Learn Approach: a dissertation of Doctor of Philosophy / K.A. Ramos. – Pittsburgh, 2012. – 424 p.
24. Millrood R. Teaching to Write / R. Millrood // Modules in ELT Methodology. – Tambov, 2000. – p. 169–182.
25. Richards J.C. The Language Teaching Matrix / J.C. Richards. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 185 p.
26. Seow A. The Writing Process and Process Writing / A. Seow // Methodology in Language Teaching / edited by Jack C. Richards, Willy A. Renandya. – New York: Cambridge University Press, 2002. – P. 315–320.
27. Shiach D. How to write essays: a step–by–step guide for all levels, with sample essays / Don Shiach. – Oxford: How To Books Ltd., 2009. – 163 p.
28. Silva T. Second language composition instruction: developments, issues, and directions in ESL/ Tony Silva // Second language writing: research insights for the classroom / edited by Barbara Kroll, California State University, Northridge. – Cambridge University Press, 1990. – P. 11–23.
29. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
30. Taylor G. A Student's Writing Guide: How to Plan and Write Successful Essays/ Gordon Taylor. – Cambridge University Press, 2009. – 266 p.
31. Tribble Ch. Writing / Ch. Tribble. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 172 p.
32. Zamel V. Writing: The Process of Discovering Meaning / V. Zamel // TESOL Quarterly. – 1982. – №16. – p. 195–209.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ, ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ

DISTANCE LEARNING: FEATURES, OPPORTUNITIES AND METHODS

*S.Kegeyan
L.Kamenskaya
K.Nubarian*

Annotation

This article deals with the features of distance learning, its advantages and differences in contrast with the conventional full-time education; the stages and key features, technologies and methods of distance learning are analyzed.

Keywords: distance learning, training benefits, teaching technologies, teaching methods, case-technology, online-technology, educational institution, teacher-tutor.

*Кегеян Светлана Эриховна
К.филол.н., доцент, Сочинский
государственный университет
Каменская Лариса Александровна
К.э.н., доцент, Сочинский
государственный университет
Нубарян Каринэ Мирановна
Ст. преподаватель, Сочинский
государственный университет*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности дистанционного обучения, его преимущества и отличия по сравнению с обычным очным образованием, а также описываются этапы, ключевые возможности, технологии и методы дистанционного обучения.

Ключевые слова:

Дистанционное обучение, преимущества обучения, технологии обучения, методы обучения, кейс-технологии, сетевая технология, образовательное учреждение, преподаватель-тьютор.

Дистантное или дистанционное обучение – это форма обучения на расстоянии, которая не требует физического одномоментного присутствия в одном месте преподавателя и студента, организованная преимущественно в сети Интернет и использующая современные способы коммуникации – аудио-, видеотехнику и спутниковые каналы связи.

Система дистанционного обучения имеет довольно большое количество преимуществ по сравнению со стационарным способом обучения, среди которых:

- ◆ возможность обучения в привычной комфортной обстановке, не выходя из дома или офиса;
- ◆ установление индивидуальных сроков и темпов обучения с учетом особенностей студента;
- ◆ развитие способности к самоорганизации и самостоятельности, необходимой для обучения, при этом есть возможность связаться с преподавателем и получить необходимую консультацию;
- ◆ существенная экономия денежных средств, поскольку дистанционное образование стоит дешевле, чем очное в университете;
- ◆ дистанционное обучение экономит время и силы, необходимые для преодоления расстояний, например, когда студент постоянно проживает в другом городе и вынужден либо переезжать в город, в котором распола-

гается университет, либо ездить на консультации и сессии при заочной форме обучения. [2].

Современная технология дистанционного обучения предполагает самостоятельное освоение студентом в интерактивном режиме необходимых учебно-методических материалов на протяжении определенного промежутка времени, при этом обучающийся может самостоятельно выбирать последовательность и темп изучения материала. Имеет значение лишь то, чтобы к моменту сдачи теста студент был ознакомлен со всеми необходимыми пособиями и выполнил все поставленные перед ним задачи. Когда процесс изучения материала завершен, обучающийся сдает тест, выполняет проверочные работы при помощи методистов-организаторов, после чего получает оценку и переходит к следующему этапу обучения. На протяжении всего времени учебы слушатель взаимодействует с другими студентами виртуальной группы при помощи электронной почты, форумов. Также любой ВУЗ, на базе которого возможно дистантное обучение, имеет специально разработанный сайт дистанционного обучения.

При поступлении на дистанционную форму обучения студент получает свои логин и пароль, с помощью кото-

рых он может входить на сайт, пользоваться учебными материалами, пособиями, а также общаться со студентами и преподавателями виртуального курса. [9].

Понятно, что основная часть учебных материалов размещается на сайте дистанционного обучения в электронном виде или пересылается напрямую по электронной почте от преподавателя к студентам. В процессе обучения человека сопровождают: преподаватели соответствующих дисциплин, с которыми можно взаимодействовать посредством консультаций по видеосвязи, а также в формате индивидуального общения с помощью чата и электронной почты, методист ресурсного центра, ответственный за свободный доступ к библиотеке дистанционного образования, а также специалист службы технической поддержки. [10].

Любой процесс дистанционного обучения состоит из следующих этапов:

- ◆ собственно дистанционное обучение с использованием современных информационных технологий и средств связи;
- ◆ аудиторное обучение на ежегодной сессии, в процессе которой сдаются зачеты и экзамены, требующие физического присутствия студента и преподавателя, составляются планы занятий на будущий учебный период и т.д.;
- ◆ самостоятельная работа по поиску необходимой информации, выполнению проверочных заданий и других контрольных работ, необходимых для успешной сдачи экзамена.[4].

Дистанционное обучение получает все большее распространение. Это обусловлено рядом факторов, в том числе, более низкой стоимостью по сравнению с традиционным очным обучением. Однако не только стоимостью определено широкое распространение дистанционного обучения. В настоящее время дистанционное обучение предоставляет намного больше возможностей по сравнению с другими формами обучения.

Ключевыми возможностями дистанционного обучения мы можем назвать следующие:

1. Удаленное прохождение обучения.
2. Самостоятельное обучение.
3. Персонализированное обучение.
4. Удаленное взаимодействие участников обучения.
5. Широкое использование информационных технологий.
6. Расширенный доступ к дополнительной информации.
7. Широкая интеграция в бизнес-процессы.
8. Мобильный доступ к обучению.
9. Предоставление большого диапазона показателей результатов обучения [2].

Дистанционное обучение, осуществляемое с помощью компьютерных телекоммуникаций, имеет следующие формы занятий:

Чат-занятия – учебные занятия, осуществляемые с использованием чат-технологий. Чат-занятия проводятся синхронно, то есть все участники имеют одновременный доступ к чату. В рамках многих дистанционных учебных заведений действует чат-школа, в которой с помощью чат-кабинетов организуется деятельность дистанционных педагогов и учеников.

Веб-занятия – дистанционные уроки, конференции, семинары, деловые игры, лабораторные работы, практикумы и другие формы учебных занятий, проводимых с помощью средств телекоммуникаций и других возможностей "Всемирной паутины". Для веб-занятий используются специализированные образовательные веб-форумы – форма работы пользователей по определенной теме или проблеме с помощью записей, оставляемых на одном из сайтов с установленной на нем соответствующей программой. [9].

От чат-занятий веб-форумы отличаются возможностью более длительной (многодневной) работы и асинхронным характером взаимодействия учеников и педагогов.

Телеконференции – проводятся, как правило, на основе списков рассылки с использованием электронной почты. Для учебных телеконференций характерно достижение образовательных задач. Также существуют формы дистанционного обучения, при котором учебные материалы высылаются почтой в регионы[4].

Для вузовского дистанционного обучения характерно использование следующих технологий: кейс-технология, телевизионная технология и сетевая (он-лайн) технология (интернет образование):

1. кейс-технология – наиболее распространённый вид дистанционной технологии обучения, основанный на использовании наборов (кейсов) текстовых, аудиовизуальных и мультимедийных учебно-методических материалов и их рассылке для самостоятельного изучения учащимися при организации регулярных консультаций у преподавателей-тьюторов традиционным или дистанционным способом;
2. ТВ-технология – редко применяемый вид дистанционной технологии обучения, базирующийся на использовании систем телевидения для доставки обучающемуся учебно-методических материалов и организации регулярных консультаций у преподавателей-тьюторов;
3. сетевая технология, или интернет-образование – дистанционное обучение, средством телекоммуникации которого является сеть Интернет [10].

Выделим ряд отличий рассматриваемой сетевой (онлайн) технологии (интернет-образования) обучения от других форм обучения:

- ◆ студентам не нужно будет приезжать в университет на регулярные занятия и на сессию. Весь процесс проходит через Интернет. Поэтому расстояние от места нахождения студента до образовательного учреждения (при условии качественной работы связи) не является препятствием для эффективного образовательного процесса. Студенты учатся в удобном для себя месте, по удобному графику и в удобном для себя темпе. Единственное посещение – это сдача государственных аттестационных экзаменов и получение диплома. По нормативным документам, аттестация будущего специалиста возможна только очно.

- ◆ так как мотивом выбора для студента определенного учебного курса служит его реальная потребность в конкретных знаниях, умениях и навыках, которые он будет применять на практике, продуктивность и эффективность обучения несравненно возрастёт по сравнению с другими формами обучения.

- ◆ студенты занимаются по индивидуальному плану, составленному с учётом уровня их базовой подготовки и их потребностей. Для них вполне возможно совмещение обучения с другой учебной или с основной профессиональной деятельностью.

- ◆ данная форма обучения проходит вдали от учебного заведения, вдали от преподавателей и не предполагает визуального контроля преподавателей за действиями обучающихся, она потребует от ребят исключительной мотивированности, самоорганизации, трудолюбия, умения и желания работать самостоятельно. Также им, как и всем участникам ДСО, необходимо обладать определённым стартовым уровнем владения компьютерной грамотностью. Но, если студентам что-то непонятно или они испытывают какие-либо затруднения в учебе, через форум в любой момент, на любом этапе обучения они могут обратиться за разъяснением к администратору, преподавателям-тьюторам и своим однокурсникам. Это очень важный момент, который коренным образом отличает сетевое обучение от заочного: студент не остается один на один с непонятным материалом, а, как и при очном обучении, может всегда оперативно прояснить все вопросы. [1].

- ◆ программа дистанционного сетевого обучения традиционно состоит из отдельных курсов (модулей). Общие дисциплины студенты изучают по материалам, выложенным в оболочке (после чего выполняют контрольную работу – это может быть выполнение теста, решение задач, составление и защита проекта и т.д. Профильные дисциплины вначале также изучаются студентами по электронным учебникам и программам, но наиболее важные вопросы профильных дисциплин после общего самостоятельного ознакомления разбираются вместе с преподавателем-тьютором на консультациях и видеоконференциях. В качестве контроля будут использоваться

ся компьютерные тестирующие системы, защита разработанных проектов и также традиционные формы: экзамены, собеседования, защита курсовых работ, проводимые в режиме видеоконференции [1].

Дистанционные учебные технологии позволяют расширить возможности образования, увеличив взаимную доступность удаленных друг от друга обучающихся, преподавателей, специалистов, а также информационных массивов.

Отличием дистанционного обучения от традиционного является удалённость преподавателя от учащихся, отсутствие возможности живого диалога участников (в этом отношении традиционная форма всегда будет иметь преимущество, какой бы совершенной ни была техническая система передачи информации), но процесс обучения в дистанционном режиме проходит интерактивно в своей организации, при постоянном опосредованном взаимодействии учителя и ученика, а также учащихся между собой. В этом принципиальная разница, концептуальное отличие дистанционного обучения от программ самообразования, по которым может заниматься учащийся: учебных компьютерных программ, программ на компакт-дисках, курсов на видеокассетах, телевизионных и радиокурсов. Дистанционное обучение также нельзя смешивать с заочным потому, что при дистанционном обеспечивается систематическое и эффективное взаимодействие на основе компьютерных телекоммуникаций. В дистанционном обучении, особенно при онлайн-режиме, все признаки учебно-воспитательного процесса (учитель, ученик, средства обучения, соответствующие методы обучения и организационные формы) [3].

Основными характерными отличиями дистанционного образования от очной формы обучения являются:

- ◆ обучение по месту жительства или работы, следовательно, распределенный характер образовательного процесса;

- ◆ гибкий график учебного процесса, который может быть либо полностью свободным при открытом образовании, либо быть привязанным к ограниченному количеству контрольных точек (сдаче экзаменов, on-line сессиям с преподавателем), либо к групповым занятиям, а также к выполнению лабораторных работ на оборудовании (возможно, удаленном);

- ◆ контакты с преподавателем (тьютором), в основном, осуществляемые посредством телекоммуникаций. [8].

Основными отличиями дистанционного образования от заочной формы обучения являются:

- ◆ постоянный контакт с преподавателем (тьютором), возможность оперативного обсуждения с ним возникающих вопросов, как правило, при помощи средств телекоммуникаций ;

◆ возможность организации дискуссий, совместной работы над проектами и других видов групповых работ в ходе изучения курса и в любой момент (при этом группа может состоять как из компактно проживающих в одной местности студентов, так и быть распределенной). В этом случае учащиеся также контактируют с преподавателем (тьютором) посредством телекоммуникаций;

◆ передача теоретических материалов учащимся в виде печатных или электронных учебных пособий, что позволяет либо полностью отказаться от установочных сессий с приездом в высшее, либо значительно сократить их число и длительность [10].

Результат исследования показал, что качество и структура учебных курсов, равно как и качество преподавания при дистанционном обучении зачастую намного лучше, чем при традиционных формах обучения. Новые электронные технологии могут не только обеспечить активное вовлечение обучающихся в учебный процесс, но и позволяют управлять этим процессом в отличие от большинства традиционных учебных сред. Интерактивные возможности используемых в системе дистанционного обучения программ и систем доставки информации позволяют наладить и даже стимулировать обратную связь,

обеспечить диалог и постоянную поддержку, которые невозможны в большинстве традиционных систем обучения. Современные компьютерные телекоммуникации способны обеспечить передачу знаний и доступ к разнообразной учебной информации наравне, а иногда и гораздо эффективнее, чем традиционные средства обучения. [7].

Дистанционное обучение развивается колоссальными темпами, этому способствует и развитие сети Интернет, и рост ее информационных и коммуникационных возможностей. Однако, дистанционные технологии, внедряемые в образовательный процесс, требуют более тщательной дидактической проработки, отработки методики усвоения знаний, анализа приоритетов влияющих факторов, и эффективность работы обучающегося и обучающихся в дистанционной среде будет напрямую зависеть от научности и методической целесообразности. Система дистанционного образования может и должна занять свое место в системе образования, поскольку при грамотной ее организации она может обеспечить качественное образование, соответствующее требованиям современного общества сегодня и ближайшей перспективе.[11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Щенников, С.А. Открытое дистанционное образование [Текст]: С.А.Щенников/ – М.: Мирос, 2002. – 268 с.
2. Полат Е.С. Педагогические технологии дистанционного обучения. Под редакцией Полат Е.С. – М.: Издательский центр "Академия", 2006 г.
3. Полат, Е.С. Дистанционное обучение [Текст] / Е.С. Полат, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; под ред. Е.С. Полат – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Владос, 2005. – 192 с.
4. Хуторской А. Дистанционное обучение и его технологии // Компьютерра. – 2002. – №36. – С. 26–30.
5. Андреев, А.А., Солдаткин, В.И. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация [Текст] – М.: Изд-во МЭСИ, 2000. – 350 с.
6. Полат, Е.С. Дистанционное обучение [Текст] / Е.С. Полат, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; под ред. Е.С. Полат – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Владос, 2005. – 192 с.
7. Кегеян С.Э. Технологии дистанционного обучения в профессиональном образовании. Интеграция методической (науч.-метод.) работы и системы повышения квалификации кадров: матер.ХVсерос. науч.–практ.конф.: в 7 ч. Ч.1/Челяб. инст–т перепод. и пов. квал. работ. образ.; отв. ред. Д.Ф. Ильясов.–М.; Челябинск: изд–во "Образование", 2010.
8. Кегеян С.Э. Дистанционные технологии в профессиональном образовании . Актуальные вопросы современной науки: Матер.VIII Межд. Науч.–практ. конфер. (31 мая 2010 г., г. Таганрог): Сб.науч.трудов / Под науч. ред. проф. Г. Ф. Гребенщикова. –М.: Изд–во "Спутник +", 2010.
9. Кегеян С.Э. Особенности применения технологий дистанционного обучения как средства повышения качества заочного образования. Сборник науч. тр. SWorld. Матер. межд. науч.–практ. конф. "Науч. исслед. и их практ. применение. Современ. состояние и пути развития 2011": Том 22. Педагогика, психология и социология, География– Одесса: Черноморье, 2011.
10. Кегеян С.Э. Особенности применения компьютерных технологий в дистанционном обучении иностранному языку в вузе. Интеграция методической (науч.–метод.) работы и системы повышения квалификации кадров: матер.XIII Межд. науч.–практ.конф.: в 6 ч. Ч.1/ Челябин. ин–т перепод. и пов. квал. работ. образ.; отв. ред. Д.Ф. Ильясов –М.; Челябинск: изд–во ЧИППКРО, 2012.
11. Кегеян С.Э. Преимущества и недостатки применения технологии дистанционного образования. Сборник науч. тр. SWorld. Матер. межд.науч.–практ. конф. "Современные направления теоретических и прикладных исследований 2012". –Выпуск 1. Том 12. – Одесса: Куприенко, 2012.

ПРИЧИНЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ И НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ

THE CAUSES OF TRANSLATION MISTAKES MADE BY TECHNICAL HIGHER SCHOOL STUDENTS AND SOME WAYS OF REMOVING THEM

*L. Kozubovskaja
E. Sentebova*

Annotation

The article deals with the most typical mistakes made by technical higher school students while translating technical texts. They are mistakes caused, first of all, by the poor knowledge of the English lexis and grammar, the lack of professional knowledge, and also the mistakes that can be explained by the wrong perception and understanding of the text. Bad knowledge of the mother tongue and psychological peculiarities of the students form another group of typical mistakes. Some ways of removing the above mentioned mistakes are given.

Keywords: translation, understanding of the foreign text, lexical and grammar mistakes, professional knowledge, knowledge of the mother tongue, dyslexia.

*Козубовская Людмила Александровна
Доцент, Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет
Сентебова Елена Леоновна
Доцент, Пермский национальный
исследовательский политехнический
университет*

Аннотация

В статье представлены наиболее типичные ошибки, совершаемые студентами при переводе технических текстов. Это ошибки, связанные, прежде всего, с недостаточным знанием лексики и грамматики изучаемого языка, незнанием предметной области, а также ошибки, связанные с искаженным восприятием и осмыслением текста. Особую группу составляют ошибки, вызванные незнанием норм родного языка, и те, которые вызваны психическими особенностями обучаемых. Предложены некоторые способы преодоления этих ошибок.

Ключевые слова:

Перевод, понимание иноязычного текста, лексические и грамматические ошибки, предметные знания, уровень владения родным языком, дислексия.

Программа обучения иностранному языку в техническом вузе предусматривает, наряду с другими задачами, обучение студентов чтению, пониманию и переводу технического текста, который может быть научно-популярным или технически-профессиональным. Текст можно определить как "сложное целое, обладающее законченным содержанием, которое (как и человек, его породивший), есть нечто большее, чем сумма составляющих его компонентов, то есть, чем сумма значений составляющих его языковых единиц или сумма смыслов сверхфразовых единств". [2, с. 12] Такое определение текста обеспечивает ему главенствующее положение в процессе перевода. "Текст на ПЯ – это "небоскреж", который должен быть построен по подобию другого, уже существующего (текста на ИЯ), но из других "материалов". [2, с. 12]

Таким образом, перевод можно определить как "процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания". [1] "В процес-

се переводческой деятельности на всех этапах у переводчика как у субъекта этой деятельности активно включаются и взаимодействуют все важные психологические механизмы: смысловое зрительное и слуховое восприятие, вероятностное прогнозирование и упреждающий синтез, память, воображение и внимание." [7, с. 9] Помимо психологических механизмов для осуществления процесса перевода необходимо знание системы иностранного языка, то есть, знание лексики и грамматики изучаемого языка, понимание различия функциональных стилей, и, несомненно, хорошее владение родным языком.

На обучение иностранному языку в техническом вузе отводится всего один год, и за этот короткий срок и преподавателю, и студентам необходимо решить много проблем, связанных с пониманием иноязычного текста и умением передать его содержание на родном языке.

Начнем с лексики. При переводе научно-технических текстов студенты должны знать общеупотребительную

лексику, но проблема в том, что запас слов у них ограничен, и, кроме того, они не умеют пользоваться словарём, беспомощны при выборе нужного значения слова и не понимают, какой частью речи является данное слово. Так, в тексте про компьютеры появляются такие нелепые варианты перевода слов как "сила", "власть" вместо "мощность" (power), "ветка" вместо "отрасль" (branch) и т. д. Другую сложность при переводе лексики представляют собой термины. Насыщенность терминами является одной из определяющих характеристик научно-технического текста. Термины несут основную семантическую нагрузку, и без их адекватного перевода весь текст теряет смысл. Как минимум студенты должны понять текст настолько, чтобы определить, к какой области знания относится данный текст, и в какую терминосистему входит переводимый термин.

Одним из необходимых условий адекватного перевода научно-технического текста является распознавание грамматических структур. Неправильно понятая грамматическая конструкция может привести к полному искажению смысла текста. Особенно важно умение вычлени в каждом предложении грамматическое ядро – подлежащее и сказуемое. В английском языке сказуемое несет очень большую грамматическую и смысловую нагрузку, значительно большую, чем в русском языке. Поэтому важно научить студентов найти сказуемое, определить его границы, вид, и понять, что оно выражает. Для этой цели авторами была предпринята попытка определить формальные признаки сказуемого, дать свою упрощенную классификацию и тем самым помочь студентам вычлени сказуемое, воспринять его как единое целое, проанализировать и правильно перевести даже самые сложные виды английского сказуемого, характеризующего различными аналитическими формами. [3, с. 77–80]

Помимо сказуемого большую сложность для студентов в английской грамматике представляют неличные формы глагола. По своим внешним признакам они очень похожи на сказуемое, однако выполняют в предложении совсем другие функции в зависимости от занимаемого в предложении места, соответственно переводиться они будут иначе. Чтобы не смешивать при анализе текста и его переводе сказуемое и неличные формы глагола, авторами были разработаны соответствующие таблицы. [4, с. 98–102] Английский язык по своему грамматическому типу относится к аналитическим языкам, и в отличие от русского, относящегося к языкам синтетическим, не имеет системы падежных окончаний для связи слов в предложении. Он использует другие средства – порядок слов и несколько предлогов, соответствующих отдельным русским падежам. Этому также надо обучать студентов.

Перейдем к другим проблемам. Восприятие текста

даже на родном языке представляет собой сложный процесс. "При всей важности дешифровки языковых знаков, знания языка недостаточно для адекватного понимания смысла текста. Решающую роль здесь играет адекватная референция, соотнесение высказывания с реальностью, которая изображается в дискурсе." [6, с. 191]

Смысловое восприятие текста это сложный речемыслительный процесс, предполагающий операции по свертыванию и развертыванию мысли автора, по перекодированию ее на цепь индивидуальных смыслов и создания на основе исходного дискурса своего собственного варианта текста, который по своей форме не полностью тождествен исходному тексту. "Понимание является опосредованным аналитико-синтетическим процессом, базирующемся на активной интеллектуальной переработке воспринимаемого текста. Эта переработка включает в себя членение текста на смысловые отрезки, выделение различного рода "контекстных объединителей", таких как "смысловые вехи", "опорные пункты", "контекстные подлежащие", а также объединение их в общий смысл. [5, с. 35–36] На основе такой переработки и формируется содержание текста как результат понимания.

А если текст написан на иностранном языке, его восприятие представляет двойную сложность, так как необходимо еще и знание лексики и грамматики изучаемого языка. Таким образом, успех в переводе зависит и от языковой компетентности обучаемых, и от умения воспринять текст, и от кругозора обучаемых, от того, насколько они владеют предметными знаниями, и от уровня владения родным языком. Так, в результате недостаточного владения родным языком в переводе встречаются такие ошибки как отсутствие предикации, неумение построить фразу, правильно связать слова в предложении, употребить правильную видовременную форму глагола, поставить модальный глагол в нужное время.

Процесс обучения студентов технического вуза переводу на русский язык английских технических текстов начинается, естественно, с обучения системе английского языка, то есть с обучения лексике и грамматике. При правильном методическом подходе эта задача вполне решаема. За год обучения многие студенты благополучно проходят путь от незнания к знанию. Анализ переводов текстов (около 2 тысяч печатных знаков), предложенных перед началом курса обучения и после него, показывает значительное снижение количества ошибок, связанных с грамматикой. Было проанализировано 30 переводов (2 академические группы химического и аэрокосмического факультетов) на начальном этапе обучения и в конце курса обучения (один год).

Результаты были сведены в таблицу 1.

Таблица 1.

Вид языковой ошибки	Пример	Начальный этап	Конечный этап
Видовременные формы глагола	Technological progress is contributing ... Технический прогресс способствовал/способствующий ... (вместо "способствует")	76 ошибок	12 ошибок
Страдательный залог	This acid is used ... - Эта кислота использовала... (вместо "используется")	53 ошибки	7 ошибок
Неличные формы глагола	The first station launched to Venus was ... - Первая станция запустила... (вместо "запущенная")	25 ошибок	5 ошибок
Многозначные слова	It is quite clear today ... - Это ясно сегодня ... (вместо "Сегодня очевидно" ...)	17 ошибок	8 ошибок

Также значительно уменьшилось количество ошибок, связанных со знанием предметной области, так как студенты уже прошли курс обучения по общетехническим предметам и введению в специальность. И, как следствие, стало меньше ошибок по подбору эквивалентов (45 против 6).

Самую же большую сложность представляет обучение восприятию текста и передача его средствами русского языка. Об этом свидетельствуют результаты итогового перевода, в котором количество ошибок, непосредственно не связанных с системой языка, осталось достаточно большим. Их устранение требует огромной работы и со стороны преподавателя, и со стороны студента. К тому же, эта работа требует много времени, так как речь идет об умении студента как языковой личности проникнуть в замысел автора текста и умении разворачивать эксплицированный замысел в целостное и связанное собственное речевое произведение.

Для развития адекватного восприятия иноязычного текста можно предложить ряд упражнений, которые подразделяются на предтекстовый, собственно текстовый и послетекстовый этапы.

Предтекстовые упражнения призваны развить у обучающихся механизмы прогнозирования, догадки, "антиципации".

Это такие задания как:

- ◆ прочитайте заголовок текста и скажите, о чем в нем пойдет речь;
- ◆ прочитайте заголовок и выделите в нем ключевое слово;
- ◆ просмотрите текст и попытайтесь составить его структурно-смысловую схему;

Текстовые упражнения помогают проникнуть в суть текста. Например,

- ◆ выделите основную мысль абзаца и попробуйте пересказать его на русском языке;
- ◆ прочитайте абзац и скажите, что общего между описываемыми явлениями (процессами, механизмами) и чем они отличаются;
- ◆ прочитайте абзац и попробуйте пересказать его своими словами на русском языке;
- ◆ прочитайте текст и скажите, для чего используется (как используется и т.д.) данный процесс (механизм).

И, наконец, послетекстовые упражнения помогают подытожить уже извлеченную информацию. К примеру,

- ◆ какие вопросы рассматривались в тексте;
- ◆ какая проблема вытекает из содержания;
- ◆ согласны ли вы с точкой зрения автора и выскажите свое мнение по данному вопросу.

Но правильное восприятие текста еще не залог его правильного изложения (перевода). Для этого требуется умение определить жанрово-стилистическую принадлежность текста и передать его содержание на хорошем русском языке. При переводе студентов следует научить выбирать языковые средства, характерные для текста данного жанра и стиля.

Но все-таки сложнее всего преодолевать ошибки, связанные с неправильным использованием русского языка. Они могут быть вызваны незнанием норм русского языка, неумением разграничить сферу литературного языка и разговорной речи. Умение изложить текст на хорошем литературном языке формируется в школьные годы при условии, если человек читает художественную литературу, обсуждает ее, высказывает свою точку зрения,

пишет сочинения, так как язык художественного произведения – это эталон литературного языка. К сожалению, этого не происходит. Зачастую школьники либо совсем не читают художественную литературу, либо читают укороченные варианты произведений, предусмотренных школьной программой.

Язык СМС-сообщений, для которого характерны короткие, ядерные фразы, студенты переносят на письменную речь, что также играет свою отрицательную роль. Большое влияние на речь человека оказывают речевые особенности родителей, родственников, знакомых, друзей – всех, с кем он взаимодействовал в период своего речевого становления. Сюда относятся просторечные выражения, жаргон. Все эти факторы находят свое отражение в переводе

По всей вероятности, одной из причин "корявого" языка при переводе является дислексия, наиболее распространенная форма речевой патологии. Дислексия у взрослых имеет симптомы различной степени выраженности, что зависит от причины, вызвавшей нарушение. Человек, страдающий дислексией, как правило, не может быстро и правильно распознавать слова, читать, он часто делает орфографические ошибки. При этом нарушении может возникнуть дефицит читательского опыта. У дислексиков очень часто нарушено понимание текста, однако интеллект при этом нарушении сохранен. Человек читает с ошибками, по первым слогам пытается угадать, что написано. Так как человек не понимает, что написано в тексте, то ему трудно пересказать прочитанное, а тем более записать переведенный текст на русском языке. Такие люди часто совершают ряд грамматических или орфографических ошибок при переписывании даже самого простого текста. Им с трудом удается правильно написать слово, воспринимаемое на слух. Для них характерна несформированность представлений о синтаксических связях слов в предложении – слова воспринимаются вне связи с другими словами. Также наблюдается недоразвитие грамматического строя речи, морфологи-

ческих и синтаксических обобщений. Наблюдается изменение падежных окончаний, числа существительных, неправильное согласование в роде, числе и падеже существительных и прилагательных, изменения окончания глаголов третьего лица прошедшего времени. При изучении английского языка у дислексиков появляются дополнительные сложности, так как в нем слова пишутся одним образом, а произносятся другим, то есть это язык, в котором существует так называемая "непрозрачная" орфография. А именно затрудненное соотношение букв и звуков, письма и речи и характерно для дислексии. Обучаемых с такими особенностями желательно выявить и учитывать данную психологическую проблему при работе с текстом. Так, для студентов с аграмматической формой дислексии следует подавать грамматику системно, чему способствуют в значительной степени таблицы и схемы, предложенные авторами в своих статьях [3,4]. При семантической форме дислексии требуется развивать слоговый синтез и словарь, проводить работу по усвоению студентами грамматических и языковых норм.

В целом, механизм работы со взрослыми, страдающими дислексией, не отличается от занятий с детьми.

Были проанализированы причины наиболее типичных ошибок, совершаемых студентами при переводе технических текстов. Ошибки, вызванные недостаточным знанием грамматики и лексики изучаемого языка, поддаются корректировке с помощью соответствующих заданий, упражнений, тренировки. Ошибки, связанные с восприятием и осмыслением текста, требуют больших усилий для их устранения. Они устраняются с помощью специальной системы упражнений и по мере овладения студентами знаниями предметной области. Ошибки же чисто психологического плана устраняются в наименьшей степени. Такие особенности студентов необходимо учитывать при работе с ними. Усилия таких студентов следует поощрять, помогать им при работе с текстом. Только благодаря терпению и такту преподавателя и старанию самих обучаемых можно добиться видимых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., Междунар. отношения, 1975. с.11. Изд. 2. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.
2. Зайцев А.Б. Основы письменного перевода. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. С.12
3. Козубовская Л.А., Сентебова Е.Л. Снятие трудностей при изучении сказуемого. Вопросы теории и практики. Филологические науки. Тамбов: Издательство "Грамота". 2015. №4(46). Ч. I. С.77–80.
4. Козубовская Л.А., Сентебова Е.Л. Системная подача грамматического материала при изучении сказуемого и неличных форм глагола в английском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Гуманитарные науки", –№2, –2016. –С.98–102
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. Москва. 1983. С. 35–36
6. Седов К.Ф. Онтопсихилингвистика. М.: Лабиринт, 2008. С.191
7. Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь, 2001. С.9

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

THE BASIC PRINCIPLES WHEN FORMING GRAMMATICAL SKILLS

V. Kopitsa

Annotation

The Problem of teaching the grammatical aspect of speech has always paid great attention. When teaching grammar skills there were problems that to date remain relevant. In the methodology of teaching foreign languages, this problem was paid attention to E. I. Passov, M. A. Kolpakchi, T. B. Klement'eva, V. P. Kuzovlev and others.

The choice of this topic is determined by the importance of developing students communicative competence as the main goal of learning a foreign language. Without sufficient grammatical base to communicate in a foreign language is impossible. Studies have shown that grammar is the basis of language but to study it, as a rule, uninteresting and boring, which subsequently affects the communicative behavior of students.

Keywords: grammar, skills, exercises, suggestively, the principle of functionality.

Копица Вера Николаевна

Соискатель,

Нижегородский государственный

инженерно-экономический

университет

Аннотация

Проблеме обучения грамматической стороне речи всегда уделялось большое внимание. При обучении грамматическим навыкам существовали проблемы, которые и на сегодняшний день остаются актуальными. В методике преподавания иностранных языков этой проблеме уделяли внимание Е.И.Пассов, М.А.Колпакчи, Т.Б.Клементьева, В.П.Кузовлев и другие.

Выбор данной темы определяется важностью формирования у обучающихся коммуникативной компетенции, как основной цели обучения иностранному языку. Без достаточной грамматической базы общаться на иностранном языке невозможно. Исследования показали, что грамматика является основой языка, но изучать ее, как правило, неинтересно и скучно, что впоследствии отражается на коммуникативном поведении обучающихся.

Ключевые слова:

Грамматика, навыки, упражнения, суггетивность, принцип функциональности.

Каковы же основные принципы, на которых может базироваться обучение грамматике студентов первого курса СПО?

Основной постулат и первый принцип определяет обучение грамматике как обучение определенным навыкам.

Второй принцип относится к природе этих навыков. Они рассматриваются как автоматизированные компоненты речевой деятельности, представляющих собой системы действий и операций, с помощью которых осуществляется грамматическое оформление или анализ речи.

Третий принцип вводит различие грамматических навыков в зависимости от обслуживаемых ими видов речи – устной и письменной, репродуктивной и рецептивной. При разработке методики ориентироваться следует не на абстрактно взятые грамматические явления или на систему грамматики, а анализировать особенности грамматических действий в составе тех или иных видов речи.

Четвертый принцип требует, чтобы в методике были учтены общие закономерности овладения навыками: не-

обходимость системы упражнений в действиях, их автоматизация; учет интерференции и переноса; должны быть приняты во внимание условия усвоения правилом различных действий.

Пятый принцип исходит из того, что усвоение материала основывается, как при усвоении лексики, на константных ассоциациях звуковых моторных, зрительных образов с их значением. Работа должна вестись параллельно с овладением действиями и быть направлена на запоминание материала, сохранение его в памяти.

Шестой принцип касается усвоения обобщений. Формирование обобщений должно происходить в ходе и в итоге овладения навыками и проходить 3 этапа:

1. понимание обучающимися практических правил, направляющих овладение навыками;
2. обобщение обучающимися действий и материала, используемых в речи;
3. систематизация этих обобщений.

Седьмой принцип определяет сущность сознательно-сти при овладении грамматическими механизмами речи.

Он включает ряд требований:

а) обучающиеся должны оперировать не только предложениями, но и группами слов, словами и грамматическими частями слов;

б) на начальном этапе овладения каждым грамматическим навыком обучающиеся должны осмысливать свои действия с материалом, усваивать системы мыслительных операций, включающих анализ ситуации и умозаключение о том, какие действия должны быть проведены;

в) обучающимся должны быть сообщены правила-инструкции, опирающиеся на аналогию, на понятия, известные из родного языка, и на ранее усвоенные понятия грамматики иностранного языка;

г) для овладения действиями необходимо использовать зрительную опору, а обучение грамматическим навыкам устной и письменной речи должно вестись параллельно.

Восьмой принцип гласит, что на начальной стадии овладения каждым грамматическим навыком следует использовать родной язык обучающихся, создавая одновременно условия для преодоления его интерференции и постоянного вытеснения.

Для этого надо:

а) на родном языке формулировать правила, выражать грамматические значения;

б) учитывать в правилах и упражнениях действия и операции, продиктованные навыками родного языка, использовать как переводные, так и беспереvodные упражнения;

в) вытеснение родного языка в актах речи должно происходить в результате свертывания и выпадения мыслительных операций.

Девятый принцип определяет различия в методике работы над репродуктивными и рецептивными навыками, поскольку в них различна распознающая и разрешающая части алгоритма, а также и исходная точка для разворачивания действий. Эти особенности определяют различие упражнений, правил и объяснений.

Десятый принцип требует различения двух типов упражнений: упражнения для усвоения материала и для овладения навыками. Для первых характерно воспроизведение материала, для вторых – воспроизведение действий. Видами в первом случае являются упражнения для первичного усвоения и упражнения для сохранения в памяти. Видами во втором случае являются упражнения в действиях с развернутым применением операций, а также упражнения в действиях со свернутыми операциями, – с одной стороны, с другой, – упражнения, изолированные от речевой деятельности, и упражнения в составе речевой деятельности. Формой выполнения упражнений является устная или письменная. Репродуктивные грам-

матические упражнения должны включать тренировку в действиях замен и трансформаций, выбора по формальным признакам и по смыслу. Рецептивные грамматические упражнения должны включать тренировку в узнавании и дифференциации, упражнения, направленные на понимание текста. Значение данного принципа в том, что не только конкретизируется назначение упражнений, но и создается рациональная основа для их разнообразия.

Одиннадцатый принцип определяет построение практических правил и объяснений. Распознающая часть алгоритма репродуктивного навыка должна выражаться в виде указаний на признаки ситуации, разрешающая часть в виде указания действия. Для рецептивных навыков распознающая часть должна состоять из указания действий расчлененных предложений и дифференциации по признакам, разрешающая часть – в виде указания значений.

Двенадцатый принцип определяет последовательность работы в этом случае – от репродуктивного к рецептивному навыку. При такой последовательности, как показали многочисленные эксперименты, перенос осуществляется успешнее, чем при обратной связи.

Критерии, как отбора, так и распределения полностью подчинены основному постулату теории – грамматика как компонент речевой деятельности. В них учтены также особенности и трудности развития навыков. К трудностям навыков относятся в частности такие характеристики, как сложность систем действия, новизна по сравнению с родным языком передаваемых значений. Трудности навыков обусловлены также и тем, разворачиваются ли действия на уровне слова, конструкции или предложения. Чем мельче единица, тем более трудоемким является процесс овладения репродуктивным навыком.

Обучение грамматике основано также на принципе суггетивности. Данное понятие определяется как постоянный коммуникативный фактор, который через воздействие на подсознание может создавать условие, способствующее максимальному раскрытию функциональных резервных возможностей личности. Психологическая обоснованность сочетания и единства сознательного и подсознательного начала в современной методике не вызывает сомнений. Можно утверждать, что этот подход особенно важен в обучении грамматике, поскольку здесь существенна как выработка динамических стереотипов, так и рациональное осознание структур. Принцип суггетивности предполагает обучение грамматике в условиях эмоционального подъема и снятия напряжения. Активизируя резервные возможности обучающегося, позволяет усваивать грамматику быстро и надежно на основе речевой деятельности.

Успешное овладение грамматикой обеспечивается также созданием полисенсорной среды: использование графических, вербальных, невербальных и игровых средств, кинетики, музыки и цвета. Полисенсорная среда не только обеспечивает восприятие информации по разным каналам, но и позволяет с студентам с различным уровнем интеллекта успешно овладевать грамматическими знаниями, навыками и умениями.

Психологической основой суггетивности и полисенсорности является дидактический принцип двуплановости (термин Лозанова). Двуплановость предполагает организацию обучения таким образом, что воздействие на сознание и подсознание осуществляется одновременно. Преподаватель, ставя перед обучаемыми выраженную коммуникативную задачу, преследует при этом учебную (в нашем случае грамматическую) цель, не осознаваемую обучающимися. Следовательно, в процессе обучения ставятся и решаются не только прямые, осуществляемые обучающимися цели, направленные на организацию иноязычного общения, но и косвенные, не осознаваемые обучающимися цели, относящиеся к плану преподавателя определяющие содержание, дозировку и разноуровневую отработку языковых (в частности грамматических) явлений изучаемого языка.

Активизируя сферу подсознательного наряду с сознательным восприятием грамматических явлений, двуплановое обучение значительно расширяет возможности интеллекта в памяти обучаемых, которые становятся практически неограниченными. Двуплановый подход дает преподавателю возможность успешно управлять произвольным вниманием и памятью обучающихся (наряду с произвольным вниманием), что в свою очередь позволяет обучаемым усваивать больше объема грамматического материала в контексте устно-речевого общения за сравнительно короткий срок.

Каким же образом активизируется сфера подсознательного, обеспечивающая легкое и быстрое усвоение больших объемов учебного материала? Прежде всего этот эффект достигается при помощи полисенсорной среды, которая способствует созданию положительной эмоциональной психологической атмосферы обучения.

К средствам, обеспечивающим действия двуплановости, относятся также:

- ◆ стимуляция потребностно-мотивационной сферы обучающихся;
- ◆ релаксация, снятие психологических барьеров, мешающих обучению, обеспечение чувства комфортности и безопасности;
- ◆ доброжелательный настрой преподавателя и атмосфера всеобщего доверия и т.д.

Успешное обучение грамматическому строю языка требует также соблюдения принципа чередования синтетической и аналитической деятельности. Особая роль отводится первому этапу синтеза, на котором обеспечивается "формирование коммуникативного ядра" (Г.А.Китайгородская). В дальнейшем обучение концентрированности грамматического материала снижается. Новый материал, который теперь поступает в меньших дозах, тем не менее, способствует более успешной коммуникации и расширяет экспрессивные возможности обучающихся. Наблюдаемый при этом "эффект снежного кома" (т.е. лавинообразного нарастания коммуникативных явлений) осуществляется параллельно с систематизацией грамматических знаний. Движение от синтеза к анализу, таким образом, сопровождается движением от частных форм к системе.

Доминантная роль синтеза обуславливает принцип ситуативности при подаче грамматического материала. Данный принцип можно отнести к традиционным. Смысл ситуативного подхода к обучению грамматике состоит в том, что учебный текст строится на ситуациях, в которых оправдано использование какого-либо грамматического явления иностранного языка, например, та или иная видо-временная форма, конструкции с личными формами глагола или модальные глаголы. Это же принцип используется и в системе коммуникативных заданий на разных этапах активизации учебных материалов.

Особое значение в обучении грамматике приобретает принцип функциональности. Суть его состоит в том, что в процессе обучения преодолевается разрыв между парадигматикой и прагматикой языка, т.е. элементы языковой структуры рассматриваются и оцениваются с точки зрения их полезности в речевой деятельности. Руководствуясь принципом функциональности, составители программ определяют круг грамматических явлений, осваиваемых на первой и последующих стадиях обучения. Принцип функциональности позволяет организовать грамматический материал таким образом, что обучаемый вооружается разнообразными средствами для выражения того или иного коммуникативного замысла. Обучение грамматике осуществляется с осознаваемой коррекцией на частность грамматических явлений в речи. От обучающегося требуется, например, свободное владение такими видо-временными формами, как Present, Past, Future Continuous; Present, Past, Future Indefinite и Present, Past, Future Perfect. Вероятно, меньшее внимание можно уделить таким формам, как Future Continuous и Future Perfect. Столь же редкие формы как Future Perfect Continuous могут быть исключены из обучения на первом курсе

Далее хотелось бы проанализировать, как предлагается обучать грамматической стороне речи в различных УМК, используемых мною в работе.

Чрезвычайный интерес, как учебное пособие, вызывает книга М.А.Колпакчи "Дружеские встречи с английским языком". В книге в форме дружеской беседы с читателями изложены важнейшие разделы грамматического строя английского языка. Популярность и занимательность изложения делают пособие доступным всем, кто изучает английский язык. Английская грамматика представлена автором как живой мир, как сцена, на которой разыгрываются трагические и комические пьесы, своеобразные персонажи которых – глаголы, существительные, местоимения, артикли. Вся книга является свободным, живым, "душа в душу" собеседованием о языке. И эта доверительная легкость устанавливает между автором и читателем новый тип связей прямых и обратных – не "обычно-учебниковый", а "занимательно – или увлекательно-учебный", почти исследовательский. В качестве примеров для иллюстрации тех или иных грамматических явлений автор использует отрывки из произведений классиков английской и американской литературы. Автор отбрасывает все те разделы английской грамматики, которые, по ее многолетним наблюдениям, не представляют затруднений для обучающихся. Зато тем скрупулезнее исследует она все, что согласно ее педагогическому опыту, обучающийся должен усвоить для овладения практикой английской речи. По словам автора "выбор учебного пособия – вопрос вкуса".

В этой книге привлекают две особенности:

- ◆ постоянное сравнение русской и английской грамматики;
- ◆ рассмотрение явлений внутри одной грамматической категории не разобщено, они сопоставляются друг с другом;

Вот пример, как автор демонстрирует обучающимся многозначность и различные функции глагола "to do" в главе под названием "И сам "делает" и другим помогает".

<i>В основном значении "делать"</i>	<i>В служебной роли</i>
<i>Усиливает значение глагола</i>	<i>Заменяет основной глагол</i>

Многогранность английского глагола "to do", вероятно, не превзойдена. Как разнообразны его функции и интонации.

1. Вот он любопытствует, вот запрещает, вот воз-

величивает, а сплошь и рядом скромненько моет посуду, убирает и делает уроки:

It takes me only an hour to do our room because I do it every day.

2. В вопросительных и отрицательных предложениях глагол "to do" выполняет служебную роль:

What do you suggest we do tonight?

3. В ответах на вопрос глагол "to do" заменяет основную глагол:

-Did she go to London several times?

-Yes, she did.

4. Глагол "to do" обладает свойством возмечивать глагол, перед которым его намеренно употребил говорящий:

Andrew did improve his knowledge of English.

Таким образом, грамматический материал в учебном пособии М.А.Колпакчи представлен с предельной четкостью и ясностью. Рассмотрение различных явлений внутри одной грамматической категории разобщено, в сравнении друг с другом, а также в сравнении между русской и английской грамматикой. Использование при этом ярких примеров делает пособие притягательным и понятным для обучающихся на всех этапах обучения. По моему мнению, пособие М.А.Колпакчи может быть использовано, если не как основное, то, как вспомогательное средство при обучении грамматике на занятиях.

Учебное пособие П.М.Пушновой "Английский язык для пищевых вузов и колледжей" состоит из оригинальных текстов, тематика которых соответствует профилирующим специальностям, по которым готовят обучающихся пищевых вузов и колледжей. Задания и упражнения, предлагаемые в пособии, обеспечивают как обучение переработке смысловой информации при чтении текстов и ее дальнейшему использованию в устной речи, так и активизацию лексико-грамматического материала.

Вот пример построения структур, в которых после глагола-сказуемого следует сложное дополнение (сочетание существительного в общем падеже или местоимения в объектном падеже с инфинитивом).

<i>We know Nutritionists found We consider People believe Doctors noted Experiments showed</i>	<i>animal foods proteins the richest sources of protein vitamins carbohydrates</i>	<i>to be very important. to be the best sources of proteins. to supply energy for the body. to be meat, fish, milk, bread, peas. to be body-builders. to help our body to stay healthy</i>
--	--	--

Кроме дополнительных грамматических пособий я использую на своих занятиях различные занимательные упражнения и грамматические игры.

Грамматика, наряду со словарным и звуковым составом, представляет собой основу речи. Ей принадлежит организующая роль. Анализ результатов обучения грамматике приводит к убеждению, что нужно значительным образом поменять отношение и методы в преподавании грамматики. Возникает одна из наиболее серьезных проблем при обучении грамматическим навыкам английского языка: отсутствие интереса обучаемых к "сухой" и достаточно сложной теории. Однако, преподаватель спо-

собен в корне изменить подобное отношение к грамматике, обратившись к опыту своих коллег, известных методистов – Е. И.Пассова, Г.В.Роговой, М.А.Колпакчи и других – и использовать на практике их традиционные и нетрадиционные методы обучения грамматике.

Известно, что чем более эмоционально воспринимает обучаемый материал, тем прочнее образующиеся в сознании связи. С этой целью применяются различные игровые приемы и упражнения. Они подбираются с учетом способностей и степени подготовленности обучаемых и служат более успешному усвоению грамматического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. –М. –1983.
2. Бжилянская И.А. Английская грамматика в таблицах и упражнениях. – М. –1986.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. –М.–1986
4. Вейхман А.И. Новое в английском глаголе.//ИЯШ.–1988 –№6.
5. Гордон–Крылова Г.В. Практический курс английского языка. –М.–1987.
6. Ерешко А.И. Системно–деятельностный подход к обучению грамматическому аспекту чтения.//ИЯШ. –1991.–№4.
7. КельбичГ. Грамматика и преподавание иностранных языков.// ИЯШ.–1976.–№3.
8. Кирилова И.П. Английская грамматика для всех. –М.–1989.
9. Колпакчи М.А. Дружеские встречи с английским языком.–Иваново.–1975.
10. Лич Д.И. Коммуникативная грамматика английского языка.–М.–1974.
11. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.–М.–1989.
12. Пассов Е.И. Психологические механизмы усвоения грамматики родного и иностранного языков.//ИЯШ.–1973.–№6.
13. Полетаева И.А. Из опыта обучения видовременным формам английского глагола.//ИЯШ.–1991.–№6.
14. Пыльцына А.А. Английский в семейном кругу.–Харьков.–1994.
15. Толстой С.В., Какина А.В. Учись говорить по–английски.–М.–1958.
16. Цетлин В.С. Принципы обучения грамматическим механизмам речи.//ИЯШ.–1996.–№1.
17. Цетлин А.А. Как обучать грамматически правильной речи.//ИЯШ.–1998.–№1.

© В.Н. Копица, (kopitsavera2013@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

О МЕТОДИКЕ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

CONCERNING EXPERTISE METHODS OF LANGUAGE TESTING

I. Muratova

Annotation

The purpose of this article is to offer to anyone who falls on duty to deal with the test materials, tools by which they can evaluate the quality of the proposed test products. The author analyzed the problems faced by professionals, evaluating tests, and suggested ways of solving them. The article gives the characteristics of the various control objectives, types of audience, test tasks, etc.

Keywords: linguistic, testology, English language, language testing, specification, assessing criteria.

Муратова Ирина Анатольевна

К.пед.н., доцент,

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить всем, кому приходится по долгу службы сталкиваться с тестовыми материалами, варианты инструментария, с помощью которого они смогут оценить качество предлагаемой тестовой продукции. Автор проанализировал проблемы, с которыми сталкиваются профессионалы, оценивающие тесты, и предложил способы их решения. В статье даны характеристики различным целям контроля, типам аудитории, видам заданий и т.д.

Ключевые слова:

Лингвистика, тестология, английский язык, лингводидактическое тестирование, спецификация, критерии оценивания.

Тестирование, как способ оценки достижений учащихся или измерения уровня владения ими иностранным языком, получило в последнее время достаточно широкое распространение. Одновременно распространяются мнения о "недостатках" данного вида контроля. Причины неудовлетворенности тестовыми способами контроля имеют разные источники. Главными из них являются: во-первых, действительно часто невысокое качество тестов, во-вторых, неподготовленность пользователей, выражающаяся, среди прочего, в непонимании специфики тестового контроля.

Справедливости ради следует отметить, что в последнее время предпринимаются попытки контролировать качество тестовых материалов со стороны организаций, организующих тестирование. В том числе такие, когда в качестве экспертов привлекаются опытные преподаватели, методисты и другие специалисты в области обучения иностранным языкам. К сожалению, как правило, среди них нет специалистов в области тестового контроля (до последнего времени их, собственно, нигде и не готовили*).

* Как до сих пор в России официально не признано, что лингводидактическое тестирование является отдельным направлением в прикладной лингвистике.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить всем, кому приходится по долгу службы сталкиваться с

тестовыми материалами, варианты инструментария, с помощью которого они смогут оценить качество предлагаемой тестовой продукции.

Основанием для вывода о возможности применения тестовых материалов является заключение экспертов, как правило, после оценки результатов их расширенной апробации, подтверждающее их надежность, валидность и эффективность.

Чаще всего, эксперту бывает необходимо установить:

1. соответствие содержания тестовых материалов заявленным целям контроля и концепции теста;
2. соответствие формы заданий требованиям тестовой технологии;
3. обоснованность и приемлемость представленных заданий, схем и оценочных шкал субъективно оцениваемых субтестов, или тестов продуктивных речевых умений;
4. обоснованность присвоения весовых коэффициентов тестовым заданиям;
5. соответствие статистических показателей результатов апробации установленным параметрам.*

* Вообще-то это задача разработчиков, которые обязаны исключить статистически неподходящие задания из предложенных на экспертизу по результатам предтестирования.

1. Соответствие содержания тестовых материалов заявленным целям контроля и концепции теста

Проконтролировать соответствие содержания заявленным целям можно только ознакомившись с документом, в котором эти цели будут обозначены. Другими словами, любой серьезный тест должен иметь при себе спецификацию.

Спецификация – документ, который может/должен* содержать следующие данные о предлагаемом тесте.

* Спецификации могут различаться по адресату – для разработчика заданий, пользователя и т.д.

Общая цель: т.е. для чего будет применяться тест, его тип (отборочный (абитуриентский), стартовый, тематический (по какой теме/аспекту) итоговый (за какой курс).

Характеристика испытуемых (для которых предназначен тест): их возраст, уровень подготовки (в зависимости от цели тестирования могут быть указаны родной язык испытуемых, их пол и т.д.).

Состав теста: количество разделов (субтестов), количество заданий в каждом из них, время, отводимое на выполнение теста в целом и каждого раздела в отдельности.

Планируемые условия тестирования: например, имитация естественных коммуникативных условий.

Типы текстов (используемых в разделах теста): их источник, функция, размер, количество, уровень сложности, степень аутентичности.

Объекты тестирования (общекоммуникативные/языковые): в терминах конкретных речевых умений и навыков, знаний о языковой системе языка.

Общая характеристика заданий: что должны будут сделать испытуемые при выполнении заданий (в соответствии с объектами тестирования).

Формат тестовых заданий: открытые, закрытые и т.д.

Описаний инструкций: образцы тестовых инструкций (указаний к выполнению заданий раздела, группы заданий внутри раздела).

Критерии / схемы оценки: определение критериев успешности выполнения теста, способ оценки результатов тестирования, для субъективно оцениваемых разделов – описание критериальной шкалы оценивания.

Эксперту необходимо ознакомиться со спецификацией теста и соответствующими стандартами, программами или другими нормативными документами и определить полноту соответствия содержания представленных тестовых материалов заявленным. Для общей оценки эксперт может в соответствии с концепцией и спецификацией теста представить себе пропорции теста (объемы разделов – субтестов) и сопоставить с предложенными материалами. Эксперт может признать пропорции удовлетворительными при расхождении не более чем в 25%.

2. Соответствие формы задания требованиям тестовой технологии

Эксперту необходимо оценить насколько предлагаемые формы (или виды) заданий, точнее знания, умения и навыки, необходимые для их выполнения, соответствуют заявленным в спецификации соответствующим знаниям, умениям или навыкам. В этом эксперт, как правило, должен полагаться на свои знания и опыт.

Укажем основные виды заданий при тестовом контроле по видам речевой деятельности.

ЧТЕНИЕ

- ◆ Задания с выбором ответа (ниже мы подробнее остановимся на этом формате заданий).
- ◆ Задания с кратким ответом.
- ◆ КЛОУЗ ТЕСТ, тест, предполагающий восстановление текста, в котором пропущено каждое n-ое слово.
- ◆ МОДИФИЦИРОВАННЫЙ КЛОУЗ ТЕСТ, когда в тексте пропуск слова определяется разработчиком в связи с отдельной целью.
- ◆ СИ-ТЕСТ, предполагающий восстановление текста в котором пропущена половина каждого второго слова.
- ◆ Задания, требующие ПЕРЕНОСА ИНФОРМАЦИИ, когда на основании прочитанного текста испытуемому предлагается, например, заполнить таблицу.

В последнее время приобретают популярность кросс-текстовые задания (cross-text items) разных форматов. С их помощью оценивается способность испытуемых интегрировать информацию, получаемую из разных источников, например, из текстов различных жанров, посвященных одному объекту или явлению [1].

АУДИРОВАНИЕ

- ◆ Задания с выбором ответа.
- ◆ Задания с кратким ответом.
- ◆ Задания, требующие ПЕРЕНОСА ИНФОРМАЦИИ.
- ◆ ДИКТАНТ, естественно со спецификой, связанной с целью проверки понимания

прослушиваемого текста, а не с умениями в письме.

◆ Задания, требующие ВОССТАНОВЛЕНИЯ (дополнения предъявляемого текста определенной информацией) текста, на основе прослушанного текста.

ПИСЬМО

(КОСВЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОВЕРКИ УМЕНИЙ)

◆ Редактирование предъявленного текста.

(ПРЯМЫЕ МЕТОДЫ ПРОВЕРКИ УМЕНИЙ)

- ◆ Написание эссе.
- ◆ Выполнение контролируемых письменных заданий (существует большое количество форм, например, заполнения анкет или формуляров).
- ◆ Написание изложения.

ГОВОРЕНИЕ

- ◆ УСТНОЕ СОЧИНЕНИЕ
- ◆ УСТНАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ
- ◆ СВОБОДНОЕ ИНТЕРВЬЮ
- ◆ КОНТРОЛИРУЕМОЕ ИНТЕРВЬЮ
- ◆ ОПИСАНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ КАРТИНОК
- ◆ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ПО СОДЕРЖАНИЮ ОДНОЙ КАРТИНКИ
- ◆ ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ различного характера
- ◆ РОЛЕВАЯ ИГРА

Как уже неоднократно отмечалось, наиболее часто тестирование ассоциируется с выполнением заданий с выбором ответа, как правило, множественным выбором ответа. Данный формат заданий отличается особой сложностью в разработке, отметим здесь только основные требования (адресованные разработчикам) к заданиям, соблюдение которых должен оценить эксперт [2].

1. Каждое задание должно отражать один специфический элемент содержания в соответствии со спецификацией.

2. Каждое задание должно отражать значимый элемент изучаемого объекта, следует избегать несущественных элементов.

3. Используйте новый материал для проверки на более высоких уровнях. Перефразируйте текст учебника или исходный текст.

4. Содержание каждого задания должно оставаться независимым от содержания других заданий.

5. Избегайте чрезмерно специфичного или чрезмерного обобщенного материала.

6. Избегайте заданий, основанных на субъективном мнении.

7. Избегайте заданий – ловушек.

8. Используйте простой вокабуляр, соответствующий целевой группе испытуемых.

9. При форматировании формы предъявления заданий, используйте такие варианты основного формата, как вопрос, дополнение, лучший ответ, альтернативный выбор, верно/неверное, множественный выбор верно/неверно, соответствие, контекстно-зависимое задание, составные задания, но **ИЗБЕГАЙТЕ** комплексные задания с выбором ответа.

10. Форматируйте задания вертикально (для соблюдения принципа удобочитаемости)

11. Тщательно редактируйте и корректируйте текст.

12. Не допускайте грамматических, орфографических, пунктуационных ошибок.

13. Минимизируйте объем предлагаемого чтения.

14. При формулировании самого задания убедитесь в четкости указаний по его выполнению.

15. Основная идея должна быть в формулировке задания, а не в вариантах ответа (принцип законченности формулировки). Испытуемый должен быть в состоянии понять задачу и дать свой ответ, **НЕ ЗНАКОМЯСЬ** с предлагаемыми вариантами.

16. Избегайте вербальной избыточности в изложении задания.

17. Формулируйте задание в положительной форме, избегайте **НЕ** или **КРОМЕ**. При необходимости использования отрицаний – выделяйте их графически.

18. Формулируя варианты ответа, старайтесь написать максимально возможное число вариантов, хотя исследования говорят о том, что трех вариантов, как правило, бывает достаточно...

19. Только один вариант ответа из предложенных должен быть полностью и безоговорочно верен.

20. Варьируйте месторасположение правильного ответа в группе заданий.

21. Располагайте варианты ответа в логической и порядковой последовательности.

22. Варианты должны быть сформулированы независимо друг от друга и не пересекаться.

23. Варианты ответов должны быть однородны по содержанию и структуре.

23/2. Варианты ответов должны быть грамматически согласованы с формулировкой задания.

24. Тексты вариантов ответа должны быть приблизительно равны по объему.

25. С осторожностью используйте как вариант ответа Ни один из указанных.

26. Избегайте использование варианта ответа Все из указанных. Такой вариант ответа провоцирует угадывание, и может быть подсказкой, если испытуемый знает точно, что верными являются хотя бы два из предложенных вариантов.

27. Избегайте отрицаний в формулировках вариантов ответа.

28. Избегайте подсказок, таких как
 а. Использование определителей, включая такие как всегда, никогда, полностью, целиком.

б. Созвучия с текстом стимула (текста на котором построено задание).

в. Грамматическая непоследовательность.

г. Выделяющаяся (в том числе за счет длины, наличия определенной детализации) формулировка правильного варианта.

д. Пары или тройки вариантов, подсказывающие правильный ответ. Как правило, например, если из трех вариантов ответа два антонимичны, третий точно неверен.

е. дополняющие или уточняющие формулировки.

29. Все дистракторы должны быть правдоподобны и в контекстных заданиях обоснованы его содержанием.

30. Используйте типичные ошибки учащихся при написании дистракторов.

31. Избегайте необоснованное использования юмора, особенно при подготовке заданий для высоко значимых испытаний.

3. Для определения обоснованности и приемлемости представленных заданий, схем и оценочных шкал субъективно оцениваемых субтестов

эксперту необходимо иметь образцы их выполнения во время апробации (в звукозаписи – для устных интервью, или письменные работы испытуемых).

Эксперт

1) устанавливает адекватны ли предлагаемые схемы оценки или оценочные шкалы тем задачам, которые решают испытуемые во время выполнения заданий соответствующих субтестов;

2) применяет предложенные схемы для оценки имеющихся у него образцов выполнения заданий во время апробации;

робации;

3) сравнивает свои оценки с оценками экзаменатора, оценивавшего апробацию.

На основании анализа полученных результатов эксперт делает вывод об обоснованности и приемлемости представленных заданий, схем и оценочных шкал.

4. Обоснованность присвоения весовых коэффициентов тестовым заданиям

Определяется по следующей процедуре: эксперт разрабатывает в соответствии с концепцией теста и субъективной оценкой значимости и сложности заданий собственные шкалы оценивания (в том числе метод перевода необработанных (первичных) баллов) результатов выполнения каждого субтеста и теста в целом, сравнивает их с предложенными авторами. При отсутствии статистически значимых расхождений эксперт делает вывод об удовлетворительной степени обоснованности присвоения весовых коэффициентов тестовым заданиям.

5. Соответствие статистических показателей результатов применения теста установленным параметрам

определяется сопоставлением данных статистической обработки результатов тестирования с принятыми нормативами.

На основании анализа тестовых материалов по пунктам 1–5, эксперт делает вывод о соответствии показателей надежности, валидности и эффективности тестовых материалов.

Представлена самая общая схема организации экспертизы тестовых материалов, на основании которой выстраивается конкретная процедура, в зависимости от определенных условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Purpose, development and performance (2014) Cambridge English Language Assessment/ Research Notes, Issue 55.
2. Сборник научных и учебно-методических трудов. Выпуск 12 / Под общей ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. – М.: Университетская книга, 2015. – С. 322–331.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИКООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗ-е

ORGANIZATION OF PRACTICE-ORIENTED EDUCATION AT THE UNIVERSITY

*G. Tashkeeva
A. Sariyeva
S. Idrisov
B. Abykanova*

Annotation

The Authors conducted a study of the organization of practice-oriented education at the University. The authors note that any educational technology is the implementation of a particular strategy. The introduction of a practice-oriented approach in the educational process due to the need to find appropriate educational technologies – the aggregate of means and methods of training and developing students to successfully implement effective development stated in the standard competence. According to the results of the conducted research the authors note that the implementation of practice-based learning at the University is directed, first, on the approach to the needs of practice and life, and secondly, allows to create conditions for the purposeful formation of competitive specialists.

Keywords: learning organization, UNIVERSITY, student, technology, standard, practice-oriented training specialist.

Ташкеева Гульмира Канатбековна

*К.пед.н., ст. преподаватель,
Казахский национальный
университет им. аль-Фараби*

Сариева Айгул Камзаевна

*К.пед.н., ст. преподаватель,
Казахский Национальный
Исследовательский Технический
Университет, КазНИТУ им. К.И.Сатпаева*

Идрисов Саламат Нурмуханович

*К.пед.н., и.о. проректора по науке
и международной связи. Атырауский
государственный университет
им. Х.Досмухамедова*

Абыканова Бакытгуль Толыбековна

*К.пед.н., и.о. ассоцированного профессора,
Атырауский государственный университет
им. Х.Досмухамедова*

Аннотация

Авторами статьи поведено исследование организации практикоориентированного обучения в ВУЗе. Авторы статьи отмечают, что любая образовательная технология – это реализация определенной стратегии. Внедрение практико-ориентированного подхода в учебный процесс обусловлено необходимостью поиска адекватных образовательных технологий – совокупности средств и методов обучения и развития студентов, позволяющих успешно реализовать эффективное развитие заявленных в стандарте компетенций. По итогам проведенного исследования авторы отмечают, что реализация практико-ориентированного обучения в вузе направлена, во-первых, на приближение к потребностям практики и жизни, во-вторых, позволяет создавать условия для целенаправленного формирования конкурентоспособных специалистов.

Ключевые слова:

Обучение, организация, ВУЗ, студент, технологии, стандарт, практико-ориентированное обучение, специалист.

Современное общество формирует социальную потребность в поколении, способном жить и развиваться в пространстве интеллектеемких, наукоемких, информационно насыщенных технологий; требует развития способности ориентироваться и действовать в постоянно меняющемся мире производства, бизнеса, общественно-политической жизни. В таком обществе решающее значение имеет переход от фундаментальных знаний к инновациям и обеспечение подготовки специалиста к конкретной работе.

В своей лекции в Евразийском Национальном Уни-

верситете имени Л.Н.Гумилева Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев отметил, что ключевым конкурентным преимуществом Казахстана на мировом рынке должен стать высококвалифицированный, мобильный человеческий капитал, а также постоянное внедрение инноваций. Президент отметил, что конкурентоспособные технологии, как стержень инновационной экономики, сами по себе не появляются – это долгий процесс, трудно вынашиваемый плод научных исследований, сложных и затратных экспериментов и идейного озарения ученых [1]. В связи с этим, нам необходимо развивать собственную науку, активно внедрять ее достижения в производ-

ство. Следовательно, в ближайшем будущем нам понадобятся тысячи высококвалифицированных специалистов и дипломированных ученых в новых научно-технических направлениях – биотехнологии, нанотехнологии, космической деятельности и информационно-коммуникационных технологиях.

В настоящее время в мировой науке особенно интенсивно развиваются инновационные технологии, которые требуют незамедлительной разработки новейшего экспериментального и эксплуатационного оборудования и устройств. Следовательно, возникает потребность в совершенно новых для Казахстана специалистах, чья функциональная деятельность до конца еще не исследована. В связи с этим, к современным специалистам предъявляются следующие требования: высокие интеллектуальные способности, профессиональное мышление на основе твердых знаний и понимания всех процессов, физическая, моральная и психологическая устойчивость, профессиональная компетентность, готовность к совершенствованию профессиональных знаний, высокая социальная сознательность, коммуникативная компетентность, информационная культура, дисциплинированность и др.

Развитие прикладных наук, наукоемких технологий ведет к созданию новой экономики – "экономики знаний". Будущее требует коммерциализацию фундаментальных знаний, перестройку системы образования. Не теряя своей фундаментальности, образование должно приобрести новое, практико-ориентированное содержание. На сегодняшний день страна пришла к ситуации, когда в избытке оказалось огромное количество специалистов с высшим фундаментальным образованием, а реальная экономика стала испытывать нехватку квалифицированных практико-ориентированных кадров. Работодатели нуждаются в грамотных специалистах для ведения реального бизнеса, инновационных менеджерах, без которых вообще невозможна коммерциализация наукоемких технологий. В целом, наблюдается диспропорция между постоянно возрастающим спросом специалистов и предложением на рынке труда, между укладом профессионального образования и современным бизнесом.

Цель современного образования заключается в обеспечении развития у обучающихся готовности к саморазвитию и самоуправлению посредством развития ключевых профессиональных компетенций практической работы, востребуемых работодателями, а также формирования понимания того, где, как и для чего полученные компетенции применяются на практике. Сложность подготовки кадров в области новых технологий заключается в том, что должна быть использована, отличающаяся от предыдущих моделей, профессиональная подготовка, основанная на существующем многообразии форм моделей образования.

Образование не может быть практико-ориентированным без приобретения опыта деятельности, уровень которого более точно определяется методами компетентностного подхода.

Компетентностный подход ближе к целям и задачам практико-ориентированного образования, так как определяет поворот к усилению практической профессиональной подготовки студентов, т.е. формирования адаптированных навыков, опыта активной творческой деятельности, эмоционально-волевых отношений к миру, другим людям и самому себе, и главное, опыта практической деятельности через увеличение производственной и научно-исследовательской практики студентов. В компетентностном подходе делается акцент на деятельности в содержании образования. Основным содержанием обучения становятся действия, операции, соотносящиеся с проблемой, которую нужно разрешить. При таком подходе учебная деятельность приобретает исследовательский и практико-преобразовательный характер. В учебных программах деятельностьное содержание образования отражается в акценте на способах деятельности, умениях и навыках, которые необходимо сформировать; на опыте деятельности, который должен быть накоплен и осмыслен студентами. Компетентностную модель выпускника часто представляют как совокупность ожидаемых (желаемых) результатов образования, достижение которых сможет продемонстрировать обучающийся на том или ином этапе освоения основной программы или в виде пакета (набора) компетенций, которые обязан освоить каждый выпускник этой программы. Студент должен при необходимости уметь быстро и безошибочно воспользоваться источниками информации для разрешения тех или иных проблем.

Любая образовательная технология – это реализация определенной стратегии. Внедрение практико-ориентированного подхода в учебный процесс обусловлено необходимостью поиска адекватных образовательных технологий – совокупности средств и методов обучения и развития студентов, позволяющих успешно реализовать эффективное развитие заявленных в стандарте компетенций.

Активное участие в педагогическом процессе обучающихся есть продукт деятельности преподавателя, следовательно, формирование ключевых компетенций возможно при систематическом включении их в различные виды учебной и внеучебной деятельности. Некоторые считают, что для построения практико-ориентированного образования необходим новый деятельностьно-компетентностный подход. В отличие от традиционного образования, ориентированного на усвоение знаний, практико-ориентированное образование направлено на приобретение, кроме знаний, умений, навыков, опыта практической деятельности. В системе общего и профессиональ-

ного образования опыт деятельности приобретает новый смысл. Опыт деятельности является внутренним условием движения личности к цели, он выступает как готовность личности к определенным действиям и операциям на основе имеющихся знаний, умений и навыков. Таким образом, традиционная триада дополняется новой дидактической единицей: "Знания – Умения – Навыки – Опыт деятельности" [2].

В системе высшего образования существует несколько подходов к практико-ориентированному обучению. Одни практико-ориентированное образование связывают с организацией учебной, производственной и преддипломной практик студента с целью его погружения в профессиональную среду, соотнесения своего представления о профессии с требованиями, предъявляемыми реальным бизнесом. Другие считают наиболее эффективным внедрение профессионально-ориентированных технологий обучения, способствующих формированию у студентов значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности, а также знаний, умений и навыков, обеспечивающих качественное выполнение функциональных обязанностей по избранной специальности.

С этих позиций традиционный элемент обучения – практика студентов – приобретает совершенно новый смысл и становится важнейшим элементом программ вузовской подготовки. Необходимо сделать практику действительно непрерывной, преимущественно в одной и той же организации или в одной и той же отраслевой вертикали. В ходе ознакомительной практики студенты овладевают опытом учебно-познавательной деятельности академического типа, где моделируются действия специалистов, обсуждаются теоретические вопросы и проблемы. На производственной практике приобретает опыт профессиональной деятельности в качестве специалиста организации (или его помощника). На преддипломной практике происходит интеграция представлений о деятельности организации, ее бизнес-процессов, вырабатываются предложения, направленные на повышение эффективности производственной деятельности. Разумеется, такая модель непрерывной практики – неосуществима в условиях случайного выбора мест прохождения практик. По нашему мнению, большое значение имеет поиск постоянных бизнес-партнеров (работодателей) и организация у них филиалов кафедр. В этом случае достаточно быстро возникает обратный процесс. Работодатели начинают рассматривать конкретных студентов как свой кадровый резерв и вносят предложения по улучшению содержания конкретных дисциплин, затем – рабочих и учебных программ.

Современные требования к подготовке компетентного специалиста приводят к тому, что производственная и научно-исследовательская практики должны проходить

на базе новейшего, дорогостоящего оборудования. Поэтому базы практик должны быть подобраны в соответствии с реальными запросами производств и обладать всеми необходимыми ресурсами для совершенствования умений и навыков будущих специалистов.

Изучение опыта организации профессионального образования показывает, что принципиальным в подготовке специалиста является ее практико-ориентированный характер. Это выражается в целом ряде особенностей, из которых наиболее важными являются: общее количество часов, отведенных на практическое образование (до 50 % времени обучения в университете); использование в обучении определенных (креативных) методов (метод проблемно-ориентированного обучения, метод проектов и др.); ориентация обучения на работу в группе, команде; интеграция учебных предметов как "способ приближения" учебной (аудиторной) ситуации к реальной, фактической, способ задания целостного представления о будущей профессиональной деятельности и ее крупных фрагментах; руководство практики должно обеспечиваться опытным наставником. Для успешной организации практики необходимо откорректировать рабочие программы по практике. Структура заданий должна быть системной, обладающая многими системообразующими принципами, но должен быть еще один принцип – принцип динамизма. Все рабочие задания должны быть связаны единой внутренней логической линией.

Мы убеждены в том, что для построения практико-ориентированного образования необходим новый, деятельностно-компетентностный подход. Вектор деятельностного подхода направлен к организации процесса обучения, технологиям практико-ориентированного образования, где весь процесс обучения приобретает деятельностный характер. А компетентностный подход ориентирован, прежде всего, на достижение определенных результатов, приобретение значимых компетенций. Овладение же компетенциями невозможно без приобретения опыта деятельности, т.е. компетенции и деятельность неразрывно связаны между собой. Компетенции формируются в процессе деятельности и ради будущей профессиональной деятельности. В этих условиях процесс обучения приобретает новый смысл, он превращается в процесс учения (научения), т.е. в процесс приобретения знаний, умений, навыков и опыта деятельности с целью достижения профессионально и социально значимых компетенций.

В докладе международной комиссии по образованию для XXI века "Образование: скрытое сокровище" говорится, что обучение на протяжении всей жизни будет одним из ключевых компетенций: опираясь на четыре базовых принципа, положенных в основу образования, – учиться жить, учиться познавать, учиться делать и учиться сосуществовать деятельностно-компетентностный

подход может стать эффективной методологией построения практико-ориентированного образования [3].

Концептуальные основы того, что можно назвать "активным обучением", были сформулированы еще в начале XX века. Традиционной системе образования, основанной на приобретении и усвоении знаний, нужно противопоставить обучение "путем делания", чтобы новые знания извлекались человеком из практической деятельности и личного опыта. В 1950–1960 годах подобные идеи активно развивались. В результате оформились две концепции: "пирамида обучения" (learning pyramid) и "конус опыта Эдгара Дейла" (Dale's cone of experience). Они подтверждают древнюю мудрость, сформулированную в китайской пословице: "Скажи мне – и я забуду. Покажи мне – и я запомню. Позволь мне сделать – и это станет моим навсегда". "Конус опыта" американского педагога Эдгара Дейла (Edgar Dale) наглядно иллюстрирует, каких разных образовательных результатов можно добиться, используя различные средства или "носители" (media) содержания обучения (рис. 1). Эта версия "конуса" относится к более поздним публикациям.

К концу 1970-х годов по результатам исследования Национальной тренинговой лаборатории США была сформулирована так называемая концепция "пирамиды обучения". Она также демонстрирует зависимость между методами обучения и степенью усвоения материала. Становится очевидным, что классическая лекция (монолог преподавателя, который не сопровождается слайдами и другими иллюстрациями) – наименее эффективный

метод обучения: он обеспечивает освоение в среднем около 5% содержания. В то же время "активное обучение" (вовлечение участников образовательного процесса в различные виды активной деятельности) позволяет добиться значительно лучших результатов (рис. 2).

На различных этапах развития системы образования использовались несколько ключевых методических подходов к обучению: практика; трансляция материала; разбор и анализ ситуаций; игра; имитация; проект. Однако эти классические подходы к обучению имеют недостатки: при ограничении обучения формированием практических навыков обучающиеся могут недополучить нужные знания; при ограничении обучения трансляцией готовых знаний обучающиеся получают оторванное от реалий жизни образование. Чтобы минимизировать эти недостатки и повысить эффективность обучения были предложены новые подходы.

Разбор и анализ ситуаций. Этот метод появился в Гарвардском университете; первоначально он использовался при подготовке врачей. Суть метода – выделение из практической деятельности типовых ситуаций. Обучающиеся анализируют ситуации, а затем предлагают свои решения и формулируют сценарии развития событий. При этом у них формируются профессиональное мышление и способность принимать решения в ряде типовых профессиональных ситуаций.

Игровые методы. Наиболее популярными стали ролевые игры, задачей которых является демонстрация моде-

Рисунок 1. "Конус опыта".

Рисунок 2. "Пирамида обучения".

лей поведения в типовых профессиональных ситуациях либо на определенном рабочем месте.

Имитация. В основе имитационных методов обучения лежит модель, построенная на основании норм и правил реальной практической деятельности. Принимая участие в имитационной игре, обучающийся получает возможность освоить профессиональные процедуры и инструменты работы, а также сформировать представление о целостном устройстве определенной сферы деятельности. Этот метод часто называют "симуляцией", "симулятором" или "имитационной игрой".

Проект – один из наиболее эффективных методов обучения. Суть проектного подхода заключается в том, что обучающийся встраивается в систему коллективных работ, направленных на решение реальной практической задачи. Проектируя развитие ситуации, анализируя данные, он получает возможность освоить способ выполнения соответствующих работ. Групповая форма организации учебного проекта вынуждает участников организовывать совместную деятельность и налаживать рабочие коммуникации, то есть научиться действовать в команде.

Для повышения эффективности процесса обучения и обогащения образовательной среды разработчики современных образовательных технологий одновременно применяют несколько методов обучения. Использование инноваций с учетом современного уровня развития информационных и коммуникационных технологий позволяет повысить эффективность образовательных программ.

Инновационная образовательная технология – это комплекс из трех взаимосвязанных составляющих:

1. Современное содержание, которое передается обучающимся, предполагает не столько освоение пред-

метных знаний, сколько развитие компетенций, адекватных современной бизнес-практике. Это содержание должно быть хорошо структурированным и представленным в виде мультимедийных учебных материалов, которые передаются с помощью современных средств коммуникации.

2. Современные методы обучения – активные методы формирования компетенций, основанные на взаимодействии обучающихся и их вовлечении в учебный процесс, а не только на пассивном восприятии материала.

3. Современная инфраструктура (технические средства) обучения, которая включает информационную, технологическую, организационную и коммуникационную составляющие, позволяющие эффективно использовать преимущества дистанционных форм обучения.

Таким образом, реализация практико-ориентированного обучения в вузе направлена, во-первых, на приближение к потребностям практики и жизни, во-вторых, позволяет создавать условия для целенаправленного формирования конкурентоспособных специалистов.

Известно, что в каждой выпускной группе есть студенты, которые устраиваются на работу в те организации, где проходили практику. Каждый работодатель желает принять на работу готового специалиста, с опытом работы. Очевидно, что практика является основной "копилкой" опыта, и направлена на приобретение практического опыта по виду профессиональной деятельности. Это обеспечивает готовность будущего специалиста к работе в команде; умение презентовать себя, постепенное погружение в реальную профессиональную среду, что способствует более быстрой адаптации выпускников на рабочем месте и в профессиональной среде.

Реализация практико-ориентированной системы

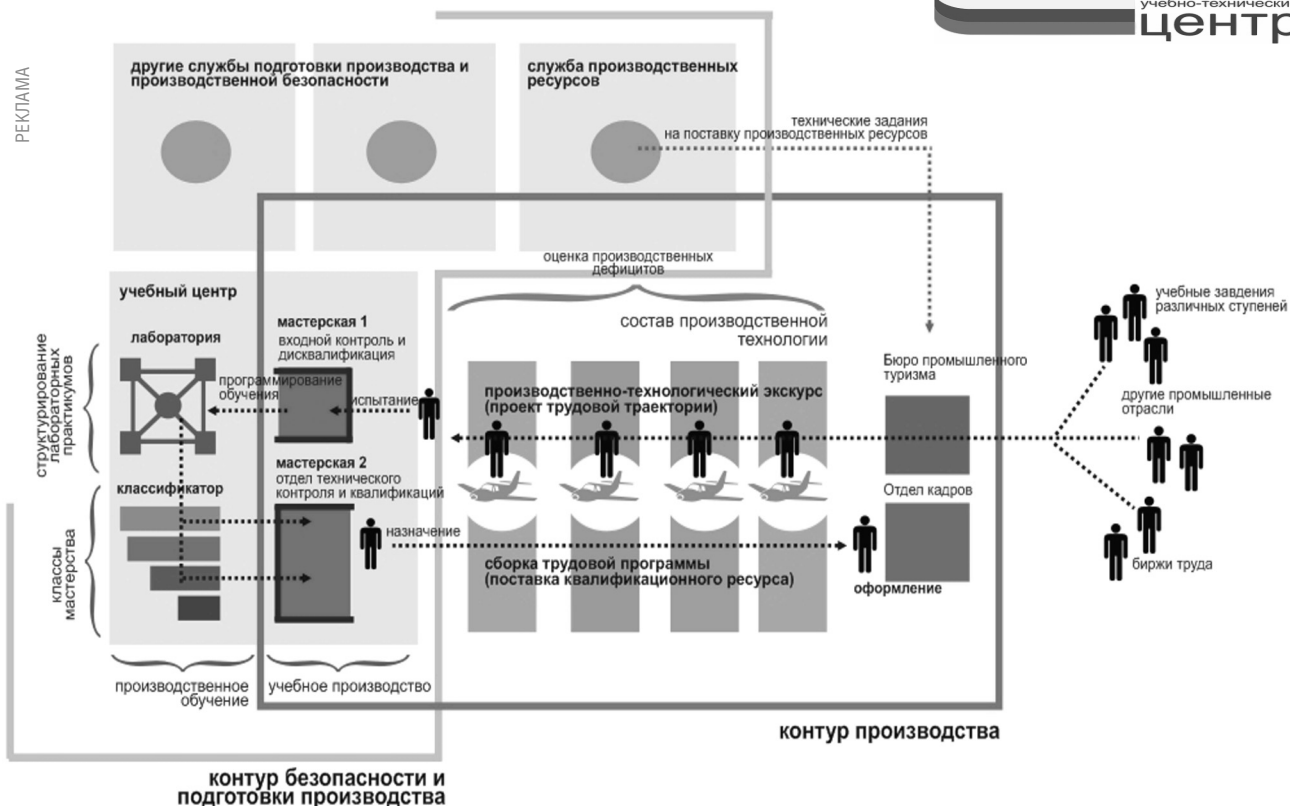
подготовки инновационно-компетентного специалиста, акцентирующего внимание на результате образования, когда в качестве результата рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных ситуациях, направлена на улучшение взаимодействия с рынком труда, повышение конкурентоспособности специалистов, обновление содержания, методологии и соответствующей среды обучения. Следовательно, данный подход позволяет значительно повысить эффективность обучения. Этому способствует

система отбора содержания учебного материала, помогающая студентам оценивать значимость, практическую востребованность приобретаемых знаний и умений. В практико-ориентированном учебном процессе применяется имеющийся у обучающихся жизненный опыт, а также формируется новый опыт на основе приобретаемых компетенций. Данный опыт становится основой развития студентов. Таким образом, формируется идеальная модель конкурентоспособной личности будущего специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекция Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева в Евразийском Национальном Университете имени Л.Н.Гумилева.
2. Ялалов Ф. Г. Деятельностно-компетентный подход к практико-ориентированному образованию // Интернет-журнал "Эйдос". - 2007. - 15 января. <http://www.eidos.ru/journal/2007/0115-2.htm>.
3. Образование: сокрытое сокровище (Learning: The Treasure Within) Основные положения Доклада Международной комиссии по образованию для XXI века МОО ВПП ЮНЕСКО "Информация для всех" Издательство ЮНЕСКО 1996
4. Купаевцев А.В. Деятельностная альтернатива в образовании // Педагогика, № 10. - 2005. - С. 27-33.

© Г.К. Ташкеева, А.К. Сариева, С.Н. Идрисов, Б.Т. Абыканова, (tashkeeva@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ВРАЧА

Юсупов Ильмир Ринатович
Аспирант,
ст. преподаватель, БГМУ

ATHLETIC-HEALTH ACTIVITY AS MEANS OF FORMING OF SUBJECT POSITON

I. Yusupov

Annotation

During professional training of future doctors subject qualities of the personality can be shown and be fixed in process of improving activities fully. Sports and improving activities at medical university help to enhance system of the relations of the person to professional activity, promote subject development, motivate to maintaining a healthy lifestyle, to recognition of health with the main value, establish aspiration to enhancement. Also sports and improving activities act as acceptance by impact space on subjects of training for the purpose of forming of system of professionally important qualities, promote acquisition of the certain personal qualities necessary for future doctor for effective professional activity.

In article forming of a subject line item of future doctor in sports and improving activities is analyzed; the model of process of its forming at future doctors on classes in physical culture, the analysis of formation and solvency of such work is stated.

Keywords: subject, subject line item, sports and improving activities, professional activity, sports and improving technologies.

Аннотация

В ходе профессиональной подготовки будущих врачей субъектные качества личности могут в полной мере проявляться и закрепляться в процессе оздоровительной деятельности. Физкультурно-оздоровительная деятельность в медицинском университете помогает усовершенствовать систему отношений человека к профессиональной деятельности, способствует субъектному развитию, мотивирует к ведению здорового образа жизни, к признанию здоровья основной ценностью, устанавливает стремление к совершенствованию. Также физкультурно-оздоровительная деятельность выступает приемом пространством воздействия на субъекты обучения с целью формирования системы профессионально важных качеств, способствует приобретению определенных личностных качеств, необходимых будущему врачу для эффективной профессиональной деятельности.

В статье анализируется формирование субъектной позиции будущего врача в физкультурно-оздоровительной деятельности; излагается модель процесса формирования её у будущих врачей на занятиях по физической культуре, анализ сформированности и состоятельности такой работы.

Ключевые слова:

Субъект, субъектная позиция, физкультурно-оздоровительная деятельность, профессиональная деятельность, физкультурно-оздоровительные технологии.

Сегодняшнее медицинское образование основной своей задачей ставит реализацию профессиональной составляющей развития личности врача. Профессионализация будущего врача на этапе обучения в вузе имеет немаловажное значение с целью выстраивания студентом собственной траектории профессионального развития и удовлетворенности результатами учебной, а в будущем и профессиональной деятельности. [5, с. 1] Профессионализация, это процесс осмысления и обоснованный выбор молодым человеком профессии вида деятельности. Который по возможности соответствующей его индивидуальным склонностям и способностям, изучение теоретических и практических основ, что в свою очередь способствует формированию и осознанию себя как профессионала.

Особую роль в обновлении системы здравоохранения страны приобретает значимость формирования профессиональной субъектной позиции будущего врача, поскольку квалифицированные кадры являются основой

этой системы. В связи с этим актуальным становится переход от традиционной модели высшего медицинского образования, в которой преобладали информационно-накопительные принципы, к личностно-ориентированной модели, способствующей формированию у будущего врача способности к решению нестандартных профессиональных задач, к творческому мышлению, позволяющих реализовать гуманистический принцип: лечить больного, а не болезнь.

По мнению ряда исследователей наиболее оптимальной является ориентация педагогических коллективов на трехпарадигмальную основу образования в единстве когнитивно-ориентированной, деятельностной и личностно-ориентированной образовательных парадигм. "Такой подход обусловлен целевыми установками современного образования, которые носят трехкомпонентный характер: в профессиональной области – профессиональная компетентность, в общественной жизни – успешная социализация личности, в личностной сфере – самоидентифи-

кация, осознание человеком собственной самооценности, проявление рефлексивных действий, личностной активности как в целеполагании, так и в деятельности в целом". [2] Следовательно, формирование профессиональной субъектной позиции, которая включает указанные составляющие является одной из основополагающих задач в подготовке будущего врача.

"Профессиональная субъектная позиция личности – качественно новый уровень развития ее субъектности, это устойчивая сложно структурированная система отношений человека к профессиональной деятельности, к самому себе, как к субъекту этой деятельности, и к другим, как к субъектам жизнедеятельности, проявляющаяся в соответствующем поведении", – определяет Н.Ф. Терегулова, подчеркивая важную роль субъектной позиции в сфере профессиональной деятельности.

Подготовка студентов к профессиональной деятельности должна быть направлена не только на получение знаний, умений и навыков, но и на профессионально-личностное развитие, которое в свою очередь должно осуществляться через формирование профессиональной субъектной позиции студента.

Субъектная позиция – интегральная характеристика качества подготовки студентов к социальному взаимодействию, их способность целевого осмысленного применения комплекса знаний, умений, возможность установления связей между знаниями и ситуациями, это способность найти, обнаружить знание и действие (В.М. Басова). Мы не полностью согласны с этим определением и хотим уточнить, что она характеризуется стремлением к идентичности, или, наоборот, к индивидуализации.

Как отмечает Б.А. Ясько, врачебная деятельность предъявляет субъекту учебного процесса специфические требования, требующие от студента разносторонней образованности, непрерывности процесса профессионализации, выполнения многообразных и сложных по структуре и технике исполнения видов деятельности и действий. [10, с.7] Врач должен обладать не только профессиональными медико-биологическими знаниями, умениями и навыками, но также определенными личностными качествами, коммуникативными навыками и умениями, необходимыми врачу для эффективного медицинского взаимодействия. Процесс профессионального становления личности предполагает использование совокупности приемов социального воздействия, включение в различные виды деятельности, цель которых формирование системы профессионально важных качеств. [3, с.12]

По результатам опроса преподавателей БГМУ мы пришли к выводу о том, что для будущего врача в формировании профессиональной субъектной позиции важны:

- ◆ наличие мотивов самоутверждения в профессиональной деятельности и отношениях;
- ◆ стремление к самосовершенствованию;
- ◆ признание необходимости постоянного повышения своего профессионального потенциала;
- ◆ гибкое чуткое отношение к себе и коллегам, пациентам;

- ◆ самоанализ, саморегуляция в профессиональных и жизненных ситуациях.

Профессионально важные качества для будущего врача представляют собой отдельные динамические черты личности, отдельные психические свойства, а также физические качества, соответствующие требованиям к врачу. Для профессионала очень важно самопознание, поскольку оно помогает использовать личностные качества для достижения профессионального успеха [3 с.54]. Хотим добавить, что для профессионала также важны такие качества как: саморазвитие, самообладание и стремление к самосовершенствованию.

Профессия врача имеет существенные отличия от других видов деятельности, поэтому при формировании профессиональной субъектной позиции будущего врача важно признание им здоровья основной ценностью, что находит отражение в ведении здорового образа жизни.

Одно из главных требований к высшему медицинскому образованию – "производить" не только знающих, но и социально активных специалистов (И.И. Брехман), ориентированных на сохранение, укрепление и формирование здоровья как важнейшего фактора выполнения жизненных целей и самосовершенствования. Основой ответственного в отношении здоровья поведения студента является субъектная позиция оздоровительной направленности, отражающаяся во внутренней картине здоровья субъекта, включающей интеллектуальные представления, ценностное отношение, эмоциональные переживания и поведение в форме позитивно-активного стремления к совершенствованию здоровья.

С этих позиций формирование компетентности здоровьесбережения занимает особое место в образовательном процессе медицинского университета. [7, с.46] Образовательный процесс должен быть ориентирован на здоровье, чего можно достичь путем организации физкультурно-оздоровительной работы. Проектирование образовательного процесса на основе физкультурно-оздоровительной технологии обуславливает систему подготовки студентов, которая состоит в организации и создании условий, своеобразных моделей отраженного поведения, обеспечивающих ее эффективность. Наш опыт показывает, что формирование субъектной позиции будущего врача наиболее эффективно развивается в деятельности учебных групп в таких физкультурно-оздоровительных ситуациях как "проявление организационных и лидерских качеств в команде", "взаимопомощь", "сотрудничество", "готовность к действию, взаимодействию", "принятие решения", "достижение поставленных целей", "стремление к совершенствованию", "реализация своих актуальных возможностей", "устранение психологических препятствий", "установление связей между действиями и результатом". Указанные ситуации, создаваемые в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности позволяют субъекту учебного процесса сознательно и позитивно видоизменять как окружающую социальную среду, так и самого себя. Главная задача преподавателя заключается в построении такого образовательного процесса, в котором проявлялась бы субъектная позиция

обучающегося, обозначились бы его индивидуальные образовательные предпочтения и раскрылись его способности и возможности. Сам же преподаватель перестает быть для студентов транслятором готовых знаний. Он управляет учебным процессом, координирует и корректирует деятельность студентов и сам становится участником познавательного взаимодействия". [8 с.95] Именно тогда начинается субъектное развитие, осуществляется субъективная оценка вероятности достижения успеха и значимости активного отношения студентов к процессу физкультурно-оздоровительной деятельности.

В плане разработки действенной системы формирования субъектной позиции будущего врача мы также применяем интерактивные методы обучения (кейс – технологии), проблемные лекции, спортивно-оздоровительные мероприятия всесторонне развивающего характера, интерактивные семинары. С данными разработками можно ознакомиться более подробно на сайте кафедры. Преподаватель, как мы считаем, обязан воспитывать у студентов особое мировоззрение, отвечающее неординарным задачам будущей профессии, учить применять приобретенные знания и опыт в будущей практической деятельности, давать субъективную оценку достижениям, повышать мотивацию к стремлению к самосовершенствованию. Также учитывается, что личностное развитие носит индивидуальный характер, а потому необходимо реализовываться индивидуальный план работы с каждым студентом. При этом мы исходим из того, что обучающиеся уже являются носителями субъектного опыта. Сам же ход физкультурно-оздоровительной деятельности вызывает личностную регуляцию студента поведения на основе этого опыта и способствующего его обогащению. Студент ставится в условия, когда необходимо самостоятельно и осознанно ставить личностно-значимые цели, определять и оценивать свое собственное развитие.

Именно для этого процесс физкультурно-оздоровительной деятельности обогащается ситуациями, актуализирующими субъектные и другие личностно значимые свойства обучающихся. Иными словами формирование субъектной позиции будущего врача в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности базируется на целенаправленном и системном приобретении студентами опыта реализации личностных качеств.

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу о том, что в ходе профессиональной подготовки будущих врачей субъектные качества личности могут в полной мере проявляться и закрепляться в процессе оздоровительной деятельности. При этом, активные образовательные стратегии способствуют расширению диапазона проявления субъектности как цели и результата обучения. Учебный процесс выступает приемом воздействия на студентов с целью формирования системы профессионально важных качеств, способствует приобретению определенных личностных качеств, необходимых будущему врачу для эффективной профессиональной деятельности.

Физкультурно-оздоровительная деятельность в медицинском университете помогает усовершенствовать систему отношений человека к профессиональной деятельности, способствует субъектному развитию, мотивирует к ведению здорового образа жизни, к признанию здоровья основной ценностью, устанавливает стремление к совершенствованию.

Также физкультурно-оздоровительная деятельность выступает приемом пространством воздействия на субъекты обучения с целью формирования системы профессионально важных качеств, способствует приобретению определенных личностных качеств, необходимых будущему врачу для эффективной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхина А.И. Бондаренко Е.В. Технология формирования профессионально-субъектной позиции у студентов медицинского вуза: Учебное пособие для системы дополнительного профессионального образования преподавателей медицинских вузов. – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ. – 2010. – 136 с.
2. Амиров А.Ф., Хусаенова А.А., Насретдинова Л.М., Газимов А.Х. – Самообучение на кафедрах Башкирского государственного медицинского университета, ГБОУ ВПО Башкирский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Уфа, РБ, Россия
3. Амиров А.Ф., Амирова Л.А. Трехпарадигмальная основа системы профессиональной социализации студентов в высшей школе: Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова № 4 / том 20 / 2014
4. Басов Н.Ф., Басова В.М. Основы социальной работы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений.
5. Жмаев А.Ф., Набродов Г.М., Психолого-педагогические аспекты формирования компетентности здоровьесбережения у студентов медицинского вуза: Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии / Сб. ст. по материалам XLII междунар. науч.-практ. конф. № 7 (42). Новосибирск: Изд. "СибАК", 2014. 90 с.
6. Климов Е.А. Психология профессионала. М., Воронеж, 1996. С. 3–108.
7. Марищук В.Л. Психологические основы формирования профессионально важных качеств: Автореф. дисс. на соис. степ. доктора псих. наук, Л., 1982.
8. Мурзагалина Л.В. Первичная профессиональная социализация будущих врачей на этапе обучения в вузе: Автореф. дисс. на соис. уч. степ. кандидата пед. наук, Уфа, 2010
9. Юсупов И.Р., Гизетдинова Л.Р. Профессиональные компетенции будущего врача: Инновационное развитие современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 256 с
10. Ясько Б.А. Психология медицинского труда: личность врача в процессе профессионализации: Автореф. дисс. на соис. степ. доктора псих. наук, Краснодар, 2004

КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ АГГЛЮТИНАТИВНОГО ЯЗЫКА (на примере османского языка)

Аврутина Апполинурия Сергеевна

К.филол.н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный
университет

A QUANTITATIVE APPROACH
TO THE ANALYSIS
FOR THE MORPHONOLOGICAL
SUBSYSTEM OF AN AGGLUTINATIVE
LANGUAGE (upon the material of the
Ottoman language)

A. Avrutina

Annotation

This article is devoted to the analysis of the quantitative and typological characteristics for the morphonological subsystem of the Ottoman language. Formal calculations of the recognized Ottoman and modern Turkish texts (Namık Kemal's novel "The Adventures of Ali Bey or Precaution" ("Serguzest-i Ali Bey, veya Intibah", published in 1876) have been made for this analysis. The number of Arab-Persian lexical and grammatical borrowings in the Ottoman language at the beginning of the XX century exceeded 75% in the area of vocabulary. This sharply separate layer of vocabulary and service morphemes functioned under the special rules. The usage of it by speakers had much in common with the usage of a foreign language, i.e. foreign-language tokens did not submit Turkic phonological and morphonological laws. Counting of morphonological index made it possible to formalize some signs of this agglutinative language. In addition, the analysis showed the degree of compliance of two texts to primordially Turkic phonological and morphonological laws. The mixed nature of the language, the presence of elements borrowed from the inflected languages complicate the perception of texts in the Ottoman language by modern speakers. The results obtained in the process of analyzing the indices have provided quantification of these processes. This article is one of a series of publications in the framework of the project on the development of the Turkish language in a historical perspective.

Keywords: Turkic linguistics; Turkic languages; Ottoman language; morphophonology, morphonological subsystem; agglutinative languages; statistical structure; method indexical typology.

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу квантитативно-типологических характеристик морфонологической подсистемы османского языка. Для указанного анализа были произведены формальные подсчеты на распознанном османском и современном турецком текстах (роман Намыка Кемаля "Приключения Али-бея или Предосторожность" ("Serguzest-i Ali Bey, veya Intibah"), 1876 г.). Число арабо-персидских лексических и грамматических заимствований в начале XX в. превышали в сфере лексики 75 %. Этот резко обособленный слой лексики и служебных морфем функционировал по особым правилам. Обращение с ним со стороны носителей языка имело общие черты с использованием иностранным языком, другими словами, иноязычные лексемы не подчинялись тюркским фонологическим и морфонологическим законам. Подсчет морфонологических индексов дал возможность формализовать некоторые признаки агглютинативного языка. Кроме того, анализ показал степень соответствия разновременных текстов исконно-тюркским фонологическим и морфонологическим законам. Смешанный характер языка, наличие элементов, заимствованных из флективных языков, затрудняют восприятие текстов на османском языке современными носителями. Полученные в процессе анализа индексы позволили получить количественное выражение этих процессов. Настоящая статья является одной из серии публикаций в рамках проекта, посвященного развитию турецкого языка в исторической перспективе.

Ключевые слова:

Тюркская лингвистика; тюркские языки; османский язык; морфонология, морфонологическая подсистема; агглютинативные языки; статистическая структура; метод индексальной типологии.

Подход, принятый в настоящей статье, опирается на идеи Дж.Гринберга [1], который, в свою очередь, развил представления о типологических постулатах, предложенных Э.Сепиром [2]. Главной идеей здесь является представление о том, что ни один язык на земле не является типологически "чистым". Иными словами, в каждом языке можно обнаружить черты иного ти-

пологического класса, например, в агглютинативном языке встречаются черты флективных языков и т. п. Показательным в этом отношении является османский язык – литературный язык Османской империи до XX в.

Главной особенностью этого языка было обилие (в некоторые периоды до 90 % от общего объема словаря)

лексических и нередко синтаксических арабо-персидских заимствований. Этот литературный язык начал складываться на рубеже XV – XVI вв. на основе староанатолийско-тюркского языка (языка огузо-сельджукских тюркских племен, которые жили в Средней Азии, но в X в. были вытеснены оттуда иными тюркскими племенами – уйгурами). Литературным османским языком пользовались лишь в особенных случаях: для официальной, деловой переписки, для ведения судебных бумаг и т.п. В повседневном обиходе использовался более "тюркский" по лексике язык – тюркю, на который литературный язык также оказал существенное влияние: в нем также велико было число заимствований (1), обильно использовались различные арабские и персидские синтаксические конструкции (2), чуждые структуре тюркских языков. В этом смысле османский язык носил смешанный характер, пользование некоторыми его компонентами было сопоставимо с использованием носителями иностранным языком.

Еще один важный фактор характеризует положение иноязычных заимствований в османском языке. Венгерский тюрколог Ю. Немет назвал лексическим состав османского языка "двойной языковой системой" [3, 153 – 199]. В XIII–XIX вв. османский язык в условиях мощного влияния ираноязычной и арабоязычной культур представлял собой, как уже упоминалось выше, смешанный язык. Число арабо-персидских лексических и грамматических заимствований в начале XX в. превышали в сфере лексики 75 %. Этот резко обособленный слой лексики и служебных морфем функционировал, как отметил Ю. Немет, по особым правилам. Обращение с ним со стороны носителей языка имело общие черты с использованием иностранным языком, другими словами, иноязычные лексемы не подчинялись тюркским фонологическим и морфонологическим законам.

В рамках настоящего исследования был проведен сравнительный анализ морфонологических количественных показателей новоосманского языка (османский язык XIX – XX вв.) Для исследования был взят текст романа "Приключения Али-бея или Предосторожность" ("Serguzest-i Ali Bey, veya Intibah"), который принадлежит перу Намыка Кемаль и был впервые опубликован в 1876 г.. По уровню сложности рассматриваемый текст представляет собой "средний уровень": роман, конечно же, не написан разговорной речью, но и витиеватых многоуровневых конструкций, сложной лексики в его тексте также нет. Намык Кемаль являлся одним из реформаторов литературного османского, будущего турецкого языка, сделавшим немало для упрощения его лексического состава для понимания среди читателей широкого круга. В рамках настоящего исследования этот текст был сопоставлен с идентичным текстом на современном турецком языке: с переводом указанного романа на современный

турецкий язык. Интервал между двумя текстами составляет приблизительно 100 лет.

Представляется, что сравнение двух такого рода генетически связанных текстов оправданно для выявления типологически значимых различий, и поэтому для анализа был использован метод индексальной типологии [4]. Согласно этому методу типологические индексы по своей логической природе могут отличаться друг от друга, однако если набор индексов является оптимальным, а текст – репрезентативным, то результат квантитативно-типологического исследования реализуется как установление множества признаков, полученных в виде индексов, которые дают комплексную многостороннюю типологическую характеристику рассматриваемого языка с учетом "веса" каждого из учитываемых явлений [4, 8].

Исследование морфонологических показателей вызвано тем, что в агглютинирующих языках именно морфонологические характеристики определяют порядок функционирования многих грамматических категорий. Например, с агглютинацией тесно связан такой важный для обеспечения коммуникации механизм, как сингармонизм. Не существует сингармонизма в неагглютинирующих языках, и не существует за редчайшими исключениями, агглютинирующих языков без сингармонизма. При этом усиление или ослабление сингармонизма влечет за собой усиление или ослабление агглютинации [5, 128]. В то же время сингармонизм является средством для оформления и выделения слов в речевом потоке, и, если агглютинация пользуется еще какими-либо средствами для оформления слов, кроме сингармонизма, она вполне может обойтись без сингармонизма как основного средства [6, 299], что может быть свойственно языкам смешанного типа, к которым относится и язык рассматриваемого текста.

В тексте, написанном на османском языке, был рассмотрен отрывок длиной в 1551 лексем. Подсчеты показали, что среди рассмотренных лексем 830 имеют собственно тюркское происхождение; 597 были заимствованы из арабского языка, 119 – из персидского, а оставшиеся 5 – из других иностранных языков. Таким образом, в процентном соотношении в исследуемом тексте 53% слов имеют тюркское происхождение, 38% – арабское, 8% – персидское, а 1% – из других иностранных языков (итальянский, греческий, французский).

В тексте, написанном на современном турецком языке, было рассмотрено 1516 лексем. Среди них, 1140 – собственно тюркские лексемы, 252 лексем – заимствованы из арабского языка, 112 – из персидского, 12 – из других иностранных языков. В процентном соотношении, в исследуемом тексте 74% турецких слов, 17% арабских, 8% – персидских, 1% – из других иностранных языков.

Также в тексте, написанном на османском языке, было исследовано общее количество морфем в тюркских словах. Согласно данным, приведенным в таблицах, 324 основы не имеют аффиксов, 260 слов имеют один аффикс, 203 слова – два аффикса, 45 слов – три аффикса, 11 слов – четыре аффикса, и 2 слова – пять аффиксов. В рассмотренном отрывке наибольшее количество составляют слова без аффиксов (324 слова).

Частым спутником агглютинации и одним из компонентов сингармонизма является гармония гласных, которая подразумевает сохранение постоянных качеств гласных, и иногда ведет к сохранению постоянных качеств согласных, формирует регулярность появлений тех или иных гласных и согласных в тех или иных словоформах. Гармония гласных является, вероятно, результатом стремления агглютинативных языков к сокращению количества вариантов однозначных аффиксов, поскольку большое количество аффиксов затрудняло бы их оперативное вычленение в речевом потоке и смысловую анализ. Гармония гласных представляет собой языковое средство, которое и создает препятствия для возникновения многообразия форм падежных и словообразовательных аффиксов. Кроме того, подчинение всех слов и словоформ сингармонизму и одному из его компонентов – закону гармонии гласных является организующим и упорядочивающим фактором не только для словоформ, но и для слов, что позволяет говорящему с легкостью ориентироваться в лексических пластах [7, 13].

Известно, что для большей части тюркских языков ослабление гармонии звуков неизбежно вызывает нарушение и как бы ослабление агглютинации, не нарушая все же ее устойчивости [8, 131]. Таким образом, фонетические правила, действовавшие в пределах тюркских лексем и формантов, попросту не распространялись на арабо–персидские элементы. Показатели именных грамматических категорий пользуются либо двухвариантными (построены по принципу следования небной гармонии гласных), либо четырехвариантными (построены по принципу следования губной гармонии гласных). Количество двухвариантных показателей именных категорий в османском тексте – 335, количество четырехвариантных показателей – 431. Арабо–персидские элементы правила сингармонизма игнорируют, аффиксальные показатели присоединяются исходя из качества последней гласной основы. Для сравнения в современном турецком языке количество показателей именных категорий следующее: двухвариантных аффиксов – 463, количество четырехвариантных аффиксов – 646.

Можно предположить, что в данном сопоставлении количественные показатели сигнализируют о том, что текст на современном турецком языке является более легким для восприятия, чем текст на османском языке.

Рассмотрим теперь лексику из перевода романа Намыка Кемаля на современный турецкий язык. Среди 1140 рассмотренных слов тюркского происхождения 218 (19%) слов являются односложными, 313 (27%) – двусложными, 327 (29%) – трехсложными. 209 (18%) – четырехсложными, 59 (5%) – пятисложными, 17 (2%) – шестисложными. Таким образом, в исследуемом отрывке наибольшее количество слов являются трехсложными (29%).

Также был произведен подсчет морфем в выбранном отрывке современного турецкого текста. Согласно данным, приведенным в таблице, количество слов без аффиксов равно 398, количество словоформ с одним аффиксом – 263, количество словоформ с двумя аффиксами – 216, с тремя аффиксами – 150, с четырьмя аффиксами – 85, с пятью аффиксами – 21, с шестью аффиксами – 5. Согласно проведенному подсчету, наибольшее количество слов являются безаффиксальными (398).

В исследовании Л.Г.Зубковой [9] приводятся данные, полученные на материале различных языков по средней длине слов разных классов в художественных текстах (в слогах и фонемах). Согласно этим данным, в тюркских языках преобладает длина слова 1–3 слога, а кроме того, в тексты, длина слова в которых не превышает два–три слога, являются более легкими для восприятия. Среди собственно тюркских 830 слов, представленных в османской версии романа, 182 (22%) слова являются односложными, 278 слов (33%) – двусложные, 234 слова (28%) – трехсложные, 114 слов (13%) – четырехсложные, 32 слова (3%) – пятисложные, 8 слов (1%) – шестисложные. Наибольшее количество представляют двухсложные слова, составляющие 33% от общего количества слов. В иноязычных словах насчитывается три и более слогов. В современном турецком тексте, в сравнении с текстом–оригиналом, количество односложных слов возросло на 36, количество двусложных слов – на 32, трехсложных – на 93, четырехсложных – на 95, пятисложных – на 27, а шестисложных – на 9. Таким образом, можно опять говорить о сравнительной легкости восприятия текста на современном турецком языке.

Согласно распространенному суждению, тюркским языкам свойственна большая изменчивость, тогда как языки другого строя, например, флективные, подобную изменчивость не демонстрируют [10, 31–33]. В то же время история развития османского языка демонстрирует и другие причины для изменчивости: в различные периоды под воздействием политических либо идеологических причин османско–турецкое общество проявляло стремление отказаться от употребления иностранных языков в литературе, деловом обиходе, юриспруденции и других сферах. Нередко такие настроения были связаны с определенными историческими событиями, вызвавшими

ми рост национального самосознания. После неудачного участия Турции в Первой мировой войне, падения султана, революции и национально-освободительного движения была основана Турецкая Республика.

В 1923 г. в Турецкой Республике было создано Турецкое лингвистическое общество, в задачу которого и в наши дни входит очистка турецкого языка от арабо-персидских элементов и замена их турецкими словами на базе материала древних тюркских языков.

Начатый в двадцатые годы процесс привел к стремительному обновлению лексического состава турецкого языка и привел в наши дни к тому, что современная мо-

лодежь не в состоянии без словаря читать книги, изданные в 1930–1940х годах.

Квантитативный анализ идентичных текстов на османском и турецком языках позволяет получить количественные показатели, которые оправдывают и наглядно демонстрируют необходимость "очистки" лексического состава языка и в наши дни. Проведенный в настоящей статье анализ показал очевидно большую простоту восприятия текста, в котором не столько меньше иноязычных заимствований, сколько больше случаев функционирования лексики по правилам, определенным исконно тюркскими морфонологическими и фонологическими законами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып.3.–М., 1963.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
3. Nemetz J. Zur Kenntnis der Mischsprachen (das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // Acta Linguistica Hung., III, 1–2. Budapest, 1953. S. 153–199.
4. Касевич В. Б., Аврутина А. С. Грамматическая и статистическая структура текста на агглютинативном языке в исторической перспективе (на материале староосманских и турецких текстов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 4 (28). – С. 7–14.
5. Тенишев Э.Р. О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965.
6. Мельников Г.П. О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965.
7. Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965.
8. Тенишев Э.Р. О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965.
9. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. – М., 2010. – URL: <http://philologos.narod.ru/ling/zubkova-sign.htm>
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

© А.С. Аврутина, (a.avrutina@spbu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСЛЯЦИЯ СИМВОЛИКИ ОДОРЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

TRANSFER OF ODOUREMES SYMBOLISM IN LITERARY TRANSLATION

*L. Alekseeva
Ju. Chernikova*

Annotation

The article deals with the problem of symbolic meaning transfer in literary translation. The comparative method of ST and TT is applied. The analysis of the novel by Boris Pasternak "Doctor Zhivago" and its translation into the English language gives the possibility to research the peculiarities of translation of odours and their role in the creation of an artistic space of the novel. The comparative analysis provides observations about the modification of odours space of the novel, that influence the quality of translation.

Keywords: literary translation, odoureme, modeling, translator's activity, text integrity, symbolic meaning.

*Алексеева Лариса Михайловна
Д.филол.н., профессор Пермского
государственного национального
исследовательского университета
Черникова Юлия Сергеевна
Магистрант Пермского
государственного национального
исследовательского университета*

Аннотация

В статье рассматривается проблема трансляции символического значения в художественном переводе. Применяется метод сопоставительного исследования текста оригинала и текста перевода. На материале анализа романа Б. Пастернака "Доктор Живого" и его перевода на английский язык рассматриваются особенности перевода одорем (запахам) при создании целостного образа художественного пространства. Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что в переводе происходят модификации пространства запахов, что отражается на качестве перевода художественного произведения.

Ключевые слова:

Художественный перевод, одорема, моделирование, переводческая деятельность, цельность текста, символическое значение.

В XXI столетии в теории перевода, как и во многих других гуманитарных науках, произошли изменения в исследовательской парадигме. Эти изменения коснулись и понятия перевода. Как мы пытались показать в исследованиях [1, 4, 5], перевод соотносим со сложной комплексной, а не только языковой деятельностью. Комплексный характер перевода, в свою очередь, определяет методы изучения перевода как деятельности. Мы полностью разделяем мнение Г.П. Щедровицкого о том, что "знаки не являются объектами, подобными объектам физики и химии, они не противостоят исследователям как чисто субстанциональные образования, и поэтому с ними нельзя оперировать как с объектами. Не может выступать в качестве таких объектов и звуковой или графический материал знаков: в человеческом обществе он "живет" не по своим собственным законам, а по законам значений. Поэтому оперирование с материалом знаков как с объектами ничего не даст для познания самих знаков" [17, с. 535]. Отсюда понятие перевода соотносимо с процессом формирования объекта перевода, в ходе которого переводчик подвергает исходный текст рефлексивной обработке, т.е. по-своему выстраивает смысл оригинала. Конструирование объекта перевода – сложный процесс, требующий мыслительных затрат пе-

реводчика. Важно то, что объект перевода не задан изначально в исходном тексте, а формируется самим переводчиком в ходе процесса перевода. Объект перевода соответствует ментальной модели, в рамках которой разворачивается дальнейшая деятельность переводчика.

В современном переводоведении сформировалось два направления: когнитивное–деятельностное и личностно–ориентированное. В рамках первого направления изучается связь перевода с процессом познания и понимания исходного смысла. Полагаем, что механизм перевода обусловлен деятельностью переводчика по пониманию исходного текста. Причем у этой деятельности не существует конкретных образцов понимания, поскольку она протекает индивидуально в каждом конкретном случае.

Личностно–ориентированный аспект переводоведения предполагает исследование перевода как антропологического феномена, обусловленного характеристикой перевода как процесса, полностью зависящего от компетенции переводчика. Наш взгляд на художественный перевод формируется на понятиях переводческой личности и принципах работы переводчика с объектом перево-

да. В художественном переводе задачей переводчика является восприятие и трансляция художественной ценности и эстетической значимости исходного текста. Данный типологический параметр художественного перевода основан на двух принципах: принципе художественной целостности и деятельностном принципе [6].

Сложно спорить с тем, что "постигая бесконечный мир мыслимого, то есть неизбежно с какой-то позиции, с определенной точки зрения, человек оказывается связанным с выбором этой позиции. И каждая такая позиция является неповторимой, уникальной, а ее занятие – актом свободы" [16, с. 37]. Тем не менее, подобная идея в отношении индивидуального постижения переводчиком текста оригинала оказывается наиболее дискуссионной в переводоведении. Смысл дискуссии обусловлен противоречием между изначальным стремлением переводчика, направленным на трансляцию максимально точного смысла текста оригинала, и окончательным результатом. Очевидно, что связь оригинала и его переводов осуществляется с помощью выражения их общности, представленной разными людьми достаточно сходным образом, поскольку они объединены общим стремлением создать успешный перевод исходного текста.

Понятие перевода как когнитивной деятельности связано с тем, что художественный текст – это мир ментальных существ, подвергающихся обязательной трансляции.

В круге проблем, которые мы очертили в данной работе, особую значимость приобретают следующие вопросы:

- ◆ перевод символического значения;
- ◆ перевод субъективного видения и конструирование исходного смысла;
- ◆ трансляция типологических параметров текстов (образности, целостности, культурной ценности произведения);
- ◆ характер деятельности переводчика в художественном переводе.

В рамках этих вопросов содержание художественного перевода можно определить с помощью двух понятий: цельность текста и символика произведения. Рассмотрим роль первого из двух понятий.

Целостное восприятие художественного текста, является для переводчика основой конструирования переводного смысла. В ходе данного вида деятельности переводчик идентифицирует объекты исследования и выстраивает своеобразный духовный мир представлений. Обогащение духовного пространства происходит не прямым путём, а посредством преодоления содержательных трудностей.

В художественном переводе большое значение при-

дается освоению и трансляции целостности произведения. Проблемы, входящие в данную сферу профессиональной деятельности переводчика, представляют особую трудность, поскольку смысл художественного произведения выходит за пределы языковых значений, связанных с характеристиками описываемых объектов [7]. В художественном тексте языковые знаки приобретают особую знаковую, связанную с символическими значениями [3].

Понятие деятельности переводчика в художественном переводе мы связываем с теорией отражающей абстракции Ж. Пиаже, компонентом которой является понятие рефлексивного мышления [13]. Ж. Пиаже полагает, что "всякое отражение на некоторый новый уровень влечет за собой и делает неизбежным некоторую определенную реорганизацию, и именно такую продуктивную перестройку мы называем "рефлексией" [13, с. 103]. Основываясь на этом, можно заключить, что переводчик художественного текста, выступающий в качестве его интерпретатора, всегда имеет дело с объектом, а результат действия с объектом – следствие рефлексивной деятельности.

В современном переводоведении, к сожалению, не описаны переводческие компетенции, нацеленные на трансляцию не прямых значений языковых знаков, выполняющих в художественном тексте смыслообразующую функцию. Это очень сложная и комплексная проблема [14]. Цель же настоящей статьи подойти к решению проблемы трансляции смысловых значений на материале описания одорического пространства как компонента целостного художественного образа. Кроме того, делается попытка представить некоторые "технологические" переводческие решения проблемы трансляции одорем.

Проблема трансляции одорем обоснована понятием цельности текста. Мы рассматриваем цельность как психологическую сущность, связанную с единым смыслом текста, который не вытекает из смыслов его компонентов, а как бы надстраивается над ними и объединяет их в иерархическое целое [8, с. 17–18]. Такое понимание цельности текста может быть положено в основу трактовки перевода как деятельности переводчика [1].

Понятие цельности позволяет рассматривать перевод как целостную когнитивную ситуацию. В этом понимании единицами перевода становятся не отдельные фрагменты структуры объекта перевода, а сама ситуация трансляции целостного художественного восприятия исходного текста. Л.Н. Мурзин подчеркивал, что трудность восприятия текста связана с трудностью восприятия цельности, из которой выпадают отдельные непонятые места. "Мы только тогда овладеваем языком, а не отдельными его компонентами, когда за текстом начинаем видеть ситуацию" [8, с. 13].

Таким образом, понятие цельности как психологической, т.е. рефлексивной сущности, помогает осознать причину возможного перемещения текста в чужую культуру.

Представленные суждения позволяют заключить, что в основе методики перевода художественного текста лежит категория цельности, соотношенная с ситуацией. В методическом плане проблема трансляции цельности исходного текста остается неразработанной. Как отмечает Л.Н. Мурзин, "для цельности текста не выработано достаточно строгих формальных средств. Тем не менее, цельность текста получает определенное внешнее выражение" [8, с. 15].

Основываясь на этом, можно заключить, что формирование навыков интерпретации художественного текста как составляющих переводческой компетенции связано с работой в области реставрации целостности произведения [2]. Целостное восприятие художественного текста является для переводчика основой конструирования переводного смысла. В ходе данного вида деятельности переводчик идентифицирует объекты исследования и выстраивает своеобразный духовный мир представлений. Обогащение духовного пространства происходит не прямым путём, а посредством преодоления содержательных трудностей. В результате создается смысловая матрица текста (в значении Э. Сепира), построенная по принципу меток содержания. В дальнейшем она используется как объект деятельности переводчика. В процессе моделирования художественный текст задаёт определённое пространство понимания, которое должно быть аналогичным образом сконструировано в переводе.

Большое значение в переводе художественного текста придается освоению и трансляции символического значения. Проблемы, входящие в данную сферу профессиональной деятельности переводчика, представляют особую трудность, поскольку предполагают развитие навыков самостоятельного постижения символики исходного текста [3]. В художественном тексте языковые знаки приобретают особую знаковую, связанную с символическими значениями [3].

Поскольку символическое значение связано с неязыковой природой знака, то в самом общем виде символика связывают с идеализацией объекта. Основываясь на этом, можно заключить, что формирование навыков интерпретации художественного текста как составляющих переводческой компетенции связано с распознаванием символического смысла, являющегося частью выводного знания. Этот процесс связан с реставрацией процесса концептуализации, осуществляемой автором художественного текста, по определенным меткам, оставленным в тексте. Данный процесс получил название ментального моделирования. В методическом плане прием моделирования [3, с. 70]. Можно считать перевод

особым типом мыслительного процесса, в ходе которого переводчиком осваивается новое пространство путем построения новых смысловых парадигм.

Исходными предпосылками нашего исследования являются следующие положения:

- ◆ истолкование художественного произведения основывается на анализе пространства произведения и позволяет изучить его в единстве функций: фиксирующих, динамических, творческих и др., лежащих в основе перевода данного произведения;
- ◆ пространство художественного произведения обладает символической функцией, транслируемой в переводе [3, с. 71].

Трансляция символических смыслов входит в объект перевода и составляет особую трудность в процессе художественного перевода. Символическая специфика соотносится с функцией маркирования непредметного, идеального, духовного пространства. Она индивидуальна, имплицитна, т.е. не имеет непосредственно языкового выражения.

Символические смыслы формируют особый класс лакун, которые получают название символических [9]. Символические лакуны психологичны по природе и поэтому имеют имплицитную форму выражения. Они существуют не в языке, а в сознании. Язык же только репрезентирует их в конкретном тексте. Символические лакуны соотносятся со смыслом, являющимся значимым для автора произведения вследствие того, что данный смысл отражает индивидуальное восприятие мира [3, с. 74]. Такое понимание символической лакуны позволяет заключить, что они идентифицируются и осознаются далеко не каждым переводчиком. Не каждая символическая лакуна оказывается доступной пониманию переводчика. Поэтому перевод символических лакун связан со своеобразным "домысливанием", т.е. умением увидеть нечто большее и даже не совсем то, что позволяет отметить семантика текста.

В качестве эмпирического исследования был проведен сопоставительный анализ книги 1 романа Б. Пастернака "Доктор Живаго" [11] и его первый перевод на английский язык [18], выполненный в 1958 г. английскими переводчиками Max Hayward и Manya Naragi. Одним из мотивов изучения одорической картины в произведении Б.Л.Пастернака послужил отрывок из письма Ариадны Эфрон Борису Пастернаку, которое она написала после прочтения отправленных ей глав романа "Доктор Живаго". Она писала: "Всегда – и на этот раз – почти пугает твое мастерство в определении неопределимого – вкуса, цвета, запаха, вызываемых ими ощущений, настроений, воспоминаний, и это в то время, как мы бы дали голову на отсечение, что слов для этого нет, еще не найдены или уже утрачены" [10].

Проведенный анализ романа позволил заключить, что автор достаточно редко и скупно употребляет цветовую гамму, однако запах является смысловой доминантой при создании целостной художественной картины мира.

Анализ исходного художественного произведения выстроен на следующих основаниях:

- ◆ все элементы художественного текста взаимосвязаны;
- ◆ связь между элементами художественной системы носит трансуровневый характер;
- ◆ в тексте нет ничего случайного;
- ◆ за каждым поверхностным и единичным проявлением текста лежат глубинные и универсальные проявления;
- ◆ текст не описывает мир, а вступает с ним в сложные взаимоотношения;
- ◆ текст – не застывшая сущность, а постоянное развитие [12, с. 14–15].

В исследовании мы использовали следующую методику. Каждый выявленный одорический элемент, размещенный в одном из сегментов текста, рассматривался в трех аспектах: с точки зрения способа репрезентации, природы (источника) запаха и его оценки. Было выявлено 3 способа репрезентации запаха: прямой, опосредованный и метафорический. В последнем выделено дополнительно две подгруппы. Одоремы первой подгруппы способствуют формированию метафорического значения за счет появления лексических единиц, создающих дополнительную образность и выразительность (ср.: "отбить запах", "заблудившийся в воздухе запах"). Во вторую подгруппу попали такие метафоры, как "разнюхивать вещи, их ещё не касавшиеся" или "опять запахло Петенькой Верховенским, не в смысле левизны, а в смысле испорченности и пустозвонства", поскольку именно они демонстрируют перенос ("–фору") прямого значения "запаховой" единицы. Анализ одорен в ИТ позволил сделать следующие обобщения:

1. Способ репрезентации запаха:

- 1.1. Прямой ("Пахло свежеевыпеченным хлебом");

- 1.2. Непрямой, косвенный, опосредованный ("Вносили ватрушки и ягоды");
- 1.3. Метафорический ("Не нюхали пороха").

2. Природа запаха:

- 2.1. Естественный, природный ("Благоухание цветов");
- 2.2. Искусственный ("Пахло краской и клеем").

3. Оценка запаха:

- 3.1. Нейтральный ("Стоячий, заблудившийся в воздухе запах цветов");
- 3.2. Приятный ("Одурающее благоухание утра");
- 3.3. Неприятный ("Вонявшая клопами перегородка").

Анализ представленного материала позволяет заключить, что в целом переведенный текст (ПТ) проигрывает исходному тексту (ИТ) практически по всем выделенным нами критериям. Уменьшилось количество прямых, непрямых и метафорических способов репрезентации запаха. Причем самое значительное уменьшение наблюдается именно в группе метафорических одорем. Это связано с тем, что одорические единицы оригинала в тексте перевода, заменяются нейтральными словами, не обладающими одорическими свойствами. В некоторых случаях перевод значительно уступает метафоричности исходного русского текста (ср.: "табачное чадо" – "smokey air"), хотя запах как таковой всё же транслируется.

Проиллюстрируем методику сопоставительного анализа на конкретном примере.

"Они занимались в полутьме стеклянной террасы. <...> Террасу слегка проскваживало. <...> Из палисадника тянуло самоварной гарью, заглушавшей запах табака и геотиотропа. Туда проносили из флигеля каймак, ягоды и ватрушки".

В этом отрывке автор с помощью различных запахов символически "раздвигает" пространство события, объединяя пространство террасы с палисадником и флигелем.

Таблица 1.

Результаты сопоставительного анализа трансляции одорем.

Способ репрезентации запаха						Природа запаха				Оценка запаха					
прямой		непрямой		метафорический		естественный, природный		искусственный		нейтральный		приятный		неприятный	
ИТ	ПТ	ИТ	ПТ	ИТ	ПТ	ИТ	ПТ	ИТ	ПТ	ИТ	ПТ	ИТ	ПТ	ИТ	ПТ
122	116	22	20	85	65	89	87	12	12	57	62	64	61	23	22

Таблица 2.

Репрезентация одорем в ИТ.

Запах		Способ репрезентации запаха			Природа запаха		Оценка запаха		
		прямой	непрямой	метафорический	естественный, природный	искусственный	нейтральный	приятный	неприятный
1	тянуло	+							+
	самоварной гарью,	+				+			+
	заглушавшей			+					+
2	запах табака и	+			+		+		
3	гелиотропа [цветок, пахнущий ванилью]	+			+		+		
4	каймак [молочный продукт, как густые сливки]		+		+		+		
5	ягоды		+		+		+		
6	ватрушки		+		+		+		
<i>Итого</i>		5	3	1	5	1	5	0	3

Более того, запахи выполняют метонимическую функцию, "заменяя" собой людей, готовящих и приносящих еду, и акцентируя при этом образы людей, сидящих на террасе. В данном фрагменте используется 6 одорических компонентов (запах₁, группа запахов_{2,3} и группа запахов_{4,5,6}).

Текст перевода:

"From the garden, a whiff of charcoal smoke from the samovar drifted in, smothering the smell of tobacco plant and heliotrope. A maid carried out a tray with clotted cream, berries, and cheese cakes".

Таблица 3.

Репрезентация одорем в ПТ.

Запах		Способ репрезентации запаха			Природа запаха		Оценка запаха		
		прямой	непрямой	метафорический	естественный, природный	искусственный	нейтральный	приятный	неприятный
1	a whiff of charcoal smoke from the samovar	+				+	+		
	drifted in	+		+			+		
	smothering	+							+
2	the smell of tobacco plant and	+			+		+		
3	heliotrope	+	+		+		+		
4	clotted cream		+		+		+		
5	berries		+		+		+		
6	cheese cakes				+		+		
<i>Итого</i>		5	3	2	5	1	7	0	1

Сопоставительный анализ данных, представленных в таблицах, позволяет заметить, что в семантическом плане перевод соответствует оригиналу. Однако в аспекте трансляции символического значения, создаваемого с помощью одорем, перевод явно проигрывает оригиналу. Ограничилось пространство события из-за оставшегося непереуведенным слова флигель. Исчезла метонимия запахов за счет введения конкретного лица a maid. В ПТ принципиально изменилась оценка запаха, стало превалировать нейтральное отношение к запахам.

Проигрывает в передаче символического смысла следующий эпизод:

"Здесь была удивительная прелесть! Каждую минуту слышался чистый трехтонный высвист иволго, с промежутокми выжидания, чтобы влажный, как из дудки извлеченный звук до конца пропитал окрестность. Стоячий, заблудившийся в воздухе запах цветов пригвожден блзном неподвижно к клумбам. Как это напоминало Антибы и Бордигеру! Юра поминутно поворачивался направо и налево. Над лужайками слуховой галлюцинацией висел призрак маминого голоса, он звучал Юре в мелодических оборотах птиц и жужжании пчел. Юра вздрагивал, ему то и дело мерещилось, будто мать аукается с ним и куда-то его подзывает".

"How enchanting this place was! <...> A heavy fragrance, motionless, as though having lost its way in the air, was fixed by the heat above the flowerbeds. This brought back memories of Antibes and Bordighera".

В данном отрывке запаху придаетса особый символический смысл. Автор передает внутреннее состояние главного героя, недавно потерявшего свою мать. Юра видит красоту местности, слышит пение птиц и ощущает запах цветов, и всё это складывается в одну целостную картину, пробуждающую в нём воспоминания о горячо любимой им матери. Его детское сердце наполняется невыносимой тоской. Используемое в переводе словосочетание A heavy fragrance не передает этого состояния героя. Семантика слова heavy "especially of something unpleasant, of very or especially great force, amount, or degree" включает негативную коннотацию, что искажает смысл оригинала.

По нашим наблюдениям, особую трудность при трансляции одорем составляла оценка запаха. Это подтверди-

лось тем, что часто одорический элемент с отрицательной или положительной окраской заменялся на нейтральный. Кроме того, в тексте перевода появлялись слова, обозначающие запахи, хотя в тексте оригинала они отсутствовали. Встречались и такие случаи, когда оценки запахов заменялись противоположными. Ср.: "пахло кошками и квашеной капустой", в переводе "reeking of cats and cabbage". Как видим, нейтральная оценка, выраженная в глаголе "пахло" заменена на отрицательную в слове "reeking", в то время как запах "квашеной капусты", характеризующийся в оригинале как неприятный, в переводном тексте становится нейтральным "cabbage".

Анализ способов репрезентации запахов в ИТ и ПТ даёт нам основание судить о том, что во многих случаях теряется их метафоричность и символичность. Проследживается общая тенденция сокращения одорем в тексте перевода, что неизбежно приводит к модификации целостности художественного смысла. Используя слова В.Н. Торопова, можно сказать, что запахи "высветляют" в пространстве особую парадигму, свой порядок, т.е. свой собственный текст, обладающий собственным смыслом [15].

Основываясь на этих суждениях, мы делаем вывод о том, что пространство запахов, созданное в оригинале, не в полной мере соотносится с пространством запахов в переводе.

Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод, что за счет модификации пространства запахов переводной текст не в полной мере воссоздаёт целостность оригинала, что отражается на качестве перевода и, как следствие, на восприятии текста в принимающей культуре.

Подводя итоги исследованию, отметим следующее. Мы рассматриваем трансляцию символики одорем в качестве компонента целостности художественного образа, что обуславливает задачу успешного перевода художественного текста. Трактовка перевода с помощью цельности текста, включающей одорическое пространство, позволяет заключить, что исходный и переводимый тексты являются семиотическими объектами, поскольку они описывают (моделируют) одну и ту же реальную действительность и поэтому соотносимы с результатом отображения этой реальности в сознании человека в символической форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С.45-51.
2. Алексеева Л.М. Цельность текста в трактовке Л.Н. Мурзина и проблемы научного перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 128-132.

3. Алексеева Л.М. Трансляции символического значения как переводческая компетенция в художественном переводе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5 (11). С. 69–75.
 4. Алексеева Л.М. Текст перевода, "текст переводчика" // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 2(14). С. 44–52.
 5. Алексеева Л.М. Идентичность в переводе // Вестник Пермского университета Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 244–248.
 6. Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В. Типология перевода. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун–т, 2012. 198 с.
 7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
 8. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Уральский университет, 1991. 172 с.
 9. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: Изд-во ГЭОТАР-Медиа, 2008. 138 с.
 10. Пастернак Б. Новооткрытые письма к Ариадне Эфрон // Знамя. 2003. № 11. С. 156–179.
 11. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Изд-во Эксмо, 2008. 623 с.
 12. Руднев В.П. Вино Пух и философия обыденного языка. М.: Изд-во Аграф, 2002. 320 с.
 13. Семиотика. Антология. Сост. Ю.С.Степанов. М.: Академический проект, 2001. 702 с.
 14. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. 160 с.
 15. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–283.
 16. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
 17. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Изд-во Школы Культурной Политики, 1995. 800 с.
- Boris Pasternak Doctor Zhivago. Ed. "Vintage". London, 2002. 510 p.

© Л.М. Алексеева, Ю.С. Черникова, (alm@psu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

12-й ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ФОРУМ

4-6 октября 2016, Москва, Россия

Москва

Наталья Тарасова

Тел /Факс: +7 495 249 49 03
moscow@minexforum.com

Лондон

Ирина Юхтина

Тел : +44 (0)207 520 9341
admin@minexforum.com

Реклама

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИКЕ ЧИСЕЛ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Барашев Андрей Хугасович
Соискатель, Южный
федеральный университет,
Ростов-на-Дону

TOWARDS SYMBOLISM OF NUMBERS IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE

A. Barashev

Annotation

The symbolism which is expressed by numerals in the Russian linguo-culture is analysed in this article. The symbolism of numerals was formed under the influence of folklore, ancient religious faiths of the Slavs and the Christianity. One of the numerals are endowed with big symbolic sense in the Russian language than others: "three", "seven", "nine", "twelve", "thirteen", "forty". The perception of numerals as happy and unhappy numerals names are symbolic.

Keywords: number, numeral, linguoculture, symbolism, linguistic identity, linguistic view of the world.

Аннотация

В статье рассмотрена символика, выражаемая именами числительными в русской лингвокультуре. Символические значения числительных сформировались под влиянием фольклора, древних верований славян и христианского вероисповедания. Одни числительные наделены в русском языке большим символическим смыслом, чем другие: "три", "семь", "девять", "двенадцать", "тринадцать", "сорок". Символическим является и восприятие имён числительных как счастливых и несчастливых числовых наименований.

Ключевые слова:

Число, числительное, лингвокультура, символика, языковая личность, языковая картина мира.

Имя числительное, ассоциируемое одновременно с предметным миром и миром абстракций, выражает конкретное и отвлечённое в тесной связи друг с другом, поэтому имена числительные, употребляемые носителями языка, могут носить фактологический и условный характер. В первом случае с их помощью обозначаются реалии, временные периоды, частотность действий и под. Во втором проявляется символическая функция имён числительных, и они становятся способами передачи мотивированного или немотивированного символа. О наличии символических значений у чисел образно сказала Н.П. Чернева: "Числа – результат проецирования в языке внечисловых сущностей, образцы единства в мире множественности и иллюзий" [Чернева, с. 8].

Анализ символики числа необходим, так как число "репрезентирует древнейший слой коллективного сознания и речемышлительной деятельности" [Голованова, с. 20].

Символику чисел и её проявление в различных реализациях языка анализируют М.В. Ахметова, В.Е. Ветловская, Н.Г. Воронова, В.М. Кириллин, И.Н. Кузнецова, А.В. Лыков, А.А. Осипова, М.В. Первушин, Е.В. Пчелов, Н.А. Федоровская, Н.П. Чернева, А. Шуклин и другие учёные.

Целью нашего исследования является анализ символических смыслов, которыми обладают имена числи-

тельные в русской лингвокультуре, и отражения в данной символической картине истории России, ментальности языковой личности, фольклорных мотивов и христианства.

Число "один", по словам Н.П. Черневой, "отличается синкретизмом и полисемантической" [Чернева, с. 20]. Е.И. Голованова считает, что данное число "олицетворяет собой сущность, начальную и конечную точки мира" [Голованова, с. 21]. "Один" ассоциируется и отождествляется с Богом или Космосом, причём "главной чертой этой целостности является нерасчленённость" [Топоров 1995, с. 18–19]. Единица символизирует также мужское начало, знак человеческого "я" и одиночества [Маслова, с. 105].

В христианской символике акцент на числе "один" связан с призывом "к единству в пении аллилуйи" [Первушин, с. 70], и в "Житии Евфросина Псковского", к примеру, "слова, объединённые значением "един", употребляются более ста пятидесяти раз", символизируя призыв "единогласно славить Бога" [Там же, с. 71]. О христианской символике единицы пишет и Н.А. Федоровская: "Число один традиционно означает истинность, равенство, единство, в христианской культуре символизирует духовное единство, истинность слов и дел Создателя", указывая, что именно в таком смысле используется данное число в "Послании о рае" Василия Калики [Федоровская, с. 196].

Число "два" имеет особое значение для самого развития категории количества, для формирования представлений человека о счёте. Как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, "до тех пор, пока существовало только представление о единице, не могло быть и речи о количественном мышлении. Только появление понятия двойки сделало возможным возникновение счёта и арифметики" [Бодуэн де Куртенэ, с. 321].

В христианских представлениях число "два" "обладает сакрально-мистической символикой и принадлежит к доктринально семантизированным числам", так как связано с представлением о "двуединой природе Богочеловека Христа" [Первушин, с. 70]. Именно поэтому в древнерусской литературе нередко "стилистическая бинарность", выражающаяся в повторах глагольных и других словоформ [Там же, с. 70–71]. Кроме того, двойка, будучи тесно связанной с единицей, "образуется из сложения двух единиц и является одновременно расщеплением единства" [Федоровская, с. 196]. В "Послании о рае" Василия Калики "двойка символически характеризует путь духовного развития, который проходит человечество от смерти Спасителя на кресте..." [Там же].

"Три" – число с наиболее ярко выраженной символическостью, "сакраментальнейшее из чисел" [Мифологический словарь, с. 179]. А. Шуклин называет его "совершенным числом" [Шуклин, с. 36]. Исследователи отмечают значение тройки для выражения гармонии, равновесия, творческого начала. По мнению Н.А. Федоровской, "в мировой культуре троичность представляет собой древнейший символ, во многом связанный с утверждением мирового порядка, устойчивости и завершённости временного процесса, движимого от начала через середину к концу" [Федоровская, с. 197].

В русской языковой картине мира это число занимает особое место. Оно тесно связано с фольклором, где трёхчастные повторы – основа композиции былин и сказок (три сына, три дороги, три встречи и под.); укреплено в христианском сознании народа с помощью образа Троицы, причём "христианство усвоило фольклорную троичность" [Ветловская, с. 144]. Именно христианская символика, связь с духовным миром – основная для числа "три". В.Н. Топоров отмечает, что "тройка" считалась числом Божественной Троицы, тринитарная сущность которой отображена в триадности вещественного мира (небо, земля, вода и т. д.), а также – числом человеческой души. "Три" – не только образ абсолютного совершенства, преемственности, но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации [Топоров 2000, с. 630].

"Четыре" – число, имеющее высокую символическость в разных культурах, но не очень значительное в русской, хотя "в православии это число особенно почиталось и

стояло в ряду избранных чисел" [Ветловская, с. 145]. В эзотерике "четыре" – число очищения, чистоты и страдания, так как страдание – единственное средство очищения [Рошаль, с. 32]. В средневековом христианстве четверка считалась символом мира и материальных вещей и знаменовала собой статическую целостность, идеально устойчивую структуру [Кириллин 2000, с. 30]. Кроме того, число "четыре" часто воспринимается как символ земного, устойчивого, что связано с понятием о четырёх сторонах света, кресте и под.

"Пять" с точки зрения выражаемых символов изучено хуже названных выше чисел, так как в русской лингвокультуре у него нет глубоких корней. Однако символическость числа "пять" значительно укрепилась в последнее столетие, когда важным символом для России стала пентаграмма, красная звезда. Действительно, число "пять" тесно связано с областью государственной символики, восходя при этом к архаическим пентаграммам, которые "превратились в государственные (например, США, СССР), блоковые (расположенные в круг пятиконечные звезды на флаге ЕС), военные символы (на погонах)" [Степанов, с. 309].

"Шесть" – число, наделённое наименьшим комплексом символических значений в русской лингвокультуре. Данное количество встречается в деталях декора символов государственной власти: звёзд, розеток и др. Е.В. Пчелов связывает их появление там с византийским и монгольским влиянием [Пчелов, с. 144–145].

"Семь" – одно из наиболее значимых и символических в русской лингвокультуре чисел. Е.В. Телегина отмечает, что число "семь" имеет "особое мировоззренческое значение в русской культуре" [Телегина, с. 198] и сравнивает это значение с семантикой числа "девять" в представлениях германских народов. Она пишет также: "Это число было сакральным в шумерских мифах и имеет большую роль в космогонических представлениях сибирских народов" [Там же, с. 199]. С богословской точки зрения характеризует число "семь" С.В. Белов, упоминающий, что теологи называют число "7" "истинно святым числом", так как число "7" – это соединение числа "3", символизирующего божественное совершенство (догмат о Святой Троице), и числа "4", числа мирового порядка; следовательно, само число "7" является символом "союза" Бога с человеком, символом общения между Богом и его творением [Белов, с. 96]. В.Н. Топоров в энциклопедии "Мифы народов мира" отмечает, что магическое число "7" характеризует общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число сказочных героев – братьев (ср. "Семь братьев", "Семь Симеонов" и т. п.), число дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке и т. п. [Топоров 2000, с. 630]. По мнению В.М. Кириллина, в символике числа "семь" всё же более важны христиан-

ские составляющие: "Семерка была связана с учением о свойствах Духа Святого (7 дарований Духа) и с христианской этикой (7 добродетелей и 7 смертных грехов), потому знаменовала собой высшую степень познания Божественной тайны и достижения духовного совершенства (7 таинств, 7 ступеней премудрости, 7 недель великого поста); ее использовали в качестве символа вечного покоя и отдохновения, которые наступят вместе с концом мира" [Кириллин 2000, с. 29].

"Восемь" – число также христианской семантики, о которой пишет В.М. Кириллин: "Восьмерица символизировала вечность, то есть новое время в Царствии Божием, "пакибытие", оправдывающее и венчающее собой начало и конец истории божественного творения" [Кириллин 2008, с. 129]. Именно такой смысл имеет, по мнению автора, число "восемь" в произведении древнерусской литературы "Сказание о Мамаевом побоище". Данное количество широко представлено в оформлении российских государственных символов, что связано, по предположениям учёных, с влиянием изображения восьмиконечной звезды (так называемой звезды Бога Саваофа) [Пчелов, с. 145].

"Девять" – число с глубоким символическим подтекстом. По замечанию Р.Т. Муратовой, "в ряде традиций число девять является главным сакральным числом" [Муратова, с. 85]. Данное число очень важно и в христианской символике, "это образ завершённого числа, замкнутости, завершенности", "ангельское число, ибо в Библии упоминается о девяти ликах ангелов" [Воронова, с. 375]. Характеристики данного символа в научной литературе подчас наполнены восторгом: "Это полнота, исполнение, достижение, начало и конец, целое, число небесное и ангельское, рай на земле" [Там же].

"Десять" – число, в котором христиане признавали значение совершенного числа, причем сокровенно выражающего единство Божественного и материального начал [Кириллин 2000, с. 31]. В русской лингвокультуре оно не обладает высокой степенью символичности.

"Двенадцать" – одно из наиболее сакрализованных чисел. Данное число является "излюбленным в фольклоре" [Ветловская, с. 149], встречается и в библейских текстах (двенадцать апостолов). Именно с христианской точки зрения характеризует данное число В.М. Кириллин, отмечая, что "12" – одно из ключевых сакральных чисел в мировой культуре. В христианской традиции – 12 апостолов, 12 врат и камней в основании Нового Иерусалима, 12 дней празднования Рождества (святки). "12" соотносилось с образом народа Божия (12 колен Израиля и 12 апостолов), – с образом человечества, обновленного благовестием о спасении в Сыне Господнем (Церковь)" [Кириллин 2000, с. 30]. По мнению Н.Г. Вороновой, "символика числа "двенадцать" глубоко обоснована в христи-

анстве: это число, олицетворяющее духовную полноту и гармоническую завершённость" [Воронова, с. 372], согласно христианским представлениям, оно "соотносилось с образом народа Божия" [Там же, с. 376].

"Тринадцать" является общепризнанным в культуре разных народов несчастливым числом. В то же время сегодня мы можем наблюдать популяризацию числа "тринадцать", активное его использование в разного рода наименованиях, например, в названиях статей: "Технология подготовки магистрантов к научной и педагогической деятельности. Итоги тринадцати лет" (журнал "Наука и образование", 2010, № 10), "Мои тринадцать башкирских лет и награда от академика АН РБ З.Г. Ураксина" (журнал "Вестник Академии наук Республики Башкортостан", 2011, Т. 16, № 4). Русская языковая личность словно стремится противостоять общепринятому символу несчастья, с помощью небольшого языкового "бунта" бросить вызов судьбе и принести удачу предпринимаемым действиям.

"Двадцать пять" – число с неявной символичностью. В языковом сознании современной языковой личности оно чаще всего связано с выражением "Опять двадцать пять", где символизирует повторяемость неприятных реакций собеседника, его непонимания, обычно говорится с осуждением тому, кто не понимает простых истин, упрямо повторяя своё.

"Сорок" – число, символика которого в русской лингвокультуре связана с историей данного числительного. Известно, что слово "сорок", выбивающееся из ряда других числительных, обозначающих десятки (тридцать, пятьдесят), произошло от названия мешка, в который влезало около четырёх десятков шкур пушного зверя, необходимых для пошива одной шубы. Часто используемое, слово "сорок" постепенно вытеснило существовавшее ранее числительное "четыредесять". С древней семантикой связано символическое значение "много" данного числительного, проявляющееся в выражении "сорок сороков".

"Сорок" значимо в ряде христианских обрядов, причём в данном случае имеет скорее негативную, чем позитивную коннотацию и когда ассоциируется со смертью: сорок дней после смерти не отлетает душа, через сорок дней принято поминать усопшего и т. д., и когда связывается с рождением: только через сорок дней вселяется душа в младенца, через сорок дней после родов женщина может войти в церковь и т. д.

"Сто" и **"тысяча"** – числа, чаще всего символизирующие "много", что связано с неумением древних славян считать до таких чисел и их представлением о заповедности выражаемых ими количеств.

Таким образом, можно говорить о двуединстве семантики многих чисел: объективное значение количества сочетается в их содержании с субъективной символической семантикой, причём языковая личность воспринимает второй компонент смысла на подсознательном уровне, в результате включения в восприятие сформированных в течение жизни культурных кодов. По словам Р.Т. Муратовой, "числа помимо значений количества, порядка, счёта имеют семантическую нагрузку, связанную с определённой значимостью в культуре, обладают "магическими" свойствами" [Муратова, с. 14].

В целом система числовых символов, сложившаяся в русской культуре, отражает различные этапы истории русского народа: от времён язычества до современности, включая разнообразное влияние и заимствования и, конечно, воздействие христианства. Ряд учёных считают, что именно для христианства заимствования были в данной связи определяющим явлением: "Системы священ-

ных чисел, сложившиеся в древнегреческой, древнееврейской и других древних культурах присредиземноморья, были частью усвоены, частью переосмыслены и в целом получили новое мистико-символическое содержание в учении христиан" [Кириллин 2000, с. 17].

Итак, символика, выражаемая именами числительными в русской лингвокультуре, сформировалась под влиянием фольклора, древних верований славян и христианского вероисповедания.

Одни числительные наделены в русском языке большим символическим смыслом, чем другие: "три", "семь", "девять", "двенадцать", "тринадцать", "сорок". Символическим является и восприятие имён числительных как счастливых и несчастливых числовых наименований. Весьма перспективно изучение проявляемой в произведениях художественной литературы авторской символики чисел, которая может совпадать с общекультурной и отличаться от неё.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание". Комментарий. М., 1984. 235 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Том II. М., 1963. 389 с.
3. Ветловская В.Е. Символика чисел в "Братьях Карамазовых" // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. 1971. Т. XXVI. С. 139–141.
4. Воронова Н.Г. Повесть Н.В. Гоголя "Тарас Бульба": христианская символика чисел // Культура и текст. 2011. № 12. С. 371–381.
5. Голованова Е.И. Символика числа в языковом сознании // Челябинский гуманитарий. 2011. Т. 3. № 16. С. 20–24.
6. Кириллин В.М. О таинственном содержании "Сказания о Мамаевом побоище" в русской средневековой культуре // Вестник славянских культур. 2008. Т. IX. № 1–2. С. 121–138.
7. Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVII вв.). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
8. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск, 2004. 256 с.
9. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990. 709 с.
10. Муратова Р.Т. Символика чисел в языке и культуре башкир: Монография. Уфа, 2012. 180 с.
11. Первушин М.В. Символика чисел в "Житии Евфросины Псковской" // Вестник славянских культур. 2009. Т. XII. № 2. С. 69–75.
12. Пчелов Е.В. Символика регалий российских государей: цвета и числа // Вестник РГГУ. 2010. № 7. С. 140–152.
13. Рошаль В.М. Полная энциклопедия символов. М., 2003. 528 с.
14. Степанов А.И. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. М., 2004. 832с.
15. Телегина Е.В. Развитие категории количества в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–1 (30). С. 197–200.
16. Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ. Избранное. М., 1995. 821 с.
17. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 2000. Т. 2. С. 629–631.
18. Федоровская Н.А. Символика чисел один, два и три в "Послании о рае" Василия Калики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–3 (26). С. 195–198.
19. Чернева Н.П. Семантика и символика числа в национальной картине мира (на материале русской и болгарской идиоматики): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003. 23 с.
20. Шуклин А. Символика чисел в романе Ф. М. Достоевского "Идиот" // Национальная идентичность и гендерный дискурс в литературе XIX–XX вв.: Материалы международных исследований / Отв. ред. Е.Н. Эртнер, А.А. Медведев. Тюмень, 2009. С. 32–36.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ДИСКУРСЕ

PSYCHOLINGUISTIC MOTIVATION OF ESTIMATED LEXICAL MEANING IN DISCOURSE

D. Vorotnikov

Annotation

Psycholinguistic motivation of estimated lexical meaning in discourse is associated with the value system, formed in a particular nation or ethnic group and reflected in the language as a cultural mirror. Interpretation of assessment lexical meanings can detect personal meanings (in the terminology of Leontiev A.N.), incorporated in the statement, the text or discourse. In the lexical-semantic level assessment is a category which unites strong and weak classes of lexemes, selected by strong and weak characteristics. According to this, it is possible to allocate a prototypic member of a category, its strong and weak elements. At the same time evaluative categorization is closely linked to the conceptual sphere of a people and its conceptual and linguistic picture of the world.

Keywords: Evaluation, categorization, discourse, values system, world view, language picture of the world.

Воротников Дмитрий Валерьевич
Аспирант Российского
государственного социального
университета

Аннотация

Психолингвистическая мотивация оценочного лексического значения в дискурсе связана с ценностной системой, сформировавшейся у того или иного народа или этноса и отраженной в языке как зеркале культуры. Интерпретация оценочных лексических значений позволяет выявлять личностные смыслы (по терминологии А.Н. Леонтьева), заложенные в высказывании, тексте или дискурсе. На лексико-семантическом уровне оценка – это категория, объединяющая сильные и слабые классы лексем, выделенные по сильным и слабым признакам. Соответственно, можно выделить прототипического члена категории, ее сильные и слабые элементы. В то же время категоризация оценочности тесно связана с концептосферой того или иного народа, с его концептуальной и языковой картиной мира.

Ключевые слова:

Оценочность, категоризация, дискурс, система ценностей, мировоззрение, языковая картина мира.

Психолингвистическая природа вербализации субъективной оценочности базируется на концепциях о языковом сознании, структуре языкового сознания, присутствующих в трудах А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, Н.В. Уфимцевой, Е.Ф. Тарасова. В частности, А.Н. Леонтьев понимал человеческое сознание как некую систему, элементами которой являются значение, личностный смысл и чувственная ткань слова. При этом значение представляет собой обобщенное отражение действительности, а с помощью личностного смысла раскрывается отношение человека к миру.

А.Н. Леонтьев понимал личностный смысл как субъективную оценку индивидом тех или иных предметов или явлений, значимость этих предметов или явлений для индивида. Личностный смысл слова связан с ценностной системой, присутствующей в сознании человека, с мотивами и потребностями его деятельности. В деятельностном подходе А.Н. Леонтьева личностный смысл трактуется как единица человеческого сознания [4]. Оценочность высказывания включает в себя нормативную шкалу оценок, присутствующую в сознании личности, а также знаковые средства вербального обозначения этих оценок.

Оценочность является важным коннотативным признаком слова. Под оценочностью подразумевается положительная или отрицательная характеристика предмета или явления, заложенная в слове. В "Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка" (под ред. М.Н. Кожинной) категория оценки рассматривается как "совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи" [6, С. 139–146].

При этом используются термины "категория оценки" и "категория оценочности". Употребление термина "категория оценки" связано с обозначением логической категории оценки и ее реализацией в языке, тогда как категория оценочности является лингвистическим понятием и компонентом коннотации. Оценочность связана именно с языковой реализацией логической категории оценки; это свойство языковых единиц выражать некую ценностную значимость.

В психолингвистическом плане оценка – это мнение говорящего о предмете или явлении, выражающее цен-

ностную значимость этого предмета или явления. Оценка – это мнение говорящего о предмете или явлении, выражающее характеристику предмета или явления через его соотношение с категорией ценности.

Ценность понимается нами как предельное основание человеческого бытия (благо, доброта, красота, любовь, истина, святость). Рассуждения о различных видах ценностей и ценностных систем присутствовали и в античной философии, и у средневековых теологов, и у философов Ренессанса и Нового времени. Однако как самостоятельная наука аксиология (от *axio* – ценность, *logos* – слово, учение) сформировалась во второй половине XIX столетия.

У древних греков существовало понятие "калокагатии" (*calos* – прекрасный, *agathos* – нравственный); прекрасное является добрым.

Калокагатия (также *калокагатия*; др.-греч. *καλοκαγαθία*, от др.-греч. *καλός και ἀγαθός* — "прекрасный и хороший", "красивый и добрый") – это гармоничное сочетание физических и нравственных достоинств. Подобное сочетание внешнего и внутреннего является выражением совершенства человеческой личности и идеалом воспитания человека.

Слово "*калокагатия*" использовалось в философии Платона и Аристотеля, однако возникло предположительно в учении пифагорейцев. Калокагатия – это этический и эстетический идеал древнегреческого общества. Человек, соединяющий в себе внутреннюю и внешнюю красоту, считался идеальным гражданином древнегреческого полиса. Идеал калокагатии повлиял на представления о гармонически развитой человеческой личности, характерные для эпохи Ренессанса.

Однако в центре древнегреческой ценностной системы находился разум, а за разумом как высшей ценностью следовали красота, нравственность, любовь и способность к подвигу, героизм. Древние греки видели в человеке носителя Знания, Разума, Логоса, Слова. Соответственно, человек был мерой всех вещей. Человек, являющийся носителем Разума, может осуществлять художественно-образное познание (осмысление) мира.

Ценностные системы менялись в зависимости от основных характеристик той или иной временной культурной парадигмы. Например, христианская ценностная система во многом отличается от древнегреческой; она основана на триаде "Веры – Надежды – Любви", на представлении о богочеловеке Христе как явленной Истине. Соответственно, изменения ценностной системы влекут за собой изменения в категории оценочности, в оценке говорящим тех или иных предметов или явлений.

Категория оценки связана с менталитетом того или иного народа, этноса или социальной группы. Эту связь отражает широко известная русская поговорка "Что немцу хорошо, то русскому – смерть". Русский, английский и испанский менталитет основан на разных ценностных системах, и, соответственно, понятия "хорошо" – "плохо"; "прекрасно – безобразно" в русском, английском и испанском языках (как и в других языках и культурах) не совпадают.

Оценочная лексика тесно связана с ценностными доминантами той или иной культуры. Знания и представления, относящиеся к ценностным доминантам культуры, входят в систему прагматической информации, которой владеет член того или иного этноса. Например, в английском языке выделяется слой оценочной лексики, связанный с категориями "Женственность" – "Мужественность". Так, в английском языке существует синонимический ряд: *gallant, dandy, exquisite, beau, buck, coxcomb, for, blade, peacock, rake, popinjay, ponce, wide boy*. Все эти слова и выражения относятся к мужчинам, заботящимся о своей внешности.

При этом положительно маркированной является лишь лексема *gallant* – a fashionable young man, espone who gives polite attention to women. Другие же лексеммы содержат отрицательную оценочность. Например, слова *dandy, exquisite beau, buck, coxcomb, for* относятся к мужчине, который слишком (почти по-женски) занят своей внешностью.

Слова *blade, peacock* относятся к мужчинам, которые чрезмерно гордятся своей внешностью. Слово *Rake* обозначает молодого прожигателя жизни. *Popinjay* – это модный, но чрезмерно болтливый молодой человек, а *ponce* – женоподобный модник. Словосочетание *wide boy* применяется для обозначения мужчины-денди, который, однако, зарабатывает деньги нечестным путем. Таким образом можно сказать, что в целом англичане снисходительно и даже презрительно относятся к тем мужчинам, которые чрезмерно заботятся о своем внешнем виде. Несмотря на то, что дендизм как явление возник именно в Англии, отношение к денди в "Туманном Альбионе" нельзя назвать положительно маркированным.

Оценочная структура концепта "Женщина" в английском языке определяется такими параметрами, как "внешность", "манеры", "поведение", "свойства души", "ум". При этом для оценочной квалификации женской внешности в английском языке очень важны не только лицо, фигура и походка, но и эмоциональное воздействие, оказываемое женским обликом на окружающих. В отличие от русского языка, где довольно много лексем, характеризующих женщину по цвету лица, глаз или бровей (синеглазка, черноглазка, чернобровка, белоличка), в английском языке женщина характеризуется в основном по

цвету волос: blonde, goldilocks, brunette, redhead.

Если говорить о категориях оценочной лексики, то в первую очередь следует выделить слова эмоционально и экспрессивно окрашенные. Слова, относящиеся к экспрессивной лексике, усиливают выразительность речи. Слова, передающие отношение говорящего к их значению, относятся к эмоциональной лексике, выражающей человеческие чувства.

Наконец, можно выделить:

1) слова, выражающие положительную оценку называемых предметов или явлений;

2) слова, выражающие отрицательную оценку этих предметов или явлений.

К первой группе относятся высокие, ласкательные слова (иногда с оттенком легкой иронии), ко второй – неодобрительные и бранные. Наличие положительной или отрицательной коннотации, заложенной в значении слова, – важнейший показатель оценки.

"Сравнение языка с зеркалом правомерно: в нем действительно отражается окружающий мир. За каждым словом стоит предмет или явление реального мира. Язык отражает все: географию, климат, историю, условия жизни" [7, С. 109], – справедливо указывает С.Г. Тер-Минасова в своей книге "Язык и межкультурная коммуникация". Исследовательница продолжает: "Вспомним знаменитый, ставший хрестоматийным образцом лингвистического фольклора пример с многочисленными (по разным источникам от 14 до 20) синонимами слова белый для обозначения разных оттенков и видов снега в языке эскимосов. Или наличие нескольких обозначений для слова верблюд в арабском языке (отдельные наименования для уставшего верблюда, беременной верблюдицы и т. п.)."

В русском языке, по вполне очевидным причинам, есть и пурга, и метель, и буран, и снежная буря, и вьюга, и поземка, и все это связано со снегом и зимой, а в английском это разнообразие выражается словом snowstorm, которого вполне достаточно для описания всех проблем со снегом в англоязычном мире.

Интересный пример такого рода – многочисленные наименования определенного вида орехов в языке хинди" [7, С. 110].

Оценка является результатом процесса установления ценностного отношения субъекта к предметам или явлениям и неотъемлемой частью процесса отражения действительности в сознании человека. Как следствие, оценка имеет когнитивную природу.

Оценочные значения связаны с исходными, системно-категориальными смыслами концепта "Оценка".

"На лексико-семантическом уровне оценка является категорией, объединяющей сильные и слабые классы лексем (выделенных по сильным и слабым признакам); в качестве прототипического члена категории выступают лексемы хороший (хорошо) / плохой (плохо)" [5], – справедливо указывает Л.А. Сергеева.

Если говорить о функционально-когнитивном аспекте, то система оценочных значений представляет собой некий модуль, имеющий свою организацию и свои механизмы функционирования и взаимодействия с другими типами значений. представляет собой некий модуль, имеющий свою организацию и свои механизмы функционирования и взаимодействия с другими типами значений.

Оценочность рассматривается лингвистами как компонент коннотации, один из коннотативных признаков, как некое дополнительное значение, присущее семантике языковых единиц. Н.Б. Гвишиани рассматривает оценочность как эмоционально-экспрессивно-оценочный обертоном [1], А.В. Жуков пишет о коннотативном индексе [2], М.А. Кронгауз – о семантических ассоциациях [3]. Трудности практического разграничения коннотативных элементов связаны с тем, что они часто выступают в совокупности.

"В статическом аспекте оценочная семантика представляет собой семантическую сеть, узлы которой – оценочные значения – имеют разнонаправленные векторы связей в сторону "глубинной семантики" и в сторону лексико-семантической системы языка. В связи с этим значения многозначных оценочных слов также образуют единую сеть с многообразными семантическими связями между ее узлами", – пишет Л.А. Сергеева [5].

Соответственно, один из узлов сети – "хороший" / "плохой" ("хорошо" / "плохо") – это прототип категории, выделенный на основании наличия неких прототипических свойств. К этим прототипическим свойствам можно отнести специфичность, т.е. концентрацию неких специфических для данной категории признаков объектов. Такие признаки называют сильными, они имеют статус "источника производности" и воздействуют на производные варианты. Наконец, сильные признаки обладают наиболее высокой степенью регулярности.

В целом можно сказать, что категоризация оценочной семантики обусловлена наличием разных типов концептуальных различий. Л.А. Сергеева справедливо указывает, что "к первому типу относятся различия, имеющие классификационный (таксономический) характер" [5].

И далее: "Первая – интерпретационная – линия концептуальных различий, выделяемая внутри этого типа, обусловлена оценочной интерпретацией самой оценки как положительной или отрицательной (одобрительной или неодобрительной)" [5].

Далее следует репрезентативная линия концептуальных различий глобального концепта "оценка", отражающая степень представленности в семантических структурах языка ментальной структуры оценки. Различаются общие и частные оценки. К общей оценке относятся чисто оценочные значения – "лучшие" представители категории. Частные оценки отражают различные аспекты ценностей.

Затем следует отметить субъективно–объективную линию концептуальных различий, отражающую противопоставление ценностного отношения как субъекта и объекта оценки. Существуют субъективно–эмоциональные и объективные оценки. В то же время общеоценочные значения могут переходить в частнооценочные.

Семантические признаки оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности связаны с реализацией одноименных языковых категорий.

Оценочность – это функциональная категория, образность – отражательная, экспрессия – стилистическая, эмоциональность – психолингвистическая категория. Для всех этих категорий характерно наличие прагматического заряда, диффузности и взаимозаменяемости.

При этом необходимо разграничивать понятия "оценка" и "ценность".

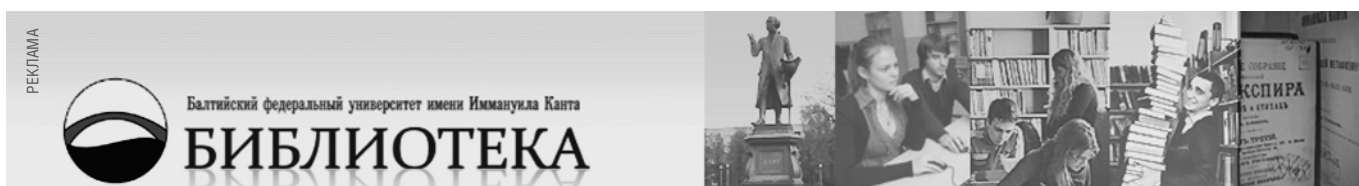
"Ценность" – это явление внешнего мира или факт мысли, оценка – это умственный процесс (акт), выражающий отношение индивида к предметам или явлениям. Процесс оценки зависит от установившейся в обществе системы ценностей, от устоявшихся норм и представлений о хорошем и плохом, красивом и некрасивом, правильном и неправильном. Оценка неотъемлемо связана с мировоззрением народа – носителя языка, с историей его культурного развития, а также со сложившимся в данном этносе критериями оценки.

Эти критерии оценки, в свою очередь, связаны с тем, какие главные ценности сформировались у данного этноса, каковы его представления о добре и зле, красоте и истине, правильном и неправильном, должном и недолжном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1979.
2. Жуков А.В. Лексико–фразеологический словарь русского языка: Более 1400 фразеологизмов. – М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2003. 603 с.
3. Кронгауз М.А. Семантика. Учебник. – 2–е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М.: Смысл, 2005.
5. Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 2001 // Диссертации по гуманитарным наукам. Интернет–ресурс [http://cheloveknauka.com/otsenochnoe-znachenie-i-kategorizatsiya-otsenochnoy-semantiki-opyt-interpretatsionnogo-analiza#ixzz4DYAT0f9]
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 139–146.
7. Тер–Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
8. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. – 1976. – №3. – С. 66–71.

© Д.В. Воронников, (foxhaund@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВЕЩАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

GENERAL TRENDS AND RESULTS DEVELOPMENT OF DOMESTIC BROADCASTING IN THE POST-SOVIET PERIOD

S. Grigoryan

Annotation

The article focuses on the main features and development trends, as well as the results of the restructuring of TV broadcasting in Russia after 1990. Considering the processes of privatization and the formation of new conditions of interaction between television media and government, the author identifies a number of essential prerequisites that are important for understanding the capabilities of modern domestic broadcasting in the field of mass communication in the country.

Keywords: Russian TV, the post-Soviet period, mass media, mass communication.

Григорян Светлана Валерьевна
Соискатель, Ассистент
каф. Массовых коммуникаций,
Российский Университет
Дружбы Народов

Аннотация

Статья посвящена выявлению основных особенностей и тенденций развития, а также результатов перестройки телевизионного вещания в России после 1990 г. Рассматривая процессы разгосударствления и формирования новых условий взаимодействия между телевизионными СМИ и государством, автор определяет ряд существенных предпосылок, важных для понимания возможностей современного отечественного телевидения в сфере массовой коммуникации внутри страны.

Ключевые слова:

Российское телевидение, постсоветский период, СМИ, массовая коммуникация.

Тенденции развития российских СМИ в постсоветский период после 1990 г. представляются особенно существенными с точки зрения происходящих в обществе и сфере СМИ глобальных информационных процессов, влияющих на изменения в деятельности отечественного телевидения от практически полного отказа от контроля государства над деятельностью СМИ до возврата к государственной информационной политике.

В целом истории развития СМИ постсоветской России посвятили свои работы Я.Н. Засурский, Е.В. Яковлев, Л.Л. Реснянская, С.С. Смирнов, И.И. Засурский, Р.П. Овсепян, А.А. Грабельников, А.А.Золотухин и многие другие ученые и публицисты, что говорит об очевидном интересе к этой проблеме.

По мнению А.А.Грабельникова, "Телевидение транслирует новые образы и модели поведения, по которым начинают выстраивать свою жизнь, свои подходы к решению проблем люди" [1]. Несмотря на активное развитие интернет-технологий, а во многом и благодаря им (переход телевидения на интернет-технологии), роль телевидения в региональной массовой коммуникации остается очень высокой. Еще в 2006 г. по статистическим данным, каждый день телевизор смотрели 72% населения страны (причем от 18 до 24 лет – 69%, а от 45 до 59 лет – 75%). В будни 35% населения проводили перед те-

левизором по 3–4 часа, а в выходные и праздничные дни – почти 30% – по 7–8 часов [2. С. 6]. С тех пор ситуация существенно не поменялась.

Кризис 1992–1993 гг. охватил все СМИ, но прежде всего особенно сильно ударил по периодической печати. Электронные СМИ оказались в несколько лучшем положении: в условиях падения тиражей газет и журналов естественно возростал интерес к электронным СМИ как к носителям информации. Соответственно, начавшая формироваться индустрия рекламы ориентировалась в первую очередь на рынок электронных СМИ, что обеспечило последним приток определенных финансовых средств. Кризис коснулся и электронных СМИ, которые, находясь на фактически полном финансировании у государства, оказались в менее зависимом положении. Однако выделяемых государством средств (а кроме государственных иных телеканалов не было) хватало только на зарплату сотрудников и распространение сигнала. Речи о собственном производстве не шло. В несколько лучшем положении пребывало радиовещание в силу изначально более дешевого производства продукции.

В этих условиях встали вопросы самого существования СМИ и форм этого существования, поскольку в новых условиях старые формы были уже невозможны хотя бы по причинам политического, экономического и юридичес-

кого характера. И телевидение, и радио тоже были вынуждены менять основы своей финансово-хозяйственной деятельности исходя из изменившегося законодательства. Если печатные СМИ акционировались в той или иной форме, то электронные СМИ либо меняли форму собственности (телевидение), либо учреждались собственниками (интернет-издания или телекомпании НТВ и Рен-ТВ, радиостанции) в удобной для собственника организационно-правовой форме в соответствии с действовавшим законодательством). Особенно ускорился этот процесс после президентских выборов 1996 г., когда сформировавшимся к тому моменту финансово-промышленным группам начали передаваться государственные активы, в том числе и телеканалы. Именно тогда телеканал НТВ в нарушение всех условий получения лицензии, получив в свое распоряжение 4 частотный (образовательный) канал, прекратил трансляцию на нем всех образовательных программ.

Последовавшие затем изменения в руководстве страны, перемены в экономической ситуации стали оказывать влияние и на развитие отечественных СМИ, которые снова стали обретать своих владельцев. ВГТРК оформилась в холдинг, включив в себя региональные телекомпании, а также телеканалы "Россия" и "Культура", радиостанцию "Маяк", радио "Культура". Акции Общественного российского телевидения оказались снова переданы государству, НТВ в результате финансовой несостоятельности отошел к "Газпрому-Медиа" вместе с журналом "Итоги" и радиостанцией "Эхо Москвы".

В условиях демократизации и гласности в структуре средств массовой информации все большее значение приобретали телевидение и радиовещание, как средства массовой информации, способные передавать информацию, как бы сейчас сказали, в режиме "он-лайн". Все передающие станции страны работали в единой системе. ЦТ вело передачи по 14 программам – все шли в цветном изображении для 5 вещательных зон среднесуточным общим объемом 183, 5 часа. Помимо этого в каждой республике Союза работала своя студия телевидения. В зоне уверенного приема телевизионных программ проживало почти 90% населения страны. Передачи Всесоюзного радио велись по 14 программам, включая дубли для всех часовых поясов. В 1986 г., кроме Всесоюзного радио, передачи готовили 162 комитета. Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию он был преобразован во Всесоюзную государственную телерадиовещательную компанию, за которой, как и в прошлые годы, во многом сохранилось монопольное право на технические средства.

Начало 90-х годов прошлого века было отмечено небывалым количественным ростом прежде всего печатных СМИ, поскольку юридически их было легче учреждать и с точки зрения производства легче издавать, в отличие от СМИ электронных (интернет на территории СССР в те годы еще не получил какого бы то ни было развития и в остальном мире начинал делать только первые

шаги, превращаясь из "развлекаловки" ограниченного круга лиц в подлинное средство массового общения и информации).

В 1995 г. СМИ превращаются в основное средство политической коммуникации, как пишет И.И. Засурский: "Происходит полное переплетение политической сферы и СМИ, что позволяет говорить о медиатизации политики и формировании медиа-политической системы" [3]. Но роль СМИ в этой политической коммуникации и системе становится гораздо менее самостоятельной, ибо почти все из них именно в это время переходят в руки крупного капитала.

Началом этого процесса можно считать февраль-март 1995 гг., когда в преддверии парламентских и президентских выборов начало создаваться ОПТ – по политическим соображениям это происходило заблаговременно, чтобы не так явно был виден процесс акционирования первого канала. С создания ОПТ начинается также и история "теневого" медиа-холдинга Бориса Березовского, основной особенностью которого был неафишируемый контроль за средствами массовой информации. Происходит деградация ряда "сущностных" функций СМИ, включая коммуникативную, социально ориентирующую и культурно-образовательную, а на первый план выходят функции сугубо релаксирующие и развлекательные.

Сущностные характеристики, которые определяли развитие российских СМИ на каждом из выделенных этапов в постсоветский период, естественно, полностью относятся и к электронным СМИ. Однако в развитии последних были свои существенные отличия, поэтому мы рассмотрим их развитие отдельно, причем отдельно и телевидения, и радио.

К началу перестройки в стране функционировала в своем роде уникальная единая система теле- и радиовещания, подчинявшаяся Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию. С одной стороны, это была гигантская по своим масштабам унифицированная техническая система распространения телевизионных программ по всей территории страны, имевшая сдвиг по времени на шесть часов в соответствии с различными часовыми поясами. Эта техническая система сохранилась и поныне. По мнению Я. Засурского, "Имеющаяся материально-техническая база распространения телепрограмм (спутниковая связь, ретрансляционная сеть, тысячи километров радиорелейных линий), бывшая основой общесоюзного вещания, по-прежнему может служить могущественным средством консолидации общества" [4].

С другой стороны, существовала единая система производства и показа телевизионных передач и программ, которая называлась Центральным телевидением. Оно показывало передачи по 14 программам в цветном изображении с учетом дублей для первой и второй общесоюзных программ для 5 вещательных зон. В зоне уверенного приема телевизионных программ проживало более

230 млн. человек из 250-миллионного населения страны, то есть почти 90% жителей. Среднесуточный объем всех программ Центрального телевидения составлял 183,5 часа. В каждой союзной республике работала своя телевизионная студия, вещание велось на 45 из 110 языков народов и народностей СССР. В условиях демократизации и гласности телевидение существенно расширило региональное и местное вещание, собственные телевизионные студии появились во всех областных центрах – там, где их ранее не было. Если в 1989 г. в стране имелось 119 программных телецентров, то в 1990 г. вещание вел уже 131 программный телецентр.

С другой стороны, существенно изменилось содержание телепередач, телевидение стало более свободным, во многом восстановило его характерные сущностные диалоговые функции. Популярными стали телемосты с другими странами, передачи в прямом эфире, публицистические программы и проблемные передачи. Появились такие неординарные и интересные программы, как "Прожектор перестройки", "Взгляд", "До и после полуночи", "Пятое колесо", "600 секунд".

После появления закона о СМИ коренные преобразования начались и на телевидении. Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию в феврале 1991 г. был преобразован во Всесоюзную государственную телерадиовещательную компанию – ВГТРК. Но за ней, как и в прошлые годы, во многом сохранилось монопольное право на технические средства.

Электронные СМИ лицензировались и структурировались несколько иначе, чем СМИ печатные. Телевизионные каналы либо модифицировались по структуре управления (акционировался Первый канал, став Общественным российским телевидением, а сегодня снова Первым), либо приняли иную форму управления (ВГТРК стала федеральным государственным унитарным предприятием). Появились новые телеканалы, которые были учреждены заново (НТВ, Рен-ТВ).

После отпуска цен в 1992 г. и в ходе спровоцированного этим экономического кризиса телевидение оказалось в несколько лучшем положении, чем печатные СМИ. Поскольку телевидение в прежние времена находилось на фактически полном содержании именно у государства, оно оказалось в менее зависимом положении от перемен. При катастрофическом падении тиражей печатных СМИ вследствие снижения платежеспособного спроса населения, естественная потребность общества в информации и потребность государства в информировании населения стала осуществляться в первую очередь за счет телевидения, что государству было сделать проще, учитывая оставшиеся практически неизменными каналы финансирования телеканалов из госбюджета и бесплатность их просмотра, за исключением расходов на электроэнергию.

Нерегулярность контактов аудитории с прессой привела к коренному перераспределению ролей в системе массовой информации. К началу 90-х гг. газеты утрати-

ли былое лидирующее положение как источник массовой информации в целом и особенно информации оперативной, проиграв телевидению. Телевидение оказалось лидером, особенно в сельской местности.

Кроме того, поскольку с учетом падения тиражей печатных СМИ естественно возрастал интерес к СМИ электронным как к носителям информации, соответственно и появившаяся индустрия рекламы переориентировалась в первую очередь на рынок электронных СМИ, что обеспечило им приток определенных финансовых средств, хотя рынок рекламы еще не был структурирован и только зарождался.

Безусловно, кризис коснулся и электронных СМИ. Выделяемых государством и получаемых от только зарождавшегося рынка рекламы средств хватало только на оплату сотрудников и распространение сигнала. О полноценном собственном производстве программ речи в этих условиях не шло. Огромное распространение поэтому получили импортные телепродукты, произведенные западными СМИ очень давно и продаваемые их производителями нашим вещателям задешево, но пользовавшиеся спросом как нечто новое на рынке.

После президентских выборов 1996 г. успевшим сформироваться крупным олигархическо-финансовым структурам начали передаваться материальные и нематериальные государственные активы. К последним можно условно отнести телеканалы. Именно тогда телеканал НТВ в нарушение всех условий получения лицензии получил в свое распоряжение 4 частотный (образовательный) канал, прекратив трансляцию на нем всех образовательных передач.

Указом Президента от 8 мая 1998 г. и соответствующим постановлением правительства "О формировании единого производственно-технологического комплекса государственных электронных средств массовой информации" на базе ВГТРК создана единая государственная корпорация аудиовизуальных СМИ. Таким образом, ВГТРК оформилась в холдинг, включив в себя 99 региональных телекомпаний, а также телеканалы "Россия" и "Культура" и региональные передающих радиотелецентры как филиалы государственной компании на местах. Акции Общественного российского телевидения оказались снова переданы государству, телеканал НТВ в результате формально финансовой несостоятельности отошел к "Газпрому-Медиа".

Для последнего этапа развития российских СМИ в постсоветский период в плане именно телевидения характерны также еще три принципиально новых явления: 1) переход от жесткой вертикали (вершина пирамиды – Гостелерадио, которому подчиняются республиканские, краевые, областные и городские телерадиокомитеты) к горизонтальным связям между различными телеорганизациями; 2) освоение хорошо знакомого на Западе, но принципиально нового для отечественной телесистемы сетевого принципа распространения телепрограмм; 3) бурное развитие платного кабельного и спутникового те-

левидения.

Вместе с тем, хотя влияние фактора аудитории на функциональную, типологическую, тематическую структуру СМИ в целом возрастает, именно на эфирном телевидении (в отличие от кабельного и спутникового) оно анализируется не прямо, а через рекламную составляющую. На эфирном телевидении отношения купли-продажи с аудиторией имеют ограниченный характер, оно не дает финансовых поступлений от аудитории. Основное финансирование коммерческого телевидения осуществляется за счет рекламы, размещаемой в привлекательных для больших аудиторных групп телепрограммах. Чем выше рейтинг телепрограммы у той или иной аудиторной группы, тем больше объемы и расценки рекламных поступлений.

Забываясь о росте рейтинга передач и соответственно о рекламных поступлениях, все крупнейшие телеканалы (за исключением телеканала "Культура") акцентируют внимание на программах, адресуемых широкой аудитории, и отказываются от низкорейтинговых, узкоцелевых. Поэтому художественные фильмы, музыкальные и развлекательные передачи забирают более 60% эфирного времени и благодаря включению в них рекламных блоков обеспечивают солидные финансовые поступления. И наоборот, сокращается выпуск телепрограмм, которые не доходны с точки зрения рекламы, – для детей, пенсионеров, небольших этнических, региональных и других групп населения, а также образовательных, научных, культурно-просветительских.

Очевидно, что бурное развитие кабельного и спутникового платного телевидения буквально в последние годы должно позитивно повлиять на программную политику эфирного (антенного) телевидения. Кабельное телевидение предоставляет широкий выбор телеканалов с художественными программами, концертами, классикой мирового и отечественного кинематографа, сериалами и т.д. В этих условиях эфирное телевидение будет вынуждено сократить объем сугубо развлекательного вещания и в большей степени сосредоточиться на аналитических, просветительских и образовательных программах.

Для развития отечественного телевидения в постсоветский период характерны следующие особенности, отличающие его от развития других (прежде всего, печатных) СМИ:

1. со времени экономического кризиса 1992 г. и до

настоящего времени именно телевидение стало и продолжает оставаться сейчас главным каналом информирования населения, объединяет в основном в единое информационное пространство всю территорию.

2. рекламная составляющая является важнейшим источником финансирования эфирного телевидения, играет более значительную роль в его финансировании, чем в финансировании других СМИ (и печатных, и даже радио), и поэтому во многом определяет его программную политику;

3. на эфирном телевидении именно из-за важнейшей роли рекламы для его финансирования наблюдается явный перекос в сторону развлекательных программ, оно в отличие от печатных СМИ и радио в наибольшей степени далеко от "стандарта" универсального общественно-правового СМИ, выполняющего важнейшие социальные функции.

4. несмотря на выход телеканалов в интернет-вещание, популярность эфирного телевещания способствует обстоятельству, что телевидение продолжает оставаться собеседником, не требующим к себе особого внимания (в отличие от компьютера, который не позволяет получать информацию и одновременно заниматься другими делами), но обладает эффектом личностного общения.

Отечественное телевидение в постсоветский период объединяет в основном в единое информационное пространство всю территорию страны, рекламная составляющая играет более значительную роль в его финансировании и поэтому во многом определяет его программную политику, в эфире наблюдается явное преобладание развлекательных программ, в отличие от печатных СМИ и радиовещания, телевидение уходит от выполнения важнейших социальных функций.

СМИ современной России стали единственными продолжателями традиций отечественной качественной журналистики, являясь по своей сути не официальными, а общественно-политическими изданиями, а тенденции развития российского медиапространства подтверждают необходимость обеспечения единого государственно-информационного и правового пространства с помощью СМИ, как выразителя интересов всего общества и средства сообщения максимально объективной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грабельников А.А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя: Монография. – М.: РУДН, 2008.
2. Ковалев К. Пациенты для психдиспансера // Лит. газета. – 2006. – № 49. – С. 6.
3. Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. – М. изд-во МГУ, 1999.
4. Засурский Я.Н. Средства массовой информации постсоветской России – М.: Аспект Пресс, 2002.

АСПЕКТЫ ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОТЕСТАНТСКОЙ ПРОПОВЕДИ

ASPECTS OF THE LINGVORITORICAL ANALYSIS OF PROTESTANT SERMON

M. Zuev

Annotation

A review of some aspects of religious Evangelical (Protestant) discourse, their characteristics, and strategies of administration as in the temple, and outside of the church instructions. Considered "linguateca of intertext" as the main intellect orientation interpretation–preaching discourse. The special attention is paid to the desire for receiving the limiting material benefit from reading the Bible for the fortunate result of many tasks in everyday life. The important component of the derivative of the explication of the biblical text is borrowing systematization of the preacher's words at the micro and macro levels.

Keywords: religious discourse; language policy; sermon; confession-alization; linguatēca.

Зуев Михаил Борисович

К.филол.н., доцент,

ФГБОУ ВО Сочинский

государственный университет

Аннотация

Выполнен обзор определенных аспектов религиозного проповеднического (протестантского) дискурса, их признаки и стратегии отправления как храмового, так и внехрамового наставлений. Рассматривается "лингвориторика интертекста" в качестве главной речемыслительной ориентации толковательно–проповеднического дискурса. Особое внимание уделяется желанию получить предельный материальный доход из прочтения Библии для удачливого результата многих задач будничной жизни. Важной составляющей производной экспликации текста становятся библейские заимствования, систематизирующие слова проповедника на микро– и макроуровнях.

Ключевые слова:

Религиозный дискурс; речевая политика; проповедь; конфессиолизация; лингвориторика.

Построение стратегий большинства религиозных дискурсов определяется их целевой и жанровой направленностью. Основные задачи культурного проповеднического дискурса, которые имеют конечную цель – это приобщение человека к принятию и отпращиванию служения Божественному существу, – к ним также причисляются: получение божественной опоры; очищение духовного начала; дарование своим окружающим света истинной веры; призвание к покаянию; утверждение превалирования религии и достоинств конфессии; разъяснение положений культа как можно большему количеству людей; осознание через обрядовое отряжение особенности данной веры.

Методологический базис статьи составляют такие работы исследователей в сфере антропоцентрической лингвистики как (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, Ю.Н. и др.), теории текста и дискурса (М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Р. Барт, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин, В.Э. Демьянков, Ю. Кристева и др.); исследования феномена интертекстуальности и прецедентности (И.В. Арнольд, В.В. Красных, Н.А. Кузьмина, Г.Г. Слышкин, Н.А. Фатеева), религиозного дискурса (И.В. Бугаева, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, и др.), классической риторики и неориторики (Н.А. Безменова, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский, и др.), лингвориторической парадигмы (А.А. Ворожбитова).

Следовательно, выделяются определенные направления религиозного дискурса: разъясняющая и обрядовая, призывающая, утверждающаяся, молитвенная, исповедальная. [Карасик, 2002, с. 477] Исследователь А.Г. Салахова определяет следующее металингвистическое вербальное планирование духовного рассуждения, как объясняющая стратегия самоидентификации, оценка стратегии, стратегии призыва и фасцинации. [Салахова, 2008, с. 153–155] Рассмотрим их признаки.

Речевая стратегия самоидентификации в религиозном дискурсе, и в отпращивании проповеди, имеет целью создание осмысления общего начала у единоверцев, а так же, крайне важно на противопоставлении первых от других. Аутентификация воспринимается как движение по определению самобытности уверовавших, как неповторимость, особенность верующих людей, их редкость от остальных, "чужеродных" религиозных общин. В проповеди "своими" представляются все члены данного религиозного сообщества, которые противопоставлены всем другим людям общности.

Направление речевой политики объяснения определяется как "последовательность намерений, сориентированных на информирование индивидуума, изложение ему воззрений и знаний о бытие". [Карасик, 2002, с. 477] В процедуре дефиниции осуществляется экстралингвисти-

ческая миссия общения. Экстралингвистика подразумевается как "язык "второй очереди", по позиции к которому обычный язык людей выступает как "язык-конструкт", т.е. как вопрос филологического анализа". [ЛЭС, 1990, с. 297] Задача коммуникаторов заключается в выявлении результативности речевого кода, который они используют при помощи метаязыковой функции, что, в свою очередь, применяется для разъяснения широким массам просвещающих лакун, несущих информацию о событиях в далеком прошлом, например, в период жизни Иисуса, или в интерпретации ситуационного образа действий потомков Адама, растолкованных в Ветхом Завете.

Политика речевого оценивания отображает общественный статус проповедника как представителя религии, т. е. называемого проводника чаяний людей к Богу, пастыря, доводящего основы религиозного вероучения до паствы. Стратегия опирается на праве служителя божьего оценивать события, обстоятельства и определять действующих лиц, о которых идет речь при общении с прихожанами, а также контролировать поступки самих верующих. В процессе осуществления оценивающей стратегии проповедь выступает в качестве главного сегмента в ходе конфессиолизации потребителей религиозного дискурса. Проповедь, осуществляемая как назидательная речь пастве генерирует восприятие действительности прихожан через религиозную аксиологию.

Речевая стратегия призывания используется для следующих целей проповеднических выступлений, которые заключается в побуждении верующих к покаянию и вере. Пастор не только разъясняет подтекст Священного Писания, но и призывает определять бытие верующих в соответствии с канонами христианского исповедования.

Фасцинация, как речевая стратегия, определяет проповедь как лауну, взывающую к эстетике и эмоциям реципиентов. Это одна из главных ипостасей проповеднических высказываний. Увещевание продолжается через "эмоциональное заражение", инспирацию прихожанам конкретных принципов христианской религии. Наставление в вере обладает широкими возможностями гериархального влияния на сознание и мироощущение слушателей. При отправлении проповеди основное внимание проповедник придает подбору риторических методов увещевания, а так же использует весь спектр средств лингвистического выражения. Таким образом, суть направления политики фасцинации заключается в акцентированной эмоциональной суггестивности на слушателей.

Согласно предположениям исследователя А.Г. Салаховой, в процессе осуществления описанных выше стратегий религиозное нравоучение выступает синхронно и как жанр обиходного и основополагающего дискурса. Направление политики речевой фасцинации представляет проповедь в основном как стиль повседневного ди-

скурса. [Салахова, 2008, с. 153–155] Расхождения в отправлении религиозно-проповеднического жанра в соборной и внесоборной проповедях предопределены историей возникновения и процесса указанных видов разрядов. Исследователь Д.С. Лихачев замечает, что "жанр храмовой проповеди был "трансплантирован" на русскую религиозную почву из литератур Болгарии и Византии. Уже в XI в. появились оригинальные произведения русских книжников". [Лихачев, 1979, с. 357] Храмовая проповедь сегодня, несмотря на стремление к метаморфозам стиливого порядка, во многом сохранила черты традиций средневековья.

Можно определить следующие языковые качества соборной проповеди: употребление лексикона возвышенного стиля (в т. ч. библеизмов, архаизмов). Изучение соборных наставлений показывает их примитивизацию, бедное употребление тропов высокого жанра. Цель подобного примитивизма заключается в упрощении разъяснений для реципиентов основной трактовки библейских истин, в понижении степени наполненности самой проповеди, из-за провиденциализма менталитета паствы.

В отличие от храмового наставления, имеющего давние корни, образец внехрамового американского проповеднического рассуждения начал складываться в 70-е гг. XIX в. (вместе с возникновением в США самой организации "Свидетели Иеговы"). Дело в том, что существующая храмовая проповедь основана на средневековой традиции декламации проповеднических лакун (например, проповедование Отцов Русской Православной Церкви), то внехрамовая опирается на западную схему, т.е. проповедование отдельных идей американских служителей, с историей существования менее двух столетий. Например, на проведение внехрамовой проповеди претендуют светские руководители, не имеющие религиозного образования и не рукоположенные. Во внехрамовых проповеднических лакунах совместно с вышеуказанными стратегиями (как толкование Библии; прелюдия общения, сецессия из взаимосвязи, благоприятного налаживающего плана и др.) наблюдается политика и тактика конъюнктивных приемов. [Захаренкова, 2008, с. 153]

К характерным свойствам отправления внехрамовой проповеди относятся: частичное изменение лексики высокого жанра (за исключением библеизмов); ориентация на упрощенное толкование Библии, следовательно библейские реминисценции произносятся только на родном языке; наличие выразительного окрашенного тезауруса и специфически подготовленных речевых средств, к примеру, применение ироничного отношения к остальным, которые не одобряют направленность религиозных верований последователей секты; рефренное употребление слов и выражений с подтекстом совершения однозначного действия (организованная функциональность, благополучное урегулирование повседневных задач, приоб-

щение к конфессии, успех, нахождение новых сторонников и т. д.); преобладание слов "свершение" и "счастье".

Исследователь Л.П. Крысин отмечает, что для лакун протестантских проповедей свойственно рефренное применение следующих комплиментарных определений – прилагательных, таких как: Божье слово, Венец творения Божьего, Господь Всемогущий, Верховное существо и т. п.), а также надевание однородных моделей, приумножающих эксплицитное влияние изречения. [Крысин, 1996, с. 135–138] Подобные виды построений, сплачивают духовный стиль с официально–деловым, применяются как в соборных, так и в внехрамовых религиозных поучениях. Участники формирования аналогичного рассуждения миссионеры как тип языковых индивидов активизируются в коммуникации со значительным количеством людей, т.к. паства выступает в качестве представителей большей части социума. Исследователь В.И. Карасик считает: "... специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы и пр. Конфликт... между тем, кто несет высшую истину, и тем, кто обеспечивает трансляцию и адаптацию этой истины, составляет сердцевину драматургического развития религии". [Карасик, 2002. с 318–330]

Филологом А.А. Ворожбитовой были аргументированы два типа идеоречецикла: "прозаический", т. е. ментально–интеллектуальный, при котором ступени "от мысли к слову" располагаются в "правильной" очереди; "поэтический", аффективно–эмоциональный, или "неправильный". Повседневные лакуны метафизического дискурса ориентирования на успех любого адепта структурно представляют из себя диспозитивно–инвентивную решетку с элокутивным материалом. В этой статье выдвигается на рассмотрение убеждающий и разъясняющий проповеднический дискурс третьего типа идеоречецикла – "толковательно–проповеднического".

Рассматривая церковное поучение как побочный религиозный стиль (толкование некоторого первичного сообщения), Н.Б. Мечковская определяет своеобразность коммуникативности в религиозной мифологической деятельности в "... процессе коммуникации, который инициируется в частности с наставлением людей". "По отношению к Слову Бога всякая проповедь – это текст "второго порядка", слово наставника по поводу слова Бога. Цель проповеди состоит в донесении смысла слова Бога до сознания людей. Такая передача смысла представляет собой ту или иную адаптацию первичного текста (слова Бога) к возможностям человеческого разума. Адаптация может состоять в полном или частичном переводе первичного текста на более понятный язык, при этом вторичный текст может быть и расширением исходного и, напротив, его сжатием (компрессией)" [Мечковская, 1998, с. 205].

Следствие адаптации сжатия лакуны связано с вторичным текстом, где присутствуют лишь основные значения. К средствам раскрытия изначального текста Библии в дальнейшем проповедническом дискурсе как производной трактовке священных текстов, относятся следующие: различного рода пояснения; рефрены тех или иных основных подтекстов; дополнение к тексту новой пафосно окантованных, агитирующих или зарождающих материалов в соотношении с требованиями проповеднического стиля, проектирующего энергичность производителя дискурса в желании увещевания своей паствы.

Рассуждая о видах дискурса в обрамлении какого–либо национально–социального объединения, исследователь В.В. Красных отмечает, что с ними соотносятся "реорганизации" предшествующего, несомненным образом "аккомодированные" сообразно с той областью, в которой он используется. [Красных, 1999, с. 352] Это означает, что границы религиозного дискурса меняются из–за национально–культурного направления общества в целом.

Западный дискурс проповедника определяет личность священника–ритора, вынужденного реагировать на чаяния общности верующих: сначала сообщать о божественном промысле доступными средствами, затем – убеждать паству в прикладном использовании Высшей воли. Исследователи В.А. Сухарев и М.В. Сухарев в своем издании "Психология народов и наций", показывают, что искусство убеждения относится к числу характерных национальных особенностей жителей Америки. "Американцы полагают, что любой, имеющий общественно значимые идеи, обязан мастерски их демонстрировать, причем так, чтобы ему поверили, пошли за ним, проголосовали за него". [Сухарев, 1997, с. 400] Какими средствами для воплощения образа воспользуется ритор, какие доводы станут приводить к профиту задуманной интерпретации священных лакун, зависит итоговая задача – оптимальное распространение количества адептов. Пафосная идея дискурсивно–текстообразующей стратегии основывается на коммуникативных тактиках современного американского проповеднического дискурса и определяет его характер: (создание идеальной группы/ формирование неприятия носителей отвергаемых идей, привлечение повседневного и/или околонунаучного познания истины, обращение к "вечным ценностям", сообщение/ четкость, деперсонализацию/ персонализацию.

Направленный на получение практических эффектов, современный проповеднический американский дискурс для "выдвижения индивида на первый план мироздания с попытками его взять на себя функцию единоначального творца и управителя всем многообразием духовного и материального мира" [Лапухина, 2006, с. 42] базируется на восприятии отдельного человека как деятельной фигуры, креативным способом инверсии мыслительного и поведенческого образа поменять сам этос повседневно–

сти, защититься от жизненных провалов, болезней, и получить успешность, достаток и физическое здоровье, т.е. все то, что понимается под западным определением общественное признание. Такая доктрина призывает вернуть индивида современного общества, который как потерялся в поиске духовной радости, обратиться к религиозной возвышенности и к истинному триумфу. Ценность благодати предполагается как принадлежность к существованию, а так же ее перцепция. Безоблачная земная жизнь принимается одним только способным и верным порядком экзистенции индивидуума в мироздании, жизнь предопределяется как активное, деятельное, возвышенное и радостное бытие. Счастье и созидание, творчество являются истинными сателлитами всеобщей радости – это основная экспликация людей как господствующего творения Господа на Земле в современном американском проповедническом рассуждении и понимается как основная функция человеческого бытия, как исключительный храм и уникальная религия–вера, служению которой необходимо подчинить собственную земную жизнь. Подобное суждение целиком отклоняет важность окружающего мира и социума для осознания и ощущения счастья. М.В. Лапухина подчеркивает, что "массовые прежние "рецепты" счастья, взятые из обнаруживаемых современных основ эзотерического толкования, эквивалентны народным знаниям, принятым обществом, убедительны в своей простоте, т.к. предписывают человеку направлять все свои силы и сосредоточить всю свою деятельность на градацию гармонии его внутренней сущности и на изменение окружающего мира. [Лапухина, 2006, с. 44]

Исследования, позволяющие такую ориентацию в постижении благоденствия, особенно многолики по средствам претворения, но тем не менее, они динамично вращаются в современной религиозной организации цивилизации, придерживаются основной дефиниции – направлять человека на стезю естественной, изначальной и достижимой благодати. Одними из известных российских и западных исследователей автору статьи представляются такие знатоки положительного изменения постижения, как Н. Правдина, В. Лермонтов, Джозеф Мерфи, Нил Доналд Уэлш, Сан–Лайт, Д. Чопра, Л. Хей, Ошо, соединяющие в своих дидактиках эзотерические познания и философию Востока. [Лапухина, 2006, с. 48]

В статье автор признает целостность доктрины благоденствия, которая определяется сочленением общих знаний эзотерики, основ восточных традиционных философий, современных достижений физико–математических наук в новейших технологиях и методиках, подтверждающих успех теории. По словам М.В. Лапухиной, понимание счастья отражаются в национально–этнических традициях, следовательно трактовать подобный феномен возможно единственно с пониманием установленной этнической культуры, познаний, структур ценностей и норм этики общества. Американская идея благополучия,

переработанная соответственно историко–культурной традиции, представляется как ""матрешка" бытия", которую создает сам индивид, увеличивая вокруг собственной сущности созидательную и положительную активность, которая соответственно правилам единого инфо–энергетического пространства Вселенной во много раз увеличивает общий вес счастья на Земле, таким образом создавая дискурс успеха, процветания, благоденствия и личных свершений. [Лапухина, 2006, с. 52]

Метафизическая сущность проповеднического дискурса, таким образом, заключается в утверждении сверхчувственных статутов и основах бытия, модифицируется в западном проповедническом дискурсе в направлении культурно–исторических норм и предопределяется эпицентром познающей личности. Под национально–ориентированной трансформацией формы проповеди, в контексте с инвентивно–диспозитивной базой и ее элокутивной нагрузкой, под референциями американского проповеднического дискурса, автор оценивает: ничем не стесненное истолкование (причем "интерпретация речи не менее созидательна, чем продуцирование речи") [Демьянков 2001, с. 309–323]; дислокация моральных правил для достижения установочных целей; лимитированная независимость в выборе приемов риторического воздействия.

Исследователь А.А. Ворожбитова обособляет три вида лингво–риторических (ЛР) преимуществ: этосные, логосные, пафосные. В соотношении с превалированием ЛР важности того или иного вида формируются жанры: художественно–поэтический; научно–деловой; проповеднический; публицистический; направленные на главенствующее побуждение этических, рациональных, эстетических речевых переживаний. Писание как интегрированное знаковое единство понимается в виде суперлингвориторической неразделимости, которая формируется полным комплексом лингвориторических ценностей различных групп и языковых жанров.

Лингвориторический подход к изучению текста определяет специфику разбираемого дискурса. Ввиду того, что для людей исповедующих христианство Божественное Слово – это главным образом тексты Священного Писания (в протестантизме в наибольшей степени), то самой ключевой характеристикой христианской проповеди можно назвать ее "укорененность" в библейских сюжетах, что соразмерно текстовому разряду интертекстуальности в ее наиболее эксплицитном и очевидном модусе. Осуществление вида интертекстуальности в лакуне проповеди совершается: путем воссоздания в тексте проповеди четкой библейской репрезентации, послужившей ее отправным пунктом; из–за воздействия на толкование проповеди всего блока библейских текстов.

В понимании лингвориторики интертекста автор статьи исходил из того, что интертекстуальность как обяза–

тельный признак креативной речемыслительной отправки индивидуума выступает в виде знака основных составляющих ее содержательных отличий. "Если раньше использование в дискурсе фразеологизмов, изречений, тропов и идиом, иносказательности, выдержек из Писания было главным образом делегировано на "декорирование" речи, то здесь это осознается как общественно-культурное явление, свидетельствующее парадигматические и синтагматические отношения использованного в тексте тропа, т.н. ее "распускание". [Костомаров, 2001, с. 58; Бурвикова, 2001, с. 58]

Употребление афоризмов, ссылок на религиозные догмы, наполнение проповеди выдержками из Евангелия дают референцию избытку ассоциативно-вербальной сети производителя словесного выражения как личности, владеющей силой языкового внушения, способному влиять построение картин мира других людей.

Исследование различных эпизодов других религиозных рассуждений и трансформаций создает референцию авторского этоса; определенной концепции применения компонентов интертекста в своем речевом создании, методы "встраивания" инородной лакуны в свой дискурс порождают логосную оригинальность идиодискурса; генерируемый при этом необычный языковой оттенок формирует своеобразный эстетический пафос.

План инвенции как смысл значения изложения обоз-

начается в значимости составляющих интертекста (аллюзии, реминисценции, заимствования и т.д.) определяют проблематику высказываний.

План диспозиции – диспозиция создания – происходит под воздействием интертекста на комбинацию конструкции высказывания (употребление в тексте эпизодов других лакун, письменных свидетельств, художественными героями произведений и т.д.

План элокуции, т.е. описания консультанта, в рамках интертекстуальности рассчитывает на моделирование нового жанра дискурса из-за многообразия интертекстуальных привнесений.

Таким образом, в статье определены подходы объяснения понятия лингвориторическая концепция, ключевым определением которого является смысл "лингвориторической парадигмы"; обозначено понимание соответствия "дискурс"/"текст"; реферирован религиозное единство как часть протестантского высказывания, аннексирующий значительный налет речемыслительной работы; показана исключительность протестантского американского дискурса; аргументировано понятие "дискурс успеха" касательно к протестантскому американскому проповедническому единству XX в.; на основании лингвориторического метода исследована тезисная структура, опирающаяся на нидус "лингвистика интертекста".

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиознотические) стратегии / В.З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – Москва, 2001. – С. 309–323.
2. Захаренкова О.С. Манипулятивные стратегии и тактики во внехрамовой проповеди (на материале проповеднических текстов старейшин организации "Свидетели Иеговы" в Красноярске / А.С. Захаренкова. – Access mode: http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0088714.pdf. – С.153.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена. – 2002. – С. 256–257.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс Монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена. – 2002. – С. 198–199.
5. Карасик В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. – 2002. – С. 318–330.
6. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров [и др.] – Санкт-Петербург: Златоуст, 2001. – С. 58.
7. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография / В.В. Красных. – Москва: Диалог МГУ, 1999. – 352 с.
8. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка / Л.П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Виокур. Москва, 1996. – С. 135–138.
9. Лапухина М.В. Философия и культура XX века в представлениях о феномене счастья / М.В. Лапухина. – 2006. – Access mode: <http://www.culturology/journal/5/lapuhina2.htm>.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – Москва, 1979. – 357 с.
11. ЛЭС 1990. – С. 297.
12. Мечковская Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – Москва: ФАИР, 1998. – С. 205.
13. Салахова А.Г. Современная религиозная проповедь как креолизованный речевой жанр / А.Г. Салахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1/1. – С. 153–155.
14. Сухарев В.А. Психология народов и наций / В.А. Сухарев [и др.]. – Донецк: Сталкер, 1997. – 400 с.

РАННЯЯ ПУБЛИЦИСТИКА Н.С. ЛЕСКОВА. ОЧЕРКИ "СТРАСТНАЯ СУББОТА В ТЮРЬМЕ", "ЗА ВОРОТАМИ ТЮРЬМЫ"

EARLY JOURNALISM NS LESKOV. ESSAYS "HOLY SATURDAY IN A PRISON", "BEHIND THE GATES OF THE PRISON"

E. Kalesnik

Annotation

The article analyzes the essays NS Leskov "Holy Saturday in a prison", "Behind the gates of the prison," says the living conditions of the prisoners in the prison of St. Petersburg, approved by the social orientation of early journalism writer. Article allows a better understanding of the problems troubling N.Leskova at the beginning of his journalistic work, see the distinctive style of the writer, already manifested in this period.

Keywords: Nikolai Leskov, journalism, social issues, style.

Калесник Елена Юрьевна

Аспирант,

*Московский государственный
областной университет*

Аннотация

В статье анализируются очерки Н.С. Лескова "Страстная суббота в тюрьме", "За воротами тюрьмы", рассказывающие об условиях жизни заключённых в петербургской тюрьме, утверждается социальная направленность ранней публицистики писателя. Статья позволяет лучше понять проблемы, волновавшие Н.Лескова в начале его публицистического творчества, увидеть отличительные особенности стиля писателя, проявляющиеся уже в этот период.

Ключевые слова:

Николай Лесков, публицистика, социальные проблемы, стиль.

С начала своей журналистской деятельности Николай Семёнович Лесков (1831 – 1895) придавал большое значение социальным проблемам, во многих его статьях отражены такие стороны жизни населения, о существовании которых в российском обществе того периода было известно немного. Социально-острой проблематике посвящены его ранние статьи "Заметка о зданиях", "О рабочем классе" в газете "Современная медицина" [5], "О петербургском поиле, пензенском тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и некоторых попечителях Роберта Оуэна" [6] в газете "Северная пчела", где публицист говорит прежде всего о вопросах социальной гигиены. Так появляются его натуралистические зарисовки присутственных мест в Киеве, где не хватает уборных, одной из тюрем Пензенской губернии, где от душного и смрадного запаха можно задохнуться, картины о бедственном положении рабочих, живущих в сырых и холодных помещениях целыми семьями, о загрязнённости петербургской воды; смех сквозь слёзы вызывает описание пензенских тротуаров, ходя по которым, рискуешь лишиться здоровья. Вскоре Лесков пишет серию очерков о тюрьме в Петербурге, появившуюся на страницах "Северной пчелы" в 1862 году – "Страстная суббота в тюрьме", "За воротами тюрьмы". Как уже сказано, тема для публициста не была неизвестной, но в литературе она была нова и интересна для читателей. В этот

период публика познакомилась с художественными произведениями, в которых писатели впервые обратились к теме заключённых, в основном каторжников. Так, в 1861 году увидела свет первая часть "Записок из Мертвого дома" Ф.М. Достоевского, в 1862 – "Записки 1861–1862гг.: Былое" М.И. Михайлова. Судьбы этих писателей непосредственно были связаны с пребыванием на каторге, в своих произведениях они отразили личные впечатления. Лесков тоже был хорошо осведомлён о вопросах судопроизводства, т.к. 1847–1849 гг. служил в Орловской палате уголовного суда, был помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения Киевской казенной палаты, где по долгу службы ему приходилось присутствовать и при осмотрах, и при обысках, посещать тюрьмы; жизненный опыт, полученный будущим писателем до прихода в журналистику, в дальнейшем помогал в создании публицистических и художественных произведений. В условиях, когда общество требовало немедленного изменения существующей судебной системы, недостатки которой заключались прежде всего в множественности и сословности судов, а также в отсутствии устности и гласности, формализме судебного производства, жестокой карательной системе, волоките, низком уровне образованности личного состава суда и т.д. [см.:1]; когда на страницах отечественной прессы активно обсуждались вопросы предстоящей судебной ре-

формы, а правительство всячески приглашало общество к участию в её обсуждении, публикуя "Основные положения"* в печати, очерки Н.С. Лескова "Страстная суббота в тюрьме" и "За воротами тюрьмы" были особенно интересны публике.

* "Основные положения преобразования судебной части в России".

Публицист рассказывает читателю о своей поездке в две петербургские тюрьмы, которую ему помог осуществить один из директоров тюремного комитета Петр Семёнович Л. Говоря во вступлении о том, что у него имеется опыт знакомства с тюремными порядками в российских тюрьмах, а также в тюрьмах Англии и Франции, Лесков вспоминает о "сжимающем и гнетущем" [3, с.465] впечатлении от увиденного там прежде. Цель поездки для себя автор видит в том, чтобы "снова заставить свою душу поболеть и показаться" [3, с.465] и "просто <...> записать: как в страстную субботу 1862 года русские люди, сидящие в петербургских тюрьмах, ожидали светлого праздника" [3, с.466].

Очерки поделены на 4 части: в первой рассказывает об увиденном в так называемой "арестантской при части" или "тюремном здании при доме 3-й адмиралтейской части"*; во второй – даются зарисовки из женского отделения петербургской уголовной тюрьмы возле Театральной площади, в 3-ей – впечатления о мужском отделении этой же петербургской уголовной тюрьмы.

* Это схоже с современным изолятором временного заключения.

Первые три части наиболее близки к жанру физиологического очерка. Композиция каждой из них представляет собой калейдоскоп: картины жизни арестантов следуют одна за другой. Заключительная часть – наиболее "документальная" – носит название "За воротами тюрьмы", в ней автор говорит о практических мерах улучшения положения заключенных. Публицист ведёт повествование от своего имени, является центральной организующей фигурой очерков; ставя себе задачу "просто записать" увиденное, в основном говорит нейтрально, хотя в тексте есть очень эмоциональное отступление, когда Лесков вспоминает Т.Шевченко, смерть которого тяжело переживал. Примечательно, что в этих очерках отсутствует яркая обличительная интонация, автор-повествователь в тексте – это человек, достаточно лояльный к власти, видящий среди неё людей, радеющих за улучшение жизни общества.

Внешнее описание уголовной тюрьмы публицист дает в нескольких штрихах. Лесков отмечает, что здание петербургской тюрьмы внешне не похоже на обыкновенные остроги, почти всегда имеющие башни и стрельницы, ведь по бумагам они называются тюремными замками.

"Вид петербургской тюрьмы совсем не таков, – говорит автор. – Здание не претендует на фигуру "замка": это тюрьма с первого взгляда. Велико, серо, мрачно и печально" [3, с.479]. В самом описании тюрьмы преобладающим является мотив тоски, который усиливается не только введением цветовой гаммы "серо", "мрачно", но и описанием живущих на крыше птиц, пусть даже и галок: "У них есть крылья, которых нет у человека <...>" [там же].

Главными героями повествования являются арестанты, люди с разными судьбами: осужденные за бродяжничество, мошенники, воры, публичные женщины и сумасшедшие, грабители и пьяницы, а также люди, виноватые в "припадочности" или в "куричьей слепоте" [3, с.469]. Все по-разному попали сюда, у многих "одно за другое позачеплялось" [3, с.507]. Их образы Лесков часто рисует с художественной выразительностью и точностью. Одним из основных средств создания образа является лаконичный портрет арестантов, причём почти во всех портретах публицист уделяет внимание глазам как наиболее выразительной черте лица; также отмечает костюм, мимику, жесты:

"Арестант этот был молодой человек, брюнет, с довольно выразительной физиономией; волосы на голове у него были в беспорядке, и небольшие карие глазки искрились бессильным гневом и досадой. На нем был надет казенный суконный халат с высоким воротником, и он постоянно одною рукою запахивал этот воротник около своей шеи" [3, с.466]; "Немец стоял покойно и глядел беспечно. Ему было лет за 45, глаза голубые и лицо довольно симпатичное. Он стоял посреди комнаты и, заметив, что на него смотрят, шаркнул ногою, как воспитанник благородного пансиона, и опять сказал: "Кашель"" [3, с.468] и т.д.

Портретные характеристики арестантов благородного отделения, за исключением одного, отсутствуют, потому что там Лесков не увидел запоминающихся лиц – "все точно с Невского проспекта" [3, с.498]. Следует отметить, что портреты, как арестантов, так и служащих тюрьмы, публицист создаёт в реалистической манере, не применяя стилистические приёмы сатирического портрета, исключением является только описание двух полицейских солдат в комнате дежурного, первый из которых "стоял, прислонясь к стене, и, заложив руку за спину, тёрся об стену плечами; другой сидел на стуле, поджав рукою щеку, как будто собирался тотчас петь: Царя белого гусары /Петра Первого" [3, с.477].

Часто описание обстановки, в которой арестанты существуют, дополняет портретные характеристики персонажей. При этом публицист очень внимателен к деталям. Вот, к примеру, такое описание:

*"Это отставной кавалерийский ротмистр***, судимый за разные подлоги. Лицо очень красивое, но неприятное. Говорит скоро и, видно, знает, что хочет сказать. В комнате накурено*

благовонной бумажкой, темные шерстяные занавеси на окне. Кровать опрятная, стол покрыт суконной салфеткой, на нем зеркальце, книги и несколько туалетных вещей" [3, с.475].

Камера мужика, сидящего "по оговору воровства" [3, с.473], напоминает "печальную, голую конуру" [3, с.475]. Это соответствует и изображению самого обитателя: "Лицо немытое, чернее грязной онучи, на койке скомкана свитенка, и больше ничего нет. Вонь душит так, что нельзя говорить. Во всей фигуре арестанта заметна совершенная опущенность" [с.473]. Убранство одной из женских комнат "состояло из двух коек и столика, но койки эти содержались далеко с большей опрятностью, чем койки арестантов-мужчин, у которых чехлы на кроватях были невероятно грязны" [3, с.467]; в комнате, где содержались публичные женщины, был "какой-то совершенно особый воздух, удушающий и в то же время подымающий рвоту. <...>" [3, с.471].

Встречи Лескова с арестантами и служащими тюрьмы чаще всего напоминают драматизированные сцены благодаря диалогам, которые автор активно включает в ткань повествования. Они выполняют здесь несколько функций: характеризуют персонажей, информируют читателя о мотивах их поведения и помогают развитию действия. Диалоги сменяет несобственно-прямая речь: "Еще какой-то чиновник с избитыми и искусанными руками просил, чтобы его выпустили, так как он никого не бил, а его били. Он взят за драку. Квартальный сказал, что и его тоже куда-то отправят" [3, с.470]. Особое внимание уделяет публицист речевой характеристике персонажей. В речи арестантов простонародного отделения особенно часто встречаются просторечные слова и выражения:

"Батюшка! Нельзя ли меня как ослобонить?", [3, с.469] "Припадок со мной анамедни случился..." [там же], "Нонче Плащаница святая..." [там же]; народные причитания: "Ваше высокоблагородие, помилуйте! Заступитесь! Который год Бог знает за что содержусь. Смерть моя! Хоть бы какое решение было" [3, с.486]; "Как, ваше высокоблагородие, не плакать! Жена, маленькие ребятки, праздник такой... что они, горькие, делают теперь? Господи ты, Боже мой!" [3, с.471].

Использование живой разговорной простонародной речи как литературный прием присутствует и при рассказе о служащих в тюрьме солдатах:

"- Отвел? - спросил солдат, у которого очень чесались плечи, и опять зевнул.

- Отвел. Как, братец ты мой, обрадовались! Жена эт-та, ребятенки, прыгают, визжат, как будто поганок обожрались; а мать старая-старица так и дрожит.

- И мать жива? - спросил солдат и опять задвигал плечами об стену.

- Жива, только очень старая такая, что мышей не топчет" [3, с.477].

Главное, что объединяет речь арестантов – особая

трагическая интонация ожидания; в их репликах постоянно подчеркивается и безысходность, и смирение перед сложными жизненными обстоятельствами, и одновременно какая-то чудесная вера в хорошее в канун Светлого праздника: "Пожалуйста, полковник. Сами знаете, какой праздник" [3, с.467]; "Пожалуйста, полковник, похлопочите" [там же]; "Лишь бы вели скорее следствие. Я об этом только и прошу" [3, с.475]; "Да все ничего нет. Свидетелей нет; все тянут" [там же]; "Не можете ли <...> пособить, чтобы скорее решили дело?" [3, с.507], – вот те практически повторяющиеся слова, которые произносят заключённые. Публицист несколько раз особо обращает внимание на вялое ведение следственных дел, на "пренебрежение временем" [3, с.473], "этим сокровищем" [там же], из-за чего многие из арестантов испытывают дополнительные мучения, не зная, к какой участи им готовиться. Изображая заключённых, Лесков неоднократно подчеркивает, что ожидание, а тем более в страхе, делает человека бесильным, часто безразличным ко всему. Неспешность ведения дела и влияние этой неспешности на человека мы видим и в дворянском отделении уголовной тюрьмы, где условия содержания несравненно лучше, чем в простонародных арестантских, – есть "занавески, покрытые столы, ковры у кроватей, даже женские портреты" [3, с.498], заключённым разрешается без конвоя ходить по своему коридору:

"- Петр Семенович, - сказал какой-то молодой человек лет 20, - пожалуйста, похлопочите, чтоб меня не тянули.

- Похлопочу, непременно похлопочу.

- А то уж пятую неделю содержусь.

- Ах, неопытность! - сказал улыбнувшись Л. - Пятая неделя! А вот сосед-то, посмотрите.

- Два года, - отозвался другой молодой человек с очень уставшим видом и махнул рукой" [там же].

Лесков привлекает внимание к тому, что иногда под стражей в тюрьме содержатся и душевнобольные люди, нарушившие общественный порядок. Запоминается эпизод с одной из арестанток, которую называют "дурочка". Поведение девушки автор, действительно, описывает как безумное. "Скажите, пожалуйста: зачем ее здесь держат? Ведь ясно, что она слабоумная или сумасшедшая" [3, с.489], – спросил он и услышал в ответ, что её "посылали на освидетельствование, так ученые порешили, что она здорова" [там же].

Печать суровости очень часто ощущается в описании тюремного быта тюрьмы "при части":

"Обыкновенная декорация: широкие нары, сыроватые стены и узенькие окна с железными решетками вверху" [3, с.468]; "одеяла из какого-то неведомого материала напоминали постели горничных девушек старых помещичьих домов В-ской губернии, для которых где-то покупались одеяла из так называемых "поплеков". Шерсть не шерсть, и не бумага, а так, черт знает что; узелки какие-то снизаны: и редко, и тяжело, и как-то

маслянисты на ощупь" [З, с.467] и т.д. Многие просторные арестантские камеры в уголовной тюрьме также производят тягостное впечатление: "довольно просторные с довольно скверным воздухом" [З, с.496]. "Вместо кроватей какие-то скамьи, прикрепленные петлями у изголовья к стене, так что каждую скамью можно взять за ножки и поставить стоймя к стене", и хотя это сделано для удобства, всё равно "кровати смотрят очень неприятно" [З, с.497] и т.д.

Публицист показывает отрицательное влияние тюремного заключения на многих, особенно впервые попавших в тюрьму, среди которых бывают не всегда окончательно погибшие в нравственном отношении люди. Тюремное окружение, подчинение правилам тюремной жизни и вынужденное бездействие нередко губят личность. Так, например, публицист говорит об одном из арестантов: "Он человек заметно умный и не без дарований, но заметно также, что интересы его в тюрьме частью слишком сосредоточились на себе, частью измельчали: он говорит о мелких тюремных интригах, о Караханове, о других <...>" [З, с.500].

Хотя Лесков здесь не углубляется в правовую сторону дела и не дает развёрнутую оценку существующим исправительным мерам российского законодательства – применению телесных наказаний, заковыванию в кандалы, помещению в карцер – но само описание этих мер или упоминание некоторых из них производит гнетущее, особенно тягостное впечатление. Так, публицист мимоходом сообщает о карцере, что его "здесь, кажется, все очень боится" [З, с.489], "невольно" останавливается "перед <...> несчастным" [З, с.497], закованным в кандалы, которые чуть ослабят в первый день Пасхи. Одним из самых тяжёлых видов наказания, публицист, по-видимому, считает наказание плетью. Во время обедни в церкви Лескову удалось увидеть людей, приговорённых судом к наказанию плетью: "В углу направо стоят два человека, приговорённые к наказанию плетью через палача, одному назначено 65 ударов, другому что-то меньше. <...> Тот, которому назначено 65 ударов, рослый и плотный малый, хранит на лице спокойствие, непонятное в человеке, которого, как только пройдут праздники, рано утром повезут на Конную площадь и будут бить по обнаженной спине треххвостной плетью, так что деревянная доска, к которой его привяжут ремнями, будет корчиться от судорожных движений его мускулов" [З, с.484].

Видно, что Лесков глубоко сочувствует тем, кому за провинности судом назначены телесные наказания, это его беспокоит. Так, уже спустя некоторое время, по дороге в контору, автор задаёт своему сопровождающему вопрос, как у них в тюрьме обстоит дело с наказаниями, и, услышав, что "кроме карцера нет никаких наказаний" [З, с.503], он ещё раз уточняет: "Не секут?" [там же] "Нет! Может быть, в год один случай, и то после всех мер исправления и за серьёзные провинности" [там же], – отве-

чает ему спутник. Лесков эмоционально выражает надежду на искоренение этой бесчеловечной меры: "Забыл спросить, за какие; но и это слава Богу! А то Господи Боже мой! что бывало – то; что и теперь еще, вероятно, бывает в губернских и уездных острогах!" [З, с.504]. А это публицист знал, о чём можно судить по его личным наблюдениям; свои воспоминания автор представляет в виде сценки из прошлого. Из её содержания ясно видно, что телесные наказания возмущают Лескова не только потому, что приносят человеку физические муки и унижают достоинство, а из-за распространённой практики их применения, когда наказание назначается за любую провинность, усмотренную тюремным начальством, и зачастую зависит не от вины преступника, а от того, кто именно распоряжается наказать его. Эта мера исправления настолько распространена в острогах, что в арестантах не вызывает уже ни страха, ни отвращения.

"Возился я раз в г. Г-ах со сдачей провианта для располагавшейся там команды. <...> Все люди знакомые. Стали мы у окна и покуриваем, а со двора несутся чуки-чук, ай-ай-ай, чуки-чук и опять ай-ай-ай. Что такое? Решения при полиции исполняют. <...> Я спросил арестанта, откуда он? Оказалось, что соседний мужик, отлучался без паспорта, попался, покормил года два острожных животных и теперь дождался себе решения, "отзвонили" его и выпустят "ко дворам". Я дал соседу четвертак на дорогу.

- Вот благодарим! - сказал арестант. - По копейке за розгу как раз, - прибавил он и опять рассмеялся.

- А тебе 25 дали?

- По суду двадцать пять.

- А разве еще и без суда секли?

- Вона!

- За что?

- За что почтешь; не ходи по лавке, не смотри в окно. Вот за что!

- Где ж тебя секли?

- Да в остроге.

- Разве там секут вас?

- Да какжнина божья неделя не проходит, чтоб кого не драли, да не по-судебному, - прибавил он, - а по сту, да по двести закатывают, ажно шкура у тебя только потрескивает, язык высунешь.

- Кто ж велит сечь?

- Да острожное начальство - городничий.

- Ну а за что?

- За то ж, за что говорил.

Арестант утерся рукавом и снова рассмеялся.

- Нет, ты правду скажи.

- Да как, что сказать-то? За все бывает...

- Ну, например?

- Ну вот таперь примераче последний раз меня ух как вычесали! за то что ношник у нас погас, а погасил его риштрантик тож ненарочно, да и говорит мне: вскричи, говорит, часового, а то скажут, нарочно сгасили плошку. Я подошел к двери и кри-

чу, а на ту пору городничий. Чего, говорит, орешь? Я ему докладаю: так и так мол. А он как рявкнет: мошеники, говорит, вы нарочно огонь тушите, мошеничеством заниматься хотите, да и повел меня.

- Ну?

- Ну и только, и задал баню.

- Тебе одному?

- Всем, почитай. Охочь он больно пороть-то, - добавил арестант.

- Так тебе судебное наказание уж не в страх?

- Да это что ж за страх, двадцать пять розог; поблекнешь для прилики, да и все тут.

<...> Как же не обрадоваться тому, что из 800 человек в целый год уж только одного секут?" [3, с.504–506] – заключает автор.

Несмотря на многочисленные положительные изменения: красивую церковь (причем помимо православного есть также мусульманский и лютеранский храмы), общую комнату в женском отделении, которая "более напоминает больницу или пансионский дортуар, чем тюрьму" [3, с.490], обустроенные садики во дворе, где прежде "сваливали мусор" [3, с.496], столовую в уголовной тюрьме, которая "без всякой натяжки и преувеличения, ни дать ни взять трапезная Киево-Печерской лавры, даже для довершения сходства в конце столов в простенке помещается большая икона с горящей лампадой и налож, на котором лежит церковная книга" [3, с.498], готовящуюся открыться столярную мастерскую в старом помещении амбара и т. п., всё же есть в тюрьме место, которое производит не менее гнетущее впечатление, чем некоторые камеры арестантов, и о необходимости изменить которое говорит автор. Это комната для свиданий заключённых с их близкими (parloire). Публицист называет её "печальной комнатой" [3, с.481], помещением, "посвящающим на нравственное и эстетическое чувство человека" [там же]. В это помещение "входят посетители; в коридорчике, образуемом двумя решетками, помещается тюремный досмотрщик, а за заднюю решетку впускают арестанта. Свет так слабо проникает за эту вторую решетку, что я сомневаюсь в возможности рассмотреть лицо арестанта" [3, с.480–481], – рассказывает автор и предлагает, "чтобы две решетки, разделяющие эту казарму, были вынуты и проданы на грохота, а на вырученные за них деньги казарма была бы выбелена и снабжена стульями с возвышенным местом для тюремщика" [3, с.481], который мог бы спокойно наблюдать за происходящим, но не стеснять говорящих своим присутствием. Приводя в пример заграничные тюрьмы, которые таким образом изменили комнату для свиданий арестантов с посетителями, Лесков замечает, что "уважение к людям должно бы найти место и у нас, особенно теперь, когда мы знаем о близости преобразования нашего судопроизводства <...> Такая переделка комнаты для свидания в столичной тюрьме была бы очень полезна, и казарма перестала бы тиснуть в душу то отвратительное впечатление, которое теперь естественно должны выносить из нее арестант и посетитель,

лишенные возможности подать друг другу руки, когда обоим им хотелось бы выплакаться на груди друг у друга. Тюрьма ведь устраивается для того, чтобы оберегать общество от вредных людей, а не для того, чтобы ожесточать человека, еще не потерявшего способности любить, жалеть о прошедшем и желать вести иную жизнь в будущем. Зачем же отнимать у лишнего свободы человека последнее утешение: видеть лица, сочувствующие его несчастью, и оживать с ними от гнетущего однообразия тюрьмы? Это не может входить, да и не входит в соображения законодательства. Это просто старина и нелепость, на которую я считаю долгом обратить внимание просвещенных благотворителей и благотворительниц тюремного комитета. Их влияние в этом деле может быть далеко не бесполезным, а в том, что они захотят употребить это влияние, я пока сомневаться не смею" [3, с.481–482].

К "вещам отжившим" [3, с.481] Лесков относит также деревянную посуду в тюрьме "при части", замечая, что "цинга и сифилис могут легко сообщаться при содействии легко всасывающих в себя деревянных (некрашенных) ложек и таких же чаш" [3, с.470].

В.Ю. Троицкий отмечает, что "молитвословие" [4, с.37] являлось для Н.Лескова не только важной стороной "созерцания православного человека" [там же], но и одним из способов показать "таинственную основу внутреннего мира русского человека" [там же]; с интересом наблюдает Лесков за заключёнными во время обедни в тюремной церкви. В русской литературе, начиная с древнерусских литературных памятников часто показывалась сила молитвы, ее помощь в поддержании духа, в избавлении от бед, в душевном умиротворении и успокоении. Может быть, оттого, что арестанты молились, а может, оттого, что будущий писатель уже тогда старался разглядеть в грешнике праведника, но лица заключённых, стоящих в церкви у обедни, публицист увидел "совершенно симпатичными", да и сами они, среди которых Лесков указывает и на убийц, не показались ему злодеями, окончательно потерянными для общества:

"Глядя на этих людей, из которых один плакал, я не чувствовал себя в обществе злодеев сон атоге. Мне они казались людьми, не умеющими управлять своими страстями, людьми, сбивыми с прямого пути и дошедшими до нравственного бессилия, но отнюдь не кровожадными зверями..." [3, с.484].

Гуманное отношение к заключённым публицист считал одним из основных условий их "исправления", пишет о необходимости уважения к личности независимо от её социального положения. Неоспоримая заслуга некоторых служащих тюрьмы, по его мнению, заключается в том, что к арестантам они относятся как к несчастным, проявляя и такт, и внимательность. Автор выражает желание, чтобы среди сотрудников тюрьмы было больше людей, способных понять несчастных и посочувствовать им, как могли это сделать его спутник г. Пётр Семёнович

Л., которому публицист даёт эпитет "обязательный" [3, с.503], надзирательницы, многие женщины "не без сердца" [3, с.494], и смотритель тюрьмы г. Повало-Швейковский, нередко обвиняемый коллегами "в слабости" [2, с.511], являющейся, по мнению Лескова, "человечностью" [там же]. Автор уверен в том, что условия взаимного уважения, основанного, с одной стороны, на доверии и с другой – на благодарности, имеют равную силу и в обществе преступников, как и во всяком другом. Публицист постоянно подчёркивает доброту, открытость, честность в общении Петра Семёновича с арестантами: все его о чём-то просили, каждому он находил слово участия, и по-видимому, не раз многим помог на деле, потому что имел среди заключённых репутацию честного человека. Один из бывших заключённых, – *"молодой, безбородый человек, остриженный в скобку и одетый в прекрасную шубу с дорогим бровым воротником"* [2, с.508], принёсший в этот день в тюрьму подаюне, говорит, обращаясь к спутнику Лескова: *"Сам страдал, Петр Семенович, помню всякую ласку, и вашу ласку помню"* [2, с.509]. Публицист рассказывает об участии в судьбе заключённых, сострадания к их положению и множества обычных людей, которые в страстную субботу принесли большое количество куличей, пасхи, яиц. Одна из женщин, пожилая мещанка, ковылявшая за солдатом, произносит народную мудрость: *"Ни от сумы, ни от тюрьмы не отрекайся. Тюрьма, батюшка, еще не винит"* [3, с.486].

Публицист "Северной пчелы" положительно относится к труду заключённых, считая его непеременимым условием перевоспитания людей, да и сами заключённые, по словам автора, работу просят: *"Уходя, Л. обещал арестантам доставить работы, то же обещал он и женщинам, когда мы у них были: те и другие благодарили его целым хором. Видно, что работа, которую доставляют им директора, очень их радует"* [3, с.501].

Н. Лесков стал очевидцем того, какое благотворное влияние может оказать на арестантов правильная организация труда. Контрастно светлыми по сравнению с увиденным в арестантских являются впечатления от сапожной мастерской и кухни: *"Здесь приятный рабочий беспорядок и мягкие, добрые лица. Комната большая, но Л. говорит, что она тесна и что готова уже еще другая мастерская. За работу мы застали только одних сапожников; их было человек 10-12. Есть очень молодые ребята, есть и пожилые люди. Л. велел показать мне работу. Пожилой арестант с черными бакенбардами подал пару отделанных, но еще не вычищенных сапог, на деревянных гвоздях, с двойною подошвою. Товар довольно плотный и даже грубоватый, но работа прекрасная"* [3, с.501]; *"В общей арестантской кухне очень чисто, посуда блестит лучше, чем в кухне английского клуба. Повара (арестанты же) в чистом белье и фуражках. Лица у всех рабочих арестантов, а особенно у пекарей, квасника и поваров, такие хорошие и симпатичные, что ни один физиономист, я думаю, не решился бы назвать этих людей преступниками"* [3, с.502].

Лесков отмечает еще один весомый момент в оздоровительных мерах тюрьмы. Он констатирует, что существенную помощь заключённым может оказывать литература религиозно-нравственного содержания, наиболее отвечающая целям заведения, а цели эти автор видит и в душевном успокоении, и в исправлении нравственности преступников, и в их возвращении в нормальную человеческую жизнь. К такой литературе автор относит повести и рассказы, в том числе выдержки из летописей, жития святых и биографии известных исторических личностей, которые помогут заключённым яснее увидеть, как человек должен поступать, каких положительных результатов может достичь, чего должен остерегаться. Публицист подчёркивает, что к тому же именно такие книги и любит народ.

Книги же, составляющие тюремную библиотеку, хотя в основном и духовного содержания, но по-настоящему полезными не являются, так как в преобладающем количестве присутствуют молитвословы и святцы. *"Нужно непременно давать те книги, которые нравятся и из которых народ вычитывает примеры нравственной жизни. Такое чтение всего приличнее для заключённых, и потому нужно стараться доставлять книги, способные очищать и умиротворять встревоженный дух, а не занимать человека только процессом чтения"* [3, с.506], – заключает автор.

На протяжении всего повествования Лесков старается быть фактографически точным, неоднократно приводя документы, поясняющие читателю условия жизни заключённых, например, сведения о количестве арестантов в одной из тюрем, распорядок дня арестантов уголовной тюрьмы; обширная таблица в заключительной части очерков содержит информацию о продуктах, отпущенных 835 арестантам, находящимся в страстную субботу в тюрьме. С целью познакомить читателей с действиями властей, отвечающих за содержание тюрем, публицист приводит подлинник довольно объёмной выписки из "журнала экстренного заседания комитета общества попечительного о тюрьмах, состоявшегося 5-го января 1862 года" [2, с.512], в которой отражена деятельность комитета за несколько предыдущих месяцев и содержится план действий на последующее время; следует сказать, что всё направлено на улучшение как содержания заключённых и их "нравственного улучшения" [2, с.514.], так и тюремного хозяйства. Лесков отмечает, что хотя такие же выписки переданы всем директорам (около 40), "но деятельное участие в судьбе арестантов принимают только 14 человек" [2, с.515], имена которых он перечисляет, "чтобы сторонние люди, желающие принять какое-либо участие в арестантах или желающие доставить заключённым пособия или работы, могли, не затрудняясь, обратиться к прямым и бескорыстным слугам заключённых" [2, с.516].

Своей работой Н.Лесков старался привлечь внимание общественности к проблеме заключённых, помочь раз-

решить злободневные проблемы, связанные с их положением, его очерки "Страстная суббота в тюрьме" и "За воротами тюрьмы" явились значительным вкладом в дело "народного блага", способствовать которому писатель всегда считал важнейшей задачей литературы.

Очерки, являющиеся блестящим образцом ранней публицистики Н.С. Лескова, позволяют ещё раз подтвердить вывод о том, что Лесков как сторонник гуманистической формы общественной жизни в социальном устройстве главным во взаимоотношениях человека и общества считал уважение к личности, придавал большое значение просвещению, но рассматривал его не только как приобретение и распространение знаний, но прежде всего как воспитание, формирование в человеке культуры духовности. Мы видим и то, как формировался особый

литературный стиль писателя – Николай Лесков и в ранних публицистических произведениях предстаёт перед нами прежде всего талантливым художником, живо и ярко рисуя отдельные сцены и эпизоды, используя богатые возможности народного языка, даже через бытовые вопросы раскрывая важнейшие проблемы общественного устройства и национального своеобразия. Как уже упоминалось, многие наблюдения Лескова–журналиста дали ему богатый материал для художественных произведений, а публицистичность стала одной из основных черт его художественного творчества. Гениальный талант, живой интерес к человеку, к окружающей жизни, тонкое чутьё к слову, умение применять жизненный опыт помогли Н.С.Лескову сформироваться не только как великому писателю, но и как яркому публицисту, занять почётное место в русской литературе второй половины 19 века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарёв В. Н. Дореформенный суд//Судебная реформа/ Под ред. Н.В.Давыдова и Н.Н.Полянского. Т.1.М., 1915
2. Лесков Н.С. За воротами тюрьмы // Собр. соч. в 30–ти томах.Т.1. М.: Терра, 1996. С.508–517.
3. Лесков Н.С. Страстная суббота в тюрьме// Собр. соч. в 30–ти томах.Т.1. М.: Терра, 1996. С.465–507.
4. Троицкий В.Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования). // Н.С.Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175–летию со дня рождения). Под ред. И.П.Видуэцкой. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С.31–42.
5. "Заметка о зданиях" // Современная медицина. 1860 №29. "О рабочем классе" // Современная медицина. 1860, №32.
6. "О петербургском пойле, пензенских тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и некоторых попечителях Роберта Оуэна". // Северная пчела.1862, №90.

© Е.Ю. Калесник, (helirmai@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ СИМВОЛИЗАЦИИ ЦВЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Ф.Г. ЛОРКИ, А. МАЧАДО И Х.Р. ХИМЕНЕСА)

COLOR TERMS METAPHORIZATION IN THE PROCESS OF COLOR SYMBOLIZATION (BASED ON THE POETRY OF LORCA F.G., MACHADO A., AND JIMENEZ H.R.)

A. Karnaukhova

Annotation

Color terms metaphorization in Spanish poetry (and, in particular, in the poetry of Lorca F.G., Machado A., and Jimenez H.R.) is closely related to the traditional symbolism of the color in Spanish culture and to the Catholic symbolism of color. But at the same time, Lorca, Machado and Jimenez offer unexpected solutions in the field of color terms metaphorization. Their solutions are associated with bizarre compound of color symbols with symbols of plants and trees (orange, jasmine, lemon, myrtle color, etc.), symbols of the stars (jasmine moon shuttles in the poetry of Lorca), gemstones (rubies heart in the poetry of Jimenez), etc. Poets invent their own, mixed colors (starch moon color in the poetry of Lorca and whitish dust in the poetry of Machado). We speak about complex authoring metaphors, based on the combination of various symbols levels.

Keywords: metaphor, the symbolism of color, Spanish poetry, the Spanish Culture.

Карнаухова Анастасия Александровна
Ст. преподаватель
Российского государственного
социального университета

Аннотация

Метафоризация цветообозначений в испанской поэзии (и, в частности, в поэзии Ф.Г. Лорки, А. Мачадо и Х.Р. Хименеса) тесно связана с традиционной цветовой символикой испанской культуры и с католической цветовой символикой. Но в то же время Лорка, Мачадо и Хименес предлагают неожиданные решения в области метафоризации цветообозначений, связанные с причудливым соединением символики цвета с символикой растений и деревьев (апельсиновый, жасминовый, лимонный, миртовый цвета и т.д.), небесных светил (жасминовые воланы луны у Лорки), драгоценных камней (рубины сердца у Хименеса) и т.д. Поэты изобретают собственные, смешанные цвета (крахмальный цвет луны у Лорки, беловатая пыль у Мачадо). Перед нами сложные авторские метафоры, основанные на соединении различных уровней символики.

Ключевые слова:

Метафора, символика цвета, испанская поэзия, испанская культура.

Метафоризация цветообозначений в испанской поэзии XX в. (произведения Федерико Гарсии Лорки, Антонио Мачадо и Хуана Рамона Хименеса) тесно связана с символическими аспектами художественного бытования цвета, характерными для испанской культуры [2]. Кроме того, в процесс метафоризации цветообозначений в поэзии Лорки, Мачадо и Хименеса включена символика деревьев и растений (таких как любимые испанцами жасмин и апельсиновое дерево), небесных светил (луны и солнца), памятников архитектуры (старинных фонтанов на городских площадях, церквей и соборов, дворцов и особняков).

Э.Я. Фесенко пишет, что "исторически метафора возникла в эпоху распада мифологического сознания и ее возникновение стало началом процесса абстрагирования конкретных представлений, рождения художественного образа" [8, С. 156]. Метафора активно воздействует на воображение, формирование эмоций у читателя.

Она представляет авторские замыслы, цели путем творческого замещения буквальных семантических знаков, в результате чего в тексте создаются эмоционально-экспрессивные, оценочно маркированные, сложные структурно-смысловые словесные обороты.

Так, оранжевый цвет в поэзии Лорки может быть назван "апельсиновым", серебристо-белый – лунным или жасминовым (жасминным), серый – каменным, цветом каменных соборов, фонтанов или дворцов. В произведении Лорки "Романс о луне, луне" луна вливается в кузницу, играя "жасмином воланов" на длинном, струящемся платье, а оранжево-солнечный, апельсиновый цвет символизирует радость и счастье. Лорка в "Романсе о луне, луне" пишет: "Луна в цыганскую кузню вплыла жасмином воланов. / И сморит, смотрит ребёнок. И глаз не сводит, отпрянув. / Луна закинула руки и дразнит ветер полночный / Своей оловянной грудью, бесстыдной и непорочной" [1, С. 120].

Метафоры "вплыла жасмином воланов", "луна закинула руки", "луна дразнит" ("луна дразнит ветер своей оловянной грудью") связаны с оттенками белого, серебристого и серебристо-серого (оловянного) цветов. При этом негативной коннотацией обладает оловянный цвет, символизирующий бесстыдную и коварную красоту луны, которая в финале этого романа уведет ребенка за собой, к смерти.

В стихотворении Ф.Г. Лорки "Лимонная роща. Зов моих младенческих снов" лимонная роща и апельсиновый сад, как и цвета – лимонный и апельсиновый – символизируют утраченное детство, безоблачную радость детских воспоминаний. Кроме того, "апельсинный цвет" – это украшение невесты, свадебный флердоранж. Следует помнить также, что цветы апельсинового дерева – древний символ изобилия, щедрости и благополучия. Золотые яблоки Гесперид, символизирующие связь с заходящим солнцем, некоторые исследователи считают апельсинами. В католической традиции младенец Христос довольно часто изображался с апельсином в руках, олицетворяющим собой искупление грехов.

Желтый, золотой цвет (amarillo, dorado) в традиционной испанской культуре – символ солнца, энергии, воли к жизни, славы, гордости. Как уже говорилось выше, золотой и оранжевый цвета сближаются в испанской народной культуре с образом цветущего апельсинового дерева и самого чудесного плода – апельсина. Во время свадебной церемонии влюбленный жених дарит невесте цветущую ветку апельсина (naranja). Эту ветку влюбленные сохраняют всю жизнь. Счастливые женщины в испанской культуре умываются "апельсиновой водой".

При этом следует учитывать, что в католической традиции желтый – это цвет санбенито (одеяния для казни). Поэтому желтый цвет может связываться с бедой и утратой, с адским пламенем. Для поэзии Ф.Г. Лорки характерна двойственная символика желтого цвета. Например, в стихотворении Ф.Г. Лорки "Песня о ноябре и апреле" желтый цвет – безжизненный и мертвый, а золотой передает сияние солнца: "От небесного мела стали глаза мои белы. / Чтобы не блёк, взгляду дарю жёлтый цветок. / Тщётно. Всё тот же он – стылый, бесцветный" [1, С.222]. И далее: "Но поёт, возле сердца летая, душа, полнозвучная и золотая" [1, С. 222].

Метафора "душа поет" и эпитет "золотая" сливаются в один красочный и полнозвучный образ: "золотая душа поет". Душа в этом стихотворении причастна вечности, и поэтому она золотая, как солнце. А желтый цветок связан с болью и утратой.

Что касается жасмина, то символику этого растения определяют его белый цвет и сладкий аромат. Жасмин символизирует благородство, изящество и доброжелательность,

чистоту, верность и любовь. Кроме того, в католической традиции жасмин – символ Девы Марии.

"Запах белого цвета", аромат жасмина, фигурирует в стихотворении Хуана Рамона Хименеса "Тот букетик белых цветов":

*"Тот букетик милых цветов,
что прислала ты мне весною
(о жасмин, о лимонный цвет!), -
до сих пор он везде со мною.*

*Что за чудо, - не вянет он,
этот запах белого цвета,
будто девичий твой вопрос,
дождающийся ответа..."*

[3, С. 155].

Метафора "запах не вянет" соединяет цветок и его аромат. При этом аромат окрашивается в белый цвет, подобно цветку жасмина, источающему этот аромат.

Лимонный цвет, подобно апельсиновому, символизирует счастье, радость и благополучие. В то же время цвет самого плода лимона (бледно-желтый) не имеет в стихотворениях Хименеса негативного оттенка, как, например, в романах Ф.М. Достоевского, где бледно-желтые (лимонные) обои – всегда символ нищеты и страданий. Все оттенки желтого цвета в стихотворениях Х. Р. Хименеса и А. Мачадо позитивны, они символизируют солнечный свет, радость жизни.

Алый (пурпурный) цвет в стихотворениях Ф.Г. Лорки и А. Мачадо – цвет страсти и в то же время Страстей Христовых, цвет стигматов. При этом розовый цвет связан с образом зарождающейся любви ("утра любви"), с нежным обликом любимой.

А. Мачадо в стихотворении "На вымершую площадь" соединяет символику белого и пурпурного цветов:

*"Приходит молодая
весна, белея платьем
над площадью, что гаснет, цепеня, -
идет зажечь пурпуровые розы
в твоём саду... Я тороплюсь за нею..."*

[3, С. 211].

В этом стихотворении присутствует целый ряд метафор: "весна приходит" ("весна приходит, белея платьем"), "площадь гаснет", "весна идет" ("весна идет зажечь пурпуровые розы"). Переход от белого к алому в этом стихотворении связан с превращением нежной и робкой любви в пылкую страсть. Цвет страсти в испанской поэзии, как правило, – алый, цвет красных роз и крови.

В стихотворении Ф.Г. Лорки "Теперь ни к чему ни тебе, ни мне встречаться наедине" алый цвет – это цвет крови

Христовой и стигматов на руках и ногах Спасителя, и в то же время – это цвет растоптанной любви. Трагическое восприятие алого цвета передано следующим образом: "Как на распятыях, следы от гвоздей у меня на запястьях. / Ты видишь кровавую тень впереди? / Никогда не оглядывайся, иди, / И молись в глубине Каэтану святому, / И скажи ему в тишине, / Что теперь ни к чему ни тебе, ни мне / Встречаться наедине" [1, С. 88].

Святой Каэтан вместе с Джанпьетро Караффа, ставшим впоследствии папой Павлом IV, и еще двумя священниками основал в Риме Конгрегацию регулярных клириков (театинцев), целью деятельности которой было религиозно-духовное и пастырское образование. Святой Каэтан, согласно церковному преданию, обладал даром чудотворства.

Женщины обращаются к нему с мольбой о счастливой любви и материнстве. Этот святой считается покровителем рожениц. В стихотворении Лорки лирический герой просит героиню обратиться к святому Каэтану – но не с просьбой о счастливой любви, а с рассказом о горькой разлуке ("Теперь ни к чему ни тебе, ни мне / Встречаться наедине") [1, С. 88]. Такая подача образа святого Каэтана вводит в стихотворение тему страдания – несчастной и растоптанной любви. Подобная трактовка образа святого делает оправданным и неоднократное появление в стихотворении алого цвета: кровавые следы на запястьях, как Христовы стигматы, кровавая тень впереди.

Символика алого цвета в испанской поэзии связана с цветами национального флага, красно-желтые цвета которого уходят корнями во времена Реконкисты. По легенде король Арагона Готфрид Беренгере после одной из битв с маврами, увенчавшейся победой, провел по своему золотому щиту окровавленной рукой, оставив четыре красных полосы. Так возникли геральдические "цвета Арагона". Красный, желтый (золотой), зеленый, белый и синий – это цвета испанского флага и любимые цвета испанских поэтов.

Есть в поэзии Лорки, Мачадо и Хименеса цвета, связанные с оливковым деревом, миртами и кипарисами (различные оттенки зеленого). У Лорки девушки вышивают свои сердца зеленым шелком: "Войдѣт благовещенье в дом к обрученному, / И девушки встанут утрами и вышьют сердца свои шёлком зелёным" [1, С. 55]. Метафора "войдет благовещенье" связана с появлением в жизни людей не только этого праздника, но и зеленого цвета, символизирующего Деву Марию. Известно, что праздник Благовещения – Благой вести о рождении Христа, явленной Деве Марии, связан с зеленым цветом. Зеленый цвет – это цвет новой жизни, плодородия, любви. Поэтому в стихотворении Лорки невесты вышивают свои сердца зеленым шелком.

Оливковый (зеленый) цвет в испанской католической культуре – цвет Девы Марии, цвет надежды. В испанской средневековой поэзии зеленый цвет символизировал защиту и милость Богородицы. В поэзии Гонсало де Берсео зеленый луг – это защита и приют для усталого путника, помощь Девы Марии людям.

В поэзии Лорки, Хименеса и Мачадо часто встречаются оттенки цветов, такие как: *bronceado* – бронзовый; *dorado* – золотистый; *cenizo* – пепельный и *argentado / plateado* – серебристый. Для поэзии Лорки, Хименеса и Мачадо очень важны оттенки красного (*rojo, bermejo, purpurino*), желтого (*amarillo, anaranjado, dorado*), голубого (*azul, celeste, azul marino, turquesa*), серого (*gris, cenizo, argentado / plateado*) и коричневого (*marron, castano, bronceado*) цветов.

Цветовая символика в испанской поэзии тесно связана с религиозной цветовой символикой. Согласно католической традиции, обращаясь с молитвой к тому или иному святому, Христу или Деве Марии, молящиеся надевали одежду определенного цвета. Если молитва была обращена к Деве Марии, то носили синее, если к Христу, то темно-лиловое, если к святому Доминику – то белое, если к святой Рите – то черное, если к святому Антонию – серое, если к Деве Кармильской, покровительнице испанских моряков, то коричневое.

При этом очень важным был не только цвет одежды, но и цвет пояса. Черный пояс символизировал траур, серый – раскаяние и покаяние, зеленый – надежду на лучшее, синий – веру. Исполнение народных песен сопровождалось танцем с разноцветными лентами.

Следует также отметить, что фиолетовый и лиловый (*violeta*) в испанской культуре – это цвета траура и покаяния, верности и памяти. Синий (*azul*) – небесный цвет, символизирующий вечность, истину, справедливость. Испанское выражение "*perro azul*" соответствует русскому "белая ворона". Иногда, впрочем, синий бывает цветом ревности. В целом синий и зеленый в испанской культуре – это цвета жизни и бессмертия, а белый – цвет смерти и вечности, веры, чистоты, надежды и мечты.

Серый в традиционной испанской культуре – это цвет тоски, унижения, жертвенности, покаяния. У испанцев горькие дни не черные, а серые. Как уже говорилось выше, Ф.Г. Лорка употребляет в значении серого оловянный цвет ("оловянная грудь луны").

Отдельно следует сказать о розовом – цвете любви, плоти и чувственности, символе Воскресения Христова, Воскресения во плоти. В католической традиции считается, что Христос до своего воскресения был подобен розе в бутоне, а когда он воскрес, то из его тела разлилось розовое сияние.

В стихотворении Антонио Мачадо "Вечер. На балконах дотлевают пламя" лик любимой подобен розовому овалу, особенно ярко выступающему на фоне старинных серых зданий:

*"Вечер. На балконах дотлевают пламя
гаснущего солнца, скрытого домами.
Чье лицо мелькнуло за стеклом оконным
розовым овалом, смутным и знакомым?
Проступает облик из неверной дымки
то бледней, то ярче, как на старом снимке"*

[З, С. 215].

Розовый цвет, связанный с обликом любимой, соседствует в этом стихотворении с алым, цветом заходящего солнца. Метафора "дотлевают пламя" вводит в стихотворение образ гаснущего солнца. Собственно говоря, в этом стихотворении изображена борьба цветов: розового, цвета зарождающейся любви, и алого, цвета любви страстной, торжествующей, но в то же время – близкой к закату. Побеждает в стихотворении алый, закатный цвет и лирический герой восклицает: "О, как тяжко сердцу!".

И, наконец, следует обратить внимание на коричневый и черный цвета. Коричневый (*maḡḡon*) в традиционной испанской культуре – это цвет отказа от мира, а черный (*negro*) – цвет смерти и горя, зла и греха, а также – покаяния и искупления. Сходную символику имеют черный и коричневый цвета в поэзии Ф.Г. Лорки, А. Мачадо и Х.Р. Хименеса. Например, в процитированном выше стихотворении Антонио Мачадо "Вечер. На балконах дотлевают пламя" лирический герой восклицает: "Одиноким эхом будишь запустение; / Все туманней блики, все чернее тени" [З, С. 215].

Темные окна опустевшего дома связаны в поэзии Хименеса с разлукой и смертью (стихотворение

"Я не вернусь, и в потемках"):

*"И старое пианино
в ночи зазвучит порою,
но я уже темных окон
задумчиво не открою"*

[З, С. 99].

В то же время белый цвет – это цвет возрождения, воскрешения из мертвых. В стихотворении любовь одевается в белый цвет:

*"Я просто сказал однажды -
услышать она сумела, -
мне нравится, чтоб весною
любовь одевалась белым"*

[З, С. 99].

Метафорическое выражение "любовь одевалась белым" вводит нас в торжествующую символику белого цвета, олицетворяющего победу над смертью и любовь. Белый и синий в испанской поэзии – цвета вечности, так же как и золотой и алый – земные, полные энергии и страсти цвета.

В заключение можно сказать, что в поэзии Ф.Г. Лорки, А. Мачадо и Х.Р. Хименеса используется, конечно, традиционная цветовая символика испанской культуры, равно как и католическая цветовая символика, но в целом преобладает оригинальное, авторское восприятие цвета и авторские механизмы образования метафор, наполненных символикой цвета. И Лорка, и Мачадо, и Хименес соединяют символику цвета с символикой растений, деревьев, небесных светил, драгоценных камней, ароматов. В этой "прогулке в лесу символов", по выражению французского поэта символиста Ш. Бодлера, и заключается одно из важнейших достижений произведений Лорки, Мачадо и Хименеса в области метафоризации и символизации цвета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарсия Лорка Ф. Избранная лирика. М., Гослитиздат, 1960. – 432 с.
2. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма: опыт теоретического рассмотрения. М., 2002. – 176 с.
3. Испанские поэты XX века. Хуан Рамон Хименес. Антонио Мачадо. Федерико Гарсия Лорка. Рафаэль Альберти. Мигель Эрнандес. М.: Художественная литература, 1977. – 720 с.
4. Мачадо А. Полное собрание стихотворений. 1936. М.: Эксмо, 2007. – 856 с.
5. Пищальникова В. А. Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991. – 88 с.
6. Пищальникова В. А. Проблема идиостилия. Психолингвистический аспект. Барнаул, 1992. – 73 с.
7. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Барнаул, 1992. – 190 с.
8. Фесенко Э.Я. Теория литературы. М.: Академический проект, 2008. – 732 с.

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

DIALECT WORDS IN LEXICAL WORD-FORMATION NESTS

Y. Marchukevich

Annotation

Word-formation system's features of Russian language have always been in the field of view of linguists. The necessity of comprehensive research of this unit, as lexical word-formation nest, has determined it as a research material of dialect vocabulary. The derivational potential of lots of root morphemes in the dialects deserves close attention. This paper is devoted to consideration of certain pieces of lexical derivational nests in dialects that differ in semantic multicomponent and variety of derivative associations.

Keywords: word-formation motivation, lexical motivation, dialect lexicon, lexical word-formation nest

Марчукевич Юлия Александровна
Аспирант, Гродненский
Государственный университет
им. Янки Купалы

Аннотация

Особенности словообразовательной системы русского языка всегда находились в поле зрения ученых-лингвистов. Необходимость глубокого и всестороннего исследования такой единицы, как лексико-словообразовательное гнездо, обусловила привлечение в качестве исследовательского материала диалектной лексики. Несомненно, деривационный потенциал многих корневых морфем в говорах заслуживает самого пристального внимания. Данная работа посвящена рассмотрению определенных фрагментов лексико-словообразовательных гнезд в диалектах, которые отличаются семантической многокомпонентностью и разнообразием деривационных объединений.

Ключевые слова:

Словообразовательная мотивация, лексическая мотивация, диалектная лексика, лексико-словообразовательное гнездо.

В 60–70–хх г. XX века центром внимания исследователей словообразовательной системы русского языка становится непосредственно словообразовательное гнездо. Гнездовой подход позволяет деривологам по-иному взглянуть на механизмы и законы словообразовательных процессов. Формируется теоретическая база основных понятий словообразования, закладываются теоретические основы для дальнейших исследований в этой области.

70–90 годы – новый этап в словообразовании, так называемый "гнездовой бум", когда исследование словообразовательных процессов выходит на качественно новый уровень. В частности, работы А.Н. Тихонова стимулировали развитие направления в теории словообразования, связанного с формально-семантической организацией гнезд различного типа [1], [2], [3]. В это время разграничиваются такие понятия, как словообразовательное, лексическое, этимологическое, грамматическое гнездо, детально рассматриваются его составляющие: пары, цепочки, парадигмы, применяются новые методы и подходы. Однако также возникает необходимость рассмотрения гнезда родственных слов как такой целостной системы, в которой были бы учтены не только формально-смысловые отношения производности, но и в максимальной возможной степени отношения лексической мо-

тивации, как известно, характеризующие особенности взаимодействия однокоренной лексики без формального выражения на уровне словообразовательной структуры слова.

Очередным звеном и значимым этапом в теоретическом и практическом словообразовании стала концепция И. А. Ширшова, который не только рассмотрел, но и наглядно представил в своем словаре единство лексической и словообразовательной подсистем, "раздельное описание которых не дает целостного представления о языке" [4, с. 7].

В современной лингвистике лексико-словообразовательное гнездо (ЛСГ) определяется как "упорядоченная совокупность языковых единиц, мотивированных семантикой корневой морфемы и объединенных деривационными и мотивационными отношениями" [5]. Также вместо термина "лексико-словообразовательное гнездо" часто употребляется синонимичное сочетание "толково-словообразовательное гнездо". А при синхронно-диахроническом подходе к исследованию используют понятие "этимолого-словообразовательное гнездо". Так, исследователь Е. Ю. Красоткина отмечает, что "лексико-словообразовательное гнездо в историческом аспекте представляет собой иерархически организованную груп-

пу слов, включающую когда-либо существовавшие слова на протяжении всей истории развития языка, для которых общим является их генетическое происхождение. В этом случае в качестве синонима термина "лексико-словообразовательное" используется термин "этимолого-словообразовательное гнездо" [6, с. 3].

Структурно-семантическое направление в русистике на данный момент представляет собой весьма перспективное поле для исследований. Возникают новые подходы к описанию гнезд, например, развитие теории словообразования в рамках когнитивной парадигмы, где лексико-словообразовательное гнездо предстает комплексной единицей, имеющей фреймовую организацию. Данной теме посвящены работы М.А. Осадчего [7], И. В. Евсеевой [8], М.Н. Образцовой [9] и др.

Такая методика представления лексико-словообразовательных гнезд дает возможность лингвистам с новых позиций взглянуть на познавательную и коммуникативную деятельность человека. Когнитивная схема позволяет детально рассмотреть системное строение значений производных слов, особенности их возникновения и прогнозируемость.

Необходимость глубокого и всестороннего изучения такой единицы, как лексико-словообразовательное гнездо, обусловила привлечение в качестве исследовательского материала диалектной лексики. По мнению А. В. Никитевича, "оценить в полной мере возможности словообразовательной системы позволит лишь своеобразная интеграция в рамках одного лексико-словообразовательного гнезда слов литературного языка и диалектных слов" [10].

Диалектный материал широко используется для исследований гнезд в рамках когнитивной лингвистики. Так, методика пропозиционально-фреймового моделирования гнезда была апробирована М.А. Осадчим именно на диалектах [11].

В последнее время в лингвистике наблюдается устойчивая тенденция к расширению диапазона исследования с привлечением лексики других пластов и даже других языков.

В работе И.В. Евсеевой "Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход" производные слова русского языка рассматриваются на уровне "лингвистического макроконструкта", то есть потенциальной модели, вбирающей дериваты разных социальных и территориальных пластов лексики, элементы которой реально существуют в какой-либо конкретной языковой подсистеме" [12, с. 8].

По мнению автора, "привлечение в качестве исследо-

вательского материала одновременно дериватов литературного языка, диалектных слов, просторечной лексики способствует более разнообразной и более полной демонстрации непрерывности смыслового пространства организации типов и гнезд" [12, с. 8].

Некоторые исследователи не ограничиваются рамками одного языка с его подсистемами. Так, возможным направлением в лингвистике, по мнению А.В. Никитевича, является "оценка деривационного потенциала близких по родству языков, например белорусского и русского, с учетом сопоставления словообразовательных типов и целого комплекса словообразовательных значений в диалектных словообразовательных подсистемах и литературных языках" [13, с. 63].

В связи с вышесказанным рассмотрим в нашей статье несколько фрагментов лексико-словообразовательных гнезд в диалектах. Количество элементов, входящих в одно такое гнездо, целесообразно определять исходя из общности семантических компонентов.

Так, в одно диалектное лексико-словообразовательное гнездо входят слова: сугруб 'Сугруб', сугорб 'Нанос ветра, сугроб', сугробье 'Снежные заносы', сугробьяки 'Сильные снежные заносы', сугорбиться 'Наметать сугробы снега', иссугробленный 'Заваленный снегом, сугробами'.

Приведенные слова можно включить в одно словообразовательное гнездо, т.к. очевидны мотивационные связи этой собственно деривационной части корневого гнезда. Однако лексическая мотивация, в отличие от словообразовательной, позволяет нам включить в гнездо (на основании общего значения слова сугроб "выпуклый") элементы: сугроб 'Непроезжий сугроб. Могила', сугробисто 'Выпукло', сугробный 'Выпуклый', сугробник 'Сухой кочарник, песчаные, волнистые заросли'.

Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной Мачта.

Словообразовательное гнездо с корнем мачт- в русском литературном языке некоторые исследователи представляют как слаборазвернутое, т.е. состоящее из 2-х слов [14, стр. 230]. Однако лексико-словообразовательное гнездо с корнем мачт- включает следующие производные: мачта, мачтовка, мачтовник, мачтовый [15, стр. 1105]. К данному гнезду мы можем также отнести некоторые слова, представляющие язык русских народных говоров, зафиксированные в "Словаре живого великорусского языка" В. И. Даля и отсутствующие в литературном языке: обмачтовывать 'Обмачтовать судно, поставить в него мачты и укрепить их'. Судно спущено и отделано, но еще не обмачтовано, и скоро обмачтуется; обмачтовывание ср. длит. обмачтование, окончат. обмачтовка ж. об. действ. по глаг. [16, т. 2, с. 619]. Само слово

мачта в говорах подверглось семантической деривации. В лексико-семантических вариантах этого слова могут актуализироваться различные признаки и при этом исходное, общеизвестное значение понятия совсем не представлено: 1. Мачта. 'О человеке очень высокого роста'. 2. 'Дерево'.

Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной Пчела.

Лексико-словообразовательное гнездо слова пчела в диалектах включает весьма интересные составляющие. Неизвестное русскому литературному языку производное пчелевник имеет значение 'Заросли крапивы'. Определить вектор лексической мотивации данного слова здесь можно двояко. Возможно, название места пчелевник мотивировано свойством растения "жалить" (как пчела). Сравните: 2. Жальница. 'Крапива'; жальнуть 'Ужалить, укусить'; 1. Жагать. 1. 'Колоть чем-либо острым (иглой и т.п.)', 2. 'Кусать, жалить', 3. 'Жечь, как крапива'.

Возможно, слово пчелевник связано с местом, где обитают пчелы. (ср. диалектные ольховник, пуговник). В подтверждение этой версии можно привести слово пчелососка 'Белая, глухая крапива', т. е. растение, которое любят пчелы. Лексико-словообразовательное гнездо в литературном языке не имеет глагольных компонентов, в то время как в говорах мы можем найти такие варианты, как пчеловать, пчеловодить, пчеловодничать.

Девербативом от пчеловать является диалектное производное пчелование: пчеловать 'Заниматься пчеловодством'; пчелование 'Отыскивание в дупле диких пчел'.

Имя деятеля в говорах, мотивированное корнем пчел-, представлено простыми производными пчелик, пчелинник, пчелинец, пчелух, пчеляк и композитами пчеловодец, пчелопасек. Интересно, что известное литературному языку пасечник в говорах не имеет значения агентивности и не обозначает того, кто занимается пчелами: пасечник 1. 'Мелкий лес, годный на дрова'. 2. 'Вырубленное место в лесу'.

Лексико-словообразовательное гнездо с компонентом Скорлупа.

Данное объединение в литературном языке имеет ограниченное количество компонентов. Вероятно, это связано с окончательным (современным) оформлением лексического значения слова: скорлупа 'Твердая, природная оболочка (яйца, ореха)'. В говорах же сохраняются исторические смысловые связи, отношения производности (от кора, шкура и глагола лупить), ср.: скорла 'Корка'; корла 'Кора, кожура'. Так, аналитически выраженное в литературном языке действие 'очищать от скорлупы, кожуры, коры' в говорах представлено глаголами скорлупать, скорлупить. В состав лексико-словооб-

разовательного гнезда входят производные, в которых явно ощущается формально-смысловая дифференциация единиц, объединенных общим словом скорлупа. Ср.: скорлуха 'Скорлупа, шелуха'; скоржулина 'Кора, кожура'; коржула 1. 'Кора дерева'; скоржулинник 'Овощная кожура, очистки (от репы, моркови)'.

В составе данного лексико-словообразовательного гнезда также можно рассматривать весьма необычный компонент: производное для обозначения животного, выплывшегося из скорлупы (не птицы): скорлупея 'Змея'.

Лексико-словообразовательное гнездо слова Пихта включает следующие единицы: пифта 'Пихта'; пифтовник – Пихтовый лес'; пихтовать 'Заготавливать пихтовые дрова'; пихтовик 'Пихтовый лес'; 2. Пихтовик 'Гриб, груздь, растущий в пихтово-еловых лесах'; пихтовник, пихтовик, пихтомник, пихтонник, 'Пихтовый лес'; пихтушка, пихточка 'Маленькая пихта'; пихотка 'Пихта; молодая пихта // Ветка пихты // Шалаш из пихтовых веток'; пихтарник 'Пихта'; пихтарь 'Пихтовый лес, роцца', 2. 'Пихта', 3. 'Пихтовые дрова'; пихтач 1. 'Пихтовый лес', 2. 'Дерево пихта', 3. 'Пихтовые бревна'; пихтоварка 'Предприятие по производству пихтового масла'.

Начальный компонент гнезда, непроизводное пихта, в словаре отсутствует и представлен только фонетическим вариантом пифта в говорах Томской области. Общеизвестное значение в говорах выражено производными пихтарник, пихотка, пихтач.

На основании наличия корневой морфемы пих(т)- и общих компонентов лексических значений в данное гнездо можно также включить слова пиха 'Бор (лес)', пихоть 'Заросли хвойных деревьев' и пихтарка 'Небольшая двухколесная повозка (с нее разбрасывают хвойные ветви при погребении умерших)'. Последние примеры иллюстрируют свойственную говорам в большей степени вариативность корневых морфем, не представленную в данном случае в русском литературном языке (алломорфы –пихт- и –пих-), что, безусловно, может влиять на характер лексической мотивации и степень семантической близости слов с общим по сути корнем. Так, если лексическая мотивированность большинства компонентов представленного гнезда вполне очевидна, находится на поверхности, то в словах пиха, пихоть и пихтарка она выражена имплицитно. Учитывая специфику словообразовательных процессов в говорах, мы можем допустить тождество корневых морфем у слов пиха, пихоть, пихтарка и хорошо известного слова пихта, однако лексическая мотивация, указание на отношение к пихте у данных единиц представлено "скрытым" значением 'Хвойные деревья (в том числе и пихта)'.

Лексико-словообразовательное гнездо с компонентом Растяпа.

Как отмечает Е. Н. Шаброва, "гнезда диалектных морфем могут быть сформированы на основе сегментов, утративших в литературном языке морфемную самостоятельность [15, с. 41].

В русском литературном языке слово *растяпа* стилистически маркировано и обозначает неловкого, рассеянного человека. В "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля обнаруживаем следующие элементы лексико-словообразовательного гнезда: *растяпывать*, *растяпить* 'Разинуть, раскрыть; зевать позевотой; орать; кричать'; *растяпа*, *растяпай* 'Разиня, вислоухий, зеворотый, рохля; разгильдяй, неопрятный; ино произносят *растёпа*, *растепеля* и пр.' [16, т. 4, с. 74]. В "Словаре русских народных говоров" находим следующие элементы гнезда: *тяпа* 2. 'О неловком, рассеянном человеке, *растяпе*'; *тяпка* 13. 'Бранно. О несообразительном, глуховатом человеке'; *тяпкаться* 2. 'Медленно делать что-л., возиться'; 3. 'Медленно идти'; *растепай*, *растяпай*, *растепайка*, *растепеля*, *растепила*, *растепыш* 'Разиня, *растяпа*'; *тяп-ляп* 2. 'О человеке неумелом, нерасторопном'; *тяпнутый* (как изпод угла *тяпнутый*) 'О глуповатом, недалекоем человеке'; 1. *Тяпун* 1. 'Человек, плохо, небрежно выполняющий какую-л. работу'. 2. 'Человек, говорящий что-л. неразумное, вздорное'.

В говорах *растяпа* имеет несколько значений и оттенков значений и характеризует лицо по внешним признакам, поведению, содержит оценку: 1. 'Мамина *растяпа*. Бранно: о человеке, ничего не умеющем делать, живущем на попечении матери'. 2. 'Человек, у которого всегда открыт рот'. 3. 'Простодушный человек, простак, недалеко-видный человек, нерешительный, боязливый человек. 4. 'Нерадивый, небрежный человек, разгильдяй'. 5. 'Неаккуратный, неопрятный человек, *неряха*'. 6. 'Некрасивый, невзрачный человек'. Однако значения, соответствующего литературному языку, мы не находим. В словаре А. Н. Тихонова гнездо с вершиной *растяпа* состоит из двух компонентов: *растяпа* и *растяпистый*.

Определение лексико-словообразовательного гнезда с компонентом *растяпа* в говорах позволяет не только рассмотреть деривационный потенциал корня (в данном случае –*тяп-*) и количественно-качественные характеристики, "параметры" семантического объема данного понятия, но и выявить этимологию слова *растяпа*: 1. *Тяпа* 2. 'Рот. Зев 3. 'Рот'. Ср. *разява*, *растяпа* 2. 'Человек, у которого всегда открыт рот'. Ср. синонимы: *ротозей*, *разиня*. Если учесть, что приставка *рас(з)-* при образовании существительных и прилагательных может обозначать высшую степень проявления какого-либо качества, свойства (*раскрасавица*, *распрекрасный*), то вполне закономерно, что в говорах корень ("застывший" с приставкой в современном проявлении) будет другим. Сравните в говорах: *расшляпа* 'Разиня, *неряха*'.

Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *Поймать*.

Формы несовершенного вида указанного глагола в литературном языке представлены супплетивными глаголами *ловить*, *хватать*, *задерживать*, *уличать* и пр. Форма несовершенного вида в говорах представлена отсутствующим в литературном языке глаголом 1. *Имать*. 1. 'Брать, хватать что-либо', 2. 'Ловить, хватать кого-, что-либо', 4. 'Ловить (рыбу, птицу, зверя)', 5. 'Задерживать кого-либо'.

В говорах также находим отглагольное существительное (отсутствующее в русском литературном), образованное от формы несовершенного вида и обозначающее процесс: *иманье*, *имание*, *иманье* 1. 'Ловля, поимка кого-, чего-либо'; возвратную форму *иматься* в значении 1. 'Даваться в руки, ловиться', 2. 'Ловиться (о рыбе)'. В данное лексико-словообразовательное гнездо также входят компоненты: *имацкий* 'Дающий в руки, тот, которого легко поймаешь' (ср. в лит. *поимистый*); *имач* 'Ловец, тот, кто ловит кого-, что-либо'; *имачка* 'Женск. к *имач*'; *имачий* 'Ловкий, умеющий хорошо ловить' (ср. лит. *поимчивый*); *ималка*, *имальцы*, *ималок*, *иманки*, *имачок*, *имельцы*, *имки*, *имушко*, *имочки*, *имь*, *поймашки*, *поймышки* 'Игра в жмурки'; *имало* 1. 'Аркан', 2. 'Узда, обороть', 3. 'Ручное приспособление для ловли зверей, птиц', 4. 'Водящий в игре в жмурки', 5. 'Приманка (овес и т.п.) для лошадей, а также лукошко, кузов, корзина, в которые она насыпана'; *имальник* 1. 'Орудие для поддевания и вытаскивания рыболовных сетей', 2. 'Тот, кто ловит кого-либо, ловец'; *иманый* 1. 'Пойманный'; *иматься* 1. 'Даваться в руки', 2. 'Ловиться (о рыбе)'; *имка* 'Поимка'; *имки* 'Люди, совершившие побег или самовольно покинувшие места своего постоянного жительства; беглые люди. Быть в *имках* – Спасаться бегством, бежать, скрываться'; 2. *Имь* 'Ручное домашнее животное'; *пойматый* 'Пойманный'; *поймач* 'Аркан для ловли лошадей'; *поиманье* 'Захват'; *пойманка* 'Клев' – 'Ход рыбы'; *поимка*, *поимочка* 'Удачная ловля, хороший улов рыбы'.

Наряду с соответствием литературных и диалектных значений слов (например, в слове *поймать* (*поимать*) в говорах мы можем увидеть совершенно другие значения известных слов. Так, возвратный глагол *пойматься* имеет значение 'Ухватиться, уцепиться, схватиться', 2. 'Дать кому-л. поймаешь себя'. В примерах мы наблюдаем явную семантическую связь между возвратным глаголом и невозвратным коррелятом *поймать* (ср. в лит. *пойматься* = *попасться*); производные *поимистый* и *поимчатый* в говорах представлены в страдательном значении: *поимистый* 'Такой, которого легко можно поймаешь', *поимчивый* в значении 'Поимчивый конь. Конь, который хорошо ловится в поле' (ср. в лит. *поимчивый* = *поимистый*, т.е. тот, кто хорошо ловит).

В рамках одного лексико-словообразовательного гнезда наблюдается смещение семантических акцентов и формирование т.н. семантических зон, что "может быть обусловлено различными случаями фразеологизации морфемной структуры основ, семантика которых наследуется производными, что приводит к смысловому обособлению элементов общего корневого гнезда". [17, с. 50]. Так, например, в данном гнезде можно выделить слова лексико-семантической зоны с акцентирующим значением "ловля рыбы": пойманка, поимочка, поимка, иматься (в знач. 2), имальник. Элементы, эксплицирующие те или иные аспекты процесса ловли лошадей: имало (в знач. 1,2,5), имь, поймач, поимчивый. Игра в жмурки: ималка, имальцы, ималок, иманки, имачок, имельцы, имки, имушко, имочки, имь, поймашки, поймышки, ималов (в знач. 4) и пр.

Вершиной развернутого лексико-словообразовательного гнезда в говорах может стать слово, входящее в слабо развитое словообразовательное гнездо русского языка.

Рассмотрим, например, ЛСГ с вершиной Зря:

Зря 1. 'Кое-как, небрежно, как попало; без старания, усердия (делать что-либо)' 2. 'Необдуманно, наобум, без размышления'. 4. 'Некстати'. 5. 'Нечаянно'. 6. 'Неправильно, неверно'. 7. 'Не на месте'.

В известном для литературного языка значении слово зря употребляется в составе сочетания Зря ума ходил (напрасно); зрятина 1. 'Всякая всячина; вещь, предмет, употребляемый зря, без толку', 2. 'Вздор, чепуха, бессмыслица, околесица', 3. Зрятиной в знач. 'Напрасно, зря'; зрятной, зрятный 'Взбалмошный, горячий, беспокойный'; зряховатый, зряховый 'Невыдержанный, нескромный'; зряхово 'Напрасно, зря, необдуманно'. На зряхово 'Не обдумав, не рассмотрев'; зрячево 'Понапрасну, зря'; зазря 'Напрасно, зря'; незряшный 'Серьезный, дельный (о человеке)'; незрящий 'Хороший, достойный (о человеке)'; назря, назряхово, назрихово, назряче 'Напрасно, зря; наобум, наугад'; назряточный 'Неразумный, озорной'; позря 1. 'Напрасно, зря', 2. 'Плохо, небрежно'.

Вершиной распространенного лексико-словообразовательного гнезда в говорах может стать даже звукоподражательное междометие:

1. Бя 'Звукоподраж. междометие. Обозначает бляенье овцы'; забякать 1. 'Начать бляеть; забляеть'; забячать 'Начать бляеть'; поблячать 'Побляеть (об овце)'; бякалка

'Овца'; 1. Бякать 1. 'Бляеть'– Бляеть по-овечьи; кричать бя, бе'; бяковый 'Бараний, из меха барана'; бякушка, бялька 'Овца'; бяша 'Баран'; бяшка 'Баран, овца'; бяша-бяша, бяш-бяш, бяшка 'Слово, которым подзывают овец'; бяшутка 'Овца'.

Степень разветвленности и объем лексико-словообразовательных гнезд в говорах определяется условно и зависит как от потенциала производящей единицы, так и от совокупности других факторов (устная форма бытования говоров, особенности диалектного лексикографирования и пр.).

В процессе построения (моделирования) диалектного лексико-словообразовательного гнезда мы можем наблюдать множество уникальных словообразовательных моделей, отсутствующих в литературном языке.

Лексико-словообразовательное гнездо в диалектах может включать в свой состав словообразовательные гнезда, пары, цепочки, одиночные элементы. В некоторых случаях установить отношения словообразовательной мотивации в говорах не представляется возможным, однако очевидно, что целый ряд родственных единиц в подобных гнездах связаны между собой посредством лексической мотивации. Естественно, что отношения лексической мотивации в лексико-словообразовательном гнезде на синхронном уровне определяются исходя из степени семантической близости слов. На основании этого в такие гнезда, содержащие диалектные и литературные компоненты, можно включить даже слова-одиночки, не входящие в словообразовательные гнезда литературного языка. Например, кувалда (в говорах находим кувалдить, кувалдыш и пр.), витязь (в говорах витязить, витязный) и пр.

Имеющий место и во многих случаях еще не оцененный по достоинству, деривационный потенциал многих корневых морфем в диалектах заслуживает самого пристального внимания. Так, хорошо известно, что диалектное лексико-словообразовательное гнездо может содержать производные единицы различных частей речи, которые по тем или иным причинам отсутствуют в литературном языке.

Лексико-словообразовательное гнездо в диалектах представляет собой уникальную единицу, которая в большинстве случаев характеризуется семантической многокомпонентностью и разнообразием деривационных объединений, что позволяет лингвистам с разных позиций исследовать внутренние и внешние языковые процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 1974. – 430 с.

2. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. – Москва, 1988. – С. 84–93.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – Москва, 1985 – Т. 1–2.
4. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. – М: АСТ, 2004. – 1024 с.
5. Харанутова Д.Ш. Словообразовательное гнездо как совокупность лексических единиц (на материале бурятского языка) // Вестник ЧелГУ. – Челябинск, 2011. – № 11 (226). – вып. 53. – С. 144–149.
6. Красоткина Е.Ю. Лексико–словообразовательное гнездо с доминантой часть в истории русского языка: автореферат дис. ... канд. филолог. наук.– Москва: Московский городской педагогический университет, 2013. – 17 с.
7. Осадчий М.А. Пропозиционально–фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов: на материале русских народных говоров: дис. ... канд. филолог. наук. – Кемерово: Кемер. гос. ун–т., 2007. – 285 с.
8. Евсеева И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): дис. ... доктора филолог. наук. – Кемерово: Кемер. гос. ун–т., 2011.– 430 с.
9. Образцова М.Н. Когнитивно–дискурсивное описание гнезда однокоренных слов: на материале пчеловодческой лексики русских народных говоров: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово: Кемер. гос. ун–т, 2013. – 264 с.
10. Никитевич А.В. Межъязыковые лакуны и диалектное словообразование в близкородственных языках // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV Міжнародны з'езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: даклады беларускай дэлегацыі.– Минск: Беларуская наука, 2013. – С.109–122.
11. Осадчий М.А. Однокоренная лексика русских народных говоров. Фреймовая структура гнезда. – Москва: Книжный дом "Либроком", 2009.– 304 с.
12. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. – Москва: Книжный дом "Либроком", 2011. – 310 с.
13. Никитевич А.В. Диалектное словообразование: аспекты исследования // Вестник Гродн. гос. ун–та. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология, 2012. – № 2(135). – С.63–70.
14. Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие / В.Н. Мусатов. – М.: Флинта:Наука, 2010. – 360 с.
15. Ефремова Т.Ф. Новый Толково–словообразовательный словарь русского языка. / Т. Ф. Ефремова. – Изд. Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4–х т. – Спб.–М., 1863–1866.
17. Шаброва Е.Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: Учебное пособие к спецкурсу.– СПб.: Фил. ф–т СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. – 86 с.

© Ю.А. Марчукевич, (jugajst@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Гродненский Государственный университет имени Янки Купалы

ТЕЛЕСНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ (на материале текстов Анастасии Афанасьевой)*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых: МК-9349.2016.6 - "Языковые средства репрезентации идентичности в автодокументальных текстах: лингвокогнитивное моделирование".

SOMATIC LEXICON IN MODERN NETWORK POETRY: THE LANGUAGE AND SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD (on the material of texts by Anastasya Afanaseva)

D. Minets

Annotation

The category of a body is the major category at the analysis of the world of a work of art. In article the author considers functions of somatic lexicon in modern network poetry on a material of texts of Anastasya Afanaseva. The somatic lexicon dominates over poetry of Anastasya Afanaseva. The stylistic and semantic differentiation of somatic lexicon is connected with different functions of somatic lexicon. It depends on poetic problems of the author. Originality of author's processing of somatic images is expansion of somatic images. It not only parts of a body, but also internal bodies, a cellular structure. In texts of the poet they join in new contexts on subjects.

Keywords: somatic lexicon, corporal lexicon, network poetry, a language picture of the world, a scientific picture of the world.

Минец Диана Владимировна
К.филол.н., доцент,
Череповецкий государственный
университет, г. Череповец

Аннотация

Категория телесности является одной из важнейших при анализе мира художественного произведения. В рамках настоящей статьи рассматривается функционал соматической лексики в современной сетевой поэзии (на материале текстов Анастасии Афанасьевой). Соматическая лексика в поэзии Афанасьевой является активной (более того – доминантной) лексической группой. В работе осуществлена тематическая классификация соматизмов: общие обозначения тела; части тела, органы (делится на частные подгруппы); кости, хрящи, костные образования; мышцы, мускулы, сухожилия; кроме того, в особую группу выделены медицинские препараты и медицинские диагнозы.

Ключевые слова:

Соматизм, телесная лексика, сетевая поэзия, языковая картина мира, научная картина мира.

В настоящее время нельзя не отметить значительный рост интереса к проблеме телесного бытия человека. Это связано с тем, что в предшествующую эпоху категория телесности находилась под запретом, а в культуре человек представлял как бестелесное существо. Данный факт был обусловлен христианской традицией, которая осуждала тело и противопоставляла ему бессмертную душу.

Другая не менее важная традиция, по замечанию Е. Фарино [11; 202], – "мещанская", культивировавшая разделение на "человека общественного" и "человека частного, интимного" и запрещавшая опубликование последней его ипостаси. Наконец, табу на экспликацию телесного было также связано с философской традицией рационализма, в которой человек воспринимался как существо рациональное и принципиально "бестелесное". В результате такого одностороннего подхода к человеку биологический аспект телесности оставался в тени. Од-

нако в начале XX века интерес к телесному бытию человека резко повышается, и этот фундаментальный сдвиг отражается в художественной литературе.

Категория телесности является важнейшей при анализе мира художественного произведения XXI века: человек в литературе Нового времени оказывается существом "психофизиологическим", поэтому, как отмечает Е. Фарино, "человеческое тело, его строение и физиологические функции семиотизируются отдельными культурами не в меньшей степени, чем, скажем, внешний вид или костюм" [11; 202].

Анастасию Афанасьеву считают "одним из самых значительных поэтов русскоязычного культурного пространства и наиболее активных создателей современного русского поэтического языка" [6; 181]. Она – автор стихотворных и прозаических сборников "Бедные белые люди" (2005), "Голоса говорят" (2007), "Белые стены"

(2010), "Солдат белый, солдат чёрный" (2010), "Полый шар" (2012), а также множества поэтических и прозаических публикаций в печатных и электронных российских журналах ("Вавилон", "Воздух", "Новый мир", "Урал", "Новое литературное обозрение", "Союз писателей", "ШО", "РЕЦ", "TextOnly", "В моей жизни"); шорт-листер премии "Дебют" (2003), "Содружество дебютов" (2008); лауреат премии журнала "РЕЦ" (2005), "Русской премии" (2006), премии "ЛитератураРентген" (2007); ее стихи переведены на английский, итальянский, украинский и белорусский языки. Анастасия Афанасьева живет в Украине, в Харькове, работает судебно-психиатрическим экспертом в одной из харьковских психиатрических больниц.

В рамках настоящей работы анализируются поэтические сборники Анастасии Афанасьевой "Бедные белые люди" (2005), "Голоса говорят" (2007), "Белые стены" (2010), "Солдат белый, солдат чёрный" (2010), "Полый шар" (2012). Методом сплошной выборки из поэтических текстов рассматриваемого автора было извлечено 75 соматических единиц.

Под соматической лексикой в данном случае понимается совокупность слов, обозначающих человека как живой организм [7, 8, 10]. К соматизмам относятся слова, обозначающие части тела и лица, органы, элементы внутренних систем, кожный и волосной покровы и пр. Соматическая лексика определена в работе как тематическая группа, то есть группа слов одной части речи, объединенных по принципу их предметной отнесенности.

Основной пласт соматической лексики в поэзии Анастасии Афанасьевой представляет собой нейтральные единицы, обозначающие части тела и лица, органы, покровы и системы. Так, нарочито "телесными" в этом отношении являются ранние тексты Афанасьевой:

"Хотелось бы некоторые вопросы / Поставить ребром, а некоторые под ребро, / Ткнуть указательным пальцем и сказать: / Это что за впадинка между ребер? / Нужна ли она для того, чтобы / Продольно вложить в нее палец кого-то родного, / Или чтобы вложить в нее сантиметровую ленту, / Или еще для чего / Больше того: как ее имя, впадинки? / Впадинка - это прозвание, межреберная борозда - / Анатомическое название, а имя-то как? / А не знаешь, и я не знаю" [2; 10].

Анатомическая терминология вступает в синонимические отношения с узусными понятиями. Область межреберья становится наиболее частым объектом поэтических интенций автора (ср.: отсылки к копыю Лонгина – согласно Евангелию от Иоанна, пика, которую римский воин Лонгин вонзил в подреберье Иисуса Христа, распятого на кресте):

"Ты напоминаешь мне о главном, поэтому я / Хочу ткнуть

тебя пальцем между ребер, а потом выше..." [2; 14].

Прежде всего, соматизмы в текстах поэта употребляются в своих прямых "телесных" значениях:

◆ **"организм"**: *"Я - это тело, как ни странно, это ощущение в области угла, где сходятся ребра"* [3; 32];

◆ **"часть тела"**: *"В месте, где голова начинает кружиться от невидимого вращения, - мир кажется неподвижным"* [1; 11];

◆ **"конечность"**: *"И бог знает чем еще - / Когда смерть пришла к ней, подступила к самой ее шее, / Я больше не захотел ее узнать и перестал звать ее. / Но она гуляла сама между прозрачными клетками воздуха, / Залетала в мои ноздри, сердце, руки, веки, / Жила в голосе реаниматолога, отвечающего "шансов почти нет"* [1; 15];

◆ **"орган"**: *"А где-то известный миф выходит из пены / Кухня в самом сердце всего" [2; 16], "Видишь ли ты, смотря сквозь нее: твое имя красным на ее легких выведено"* [3; 13];

◆ **"часть скелета"**: *"Руки ее сильны и кости торчат некрасиво"*;

◆ **"клеточное строение организма, кровеносная система"**: *"Пережимаешь сосуды до уничтожения ритма, / Не дышишь почти что, а он - / Ежесекундно течет в любом капилляре"* [3; 72], *"Не объять твои клеточки, сеточки, твой фотосинтез"* [3; 64].

Соматизмы являются как субъектами, так и объектами образного употребления. Парадигмы образов в этой лексической группе свидетельствуют о взаимопроникновении мира и человека: не только тело и его части соотносятся с окружающим миром, но и мир осмысливается в соматических образах (*"О простых вещах говорит шепотом, / Едва касаясь уха другого, / Едва веря в его барабанную перепонку"* [3; 64]; *"Гортань для звука едва разомкнув, / Замереть перед выходом голоса"* [4; 50]; *"Но тот не знаю кто стучится, / дрожит внутри мембрана слуха"* [4; 72]).

Поэт довольно часто моделирует внутренний мир человека по образу внешнего, материального мира, поэтому основным средством показа внутренней жизни человека является соматическая лексика, используемая во вторичных смыслах: *"Несоответствие это / В сосудистом ползании / Чувствует каждый эритроцит, / Что это: виброзвонок или бур или рокот / Грома - / Не разобрать / Просто звенит в ушах, / Отзываются в окнах / Стол, монитор, человек, книжные полки, кровать"* [2; 74].

Смерть как прекращение жизнедеятельности организма также подвергается нарочитой поэтической физиологизации: судебно-медицинская экспертная деятельность автора в этом смысле становится мотивационной основой частотных художественных образов на основе смерти или терминального состояния, возникающего в результате проникновения воды в легкие и дыхательные пути:

"С ним - вода, / Темно-синяя она, темно-синяя / В черных

легких / Вода"; "Когда под диафрагмой течет вода - / Кто диафрагма: рыба или беда? / Если она рыба или раба, / То это с ней как, навсегда? / Если вода выливается через рот, / Кто этот рот: рупор или молчун? / Если он рупор или топор.." [2; 68].

Мортальное значение доминирует среди переносных при непосредственном обращении к соматизмам. Последний пример иллюстрирует, кроме того, авторское обыгрывание идиомы "молчит, будто воды в рот набрал", которая также подразумевает под явлениями физиологической природы ментальную мотивацию.

Характерная концептуальная черта идиостиля А. Афанасьевой – нивелирование оппозиции "тело – душа", столь характерной для христианства, поэтому многие физиологические подробности являются средством характеристики не столько тела, сколько духа:

"Видишь ли ты, смотря сквозь нее: твое имя / красным на ее легких выведено?" [3; 22], "Пережимаешь сосуды / До уничтожения ритма, / Не дышишь почти что, а он - / Ежесекундно течет в любом капилляре" [3; 72].

Довольно часто "телесное" и "духовное" получают текстовое воплощение в пределах одной поэтической синтагмы, синтаксической конструкции: *"Прямой позвоночник - только вопрос силы воли. / Есть ли польза от кривой спины и поломанных рук?" [3; 73].*

Человек в текстах А. Афанасьевой существует лишь в пределах своего тела (дает о себе знать медицинский взгляд автора), в силу чего неслучайны поэтические сюжеты о попытках "удержать тело":

"Дедушка на плоту из собственных сосудов / Плывет по волнам, по волнам, / Плот расплетается как одуванчиковый венчик: / То там тромб, то там тромб. / Дедушка сжимает последний капилляр, / Выныривает иногда как рыба за мошкой, / Тогда вдруг узнает жену и дочь, / С каждым днем все реже, все меньше, / Дедушка уходит на дно, идет по дну как илоход, / Увязает глубже, / Разжимает кулак / Последний сосуд всплывает, / Плывет, / Прибивается к берегу, / Девочка-внучка находит: / "Мама, что это за красная ленточка?" [2; 101].

В текстах Афанасьевой соматизмы, встречающиеся чаще всего при описании главных героев, демонстрируют их отношение друг к другу, нередко воспроизводя обстановку интимности (эротические метафоры):

"...тревожные ожидания, что я причинил тебе, зачем / каждый твой электрический треск раздаётся во мне, / когда провожу ладонью от лба моей Наташи к лонному бугорку, / Какие перемены стучатся во мне, когда рука и грудная клетка нависают над ней / Я проникаю в нее с ощущением невыразимой храбрости, / Тающего сиротства?" [1; 21].

Итак, большая часть соматизмов употребляется в своих основных номинативных (телесных) значениях, но в текстах присутствует и доля соматизмов, которые выполняют художественно-выразительную функцию.

Первая группа соматизмов "Общие обозначения тела" включает в себя доминантную лексику "тело". Поэт довольно часто моделирует внутренний мир человека по образу внешнего, материального мира, поэтому основным средством показа внутренней жизни является соматическая лексика, используемая во вторичных метонимических смыслах:

"А девочка в соседнем подъезде с температурой сорок / С тяжёлым гриппом лежала и видела, что / Вода разливается по телу, по потолку, по всему дому" [2; 56].

Соматизм "тело" имеет метонимическое значение ("вместилище"), употреблен в составе фразеологизма "разливаться по телу".

Во вторую группу – "Кости, хрящи, костные образования" – входит 10 единиц: "кости" – 2, "ребро" – 3, "межреберная борозда" – 1, "кадык" – 1, "ключица" – 1, "грудина" – 2, "черепная коробка" – 1, "позвоночник" – 1, "сустав" – 1, "лонный бугорок" – 1.

Примеры: *"Хотелось бы некоторые вопросы / Поставить ребром, а некоторые под ребро / Ткнуть указательным пальцем и сказать: / Это что за впадинка между ребер?" [2; 10]* – основное номинативное (телесное) значение здесь совмещено с игровой функцией (совмещение прямого и переносного значений: ср. фразеологизм "поставить ребром"); *"Прямой позвоночник - только вопрос силы воли" [2; 15]* – так же, как и в первом примере, основное номинативное значение сочетается с игровой функцией ("прямой позвоночник" – внутренняя сила).

Третья группа – "Мышцы, мускулы, сухожилия" – состоит из следующих наименований: "мышца сердца" – 1, "миокард" – 1, "мышцы" – 1, "диафрагма" – 1, "брюшная аорта" – 1. Яркий пример с основным номинативным (телесным) значением:

"А когда она пришла, не ко мне, / А к моему единственному человеку, / Который, окруженный весенними почками, / Пробивающейся листвой, / Кирпичными стенами, кафельной плиткой, / Холодной кожей, мышцами, костями" [3; 57].

В другом примере – *"Но когда миокард твой станет таким большим, / Что будет способен перекачивать кровь по сосудам птицы огромной" [1; 20]* – телесное значение приобретает художественно-выразительную функцию (семантика смерти).

Следующая группа "Части тела, органы" включает шесть подгрупп. Первая – "Органы жизнедеятельности", складывающаяся из пяти единиц: "сердце" – 3, "живот" – 2, "легкие" – 1, "солнечное сплетение" – 1, "гортань" – 1.

Соматизмы данной группы несут в основном только номинативное (телесное) значение: *"Трогай живот, подосиновик, трогай и астры"* [2; 17]; *"Видишь ли ты, смотря сквозь нее: твое имя красным на ее легких выведено?"* [3; 22].

Вторая подгруппа "Кровь, клеточное строение" включает в себя 9 единиц: "сосуд" – 4, "капилляр" – 3, "эритроцит" – 1, "клетка" – 4, "ядро" – 1, "цитоплазма" – 1, "клеточная оболочка" – 1, "белок" – 1, "кровь" – 1. Нарочитая физиологичность нередко становится объектом игровых авторских интенций [9; 94]:

"Ядро, цитоплазма и клеточная оболочка требуют глоточка белка. / Смерть оказалась неожиданна и легка. / То же вчера сказала соседняя клетка. / А ей передала другая соседняя клетка. / Какая-то главная клетка уничтожает нас. / Скоро от сустава останется белая белая белизна" [2; 26].

Молекулярные подробности строения органа необходимы для образного описания биологического процесса смерти: смерть клетки предполагает распад белка (белок же в свою очередь предотвращает умирание клетки).

"Несоответствие это / в сосудистом ползании / чувствует каждый эритроцит, / Что это: виброзвонок или бур или рокот / грома - / не разобрать, / Просто звенит в ушах, / отзываются в окнах / стол, монитор, человек, книжные полки, кровать" [2; 74] – здесь Афанасьева очень тонко совмещает наивное (обывательское) и научное видение процессов в человеческом организме: повышение артериального давления – одна из самых частых причин появления звона в ушах; сердце накачивает кровь в артериальную систему, создавая в ней повышенное давление, в результате которого кровь движется в направлении капилляров.

Следующая подгруппа "Голова, лицо, органы чувств" насчитывает 11 наименований: "лоб" – 5, "лицо" – 1, "уши" – 6, "барабанная перепонка" – 1, "мембрана слуха" – 1, "голова" – 3, "глаза" – 2, "веки" – 1, "зрачки" – 2, "нос" – 1, "ноздри" – 1.

Примеры: *"Если бы ты была моим деревом, / Я бы удивлялся тебе так искренне и нелепо, / Что, наверно, привлек бы внимание общественности / Своим выражением лица"* [3; 57] – основная номинативная (телесная) функция. *"Это просто в ушах звенит / Словно магнитом притянута за уши лето"* [2; 73] – телесное значение приобретает игровую функцию (совмещение прямого и переносного значений: ср. фразеологизм "притянуть за уши").

Подгруппа "Конечности, руки, ноги" включает в себе 9 единиц: "руки" – 6, "пальцы" – 5, "ладонь" – 2, "кисти" – 2, "указательный" – 1, "средний" – 1, "безымянный" – 1, "мишинец" – 1, "кулак" – 1.

Примеры: *"Когда провожу ладонью от лба моей Наташи к лонному бугорку. / Ладонь скользит, / Такое шуришание, / Лоб*

сухой" [1; 31] – основное номинативное (телесное) значение; *"Там, где тонкие юноши с голубыми руками гладят друга друга и не боятся"* [1; 17] – телесное значение совмещено с игровой функцией (*"голубыми руками"* – сексуальное психическое отклонение).

Пятую подгруппу "Части туловища, тела" составляют 4 наименования: "плечо" – 3, "спина" – 2, "шея" – 2, "грудь" – 1.

Примеры: *"Маша сжимает его плечо. / Руки ее сильны и кости торчат некрасиво. / На морозе кисти белеют, краснеет нос. / Голубь в кроличьей шапке делает реверанс"* [3; 60]; *"Дорога оторвалась от земли / И лентой закрутилась вокруг моей шеи"* [1; 22] – основные номинативные (телесные) значения.

Последняя – "Волосы, кожный, роговой покров" насчитывает 2 единицы: "кожа" – 5, "волосы" – 1.

Примеры: *"А над грудиной, по коже, улиткой четвертого августа ползет - изнутри освещенная - капелька пота"* [2; 31]; *"А когда она пришла, не ко мне, / А к моему единственному человеку, / Который, окруженный весенними почками, / Пробивающейся листвой, / Кирпичными стенами, кафельной плиткой, / Холодной кожей, мышцами, костями"* [2; 5] – основные номинативные (телесные) значения.

Довольно часто соматическая лексика "провоцирует" использование сугубо медицинской терминологии – названий разного рода болезней; в том числе – в метонимической функции: *"У тебя болезнь, это хуже Альцгеймера, хуже шизофрении..."* [2; 14]. Нередко Афанасьева в своих текстах прибегает к коммуникативной тактике прямого медицинского совета: *"Ты одевайся тепло, / а не то ангина, / Бронхит, пневмония, / дружи, как положено с шарфом"* [2; 16].

Особый интерес представляет группа текстов сборника Анастасии Афанасьевой "Голоса говорят" (2007) под названием "Домашние стихи", репрезентирующая ряд бытовых пропозиций с точки зрения поэта-психодиагноста:

"Была соседка Маша. / Всегда была. / Не стало как-то внезапно. / Сначала слегла, / Отвезли в больницу, потом обратно. / Через день потеряла сознание, / И больше не обрела" [2; 90]; *"Соседку с первого этажа звали Ида Зусевна. / Она давно умерла, / Выбросилась из подъездного окна с пятого этажа, / Страдала бредом преследования"* [2; 91]; *"Другая соседка с первого этажа, / После смерти мужа у нее началась затяжная депрессия, / Лечили всем, потом электрошоками, / Этого не выдержала"* [2; 91].

Акциональные предикаты превращают поэтический текст в заключение судмедэксперта: логическая последовательность событий, повлекшая за собой летальный исход (смерть как факт, как чистый диктум).

В рамках данного цикла ("Домашние стихи") персонажи, как правило, идентифицируются посредством медицинского диагноза: ситуация довольно частая в текстах Анастасии Афанасьевой:

"Послушай, Зоя, / у тебя брат debil, сын шизофреник, / и сама ты какая-то не такая. ...Зоя не отвечает, она немая" [2; 25]; *"Квартира ниже пустует уже шесть лет. / Там жил сумасшедший сосед. / Шесть лет без выписки на Сабурке, / Он ждет, когда ему присудит Нобелевский комитет. / В детстве он говорил о себе в третьем лице"* [2; 91]: текст разрушает широко известный культурный миф "гений = сумасшедший", десакрализуя тем самым урбаноним "Сабурка": Сабурка – Харьковская областная клиническая психиатрическая больница № 3, один из крупнейших научных центров в области психиатрии Российской империи СССР.

Будучи по специальности врачом–психиатром, Анастасия Афанасьева нередко делает лейтмотивами образы лексико–семантической группы "психические отклонения", но не в качестве традиционного для русской литературы романтического, символического или мистического штампа, а как конкретное медицинское явление:

"Когда я вырасту, изобрету такой препарат, / Может быть, нейролептик, / Который навсегда усыпляет черного солдата. / Чтобы мамы всего мира были довольны" [1; 62] (нейролептики – группа лекарственных веществ, оказывающих успокаивающее действие на центральную нервную систему и устраняющие страх, тревогу, напряжение, галлюцинации, бред психических больных, также усиливающих действие наркотических снотворных и обезболивающих средств; "Солдат черный" как персонализация душевного, психического расстройства);

"Усатый доктор в фирменном халате разводит руками: / Тут редкий случай детского аутизма, / В будущем вероятно манифест шизофрении, / Ничего невозможно исправить" [3; 63]; *"А когда опускается яблоко / Прямо на затылок / И стучит себе что-то о чем-то, / То ты невзрастеник, / Поднимаешь его, по ладони катаешь / И смотришь / Удивленно"* [3; 102].

Как правило, болезнь тела, по версии поэта, есть болезнь души, болезнь метафизическая: *"Я человек, потерявшийся в ангине. / Angina kakaia-to tat, / В переводе с латыни, - стенокардия. / Стенокардия, - по-русски / Почти что сжатое сердце. / Разожми же мое, я проснулся ночью / Мне страшно"* [1; 31].

Игровое переключение на латиницу имеет конечной целью акцентирование принципиальной телесной болез-

ненности поэтического субъекта: *"Человек, потерявшийся в ангине", "Angina kakaia-to tat"* [1; 31].

Объемная по своему составу лексико–семантическая группа "медицинские диагнозы" коррелирует с менее многочисленной "медицинские препараты":

"...меня тошнит от твоих карамельных крошек, от твоих сладостей понарошку, / угости меня горькой но-шпой, крошачимся анальгином, / убери от меня свой шпатель, Roshen, рафаэло..." [1; 17].

В текстах Афанасьевой соматизмы в абсолютном своем большинстве могут быть классифицированы следующим образом: "части тела", "внутренние органы", "клеточное строение" (микроструктура человеческого тела), причем при описании даже частей тела преобладают именно подробности анатомического характера, лишённые при этом интимного функционала:

"Откуда у тебя золото? / Вот и зубы золотые, и руки, и грудь, / И живот" [2; 27]. Поэтический субъект ее текстов – это прежде всего телесно воплощенный персонаж: *"Я - это тело, как ни странно, это ощущение в области угла, где сходятся бедра"* [3; 32].

Соматическая лексика в поэзии Афанасьевой является активной (более того, доминантной) лексической группой. Стилистическая и семантическая дифференциация соматической лексики соотносится с разными функциями соматизмов и продиктована поэтическими задачами автора. Разнообразие значений соматизмов в поэзии Афанасьевой говорит о том, что автор использует традиционную древнейшую форму представления человека в тексте – метонимическую, не только создающую телесный образ лирического "я", но и соотносящуюся с его духовным миром, с чувствами и эмоциями. Богатый семантический и словообразовательный потенциал, выразительная внутренняя форма и стилистическое разнообразие позволяют соматизмам активно взаимодействовать с другими словами в контексте на лексическом и грамматическом уровнях поэтического языка.

Это приводит к смысловому осложнению многих соматизмов в поэзии Анастасии Афанасьевой. Оригинальность авторской обработки соматических образов заключается, прежде всего, в расширении их круга (не только части тела, но и внутренние органы, клеточное строение), позволяющем включить их в новые по тематике контексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева А. Бедные белые люди. М.: АРГО–РИСК, 2005. 72с.
2. Афанасьева А. Белые стены. М.: НЛО, 2010. 144с.
3. Афанасьева А. Голоса говорят. М.: Европа, 2007. 144с.

4. Афанасьева А. Полный шар. М.: Русский Гулливер, 2012. 148с.
5. Анастасия Афанасьева на сайте сообщества "Полутона" // URL: <http://polutona.ru/?show=verdana> (дата обращения: 23.12.2015).
6. Балла О. Анастасия Афанасьева: "Литература сродни воздуху" (интервью журналу "Дружба народов") // Дружба народов, 2009. № 12. С. 181.
7. Клопотова Е. А. Соматическая лексика енисейских языков в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГПИ, 2002.
8. Козырев И. С. К истории формирования словарных составов русского и белорусского языков / И. С. Козырев; Орловский пединститут // Ученые записки / Курск. гос. пед. ин-т, Белгор. гос. пед. ин-т; под ред. Г. В. Денисевича, Г. И. Герасимова. Курск, 1966. Т.25. Вып.2: Краткие очерки по русскому языку. С. 212-217.
9. Минец Д.В. Метаморфозы телесности в поэзии Анастасии Афанасьевой: языковая и научная картины мира // Череповецкие научные чтения – 2013: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6 – 7 ноября 2013 г.): Часть 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология / Отв. ред. Н.П. Павлова. – Череповец: ЧГУ, 2014. – С. 93 – 96.
10. Ракин А. П. Антропотоминимическая лексика в пермских языках. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 320с.
11. Фарино Е. Тело. Анатомия. Метаморфозы // Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639с.

© Д.В. Минец, (dv.minets@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕКЛАМА

12-й ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ФОРУМ 4-6 октября 2016, Москва, Россия

Москва

Наталья Тарасова

Тел /Факс: +7 495 249 49 03
moscow@minexforum.com

Лондон

Ирина Юхтина

Тел : +44 (0)207 520 9341
admin@minexforum.com

СТРАТЕГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

STRATEGIES OF ENGLISH VERBAL COMMUNICATION

G. Panarina

Annotation

This article is aimed at the determination of verbal conduct strategies in the English-speaking environment. As a rule, the usual style of communication is based on the ability to be polite and tolerant. If you want to achieve the aim of communication, it is necessary to be able to interpret your interlocutor's language behavior correctly. An ability to express your opinions according to the standards typical of different representatives of other cultures is a necessary condition for communication.

Keywords: the English language, teaching foreign languages, verbal communication, language behavior, English-speaking environment.

Панарина Галина Ивановна
К.пед.н., доцент,
Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина

Аннотация

Целью данной статьи является определение стратегических линий речевого поведения в англоязычной среде. Как правило, обычный стиль общения подразумевает вежливость и внимательное отношение друг к другу. Для того чтобы добиваться в процессе общения цели коммуникации, необходимо умение правильно интерпретировать речевое поведение собеседника. Умение оформить свои мысли в соответствии с привычными для носителя другой культуры нормами является ключевым условием для осуществления коммуникации.

Ключевые слова:

Английский язык, обучение иностранным языкам, вербальная коммуникация, речевое поведение, англоязычная среда.

В конце XX века и в начале XXI века английский язык усилил свои позиции в качестве ведущего языка международных отношений, превратившись в язык глобального межкультурного общения.

В учебном процессе в языковых вузах следует помнить о том, что студентов следует, прежде всего, научить владеть английским языком во всех социально значимых сферах общения. Коммуникация на иностранном языке определяется множеством факторов, и выбор лексических единиц определяется в значительной мере конкретной ситуацией общения, которая всегда подразумевает внимательное и вежливое отношение собеседников друг к другу. Кроме знания лексических единиц, грамматических правил, синтаксических конструкций студенты должны знать стратегии речевого поведения в англоязычной среде для того, чтобы уметь вести диалог и знать культуру речевого общения на иностранном языке.

Данную проблему исследовали в своих работах многие отечественные ученые: Кузьменкова Ю.Б., Прохоров Ю.Е., Стернин И.А., Леонтович О.А., Ощепкова В.В., Тер-Минасова С.Г., Томахин Г.Д. и др., а также ряд зарубежных лингвистов: Gandal J.K., Pauley J.A., Perkins P.S., Becker E.F., Wortmann J., McKay M., Davis M., Fanning P. [6–10].

Зная правила оформления своей речи на английском языке в соответствии со стратегиями речевого поведения, участники коммуникации могут поддерживать разговор на заданную тему, выражать свои мысли, обращаться к собеседнику в вежливой тактичной форме в соот-

ветствии с правилами межкультурной коммуникации. В этом случае собеседники с удовольствием участвуют в разговоре, в учебной ситуации на занятиях создается впечатление естественности ситуации общения, когда студенты используют различные структуры для выражения своих мыслей в вежливой форме.

Все участники коммуникации должны уметь свободно вести беседу на разные темы, используя различные клише для того, чтобы добиться своей цели: сообщить собеседнику определенную информацию или запросить ее, обратиться к собеседнику с какой-то просьбой, объяснить что-то и т.д. И все это следует делать в соответствии со стратегиями речевого поведения в вежливой и тактичной форме.

Если мы будем рассматривать ситуацию перевода, следует отметить, что соблюдение этических норм в процессе перевода оказывает значительную роль на результат общения. Устный перевод представляет собой прямой контакт с людьми. От переводчика требуется, в первую очередь, соблюдение норм этики коммуникации, что является составной частью любой профессиональной этики поведения. Переводчик должен сам быть воспитанным человеком, обладать умением вести себя достойно в любой ситуации, знать стратегии речевого поведения в англоязычной среде. В представлении о воспитанности входит прежде всего понимание того, что в его основе должны быть правила, позволяющие человеку оказывать другим людям такое же уважение, какое он хотел бы видеть по отношению к себе.

И в России, и в других странах высоко ценится такое качество характера, как общительность, которая основана на желании быть искренне расположенным к собеседнику. Одной из целей общения является установление межличностных отношений, и на основе этого реализуется желание оказать непосредственное коммуникативное воздействие на участников беседы.

Основным источником трудностей, которые могут возникнуть в процессе общения россиян с их англоговорящими собеседниками, можно считать отсутствие знаний о том, что принято делать и говорить в той или иной ситуации в другой культурной традиции. Вежливое и учтивое общение зависит от выполнения принятых в данном обществе социальных норм поведения, которые могут различаться в разных странах.

Для того чтобы добиваться в процессе общения цели коммуникации, необходимо умение правильно интерпретировать речевое поведение собеседника и умение оформить свои мысли в соответствии с привычными для носителя другой культуры нормами. Отечественный лингвист И.А. Стернин в своих трудах детально рассмотрел условия эффективного речевого воздействия: "Существуют и национальные особенности той или иной аудитории – кстати, это вопрос, требующий в настоящее время самого пристального внимания. Одни и те же доводы, аргументы, риторические приемы, приемы усиления текста имеют разную силу в разных культурах, обладают разной эффективностью. Кроме того, существуют приемы, эффективные для аудитории, состоящей из представителей одного народа, но совершенно не дающие эффекта среди слушателей, принадлежащих к другой национальности." [6, с. 164]

К наиболее характерным особенностям русскоязычного общения относятся высокая степень откровенности, естественность поведения, однозначность высказываний, прямолинейность и эмоциональность. Для англоязычного общения более характерно многословие, невысокая информативность сообщений, нейтральное отношение к собеседнику, формальный характер ведения беседы, желание скрывать свои истинные чувства. В настоящее время в США и Великобритании наблюдается тенденция к проявлению демократичности и неформальности в общении, которые только внешне свидетельствуют о близости взаимоотношений. В России собеседники используют формулы вежливости дифференцированно, регулируя степень коммуникативного воздействия на партнера.

Подробно проанализировав особенности русскоязычного и англоязычного общения, Ю.Б. Кузьменкова [1] определила, что на уровне речи наибольшие расхождения наблюдаются при решении речевых задач, нацеленных на выражение побуждения, позитивной и негативной оценки. Для достижения эффективных результатов в процессе контакта с англоговорящими собеседниками следует соблюдать определенную дистанцию, знать стратегии маневрирования и реагирования в ходе осу-

ществления коммуникации.

Данные коммуникативные стратегии имеют специальное лингвистическое оформление в английском языке и отражают специфику социокультурного подхода к участию в общении.

Желание сохранять привычную степень дистанцированности в процессе общения чрезвычайно характерно для британцев и американцев. В ходе коммуникации приемы демонстративной вежливости могут показаться россиянам проявлением неискренности и недружелюбия. Возможные попытки россиян сократить дистанцию будут восприняты с неудовольствием, что может создать атмосферу взаимного непонимания.

Следует помнить о том, что британцы и американцы стремятся заблаговременно извещать друг друга о предстоящих мероприятиях, и незапланированные изменения в намеченных сроках будут считаться ими покушением на их свободное время, так как они относятся к своему времени как к своей собственности. Россиянам нужно иметь в виду, что англоязычные партнеры стремятся к соблюдению общественно признанных временных рамок и будут требовать их соблюдения от других. В коммуникативном поведении следует соотносить пространственно-временную организацию общения с нормами дистанцирования людей в разных обществах. В разных культурах есть свои нормы для регулирования использования межличностного пространства и несоблюдение этих правил может повлечь за собой взаимное непонимание со стороны участников коммуникации.

Для британцев и американцев неприемлемо подчеркивание статусных различий, что можно наблюдать во условиях официального общения в России. Для россиян источником неприятия является чрезмерная непринужденность американцев, что может расцениваться как недостаток уважения. Особенности поведения в различных национальных культурах естественным образом оказывают влияние на речевое поведение. Для достижения целей стратегии дистанцирования, призванной помочь представителям разных культур понять друг друга, нужно использовать различные лексико-грамматические средства языка: модальные глаголы, условное наклонение, вопросительные предложения и синтаксические конструкции. Они делают общение более вежливым, придавая ему видимость дистанцирования от реальности для обеспечения комфортных условий для участников коммуникации.

Для уменьшения категоричности высказываний, для того чтобы сделать вопросы и распоряжения более вежливыми и тактичными, можно использовать смещение временного плана, т.е. в высказываниях использовать не Present Indefinite, а Past Indefinite или Future Indefinite. Например, "Will you join us?", "Shall we go the party?", "I thought you could join us", "I wondered if you could help me."

Во время общения с англоговорящими собеседниками рекомендуется избегать предложений в повелитель-

ном наклонении, т.к. они могут быть восприняты как оскорбление и покушение на свободу их действий. Возможно использование одного из модальных глаголов, например, "will", "would", "can" или "could". Английские модальные глаголы и конструкции условного наклонения помогают создать вежливую атмосферу во время коммуникации. С их помощью можно передать различные оттенки стратегических целей: просьбы, приглашения, вопросы, советы, мнения и т.д. Они, с одной стороны, помогают избежать прямолинейных высказываний, создавая условия дистанцирования; с другой стороны, выступают в роли формальных формул вежливости.

Для достижения аналогичных стратегических целей общения можно использовать также структуры продолженного времени. Если вы хотите узнать о планах собеседника, это будет вполне уместным, т.к. вы хотите дать ему понять, что не собираетесь помешать его намерениям. Например, "Are you meeting them tonight?", "Will you be meeting them tonight?", "I was thinking you could be meeting them tonight." Значение незавершенности действия, подразумеваемое в структурах продолженного времени, добавляет высказываниям признаки непринужденности и неопределенности по сравнению со структурами непродолженного времени.

Оттенок вежливости может быть создан также при помощи использования глаголов в условном наклонении вместе с модальными модификаторами (глаголами мышления – "say", "think", "believe" и глаголами предпочтения – "prefer", "like"). При этом у собеседника создается впечатление, что адресуемые ему просьбы, предложения и мнения предоставляют ему возможность выбора, позволяя ему самому решить, будет ли он выполнять предлагаемые ему действия или соглашаться с высказыванием собеседника.

Представители британской и американской культур предпочитают скрывать свои истинные чувства, обращая больше внимания на чувства других людей. Всем известна характерная для британцев сдержанность в проявлении чувств и эмоций во всех жизненных ситуациях на публике. В отличие от англоговорящих собеседников россияне привыкли к откровенному общению, ожидая ответные эмоции собеседника во время коммуникации. Однако чрезмерная эмоциональность может поставить под угрозу достижение желаемых результатов общения. Чтобы избежать этого, следует придерживаться двух стратегических приемов: преуменьшения или преувеличения значимости высказываний в процессе коммуникации. Для британцев и американцев в данном случае создаются комфортные условия с характерным для них внутренним дистанцированием от происходящего при внешней демонстрации своих эмоций.

Различные формулы преуменьшения, типичные для ведения светской беседы – "small talk" – являются способами реализации стратегии намека в англоязычной речевой среде. Такой разговор больше популярен среди британцев, чем среди американцев, хотя последние тоже

владеют навыками его ведения. Для того чтобы смягчить категоричность и резкость высказывания, можно использовать недомолвки, намеки, допущения различного рода, которые помогают придерживаться эмоционально-нейтрального тона во время коммуникации.

Стратегия намека во время ведения разговора помогает сделать общение более непринужденным, несмотря на то, что здесь присутствует элемент неискренности, т.е. значимость сообщаемого преуменьшается, и собеседники говорят меньше, чем имеют в виду. Однако не следует упрекать коммуникантов в этом, т.к. они руководствуются желанием продемонстрировать уважительное отношение к речевому партнеру, избежать возникновения конфликтной ситуации, отрегулировать степень эмоционального воздействия на собеседника при помощи снижения значимости высказывания.

Выдающийся отечественный ученый С.Г. Тер-Минасова в своих работах детально рассматривала особенности межкультурной коммуникации и обращала особое внимание на стратегии речевого поведения представителей разных национальностей. "Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты, то есть анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами, которые приписывают им на родине анекдота". [7, с.139]

Для того чтобы подтвердить актуальность темы и необходимость рассмотрения проблемы, было проведено анкетирование.

Данное исследование, проведенное с целью сбора информации, состояло из трех вопросов:

1. Нужно ли знать правила оформления своей речи на английском языке в соответствии со стратегиями речевого поведения и правилами межкультурной коммуникации?

2. Какие языковые средства используются для более вежливого оформления своей речи на английском языке?

- a. – слово "please";
- b. – модальные глаголы;
- c. – вопросительные предложения;
- d. – особая интонация;
- e. – лексические и грамматические структуры.

3. Как часто Вы используете языковые средства для более вежливого оформления своей речи в соответствии со стратегиями речевого поведения?

Вопросы подбирались для того, чтобы выяснить, владеют ли респонденты знаниями о стратегиях речевого поведения на английском языке и используют ли они в своей речи языковые средства в соответствии с правилами ведения межкультурной коммуникации.

Данный опрос проводился среди студентов и преподавателей Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина в период с апреля по май 2016 года. В опросе приняло участие 22 студента и 18 преподавателей.

Вопрос № 1 "Нужно ли знать правила оформления своей речи на английском языке в соответствии со стратегиями речевого поведения и правилами межкультурной коммуникации?" получил 22 положительных ответа (100%) у преподавателей и 12 положительных ответов (67%) у студентов.

На вопрос № 2 "Какие языковые средства используются для более вежливого оформления своей речи на английском языке?" *Были получены следующие ответы:*

Вопрос № 2	Ответы преподавателей		Ответы студентов	
	Число	Процент	Число	Процент
слово "please"	22	100%	18	100%
модальные глаголы	18	82%	12	67%
вопросительные предложения	20	91%	11	61%
особая интонация	20	91%	15	83%
лексические и грамматические структуры	22	100%	10	56%

На вопрос № 3 "Как часто Вы используете языковые средства для более вежливого оформления своей речи в соответствии со стратегиями речевого поведения?"

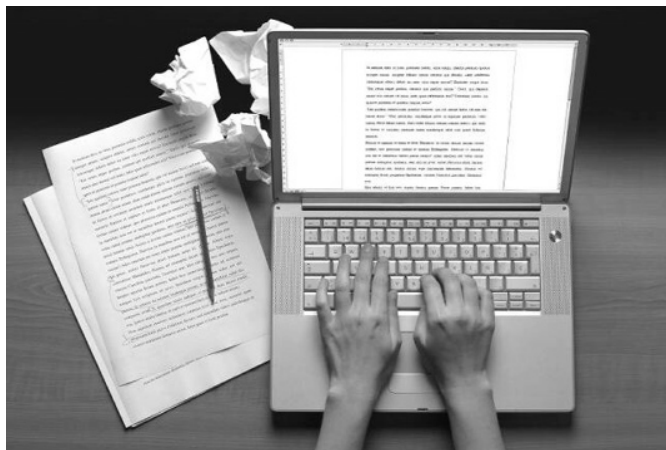
Были получены следующие ответы:
 – преподаватели: постоянно – 22 (100%), иногда – 0, никогда – 0;
 – студенты: постоянно – 9 (50%), иногда – 5 (28%), никогда – 4 (22%).

Проанализировав полученные результаты, можно сделать вывод о том, что преподаватели в большей степени владеют знаниями о стратегиях правильного речевого поведения в англоязычной коммуникации, что объясняется их опытом преподавания, владением профессиональными компетенциями и лучшим знанием английского языка. Однако необходимо обратить больше внимания на работу со студентами в этом плане. Можно предложить им для изучения спецкурс на данную тему или уделять внимание изучению этого аспекта в ходе практического курса английского языка.

Таким образом, в ходе проведения опроса была выявлена необходимость проведения целенаправленной работы по обучению студентов стратегиям правильного речевого поведения в ходе англоязычной межкультурной коммуникации. Для англоязычной речевой среды характерными являются специфические средства выражения побуждения к маневрированию или реагированию. В совокупность языковых средств и речевых приемов для достижения намеченной цели коммуникации на уровне маневрирования входят стратегии дистанцирования, намечка и уклонения. Знание данных стратегий и средств их выражения в языке не только желательно для участников коммуникативного процесса, но и обязательно, т.к. только в этом случае собеседники могут найти общий язык, участвуя в коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьменкова Ю.Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. (Лекции 1–8) М.: Педагогический университет "Первое сентября", 2010. – 96 с.
- Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Учебное пособие для вузов. – Воронеж: ВГУ, 2009. – 96 с.
- Лентович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
- Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Учебное пособие для вузов. – Москва: Высшая школа, 2009. – 240 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 2–е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.
- Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. – Воронеж: "Истоки", 2012. – 178 с.
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
- Gandal J.K. A Practical Course in Effective English Speaking Skills. PHI Learning Pvt.Ltd., 2012. – 336 p.
- Pauley J.A. Communication: The Key to Effective Leadership. ASQ Quality Press. Milwaukee, Wisconsin, 2009. – 112 p.
- Perkins P.S. The Art and Science of Communication: Tools for Effective Communication in the Workplace. John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey, 2008. – 224 p.
- Becker E.F., Wortmann J. Mastering Communication at Work: How to Lead, Manage, and Influence. New York: McGraw Hill, 2009. – 240 p.
- McKay M., Davis M., Fanning P. Messages: The Communication Skills Book. New Harbinger Publications, Inc. Oakland, 2009. – 368 p.
- <http://www.succeedsocially.com/socialskills>

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abykanova B. – Candidate of pedagogical sciences, acting Associate Professor, Atyrau State University. H. Dosmukhamedov
e-mail : g_tashkeeva@list.ru

Agakishiyev I. – Candidate of historical sciences, assistant professor of the Lomonosov Moscow State University
e-mail : almamater412@mail.ru

Alekseeva L. – Doctor of philological sciences, professor of the Perm State University
e-mail : alm@psu.ru

Avrutina A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University
e-mail : a.avrutina@spbu.ru

Bakulin N. – Lecturer, Institute for Advanced Studies Tyumen Russian Interior Ministry employees
e-mail : bakullin@mail.ru

Barashev A. – Applicant, Southern federal university
e-mail : kritik-kritiki-rostov@yandex.ru

Boldyreva I. – Candidate of philosophical sciences, research associate of Moscow art and industrial institute (UVO "MHP")
e-mail : hrboldyreva@mail.ru

Bolgova M. – PhD student, Lecturer, FGBOU IN "Russian State University of Tourism and Service"
e-mail : m_bolgova@list.ru

Chernikova Ju. – Master of philology Perm State University
e-mail : chernikova.julia.prm@gmail.com

Fedulin A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector FGBOU IN "Russian State University of Tourism and Service"
e-mail : m_bolgova@list.ru

Gnevek J. – Doctor of Education, docent, irector of Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work at Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
e-mail : gnevek.olga@yandex.ru

Gorshkova I. – Deputy Director for Studies and Pedagogical Work, Teacher of Supplementary Education in the English Language at the Supplementary Education Centre for Children "Happy English"
e-mail : irenevlad@inbox.ru

Grigoryan S. – Applicant, Department of Mass Communications Assistant Russian University of Peoples' Friendship
e-mail : S.v.grigoryan@mail.ru

Guseynov G. – K.ist.n., Associate Professor, Dagestan State University
e-mail : socfacdgu@yandex.ru

Idrisov S. – Candidate of pedagogical sciences, acting vice-rector for science and international communication. Atyrau State University. H. Dosmukhamedov
e-mail : g_tashkeeva@list.ru

Isaeva E. – Ph.D. in Education, Associate Professor, Head of Department of Special Education and Biomedical Disciplines of Institute of Pedagogy, Psychology and Social Work at Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov
e-mail : maglena2@yandex.ru

Jafarova J. – Art. lecturer, Dagestan State University
e-mail : socfacdgu@yandex.ru

Kalesnik E. – PhD student, Moscow State Regional University
e-mail : helirmai@yandex.ru

Kamenskaya L. – Sochi State University
e-mail : s_kegeyan@list.ru

Karnaukhova A. – Russian State Social University, senior teacher
e-mail : a.karnaukhova@gmail.com

Kegeyan S. – Sochi State University
e-mail : s_kegeyan@list.ru

Kopitsa V. – Applicant of the Nizhny Novgorod state engineering-economic University
e-mail : kopitsavera2013@yandex.ru

Kozubovskaja L. – Associate Professor of Perm National Research Polytechnical University

e-mail : Lena-sentebova@yandex.ru

Krasnova O. – "Russian State University of Tourism and Service"

e-mail : m_bolgova@list.ru

Kulagin A. – Graduant student, Moscow State Pedagogical University

e-mail : kulagin_as@list.ru

Kuliev F. – Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President to enter the Russian Federation, "the North-Caucasian Institute", Pyatigorsk

e-mail : Kyliiev_farman@mail.ru

Makina A. – Khakas State University after N. F. Katanov

e-mail : makinaai@mail.ru

Marchukevich Y. – Yanka Kupala State University of Grodno

e-mail : jugajst@mail.ru

Minets D. – Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

e-mail : dv.minets@gmail.com

Mironov A. – Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Nizhny Novgorod

e-mail : endless-nn@rambler.ru

Muratova I. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Moscow State University named after MV Lomonosov

e-mail : linguajourn@gmail.com

Nikolaenko A. – Graduate student, RANHiGS under the President of the Russian Federation

e-mail : nikolaetnko_av@list.ru

Nubarian K. – Sochi State University

e-mail : s_kegeyan@list.ru

Panarina G. – Bunin Yelets State University

e-mail : inelsu@mail.ru

Razdorskiy E. – History chair's Ph.D student of Russia Economic University under G. V. Plekhanov, Moscow

e-mail : erazdorskiy@mail.ru

Rogatko S. – Candidate of historical sciences, member of National Committee on history and philosophy of science and equipment of the Russian Academy of Sciences

e-mail : rogatko1@yandex.ru

Sarjeva A. – Candidate of pedagogical sciences, art. teacher, Kazakh National Technical University Research, kazniti them. KISatpaev

e-mail : g_tashkeeva@list.ru

Sentebova E. – Associate Professor of Perm National Research Polytechnical University

e-mail : Lena-sentebova@yandex.ru

Tashkeeva G. – Candidate of pedagogical sciences, art. teacher, Kazakh National University. Al-Farabi

e-mail : g_tashkeeva@list.ru

Vorotnikov D. – Graduate student of Russian State Social University

e-mail : foxhaund@gmail.com

Vorotnikova N. – Candidate of Historical sciences, assistant professor of the Vologda State University

e-mail : NS_history@mail.ru

Yan Rong – Postgraduate student, Moscow State University

e-mail : yarongrong.ok@163.com

Yuan Quan – People's Friendship University of Russia

e-mail : yuan_q@list.ru

Yusupov I. – Graduate, Art. teacher BSMU

e-mail : ilmir_yusupov@list.ru

Zuev M. – MESRF FSB El Sochi State University

e-mail : arzumi@mail.ru

**НАШИ АВТОРЫ
OUR AUTHORS**

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e-mail: redaktor@nauteh.ru).